ТОМАС

ГАРДИ

Старший трубач полка

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Старший трубач полка Томас (Гарди)

Аннотация
Томас Гарди. Старший трубач полка
Вступление
Глава 1. Что можно было наблюдать из окна, выходившего в долину
Глава 2. Стук в дверь, и кто-то входит в дом
Глава 3. Мельница становится важным центром военных операций
Глава 4. О тех, кто присутствовал на скромном празднике мельника
Глава 5. Непрошеный гость появляется с песней
Глава 6. Старый мистер Дерримен, владелец Оксуэлл-холла
Глава 7. О чем они говорили, когда шли полем
Глава 8. Энн совершает обзор лагеря
Глава 9. Трубач-драгун оказывает Энн любезность
Глава 10. Бракопобудительные свойства неразгороженных садовых владений
Глава 11. Наши герои взволнованы близостью Его королевского величества
Глава 12. О том, как все – и стар и млад – забрались

на вершину холма
Глава 13. Разговор в толпе
Глава 14. Вечером того же дня
Глава 15. Капитан Боб Лавде с торгового судна
Глава 16. Все готовятся к приему прекрасной незнакомки
Глава 17. Два обморока и переполох
Глава 18. В ночь после прибытия невесты
Глава 19. Поведение мисс Джонсон вызывает немалое изумление
Глава 20. Как они нашли способ уменьшить размеры бедствия
Глава 21. Взойдя на гору, он обернулся
Глава 22. Два семейства объединяются в одно
Глава 23. Военные приготовления в широких размерах
Глава 24. Письмо, посетитель и металлическая шкатулка
Глава 25. Фестус доказывает свою любовь
Глава 26. Тревога
Глава 27. Энн в опасности
Глава 28. Энн творит чудеса
Глава 29. Притворщик
Глава 30. На спектакле в честь короля
Глава 31. Ночные посетители
Глава 32. Избавление

Глава 33. Неожиданное открытие перевешивает чашу весов
Глава 34. Точка в океане
Глава 35. На сцене появляется незнакомый матрос
Глава 36. Фестус Дерримен спешит воспользоваться случаем
Глава 37. Последствия
Глава 38. Щекотливое положение
Глава 39. Боб Лавде расхаживает под окнами
Глава 40. Деловой визит
Глава 41. Джон уходит в ночь

Аннотация

1804 год. Великобритания готовится отразить вторжение французских войск. Прибрежные курортные городки превращаются в военные лагеря, боевые корабли сменили у причалов мирные прогулочные яхты.

А простые обыватели продолжают жить как жили – и зажиточная вдова Марта Гарленд не является исключением. Больше всего она озабочена браком дочери – первой местной красавицы Энн, на руку и сердце которой претендуют сразу трое поклонников: оба сына соседа – старший трубач полка, серьезный и сдержанный Джон Лавдей, и его младший брат, веселый и общительный моряк Боб, – и напыщенный, трусоватый и фатоватый дворянин Фестус Дерриман. Однако гордая Энн пока медлит отдать предпочтение кому-то из влюбленной троицы…

Томас Гарди
Старший трубач полка

© Перевод. Т. Озерская, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Томас Гарди (1840–1928) — классик мировой литературы, автор романов «Вдали от безумия», «Джуд Незаметный», «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и других произведений, в которых он выступил как достойный последователь британского критического реализма, заложенных Диккенсом и Теккереем. Произведения Гарди, драматичные, полные ярких образов и неожиданных сюжетных поворотов и пронизанные античным ощущением власти всемогущего рока над человеческой судьбой, по-прежнему пользуются огромной популярностью у читателей.

Вступление

Это повествование в большей мере, чем все другие произведения уэссекского цикла, опирается на свидетельства современников — как письменные, так и устные. В ходе его развития воспроизведены без прикрас почти исключительно подлинные события тех лет, сохранившиеся в памяти очевидцев-старожилов, ныне уже усопших, но хорошо знакомых автору в дни его детства. Если бы эти воспоминания были использованы полностью, они составили бы книгу, втрое более объемистую, нежели история «Старшего трубача драгунского полка».

До середины нынешнего столетия и даже несколько позднее в местностях, более или менее отчетливо обозначенных в повествовании, не было недостатка в различного рода напоминаниях о тех событиях, на фоне которых оно протекает, — я имею в виду наши приготовления к обороне перед угрозой вторжения в Англию Бонапарта. Изрешеченная пулями дверь сарая, превращенная каким-нибудь одиноким воякой в импровизированную мишень для упражнения по

стрельбе в цель из кремневого ружья в дни, когда с часу на час ожидалась высадка на наших берегах чужеземных войск; груда кирпичей и комья глины на вершине холма — остатки очага и стен глинобитной хижины, жилища смотрителя маяка; изъеденные червем древки и металлические наконечники пик — доспехи тех, кому не досталось лучших; земляные насыпи на холмах, еще сохранившиеся от лагерных укреплений; части военного обмундирования ополченцев и прочие пережившие свое время реликвии столь живо возрождали в моем детском воображении перипетии военных лет, что никакие многотомные исторические фолианты не могли бы их заменить.

Тот, кто когда-либо пытался сложить в связное повествование отрывочные сообщения очевидцев, знает, как трудно восстановить истинную последовательность событий по таким случайным свидетельствам. Газеты того времени оказывают в этом случае неоценимую услугу. Для успокоения тех, кто любит правду без вымысла, я хочу еще упомянуть, что «Обращение ко всем англичанам без различия положения и звания» было, наряду с прочими использованными мною документами, скопировано с оригинала,

хранящегося в местном музее, а карикатурный портрет Наполеона можно обнаружить и сейчас в виде печатного оттиска в доме одной старой женщины, проживающей неподалеку от Оверкомба; некоторые же подробности времяпрепровождения короля во время его пребывания на излюбленном им курорте подтверждаются письменными свидетельствами тех лет. Сцена обучения новобранцев местного ополчения получила кое-какие дополнения в соответствии с сообщением, извлеченным мною из столь солидного труда, как «История войн эпохи французской революции» Гиффорда (Лондон, 1817). Однако, обратившись к этому историческому труду, я впал в ошибку, ибо предположил, что упомянутое сообщение претендует на достоверность или имеет какое-либо отношение к сельским местностям Англии. Тем не менее оно вполне в духе тех традиций, которые нашли свое отражение в подобного рода сценах, а их описания мне доводилось слышать неисчислимое количество раз; к тому же вся система обучения ополченцев была проверена мною по Военному уставу 1801 года и другим специальным военным справочникам. Что же касается предполагаемой высадки в нашей бухте французов, то, как уже упоминалось

выше, здесь я основывался почти целиком на устных рассказах очевидцев. Других подтверждений достоверности изложенных в этой хронике событий память мне не сохранила.

Т. Г.

Октябрь, 1895 г.

Глава 1
Что можно было наблюдать из окна, выходившего в долину

В те дни, когда женщины носили муслиновые платья с высокой талией, а великое множество лиц военного звания, наводнявших грады и веси, служили причиной немалых треволнений среди представительниц прекрасного пола, в одной из приморских деревень Уэссекса проживали две дамы, обладавшие самой безупречной репутацией, но весьма ограниченными, как это ни прискорбно, средствами. Старшая из них была миссис Марта Гарленд — вдова художника-пейзажиста, вторая — ее единственная дочь Энн.

Энн была златокудра, златокудра в самом высоком, поэтическом смысле этого понятия, но цвет лица у нее был того неуловимого оттенка — более смуглого, нежели у блондинок, и более светлого, нежели у брюнеток, — для которого, к великому нашему затруднению, еще не придумано названия. Глаза ее смотрели открыто и пытливо, линия рта была безупречна, хотя ее и нельзя было назвать классической, верхняя губка

едва-едва достигала требуемой длины и при самомалейшей приятной мысли, не говоря уже об улыбке, вольно или невольно обнажала краешек двух-трех белоснежных зубов. Кое-кто находил это весьма привлекательным. Энн была стройна и грациозна, и при невысоком росте — чуть больше пяти футов — благодаря своей осанке умела казаться высокой. Во всех ее движениях, манерах и повадке, в том, как она говорила: «Я пойду туда», — или: «Я сделаю это», — было столько достоинства в сочетании с мягкой женственностью, что ни одна девушка не могла бы с ней тут потягаться, а любой впечатлительный юнец, случайно попадавший в ее общество, испытывал неодолимое желание услышать от нее хоть словцо и вместе с тем отчетливо сознавал, что ему этого не добиться. Словом, под очаровательной непосредственностью и простодушием этой молодой особы угадывалась неприметная на первый взгляд твердость характера, подобно тому как в сердцевине самого скромного полевого цветка, скрытые от глаз, золотятся тычинки. Свою белую шейку Энн прикрывала белым платком, а голову — шляпкой с розовой лентой, завязанной бантом под подбородком. Лент этих у нее было несметное количество: молодым людям чрезвычайно нра-

вилось посылать ей их в виде презента до тех пор, пока каждый из них не находил себе подружки по сердцу где-нибудь в другом месте, после чего презенты прекращались. На лбу из-под шляпки — словно ласточкино гнездо из-под застрехи — выглядывал ряд золотистых завитков.

Энн со своей овдовевшей матерью занимала часть старинного усадебного здания — бывшего господского дома, превращенного ныне в мельницу: мельник, находя помещение слишком просторным для своих собственных нужд, почел возможным разделить его на две половины и сдать одну из них сим весьма почтенным постояльцам. В этом жилище слух миссис Гарленд и Энн денно и нощно услаждала музыка мельничных колес, которые, будучи сделаны из дерева, должны были хотя бы отдаленно напоминать приглушенные регистры органа. Временами, когда на мельнице начинал работать грохот, к этим привычным звукам присоединялось веселое постукивание, которое не слишком нарушало покой постояльцев, если, конечно, не длилось до рассвета. А в добавление ко всему дамы имели удовольствие замечать, что через каждую щель, дверь или окно, как бы плотно их ни законопачивать, к ним в жилище из му-

комольни заползает легкий туман тончайшей мучной пыли, совершенно неуловимый для глаз, но с течением времени наглядно заявлявший о своем присутствии сероватым налетом, придававшим призрачный вид самой первосортной мебели. Мельник не раз приносил своим постояльцам извинения за непрошеное вторжение этого коварного сухого тумана, но вдова, будучи нрава приятного и дружелюбного, отвечала, что туман этот ей нисколько не мешает, ибо это не гадкая грязь, а пыль от благословенных злаков господних.

Проявлением такого рода доброты и великодушия и разными иными путями миссис Гарленд завоевала расположение мельника, и мало-помалу между соседями укрепилась такая дружба, о которой вдова и не помышляла, когда, соблазнившись дешевой платой, перебралась после смерти супруга на мельницу из более просторного дома на другом краю деревни. Те, кому доводилось жить в глухих углах, где, что называется, «нет общества», знают, как могут постепенно рушиться социальные перегородки, — процесс, который в описываемом случае происходил за счет некоторого опрощения одного из семейств. Вдова иной раз огорчалась, видя, с какой легкостью Энн

перенимала простонародный говор и словечки у мельника и его приятелей, однако мельник был так добр и простосердечен, а вдова так покладиста и не тщеславна, что она не захотела быть слишком разборчивой, дабы не оказаться в положении затворницы. К тому же у нее имелись довольно веские основания полагать, что мельник к ней втайне неравнодушен, и это придавало ситуации известную пикантность.

Как-то прекрасным летним утром, когда листву уже пригрели солнечные лучи, а наиболее прилежные пчелы устремились в луга и сады, ныряя в каждую голубую или красную чашечку, которую можно было принять за цветок, Энн на своей половине сидела у окна, выходившего на задний двор, и отматывала шерсть для мохнатого коврика с бахромой; она вязала его уже не первый день, и, на три четверти готовый, он лежал у ее ног. Работа эта, хотя и замысловато-пестрая, была скучна; каминный коврик — вещь, над которой никто не трудится от зари до зари: за него берутся и его откладывают; он лежит то на стуле, то на полу, то свешивается с перил лестницы, то выглядывает из-под кровати; его запихивают то туда, то сюда, прячут, скатав, в чулан и снова извлекают на свет божий, и так далее в таком же

духе, обращаясь с ним с большей бесцеремонностью, чем, пожалуй, с любым другим предметом домашнего обихода. Никто никогда не предполагает, что каминный коврик можно закончить к какому-то определенному сроку, и шерстяные нитки, употребленные вначале, блекнут и приобретают доисторический вид, прежде чем работа бывает доведена до конца. И не столько лень, сколько сознание особенностей, присущих этому домашнему рукоделию, заставляли Энн то и дело поглядывать в растворенное окно.

Прямо перед ее взором простиралась широкая гладь мельничного пруда, полноводная, вторгавшаяся в пределы живой изгороди и дороги. Вода с плавающими на ней листьями и пузырьками пены неудержимо, как время, убегала под темный свод, чтобы обрушиться там на огромное скользкое колесо. Местность по ту сторону запруды называлась «Развилок» и на три четверти соответствовала этому наименованию, так как здесь сходились два проселка и тропа, по которой гоняли скот. Это было местом всех свиданий и ареной наиболее интересных событий для жителей близлежащей деревеньки. За ним прямо к небу вздымался крутой уступ, переходивший в просторное плато, где сейчас паслось довольно

много только что остриженных овец. Высокое нагорье защищало мельницу и деревеньку от северных ветров, превращая весну в лето, умеряя зимнюю стужу, смягчая осеннюю прохладу и позволяя миртам цвести под открытым небом.

Все утопало в полуденном зное, даже овцы перестали пощипывать траву. Развилок в этот час был безлюден: немногочисленное население деревни обедало. На плато тоже не было ни единого человеческого существа, и, если не считать Энн, оно в эту минуту не привлекало к себе ничей взор и ничье внимание. Только пчелы трудились по-прежнему да бабочки не переставая порхали взад и вперед, словно их ничтожная величина служила им спасением от того губительного воздействия, которое этот поворотный час дня оказывал на живые существа более крупных размеров. Все остальное оцепенело в неподвижности.

Энн без всякой особой причины поглядывала на плато и на овец. Крутой, усеянный маргаритками склон нагорья, поднимавшийся над кровлями, печными трубами, верхушками яблонь и деревенской колокольней, ограничивал поле ее зрения, а отрываясь от работы, нужно же куда-нибудь смотреть. И вот когда она то

трудилась, то бросала взгляд в окно, ее внимание привлекли к себе отдыхавшие на плато овцы: внезапно вскочив, они бросились врассыпную, а с покинутого ими плато донесся тяжелый, сопровождаемый металлическим звоном топот копыт о твердую землю. Устремив взгляд еще дальше, Энн увидела, что по левому, более пологому склону нагорья взбираются два кавалериста — оба в полном вооружении, оба на широкогрудых серых конях. Начищенные до блеска уздечки, бляшки и прочие металлические части сбруи сверкали в лучах солнца как маленькие зеркальца, а все то синее, красное, белое, во что были облачены всадники, еще не потускнело от времени или непогоды.

Оба всадника столь горделиво поднимались по склону, словно ничто менее значительное, нежели интересы корон и тронов, никогда не занимало их возвышенных умов. Достигнув той части плато, которая находилась как раз напротив окошка Энн, всадники остановились. И тотчас же следом за ними показалось еще с полдюжины почти таких же точно всадников. Они тоже поднялись на плато, осадили коней и спешились.

Затем двое военных прошли немного вперед,

после чего один остановился, а другой зашагал дальше, причем за ним тащилась белая тесьма рулетки. Еще двое направились куда-то в сторону и стали делать какие-то отметки на земле. Так они расхаживали по плато и что-то отмеряли, несомненно преследуя какую-то ранее намеченную цель.

В завершение всех этих продуманных действий какой-то всадник — офицер, насколько возможно было, учитывая дальность расстояния, судить по его мундиру, — поднялся на плато, объехал его, поглядел на то, что проделали остальные, и, как видно, остался доволен. Тут до слуха Энн долетел еще более громкий топот и звон, и она увидела, что на плато тем же путем походным маршем поднимается целая колонна всадников. А за ней, сверкая оружием и амуницией, выступают из облаков пыли все новые и новые колонны войск, и за пылевой завесой вспыхивают на солнце то огненные звездочки, то змейки, и все это войско медленно направляется к плато.

Энн отбросила работу и, не сводя глаз с приближающейся кавалерии и не обращая внимания на перепутавшуюся шерсть, позвала:

— Маменька, маменька, подите-ка сюда! Какое красивое зрелище! Что тут происходит? Для чего

понадобилось им взбираться туда, наверх?

Мать, привлеченная этими возгласами, взбежала по лестнице и подошла к окну. Это была женщина приятной наружности, простая в обращении, с открытым взглядом и веселой улыбкой; рядом с Энн цвет лица вдовы казался чуть поблекшим, но изяществом фигуры она не уступала дочери.

Мысли вдовы Гарленд находились в полном соответствии с эпохой, в которую она жила.

— Неужто французы? — проговорила она, уже готовая изобразить крайнюю степень испуга. — Неужто этот враг рода человеческого высадился на нашу землю?

Надобно заметить, что в описываемый момент на земле существовало два врага рода человеческого: Сатана, как во все времена, и Буонапарте, который возник внезапно и значительно позже, но начисто затмил своего соперника. Слова миссис Гарленд относились, разумеется, к младшему из джентльменов.

— Этого не может быть, это не он, — заявила Энн. — А, вон идет Симон Берден, смотритель маяка. Он, верно, знает!

И она замахала рукой престарелому созданию, только что появившемуся на дороге, огибающей

мельничную запруду, и почти столь же тусклому, как эта дорога, по которой оно довольно бодро продвигалось вперед, невзирая на то, что согнутая в три погибели спина его, казалось, служила живым укором любому обладателю нормального позвоночника. Появление солдат извлекло его из паба «Герцог Йоркский» и оторвало от кружки пива, совершенно так же как Энн — от ее коврика. Заметив, что его подзывают, старик пересек запруду и направился к окну.

Энн пожелала узнать, что такое происходит на плато, однако Симон Берден ничего не ответил и продолжал двигаться в прежнем направлении, разинув рот и по собственному почину тараща глаза на кавалерию, как это часто бывает с людьми при виде преходящих явлений, которые могут, хотя и на краткий срок, отразиться на их судьбе.

— Вы сейчас свалитесь в пруд! — воскликнула Энн. — Что они там делают? Вы же когда-то сами были солдатом и должны знать.

— Не спрашивайте меня, мисс Энн, — отвечал этот обломок военной славы, приваливаясь к стене дома то одним боком, то другим. — Я, вы знаете, был только в пехоте и не больно-то разбираюсь в кавалерии. Да куда уж мне, старику, что я теперь смыслю.

Однако дальнейший энергичный нажим заставил его порыться в запасе своих изъеденных молью воспоминаний и извлечь оттуда кое-какие смутные обрывки малонадежных сведений. Солдаты, как видно, раскинули здесь лагерь. Те, что пришли раньше других, — это, верно, топографы. Они прибыли первыми, чтобы измерить площадку. А тот, что с ними, — это, видать, квартирмейстер.

— И вот, глядите, полк подошел, а у них уже все готово, — добавил старик. — А потом они… Ну и дела! Кто бы мог подумать, что наш Оверкомб доживет до этакого дня!

— А что потом?

— А потом… О чем это я… Ну вот, вылетело из головы, — вздохнул Симон. — Ах да! Потом они поставят, понимаете ли, палатки и стреножат лошадей. Да-да, так. Правильно.

Тем временем колонна походным порядком уже поднялась на холм, являя взору весьма живописное зрелище на этом возвышенном месте, на фоне бледно-голубого неба, под теплым солнцем. Белые лосины, высокие сапоги, блестящие кивера, отделанные галуном, — форма всадников была яркой и красивой… Да к тому же еще усики, нафабренные так, что кончики их торча-

ли острые, как иголки… Но, конечно, особенно великолепны были прославленные синие ментики, накинутые на одно плечо, неотразимые для женщин и чрезвычайно неудобные для их обладателей.

— Так это же йоркские гусары! — воскликнул Симон Берден, оживая, словно тлеющий уголек под дуновением ветерка. — Все как есть чужеземцы, и все призывались, когда я уже отслужил. Однако, говорят, это самые славные ребята во всей королевской армии.

— А вон еще… это какие-то другие, — сказала миссис Гарленд.

Новые колонны войск уже миновали дальний холм и теперь подходили ближе. Новоприбывшие отличались сложением от предыдущих: были легче, стройнее, в касках с белыми перьями.

— Не знаю, право, какие мне больше нравятся, — сказала Энн. — Пожалуй, все же эти.

Симон, напряженно вглядывавшийся в последнюю колонну, заявил вдруг, что это… драгуны.

— Англичане — все до единого, — продолжал старик. — Года два-три назад они стояли в бедмутских казармах.

— Верно. Я тоже помню, — сказала миссис Гарленд.

— И у нас тут много парней записалось тогда в армию, — сказал Симон. — Помнится, был тут… О чем это я… Ну, вот опять вылетело… Впрочем, оно и не важно…

Драгуны так же, как и прочие, продефилировали на виду у наших наблюдателей, и их веселые плюмажи, лениво ниспадавшие при подъеме на взгорье, достигнув плато, все, как один, распластались в воздухе кончиками к северу, свидетельствуя о том, что на возвышенности дул свежий ветерок.

— Поглядите-ка туда, — сказала Энн.

Несколько батальонов пехоты в белых кашемировых штанах и обмотках взбиралось на холм с противоположной стороны. Вид у пехотинцев был усталый, как после большого перехода, черные башмаки и обмотки стали бурыми от пыли. А за пехотой показались уже и войсковые обозы с конвоирами и — позади всех — тележки маркитанток.

На берегу перед мельничной запрудой собралось теперь почти все население деревни: сбежалось из домов в тревоге и застряло здесь для собственного удовольствия; горящими от любопытства глазами все наблюдали за происходящим на плато. Ведь если для города мундиры,

плюмажи, кони и всадники — просто развлечение, то для деревни — это уже нечто из ряда вон выходящее.

Всадники построились, спешились, быстро освободились от своего походного снаряжения, расседлали и стреножили коней и уже готовы были поставить палатки, лишь только их можно будет снять с обозов и доставить на место. И вот прозвучал сигнал, и полотнища палаток поднялись над землей, и каждому воину было уже где приклонить голову.

Хотя с первого взгляда и могло показаться, что за прибытием войска наблюдают только те, что столпились у окна да собрались на улице, однако в действительности множество глаз было приковано к происходящему на возвышенности, не говоря уже о глазах многочисленных птиц и прочих обитателей лесов и полей. Мужчины на огородах, женщины в садах или на пороге своих домиков, пастухи на отдаленных пастбищах, батраки на голубовато-зеленых плантациях турнепса где-то там, за несколько миль от холма, капитаны с подзорной трубой на своих судах — все с острым интересом созерцали эту картину. Три-четыре тысячи солдат, действующих как один огромный механизм: одни головорезы по

натуре, другие, несомненно, более склонные к спокойной сидячей жизни и нежданно-негаданно облачившиеся в мундиры, — явились вдруг невесть откуда, возбуждая огромное любопытство. Они казались существами какого-то иного порядка, совершенно непохожими на жителей долины. Обосновываясь на жительство на облюбованном ими пустынном холме, они целиком были погружены в свои живописные, на сторонний взгляд, хлопоты, словно весь остальной мир для них не существовал.

Миссис Гарленд, будучи женщиной сангвинического склада, легко приходила в восторг и впадала в уныние, и появление войска чрезвычайно ее взволновало. Она подумала, не надеть ли нарядную шляпку, но решила, что, пожалуй, не стоит; вознамерилась было поторопиться с обедом, чтобы потом пойти прогуляться, и подумала, что ничего особенного, собственно, не произошло и она не станет проявлять какое-то дурацкое любопытство, которое совершенно не к лицу матери и вдове. Так, умеряя свои порывы, пока они не были приведены в соответствие с возрастом и положением степенной сорокалетней дамы, миссис Гарленд следом за дочерью спустилась в столовую обедать, говоря:

— Надо будет поскорее наведаться к мистеру Лавде и узнать, что он обо всем этом думает.

Глава 2
Стук в дверь, и кто-то входит в дом

Мельник Лавде принадлежал к весьма древнему роду потомственных мукомолов, истоки которого терялись где-то в тумане седой старины. Предки его были современниками де Роса, Хоуарда и де ла Зуша, но из-за какой-то дурацкой оплошности имена представителей дома Лавде и заключаемые ими браки не вносились в Средние века в родословные книги, и, таким образом, история их личной жизни на протяжении этих столетий оставалась покрытой тайной. Однако было достоверно известно, что некоторые отпрыски этого рода соединились брачными узами с весьма видными представителями фермерства, и однажды был даже зарегистрирован брак с неким джентльменом — дубильщиком кож, который много лет кряду скупал у высокопоставленной знати околевших лошадей, причем все это были самые что ни на есть чистопородные скакуны, которые в зените своей славы оценивались не в одну сотню гиней за голову.

Было также установлено, что у мистера Лавде насчитывалось восемь прапрародителей и шестнадцать прапрапрародителей, и каждый из них доживал лет до шестидесяти, и каждое предыдущее поколение насчитывало этих почтенных старух и старцев все больше и больше и, в конце концов, достигало размеров весьма многочисленного клана готских кавалеров и дам, принадлежавших к сословию кэрлов или виллановв, игравшему немаловажную роль в стране и прославившемуся разнообразными подвигами на протяжении всей неписаной истории Англии. Папаша же мистера Лавде значительно повысил стоимость родового поместья, поставив новую печную трубу и прибавив парочку жерновов.

Если поглядеть на оверкомбскую мельницу с одного бока, она являла глазу самую что ни на есть деловую постройку, сползающую прямо в реку; с другого же бока это было праздное, легкомысленное сооружение, почти сплошь увитое в это время года вьюнком и не имевшее с виду ни малейшего касательства к какой-то там муке. Здание было увенчано шатровой, а не щипцовой, крышей, что придавало ему приятно округлые формы, и имело четыре печных трубы, над коими редко вился дымок; две зигзагообразные трещи-

ны в стене; несколько открытых окон, в которые прохожим видны были развешанные тут и там по стенам зеркала, отражавшие отдельные уголки дома в обратной перспективе; белоснежные кисейные занавески, развевающиеся от сквозняка; две ведущие на мельницу и расположенные одна над другой двери, из коих верхняя давала любому желающему возможность шагнуть через порог на высоте десяти футов над землей прямо в пустоту; зияющую арку, изрыгающую водяной поток, и тощего длинноносого малого, подручного мельника, выглядывавшего из дверей мельницы в тех случаях, когда это место не занимала громоздкая фигура около ста килограммов весом, то есть сам хозяин мельницы.

На внутренней стороне мельничной двери, незримые для тех, кто не заходил в дом, были нацарапаны мелом арифметические действия сложения и вычитания, первоначально почти все исчисленные с ошибками, полустертые и исправленные, с нулями, переделанными в девятки, и единицами, переправленными на двойки. Вычисления сии являлись плодом трудов самого мельника. Рядом, на той же двери, виднелись длинные ряды палочек, похожие на частокол, и нацарапанные мелом уже рукой не мельника,

а его помощника, который, обучаясь в детстве счету, не успел добраться до арабских цифр.

Во дворе перед мельницей лежали два вышедших из употребления жернова, коим нашли применение, врыв их в землю. На них стояли в дождливую погоду, чтобы покурить и потолковать о делах, а в летний зной на их гладкой поверхности любила располагаться кошка. В углу сада к корявому дереву был привязан еловый шест, приобретенный мельником наряду с прочими нужными предметами на рождественской распродаже мелкого строительного материала в Деймерс-Вуде. Один конец этого шеста был прикреплен к дереву на высоте нижних веток, другой возносился примерно на высоту мачты рыбачьей шхуны, а на вершине его помещался флюгер в форме матроса с простертой вперед рукой. Когда лучи солнца освещали фигуру матроса, становилось заметно, что у него не хватает примерно трех четвертей лица, краски же с его одежды смыли дожди, сделав очевидным, что прежде, чем превратиться в матроса в синей куртке, он был солдатом в красном мундире. Фигурка эта должна была первоначально олицетворять собой Джона — одного из будущих героев нашего повествования, а затем ее преобразили в Роберта

— другого нашего персонажа. Сия вращающаяся вокруг своей оси фигурка не могла, однако, надежно исполнять роль флюгера из-за близости холма, создававшего разнообразные завихрения воздуха.

Увитое зеленью и более тихое крыло дома находилось в распоряжении миссис Гарленд с дочерью, которые в летнее время вознаграждали себя за некоторую тесноту своих апартаментов, перемещаясь из дома в сад вместе со столами и стульями. В гостиной — или, если угодно, столовой — пол был каменный; обстоятельство сие вдова тщательно старалась скрыть с помощью двух постеленных друг на друга ковров, дабы не уронить достоинства семьи в посторонних глазах. Сейчас здесь протекала легкая — кусочек того, кусочек этого — трапеза, как обычно бывает, когда за столом нет ни одного плотоядного мужчины, которому только подавай да подавай, да и она уже близилась к концу, когда кто-то вошел в прихожую и, остановившись перед неплотно прикрытой дверью столовой, постучал. Это действие, вероятно, было продиктовано деликатным стремлением не обеспокоить Сьюзен — розовощекую дочку соседа, помогавшую миссис Гарленд по утрам, а сейчас стоявшую на берегу у самой

воды и взиравшую на солдат, вытаращив глаза и разинув рот.

В маленькой столовой все пришло в легкое волнение — ведь самый неправдоподобный ничтожный повод может заставить учащенно биться привыкшие к уединению сердца, а их обладательниц теряться в догадках: кто бы это мог быть? Неужели какой-нибудь военный из лагеря? Нет, это невозможно. Священник, быть может? Нет, он бы не пришел в обеденный час. Верно, это глашатай моды, который путешествует с запасом мануфактуры и лучших бирмингемских серег? Нет, ни в коем случае. Он не появится раньше трех часов пополудни, да и то лишь в четверг. Но прежде чем дамы успели высказать новые догадки, посетитель сделал еще шаг вперед, и его фигура стала обозримой через ту же самую благословенную щелку, которая дала ему возможность увидеть семейство Гарленд за обеденным столом.

— О! Так это же всего-навсего сосед Лавде!

Это «всего-навсего» предстало в обличье цветущего мужчины лет шестидесяти — цветущего не только с виду или под воздействием доброй еды и горячительных напитков, хотя последние отнюдь не находились у него в пренебрежении, но вслед-

ствие несокрушимого здоровья, коим отличались многие в те времена. Словом, это был не кто иной, как уже упоминавшийся выше мельник. Сейчас его лицо было даже скорее бледным, ибо он пришел прямо с мельницы. Подвижность была самой существенной особенностью этого чрезвычайно изменчивого лица. Мясистые утолщения с двух сторон защищали подступы к его носу, глубокая борозда клала рубеж между нижней губой и торчащим вперед подбородком, и все эти бугристые неровности, словно по собственному почину и независимо одна от другой, приходили в движение по самомалейшему поводу.

Едва глаза мельника обежали покрытый скатертью стол, тарелки и блюда с едой, как им овладела неловкость, вполне естественная в человеке скромном, всегда избегавшем появляться в неуказанное время перед такой очаровательной и деликатной девушкой, как Энн Гарленд, в руках которой обыкновенные яблоки выглядели как персики, а шиллинги, получаемые от нее в уплату за муку, сверкали, как гинеи.

— Мы уже отобедали, сосед Лавде, заходите, пожалуйста, — сказала вдова, угадав причину его замешательства.

Мельник пробормотал было, что заглянет

попозже, но Энн заставила его остаться одним движением губ, готовых вот-вот сложиться в благосклонную улыбку, что у нее всегда получалось как бы совсем невзначай.

Лавде стащил с головы шляпу с плоской тульей и приблизился к дамам. Не поросята и не домашняя птица, пояснил он, привели его к ним на сей раз.

— Небось вы, миссис Гарленд, как и все мы, грешные, тоже смотрели из окна на это великое множество солдат там, на холме? Так вот, один кавалерийский полк там — это энские драгуны… И мой сын Джон служит, понимаете ли, в этом полку.

Это сообщение заинтересовало дам, хотя и не произвело того впечатления, на которое, по-видимому, рассчитывал отец вышеназванного Джона. Впрочем, Энн, любившая говорить людям приятное, заметила:

— Драгуны выглядят красивее, чем пехотинцы или немецкая кавалерия.

— Да, славные ребята, — притворно равнодушным тоном произнес мельник. — Подумать только, я и не знал, что они сюда придут, а небось было во всех газетах. Да ведь старик Дерримен так долго держит у себя эти газеты, что мы узнаем

новости, когда они уже у всех на языке.

Упомянутый Дерримен был проживающий неподалеку мелкопоместный помещик, прославивший себя в это тревожное военное время тем, что его племянник находился в рядах территориальной конницы.

— Мы слышали, что конница проходила вчера здесь по дороге, — сказала Энн. — Говорят, красивое было зрелище, и вид у них очень бравый.

— Э! Все же это регулярные войска, — сказал мельник Лавде, оставляя при себе более суровую критику как явно неуместную. Однако его мозг, воспламененный появлением драгун, послуживших целью его неожиданного визита, никак не хотел переключиться на разговор о территориальной коннице.

— Вот уже пять лет, как Джон не был дома, — сказал мельник.

— А в каком он теперь чине? — спросила вдова.

— Он старший трубач драгунского полка, сударыня. Он у меня хороший музыкант.

И мельник, который был добрым отцом, принялся рассказывать, что Джону пришлось-таки понюхать пороху. Он пошел и записался в армию одиннадцать лет назад, когда тут по соседству

был расквартирован полк, и здорово рассердил этим отца — ведь тому хотелось, чтобы сын продолжал его дело на мельнице. Но так как парень сделал это не очертя голову — он с малолетства твердил, что хочет быть военным, — мельник решил не мешать ему идти своим путем.

У мельника Лавде было два сына, и теперь припомнили и второго: Энн заметила, что ни один из его сыновей, как видно, не был расположен продолжать дело отца.

— Да, — произнес Лавде уже менее лучезарным тоном. — Роберту, видите ли, вынь да положь, захотелось стать моряком.

— Он много моложе своего брата? — осведомилась миссис Гарленд.

Почти на четыре года, объяснил мельник. Старшему сыну, солдату, тридцать два, а младшему, моряку, двадцать восемь. Когда Боб вернется из плавания, надо будет уговорить его остаться на мельнице помогать отцу и не уходить больше в море.

— Мельник-моряк! — промолвила Энн.

— Ну, он разбирается в нашем деле не хуже меня, — сказал Лавде. — Я ведь его тоже, как и Джона, прочил на свое место. Да что это я так разболтался, — спохватился он вдруг. — Пришел-то

я вот зачем — попросить вас, сударыня, и вас, Энн, голубушка, отужинать со мной и с моими друзьями чем Бог послал. Хочется мне сделать приятное моему сыночку теперь, когда он опять попал в наши края. Нельзя же, как говорится, не отметить, что сынок вернулся домой цел и невредим.

Миссис Гарленд почувствовала себя в некотором затруднении, не зная, какой ей надлежит дать ответ, и попыталась перехватить взгляд дочери, но Энн отвела глаза в сторону, ибо терпеть не могла всякого рода намеки, экивоки и подмигивания там, где следовало действовать, не размышляя, и почтенная дама, в конце концов, сказала:

— Мы постараемся прийти, ежели сможем. Вы сообщите нам, когда это у вас будет?

Конечно, он не преминет им сообщить, как только повидается с Джоном.

— Малость грязновато у нас, признаться… женщины-то ведь, вы знаете, в доме нет, а этот малый, Дэвид, тупица порядочная: разве он понимает, как надо принять гостей. Да и зрение у бедняги слабовато, нечего греха таить, и все же он отлично стелит постели и полирует ножки у стульев и у разной прочей мебели, а не то я бы

уже давным-давно спровадил его отсюда.

— Вам нужна женщина, чтобы навести в доме порядок, сосед Лавде, — сказала вдова.

— Да, я бы… Да, конечно, только… видите ли… Ну и хороший же выдался денек, соседушки. Что это — слышите? Похоже, в лагере загремели горшками и сковородками. До чего ж небось они, бедняги, проголодались! Мое почтение, сударыни. — И мельник удалился.

Весь день до позднего вечера деревушка Оверкомб находилась в состоянии неописуемого волнения, вызванного появлением войск, которое было не менее увлекательно, чем вторжение иноземцев, но не сопровождалось неприятностями. Внешний вид и предполагаемые достоинства солдат подвергались горячему обсуждению. Событие это открывало для каждой девушки неограниченные возможности обожать и стать предметом обожания, а для молодых людей — возможность таких ошеломительных знакомств, перед которыми меркла потребность влюбляться. Тринадцать таких молодых людей через пятнадцать минут не задумываясь заявили, что нет ничего на свете лучше, как пойти в солдаты. Молодые дамы делали мало заявлений, но, возможно, в мыслях шли еще дальше,

хотя справедливости ради следует отметить, что поглядывали в сторону военного лагеря только краешком своих голубых или карих глаз и притом с таким скромным и застенчивым видом, что большего благонравия и пожелать было невозможно.

Вечером над деревней разнеслись голоса солдатских жен. Гомон скворцов в ветвях деревьев был просто ничто по сравнению с щебетом, который они подняли. Дамы ослепляли своими нарядами, потому что отдали предпочтение яркости и пестроте перед добротностью материала. Количество красных, синих и пурпурных чепчиков, разукрашенных пучками петушиных перьев, не поддавалось исчислению. Одна дама появилась в пастушеской шляпке из зеленого подкладочного шелка с отогнутыми спереди полями, чтобы был виден также и чепчик, надетый под шляпку. Шляпка эта принадлежала когда-то жене офицера и сохранилась в общем неплохо, если не считать довольно причудливых подтеков в виде зеленых островов и полуостровов, образовавшихся в результате дождей — неизбежных спутников кочевой жизни воина. Некоторым наиболее привлекательным из этих похожих на мотыльков дам посчастливилось найти приют в

деревне, и они были таким образом избавлены от необходимости жить на холме в шалашах и палатках. Это отнюдь не смягчило сердец их сестер по оружию, оказавшихся менее удачливыми: бранные слова были пущены в ход по адресу счастливиц, и те, в свою очередь, не остались в долгу. Окончания этой перебранки можно было, по-видимому, ожидать к заходу солнца.

Одну из этих пришелиц, обладательницу розового нога и сиплого голоса — в чем она, бедняжка, была, по замечанию Энн, никак не повинна, — побывавшую во многих походах и немало повидавшую на своем веку, Энн хотела даже пригласить к себе в дом, дабы поближе познакомиться с живой историей Англии и приобрести те познания, которые нельзя почерпнуть из книг и которыми эта дама, по-видимому, обладала в полной мере. Но скромные размеры помещения, занимаемого миссис Гарленд, помешали этому осуществиться, и бездомная сокровищница житейского опыта вынуждена была искать убежища в другом месте.

В этот вечер Энн легла спать пораньше. События дня, хотя и веселые, были весьма необычными, и у Энн разболелась голова. Уже собравшись лечь в постель, она подошла к окну и откинула

закрывавшую его кисейную занавеску. Всходила луна. Ее лучи еще не проникли в долину, но, выглянув из-за края холма, она мягко посеребрила конусообразные вершины белых палаток. Сторожевые посты и передние палатки лагеря отчетливо выступали из темноты, но весь остальной лагерь — офицерские палатки, походные кухни, войсковые лавки и склады — еще тонул в тени, отбрасываемой холмом. Энн увидела, как на фоне светлого диска луны то появлялись, то исчезали фигурки мерно шагавших часовых. Она слышала, как пофыркивают и отряхиваются лошади у коновязей и как далеко-далеко в другой стороне рокочет море, громче поднимая свой голос в те секунды, когда волны в мерном приливе или отливе наталкиваются на выдающийся в море мыс или выступающую из воды группу валунов. Внезапно более громкие звуки ворвались в затихающую ночь: сперва они долетели из лагеря драгун, затем послышались справа — в лагере ганноверских частей, и еще дальше — на стоянке пехотинцев. Это играли вечернюю зорю. Энн не клонило ко сну, и она еще долго прислушивалась к этим звукам, глядела на созвездие Большой Медведицы, повисшее над деревенской колокольней, на луну, поднимавшуюся все выше

и выше над рядами палаток, где шум и движение сменились сном и похрапыванием усталых солдат, расположившихся на ночлег каждый в своей палатке, торчавшие вверх шесты которых сверкали, словно шпили при лунном свете.

Наконец Энн, утомившись от дум, тоже улеглась в постель. Ночь текла своим чередом, все стихло в лагере, все стихло и в деревушке у подножия холма, и лишь протяжная перекличка часовых: — «Все спокойно!» — нарушала время от времени тишину.

Глава 3
Мельница становится важным центром военных операций

Мисс Гарленд пробудилась поутру со смутным ощущением, что происходит что-то необычное, и как только ей удалось стряхнуть с себя дремоту, поняла, что все это происходит — что именно, было еще не ясно — где-то неподалеку от ее окна. Доносились звуки, напоминавшие удары кирки или лопаты. Она встала с постели и, чуть-чуть приподняв занавески, глянула в окно.

Множество солдат усердно прокладывали зигзагообразную дорогу по склону холма — из лагеря на его вершине к речке за мельницей — и, судя по уже проделанной работе, принялись за нее ни свет ни заря. Солдаты работали группами — каждая прокладывала дорогу на своем участке, — и пока Энн одевалась, каждый участок уже соединился с тем, что был выше его, и с тем, что ниже, образовав зигзагообразную тропу, полого сбегавшую с вершины холма к его подножию.

Травянистый покров холма покоился на меловых отложениях, и вырубленная солдатами

тропа белой лентой вилась по склону.

Вскоре отряды солдат, прокладывавших дорогу, исчезли, а на возвышенности появились драгуны и стали спускаться вниз по только что проложенному пути. Спускаясь, они все ближе подходили к мельнице, и собрались, наконец, прямо под самым окном Энн на небольшом лужке около пруда. Некоторые лошади уже, войдя в пруд в неглубоком месте пили воду, мотая головами и рассыпая брызги. По меньшей мере три десятка лошадей — часть из них с всадниками, — оказались в пруду одновременно. Животные пили жадно, поднимали голову, отряхивались и опять пили; капли холодной воды обильно стекали с их морд. Мельник Лавде поглядывал на них из-за живой изгороди своего сада, и вокруг уже собирались любопытные поселяне.

Посмотрев вверх, Энн увидела новые отряды, спускавшиеся по тропе с холма; утолившие жажду уступали им место и кружным путем, через деревню, возвращались к себе в лагерь.

Внезапно мельник, ожидания которого, как видно, наконец сбылись, воскликнул:

— Эй, Джон, сынок, доброе утро!

— Доброе утро, папаша! — прозвучало в ответ из уст ладно сидевшего на лошади драгуна, еще

не спустившегося к водопою.

Лица его Энн не могла хорошенько рассмотреть, но не сомневалась, что это был Джон Лавде.

Какие-то нотки его голоса заставили ее вспомнить далекие времена, те детские годы, когда Джон Лавде был первым учеником в сельской школе и хотел учиться живописи у ее отца. Мели и омуты пруда были ему, разумеется, известны лучше, чем всякому другому в лагере, что, по-видимому, и привело его сюда, и теперь он предостерегал товарищей, чтобы они не пускали лошадей слишком близко к запруде.

Джон ушел в солдаты, когда Энн была еще подростком, и с тех пор она видела его лишь однажды, и то мельком, во время его короткой побывки. Внешне он, казалось ей, изменился мало. Солнце не раз совершило свой круг, превратив ее из подростка в девушку, Джон же за это время лишь несколько утратил свою прежнюю угловатость да лицо его покрылось загаром, который придавал ему вид чужеземца. И все же годы службы в армии не проходят даром, и мало кто догадывался, что белая куртка мельника принадлежит отцу драгуна в синем мундире.

Мельник Лавде все еще стоял в своем садике, простиравшемся за мельничной запрудой вдоль

ручья и подступавшем к самой воде, и приветствовал драгун, пока не прошел последний отряд. Вишни уже поспели и пышными гроздьями висели под темной листвой. Драгуны, придерживая коней, перекликались с мельником через ручей, а он, нарвав полные пригоршни вишен, протягивал их за ограду — бери каждый, кому не лень. Солдаты въезжали в ручей там, где он, размыв берег, вплотную подступал к ограде сада, и, осадив коней, подставляли кивера или ловили пучки вишен, подцепляя их на кончик хлыста, и снисходительно посмеивались, как и подобает суровым воинам, позволившим себе принять участие в детской забаве. Беззаботно и весело протекли эти не предусмотренные военным распорядком минуты, чтобы, быть может, подобно знакомому аромату цветка, всплыть когда-нибудь, много лет спустя, в памяти раненого солдата, лежащего на поле боя в чужом краю.

Но вот и драгуны покинули пруд, а на их месте появился немецкий легион и торжественной процессией продефилировал перед Энн, словно отдавая ей должное. Эти воины отличались особенно пышными усами, а также косичками, туго заплетенными коричневыми лентами и достигавшими своими кончиками широких сол-

датских лопаток. И они, так же как и их предшественники, были очарованы появлением головы и плеч мисс Гарленд в маленьком квадратном окошке, как раз над самым местом их операций, и послали ей свои почтительные чужеземные приветствия в таком ошеломляющем количестве, что сия скромная девица поспешно отошла от окна и залилась румянцем в спасительном уединении между комодом и умывальником.

Когда она спустилась вниз, ее мать сказала:

— Я вот думаю: что мне надеть сегодня вечером, когда мы пойдем к соседу Лавде.

— К соседу Лавде? — переспросила Энн.

— Ну да. У него праздник сегодня. Он заходил утром: сказал, что видел сына, и они условились собраться сегодня вечером.

— Вы полагаете, что нам следует пойти, маменька? — раздумчиво спросила Энн и перевела взгляд на цветы в горшках на подоконнике.

— А почему бы и нет? — осведомилась миссис Гарленд.

— Кроме нас там ведь будут одни только мужчины, не так ли? Пристало ли нам появляться среди них?

Энн еще не оправилась от впечатления, произведенного на нее пылкими взглядами галантных

гусар. А те перекликались сейчас с мельником Лавде, и голоса их долетали до ее ушей.

— Ах, что это ты так загордилась, Энн! — воскликнула вдова Гарленд. — В конце концов, мельник наш ближайший сосед и домохозяин. И разве он не таскает нам вязанки хвороста из леса и не снабжает нас овощами из своего огорода почитай что задаром?

— Это верно, — заметила Энн.

— Значит, нам негоже его гнушаться. А если неприятель высадится здесь осенью, как все предсказывают, так нам тогда одна надежда на мельника с его повозкой и лошадью. Других друзей у нас нет.

— Да, все это так, — сказала Энн. — Вот вы и пойдите к нему, маменька, а я останусь дома. Там будут одни мужчины, и мне не хочется идти туда.

Миссис Гарленд призадумалась.

— Нет, если ты не пойдешь, то и я не пойду. Ты уже подросла, стала совсем взрослой девушкой… может быть, и правда лучше на этот раз посидеть дома… Отец твой, конечно, был не из простых… — Но, высказавшись так, по-матерински, она тут же вздохнула чисто по-женски.

— Почему вы вздыхаете, маменька?

— Очень уж ты строга и непреклонна во всем, Энн.

— Что ж… давайте пойдем.

— Ну нет. Я и сама думаю, что, пожалуй, не стоит. Я, в конце концов, твердо не обещала, и мы вполне можем уклониться.

Энн же, по-видимому, и сама не вполне понимала, чего ей хочется; она не высказала своего одобрения, но не стала и возражать, а лишь в задумчивости опустила глаза, прижав руки к груди и соединив кончики пальцев.

По мере приближения вечера обе дамы стали замечать, что в крыле дома, занимаемом мельником, идут большие приготовления к пиру. Перегородку, отделявшую жилище мельника от покоев, занимаемых вдовой, отнюдь нельзя было назвать солидным сооружением: кое-где это была просто дощатая стена с прорезанными в ней проемами для дверей, — так что всякий раз, когда мельница начинала работать, это тотчас заявляло о себе и в другой, более уединенной половине дома. Как только по вечерам мельник Лавде закуривал трубку, запах дыма с завидной пунктуальностью проникал по дымоходу в комнату миссис Гарленд. И всякий раз, когда мельник разгребал угли в своем очаге, мать и

дочь могли безошибочно определить состояние его духа в зависимости от того, помешивал ли он угли медленно и осторожно или орудовал кочергой что есть мочи, а когда в субботу вечером он принимался заводить часы, жужжание этого прибора служило вдове напоминанием, что ей следует завести свои. Это проникновение звуков совершалось особенно беспрепятственно там, где прихожая Лавде соседствовала с кладовой миссис Гарленд, и когда хозяйственные заботы привели Энн в это помещение, она получила полную возможность услышать, как к мельнику прибывают все новые и новые посетители и как хозяин разговаривает со своими гостями, и даже уловила обрывки фраз, не уловив их смысла — чрезвычайно забавного, судя по доносившимся раскатам хохота. Затем гости вышли из дома в сад, где расположились пить чай в большой беседке… Теперь в густой листве порой мелькало что-то пестрое, и больше из окон миссис Гарленд ничего не было видно. Когда же стало темнеть, Энн услышала, как гости направляются обратно в дом — заканчивать вечер в гостиной.

После этого шумное веселье возобновилось с удвоенной силой: громкие голоса, смех, беготня вверх-вниз по лестнице, хлопанье дверьми, звон

чашек и бокалов, — пока у наиболее неприступной из соседок, лишенной общества друзей по эту сторону перегородки, не возникло искушения проникнуть в это обиталище веселья хотя бы для того, чтобы выяснить причину таких взрывов ликования и самолично убедиться, действительно ли сборище столь многочисленно, а шутки столь забавны, как это кажется со стороны.

Теперь на половине Гарлендов жизнь, казалось, совсем замерла, что по контрасту действовало особенно угнетающе. Когда примерно в половине десятого еще один дразнящий взрыв хохота не смолкал особенно долго, Энн промолвила:

— Мне кажется, маменька, вы жалеете, что не пошли.

— Скажу по чести, нам, конечно, было бы веселее, присоединись мы к ним, — ответила миссис Гарленд обиженно. — Зря я тебя послушалась и не пошла. Священник и тот заглядывает к нам лишь по обязанности. Старик Дерримен не слишком-то галантен, а больше здесь не с кем даже словом перемолвиться. Когда люди одиноки, им приходится довольствоваться тем обществом, какое у них есть.

— Или обходиться совсем без общества.

— Это противно природе, Энн, и мне просто

странно слышать подобные речи из уст такой молодой девушки, как ты. Нельзя же насиловать природу… — (За перегородкой кто-то затянул песню, мощный хор подхватил припев.) — Право, у них там веселятся, как в раю, а у нас тут…

— Мама, вы сущее дитя, — покровительственным тоном заметила Энн. — Бога ради, кто вам мешает, ступайте, присоединитесь к ним.

— О нет… Теперь уже нет! — ответила мать, решительно тряхнув головой. — Теперь уже слишком поздно. Надо было идти, когда приглашали. Теперь все будут глазеть на меня как на незваную гостью, а мельник скажет, как всегда ухмыляясь во весь рот: «А! Все-таки вы решили навестить нас!»

Пока общительная, но не предприимчивая вдова продолжала таким образом коротать вечер в двух местах зараз: телом — в своем собственном дому, а душой — в гостиной мельника, — кто-то постучал в дверь, и перед миссис Гарленд предстал Лавде-старший собственной персоной. На нем был костюм, который он всегда надевал в подобных случаях: нечто, отчасти подобающее для парада, а отчасти для веселой пирушки, — и его синий кафтан, желтый в красную крапинку жилет с тремя расстегнутыми нижними пугов-

ками, башмаки с металлическими пряжками и пестрые чулки были, на взгляд миссис Марты Гарленд, чрезвычайно ему к лицу.

— Мое почтение, сударыня, — сказал мельник, применяя более высокий образец учтивости, сообразно большей пышности своего костюма. — Только этого я никак, с позволения сказать, не потерплю. Куда ж это годится — чтобы две дамы сидели тут одни-одинешеньки, а мы под той же самой крышей веселились без них. Ваш покойный супруг, бедняга — и до чего ж красивые картинки он, бывало, рисовал! — уже давно пировал бы с нами, будь он на вашем месте. И слушать ничего не стану, вот ей-богу! Хоть на полчасика, а вы и мисс Энн должны к нам пожаловать. Джон и его приятели получили увольнительные до полуночи, и у нас там по чину все не ниже капрала, а капрал куда какой любезный и воспитанный немец… Ну и еще кое-кто из наших, из деревенских. А ежели вы, сударыня, сумлеваетесь насчет компании, так мы можем тех, кто попроще, отправить на кухню.

После такого настойчивого призыва вдова Гарленд и Энн переглянулись, уведомляя друг друга о своем согласии.

— Мы сейчас придем, через несколько минут,

— улыбаясь, сказала старшая дама, и обе встали, чтобы подняться наверх.

— Ну нет, я буду дожидаться вас здесь, — сказал мельник упрямо. — А то вы еще передумаете.

Пока мамаша и дочка переодевались наверху и смеясь говорили друг другу: «Ну, теперь-то уж нам нельзя не пойти», — хотя они только к этому и стремились весь вечер, в прихожей снова раздались шаги, и мельник крикнул снизу:

— Прошу прощенья, миссис Гарленд, но тут мой сын Джон тоже явился за вами. Можно ему зайти подождать, пока вы оденетесь?

— Ну конечно, я сейчас! — прозвучал в пролете лестницы звонкий голос вдовы.

Спустившись вниз, она увидела, что где-то в глубине прихожей маячит фигура драгуна-трубача.

— Это Джон, — сказал мельник просто. — Джон, ты небось отлично помнишь миссис Марту Гарленд?

— Ну конечно, отлично помню, — ответил драгун, немного приблизившись. — Я бы непременно зашел проведать вас в прошлый приезд, да ведь у меня отпуск был всего на неделю. Как здоровье вашей маленькой дочурки, сударыня?

Миссис Гарленд ответила, что Энн чувствует

себя превосходно.

— Она подросла теперь. Сейчас спустится.

В коридоре послышался стук сапог, и драгун-трубач тотчас шагнул к двери, приотворил ее, просунул голову в щель и доложил:

— Все в порядке… Они сейчас придут! — в ответ на что из темноты послышалось:

— Ничего, мы подождем.

— Это ваши приятели? — спросила миссис Гарленд.

— Да, это Бак и Джонс пришли за мной, — ответил Джон. — Можно им зайти к вам на минутку, миссис Гарленд?

— Да, разумеется, — сказала вдова, и две живописные фигуры — трубача Бака и седельного мастера сержанта Джонса — выступили вперед с самым учтиво-дружелюбным видом, после чего в прихожей почти тотчас снова послышались шаги, и выяснилось, что там каптенармус сержант Брет и старший ковач-коновал Джонсон пришли за господами Баком и Джонсом, которые пришли за трубачом Джоном.

Возникла опасность, что маленькая прихожая миссис Гарленд окажется забитой до отказа совсем незнакомыми людьми, но тут она с облегчением услышала, что Энн спускается по

лестнице.

— А вот и моя дочурка, — сказала миссис Гарленд, и драгун-трубач с благоговейным страхом уставился на возникшее перед ним воздушное видение в муслиновом платье, да так и застыл онемев. Энн тотчас узнала в нем драгуна, которого видела однажды из своего окна, и приветливо ему кивнула. Его открытый честный взгляд сразу расположил ее к себе.

Непринужденность ее обхождения заставила Джона Лавде, который отнюдь не был дамским угодником, залиться краской, переступить с ноги на ногу, начать какую-то фразу без всякой надежды ее окончить и смутиться как школьника. Кое-как оправившись от замешательства, он учтиво предложил Энн руку, она приняла ее с присущей ей милой грацией, и он повел ее мимо своих товарищей по оружию, которые в строго вертикальном положении распластались вдоль стены, чтобы дать им дорогу. Когда эта пара вышла за дверь, за нею последовала миссис Гарленд под руку с мельником, а за ними и все прочие, шагая, как и подобало кавалеристам, так, словно их бедра были им не по росту. В таком порядке все один за другим переступили порог жилища мельника и направились дальше по коридору, в

каменных плитах которого прилив и отлив посетителей, начавшийся еще во времена Тюдоров, проложил нечто вроде колеи.

Глава 4
О тех, кто присутствовал на скромном празднике мельника

Когда процессия вступила в гостиную, среди собравшихся произошла некоторая заминка в беседе, вызванная появлением новых гостей и (само собой разумеется) очаровательным обликом Энн. Затем почтенные отцы семейств, имеющие дочерей на выданье, разглядев, что перед ними едва сформировавшаяся девушка, перестали обращать на нее внимание и вернулись к прерванной беседе и к своим кружкам с пивом.

Мельник Лавде успел за эти дни сдружиться с половиной солдат из лагеря, что самым наглядным образом проявилось в посетившей его в этот вечер компании — как в смысле ее пестроты, так и во многих других смыслах. Среди присутствующих прежде всего бросались в глаза сержанты и старшие сержанты полка, в котором служил Джон Лавде: все молодцы, как на подбор, они сидели, освещаемые пламенем свечей, и, как видно, отдыхали и душой и телом; кроме них было еще несколько унтер-офицеров и

кое-кто из иностранного гусарского полка: один немец, два венгра и один швед. Лица их были овеяны печалью — казалось, юноши тосковали по дому. Все они вполне пристойно изъяснялись по-английски. Самое старшее поколение было представлено Симоном Берденом, пенсионером, а почтенный возраст между пятым и шестым десятками — закадычным другом и соседом Симона капралом Тьюлиджем, который был туг на ухо и сидел в шляпе, надетой поверх красного бумажного платка, обмотанного вокруг головы. Оба эти ветерана несли сторожевую службу на ближайшем маяке, недавно воздвигнутом по приказу командующего гарнизоном, дабы не прозевать высадку неприятеля и вовремя зажечь сигнальные костры. Старики жили в крохотной хибарке на холме, возле куч хвороста, но на этот вечер нашли добровольцев, согласившихся подежурить вместо них.

За ними, в соответствии с более низким общественным положением и меньшим жизненным опытом, следовало назвать их соседа Джеймса Комфорта, служившего когда-то добровольцем, солдата по своей охоте и кузнеца по роду занятий, а также представителей местного ополчения: Уильяма Тремлета и Энтони Криппстроу. Оба

эти воина были в обычной крестьянской одежде и, скромно притулившись в уголке, с почтением поглядывали на солдат регулярной армии. Остальная компания состояла из соседей-фермеров с женами, приглашенных мельником, как с облегчением отметила про себя Энн, дабы они с матерью не оказались единственными женщинами на пирушке.

Лавде-старший шепотом принес миссис Гарленд свои извинения по поводу того, что ей придется разделить общество простых крестьян.

— Ведь они теперь, сударыня, овладевают военным искусством: готовятся встать на защиту родины и своего очага, да к тому же столько лет работали у меня, — ну я и решил пригласить их: подумал, что вы не будете на меня за это в обиде.

— Разумеется, нет, сосед Лавде, — сказала вдова.

— Вот тоже и старики Берден и Тьюлидж. Они немало и с честью послужили в пехоте, да и сейчас еще им иной раз куда как несладко приходится там, на маяке, в непогоду. Так что я сначала покормил их на кухне, а потом пригласил сюда, послушать пение. А они мне зато слово дали, что прибегут к нам, как только покажутся неприятельские суда с пушками; зажгут сигнал на маяке

— и прямо сюда. А то ведь мы сами-то можем и проглядеть. Так что, понимаете, они тоже пригодятся, хоть и чудаковаты малость.

— Вы совершенно правы, сосед, — согласилась вдова.

Энн была очень смущена при виде лиц военного звания, представленных в таком внушительном количестве, и поначалу вела беседу только со знакомыми женами фермеров да с двумя стариками солдатами — жителями деревушки.

— А почему ты вчерась не захотела перекинуться со мной словечком, девушка? — спросил капрал Тьюлидж, старик помоложе, сидевший в шляпе. Энн в это время беседовала со стариком Симоном Берденом. — Ты встрелась мне на тропке и даже не взглянула на меня, — добавил он с укором.

— Простите, я очень сожалею, — сказала Энн, но слова ее пропали даром, так как она не решалась кричать во все горло в таком большом обществе, и капрал не услышал ни звука.

— Небось шла и мечтала невесть о чем, — продолжал громко разглагольствовать безжалостный капрал. — Да, стариков теперь не замечают, все смотрят на молодых! А ведь я не забыл, как младший-то Лавде, Боб Лавде, подкарауливал,

бывало, тебя повсюду.

Щеки Энн вспыхнули, и она положила конец этому чрезмерному углублению в прошлое, поспешно заявив, что неизменно с большим почтением относится к таким пожилым людям, как он. Капралу же показалось, что она осведомилась, почему он сидит в шляпе, и он пояснил, что был ранен в голову в битве при Валансьенне в июле девяносто третьего года.

— Мы вели орудийный обстрел крепости, и осколок снаряда угодил мне в голову. Двое суток я был почитай что мертвец. Если б не эта рана да раздробленная рука, я бы, отслужив двадцать пять лет в армии, вернулся домой целехонек.

— Говорят, у тебя в череп вставлена серебряная пластинка, верно, капрал? — спросил Энтони Криппlстроу, придвигаясь поближе. — Говорят, это прямо чудо искусства — так ловко они починили тебе башку. Может, барышня хочет посмотреть, где она вставлена? Любопытная штука, мисс Энн, такое не каждый день увидишь.

— Нет-нет, спасибо, — торопливо сказала Энн, страшась, как все молодые девушки Оверкомба, увидеть капрала с непокрытой головой.

С тех пор как он вернулся из армии в девяносто четвертом году, его никто не видел без шляпы и

носового платка, повязанного вокруг головы, и по деревне шли толки, что вид его без этого головного убора настолько страшен, что довел до судорог маленького мальчика, случайно увидевшего капрала, когда тот, сняв шляпу, ложился спать.

— Ладно, коли уж барышня не хочет поглядеть на твою голову, может, захочет послушать твою руку? — не унимался Криппlстроу, которому очень хотелось угодить Энн.

— Чего? — переспросил капрал.

— Рука у вас тоже повреждена? — выкрикнула Энн.

— Раздавило в лепешку тогда же, когда и голову, — равнодушно сообщил Тьюлидж.

— Погреми рукой, капрал, дай ей послушать, — сказал Криппlстроу.

— Ага, сейчас, — сказал капрал, не спеша поднимая поврежденную конечность и всем своим видом показывая, что, хотя демонстрация этого чуда уже утратила для него прелесть новизны, готов сделать одолжение. И принялся безжалостно вертеть правой рукой левую, вызывая в последней громкий треск костей и доставляя этим жутким звуком чрезвычайное удовольствие Криппlстроу.

— Какой ужас! — пробормотала Энп, мучитель-

но желая, чтобы эта пытка прекратилась.

— Господь с вами, да ему совсем не больно. Верно, капрал? — сказал Криппlстроу.

— Нисколечко, — подтвердил капрал, продолжая с большим усердием крутить одной рукой другую.

— Кости-то совсем мертвые, совсем мертвые — я же ей говорю, капрал.

— Совсем мертвые.

— Все равно как мешок с кеглями, — продолжал свои пояснения Криппlстроу. — Они все хорошо прощупываются, барышня. Если пожелаете, он сейчас вмиг закатает для вас рукав.

— О нет, нет, не нужно, пожалуйста, не нужно. Я и так верю, — сказала девушка.

— Ну так что? Хочет она еще смотреть и слушать или не хочет? — спросил капрал, давая понять, что не желает терять время даром.

Энн заверила его, что не хочет ни под каким видом, и ловко выскользнула из своего угла.

Глава 5
Непрошеный гость появляется с песней

Драгуну-трубачу тем временем удалось пробраться поближе к Энн; он явно получал большое удовольствие от ее общества с первой же минуты ее появления. Энн держалась с ним непринужденно, спрашивала, полагает ли он, что Бонапарт в самом деле пожалует сюда этим летом, и задавала еще множество других вопросов, на которые храбрый драгун не мог дать ответа, но которые тем но менее ему было приятно выслушивать. Уильям Тремлет, начисто лишившийся сна, как только прошел слух, что первый консул может появиться в их краях, навострил уши, едва разговор коснулся этой темы, и спросил, видел ли уже кто-нибудь своими глазами страшные плоскодонные лодки, на которых собирается высадиться неприятель.

— Мой брат Роберт видел их недалеко от берега, когда последний раз пересекал Па-де-Кале, — сказал трубач и еще больше ошеломил собравшихся, добавив, что лодок этих, как предполагают, около

полутора тысяч и каждая может принять на борт до сотни солдат. Так что высадку десанта в сто пятьдесят тысяч солдат можно ожидать в любой день, стоит только Бонапартишке привести в исполнение свой план.

— Господи, помилуй нас и спаси! — воскликнул Уильям Тремлет.

— Если они и рискнут, то только ночью, — уверенно заявил старик Тьюлидж, полагавший, как нечто само собой разумеющееся, что его ночные бдения на маяке позволяют ему лучше провидеть надвигающиеся события. — Я так считаю, что для высадки десанта они, понятно, изберут вон то местечко, — продолжал он, равнодушно кивнув в сторону берега, находящегося в пугающей близости от дома, где происходило сборище, причем представители местною ополчения Тремлет и Криппlстроу постарались сделать вид, что это соображение нисколько их не пугает.

— И когда, по-вашему, должно это произойти? — спросил воин-доброволец кузнец Комфорт.

— День указать не могу, — отвечал капрал, — но, уж конечно, они воспользуются приливом и, вместо того чтобы выгребать против течения, попросту дадут ему нести лодки и попадут прямехонько в Бедмутскую бухту. Это будет очень

красивая военная операция, если ее ловко провести!

— Красивая! — проворчал Криппллстроу, беспокойно ворочаясь внутри своей одежды. — А что, если мы все будем в это время в постелях, капрал? Когда человек в одной сорочке, от него трудно ждать чудес храбрости, а в особенности от нас, от местных ополченцев, — ведь мы пока освоили только один прием: «ружье на плечо».

— Он не высадится этим летом. Он вообще никогда не высадится, — решительно заявил высоченный старший сержант.

Солдат же Лавде был всецело поглощен Энн и ее мамашей и не принимал участия в этих прогнозах; все его усилия были сейчас направлены на то, чтобы раздобыть для своих дам самое лучшее вино, из того, что имелось в доме, которое, к слову сказать, так незаметно пересекло Ла-Манш и темной ночью было выгружено на скалистом берегу, что Бонапарт со своим войском мог только позавидовать такой удаче. Затем трубач попросил Энн спеть, однако девушка, хотя и обладала очень милым голоском для домашнего, так сказать, употребления, отклонила его просьбу и перевела разговор на другое, не без некоторого замешательства осведомившись о его брате Ро-

берте, который был только что упомянут.

— Роберт жив-здоров. Благодарю вас, мисс Гарленд, — ответил трубач. — Он сейчас плавает подшкипером на бриге «Черная чайка». Хотя по годам ему бы еще рановато на такую должность, да хозяин судна очень ему доверяет. — И, мысленно углубляя портрет описываемого персонажа, трубач добавил: — Боб влюблен.

Энн, казалось, была заинтересована и приготовилась внимательно слушать, но трубач ограничился этим сообщением.

— И сильно он влюблен?

— Не берусь сказать. Но вот что чудно — он никому не говорит, кто эта дама. Никто этого не знает.

— Ну, ведь когда-нибудь он об этом поведает, — подчеркнуто равнодушно заметила Энн, давая понять, что вопросы плотской любви лишены для нее интереса.

Трубач с сомнением покачал головой, и их уединенной беседе был положен конец одним из сержантов, который внезапно затянул песню; ее подхватили другие солдаты, причем каждый по очереди исполнял свой куплет, встав из-за стола, вытянувшись во весь рост и до отказа задрав кверху подбородок, словно задавшись целью на-

тянуть кожу на шее как можно туже, так, чтобы не осталось ни единой складки. Когда с пением было покончено, один из гусар-иноземцев — «очень любезный, воспитанный», по словам мельника Лавде, немец, отрекомендовавший себя венгром, а по сути дела, не имевший принадлежности к какой-либо одной стране, исполнил по просьбе трубача — «чтобы мисс Энн поглядела, какие он откалывает штуки», — несколько довольно необычных телодвижений, названных им национальным танцем. Украшением компании была мисс Гарленд. Солдаты все, как один — и англичане и иноземцы, — были, по-видимому, совершенно очарованы ею, как оно и должно было быть, принимая во внимание, насколько редко доводилось им бывать в обществе такой дамы.

Энн и ее мамаша уже подумывали удалиться на свою половину, когда сержант Станнер из энского пехотного, призывавшийся в армию в Бедмуте, затянул шутливую песенку:

Когда меж двух соседей спор
Уладит миром крючкотвор,
Тогда своих солдат в поход
На Лондон Бони поведет.

Хор подхватил припев:

Рол-ли-кэм ро-рэм, тол-лол-ло-рэм,
Рол-ли-кэм ро-рэм, тол-лол-лей.

Когда не будет плут в чести,
А суд начнет закон блюсти,
Тогда своих солдат в поход
На Лондон Бони поведет.

Хор:

Рол-ли-кэм ро-рэм, тол-лол-ло-рэм,
Рол-ли-кэм ро-рэм, тол-лол-лей.

Когда, проклявши серебро,
Богач раздаст свое добро,
Тогда своих солдат в поход
На Лондон Бони поведет

Хор:

Рол-ли-кэм ро-рэм...[1]

Бедняга Станнер! Не помогли ему его сатирические куплеты. Через несколько лет после столь приятно проведенного лета вблизи морского курорта — резиденции короля Георга — он пал на поле кровавой битвы при Альбуэре, смертельно

---

[1] Примечания: 1
Пер. И. Гуровой.

раненный и растоптанный конем французского гусара, в тот момент, когда бригада под командованием Бересфорда перестраивалась для атаки.

И вот по окончании тринадцатого и, по-видимому, последнего куплета, едва мельник Лавде успел сказать: «Здорово, мистер Станнер!» — а мистер Станнер скромно выразить сожаление по поводу того, что не мог спеть лучше, как за ставнями раздался громовый голос, повторивший снова:

Рол-ли-кэм мо-рэм, тол-лол-ло-рэм,
Рол-ли-кэм ро-рэм, тол-лол-лей.

При столь неожиданном подкреплении извне среди собравшихся на мгновение воцарилась тишина, и только представители военного сословия постарались сделать вид, что их ничем не удивишь. Пока все раздумывали, кто бы это мог быть, на крыльце раздались шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел молодой человек в форме кавалериста территориальной конницы, ростом и сложением напоминавший Геркулеса Фарнезе.

— Это молодой эсквайр Дерримен, племянник старого мистера Дерримена, — зашептались в глубине комнаты.

Не тратя времени на приветствие, а быть мо-

жет, уже уяснив себе, кого он здесь перед собой видит, молодой гигант взмахнул шляпой над головой и грянул снова, да так, что стекла задребезжали в окнах:

Когда болтать и день и ночь
Вдруг станет женщинам невмочь,
Тогда своих солдат в поход
На Лондон Бони поведет.

Хор подхватил:

Рол-ли-кэм ро-рэм, тол-лол-ло-рэм…

Куплет этот был опущен галантным Станнером из уважительности к дамам.

Новоприбывший был рыжеволос, румян и, по-видимому, твердо убежден в том, что, явившись сюда по собственному почину, доставил собравшимся немалое удовольствие, что, впрочем, не противоречило действительности.

— Без церемоний, друзья мои, — сказал он. — Проходил мимо, и мои уши уловили ваше пение. Я люблю песни — душу согревают и веселят, ими не следует пренебрегать. Пусть кто-нибудь попробует сказать, что я не прав.

— Милости прошу, мистер Дерримен, — сказал мельник, наполняя стакан и протягивая молод-

цу. — Вы, значит, прямо из казармы? А ведь я вас не узнал спервоначалу — в военной-то форме. Как-то привычней видеть вас с лопатой в руках, сэр. Я бы нипочем вас не признал, если бы не слышал, что вы уже записались.

— С лопатой привычней? Думай, что говоришь, мельник! — сказал гигант, багровея еще пуще. — Я не люблю гневаться, но… но… честь мундира, знаете ли!

В глубине комнаты среди солдат послышались смешки, и доблестный кавалерист только тут заметил, что он не единственный представитель военного сословия в этой компании. Какую-то секунду он пребывал в замешательстве, но тут же обрел обычную уверенность в себе.

— Ничего, ничего, мистер Дерримен, не обижайтесь — я просто пошутил, — сказал добродушный мельник. — Теперь все стали солдатами. Хлебните-ка этого успокоительного и не придавайте значения моим словам.

Молодой человек незамедлительно хлебнул и сказал:

— Да, мельник, меня призвали в армию. И время сейчас беспокойное для нас, солдат. Наша жизнь в наших собственных руках. Чего эти молодцы там, за столом, скалят зубы? Я повторяю:

наша жизнь в наших руках!

— Приехали погостить денек-другой на ферме у вашего дядюшки, мистер Дерримен?

— Нет-нет. Я же сказал — мы в шести милях отсюда. Нас расквартировали в Кастербридже. Но я должен проведать старого… старого…

— Старого господина?

— Господина! Старого скрягу. Он питается опилками. Ха-ха! — Ровные белые зубы его сверкнули, как первый снег на кочане красной капусты. — Впрочем, ремесло воина делает нечувствительным к таким мелочам, и я довольствуюсь малым.

— Вы совершенно правы, мистер Дерримен. Еще стаканчик?

— Нет-нет. Я никогда не пью лишнего. И никто не должен. Так что не искушайте меня.

Тут он увидел Энн, и какая-то непонятная сила повлекла его туда, где сидели женщины. По дороге он бросил Джону Лавде:

— А, это ты, Лавде! Я слышал, что ты здесь. Признаться, я пришел тебя проведать. Рад видеть тебя снова в добром здравии под отчим кровом.

Трубач ответил на приветствие вежливо, хотя, быть может, несколько угрюмо: продвижение Дерримена в сторону Энн, по-видимому, при-

шлось ему не по душе.

— Так это же дочка вдовы Гарленд! Ну конечно, это она! Вы меня помните? Я бывал здесь когда-то, Фестус Дерримен, из территориальной конницы.

Энн слегка присела.

— Я помню только, что вас зовут Фестус…

— Да-да, меня все знают… особенно теперь. — Он доверительно понизил голос. — Я вижу, ваши приятели обескуражены моим появлением: что-то примолкли. Я никак не намерен нарушать ваше веселье, однако часто замечаю, что все приходят в замешательство при моем появлении, особенно когда я в мундире.

— Вот как! Все приходят в замешательство?

— Да. Что-то во мне есть. — Он еще больше понизил голос, словно они с Энн знали друг друга чуть не с пеленок, хотя на самом деле он видел ее не больше двух-трех раз в жизни. — А вы как тут очутились? Мне это совсем не нравится, разрази меня гром! Такая приятная молодая леди — и в такой компании. Вам бы побывать на одной из наших вечеринок в Кастербридже или в Шоттсфорд-Форуме, где собираются йемены. И дамы, дамы бывают тоже! У нас; там все почтенные люди, все из хороших, солидных фамилий, многие даже землевладельцы, и все до единого имеют

своих собственных коней, что этим мужланам, конечно, не по карману. — И он кивком указал на драгун.

— Тише, тише! Ведь это же все приятели и соседи мельника Лавде, а он наш большой друг… самый лучший наш друг! — с жаром проговорила Энн, краснея от возмущения при этих несправедливых и обидных для хозяина словах. — Как можно так говорить! Это неблагородно!

— Ха-ха! Вы оскорбились. Это зря, мой прекрасный ангел, моя прекрасная… как это говорится… прекрасная весталка. Хотел бы я видеть вас в своем доме — вот где бы вам был оказан должный прием! Но сейчас честь должна стоять на первом месте, галантность — на втором. О-ля-ля! Прошу прощения, моя прелесть, вы мне нравитесь! Может, я и роняю себя, ведь я как-никак землевладелец, но все равно вы мне нравитесь.

— Сэр, прошу вас, уймитесь, — в полном смущении и расстройстве проговорила Энн.

— Хорошо-хорошо. Ну, капрал Тьюлидж, как ваша голова? — вопросил Дерримен, направляясь в другой конец комнаты и предоставив Энн самой себе.

Компания снова мало-помалу развеселилась, и прошло немало времени, прежде чем сей хваст-

ливый Руфус нашел в себе силы покинуть это приятное общество и доброе вино, хотя последним он уже успел основательно накачаться еще прежде, чем переступил порог. Местные жители знали этому молодчику цену, а солдаты из лагеря, сидевшие за столом, посасывали свои трубки, скрывая усмешку, и не без добродушной иронии подмигивали друг другу, и Джон Лавде не отставал от прочих. Однако и он, и его приятели были слишком хорошо воспитаны, чтобы обращать внимание на пространные излияния этого молодца, и охотно позволяли ему поучать их и давать им разнообразные советы по части жизни воина в походе и на бивуаке. Драгунам, казалось, было совершенно все равно, кто и что на этот счет думает, лишь бы им самим не докучали этими разговорами, и как ни странно, но военное искусство, по-видимому, интересовало их меньше всего. А вот искусство хорошо попировать в доброй компании на оверкомбской мельнице да различные хозяйственные заботы мельника, количество его кур, состояние его пчелиных роев, откорм его свиней — все эти предметы представляли для них куда больший интерес.

Автор этих строк, коему вышеозначенное пиршество было описано несчетное количество раз

многими представителями фамилии Лавде и другими почтенными лицами, ныне уже отошедшими в мир иной, не может переступить порога старой гостиной на оверкомбской мельнице без того, чтобы веселая эта сцена не возникла у него перед глазами, слегка затуманенная дымкой семи-восьми десятилетий, минувших с той поры. Прежде всего взор его ослепляют огни дюжины свечей, расставленных повсюду, без всякой оглядки на их стоимость, и заботливо очищаемых от нагара самим хозяином, который каждые пять минут обходит всю комнату с щипцами в руке и отщипывает кончики фитилей с такой старательностью и с таким решительным видом, словно орудует не щипцами для снятия нагара, а ножом гильотины. Далее глаз начинает различать красные и синие мундиры и белые лосины солдат, которых собралось тут десятка два, не считая величественного Дерримена, чья голова, как, впрочем, и головы всех, кто не сидит, а стоит, находится в опасном соседстве с закопченными балками потолка. Никому, ни единому человеку из присутствующих здесь, еще не известно значение слова «Виктория», и ни для кого еще слово «Ватерлоо» не звучит предвестником его грядущей смерти или славы. И, наконец, перед автором

возникает сдержанная и невинная Энн, нимало не помышляющая о том, что готовит ей судьба в самом недалеком будущем. Вот она с тревожной улыбкой поглядывает искоса на Дерримена, который, звеня портупеей, топчется по комнате; она горячо надеется, что он уже не почтит ее больше своим вниманием, заведя приватный разговор, а он именно это и делает, ибо фигурка в белом муслине неудержимо влечет его к себе. Она же на сей раз вынуждена быть с ним более любезной, дабы он из сентиментального ухажера не превратился снова в грубияна, — превращение, как подсказывает ей наблюдательность, отнюдь не являющееся недостижимым для этого воина.

— Ну ладно, эти пустые забавы не по мне, друзья, — заявил он наконец, к большому облегчению Энн. — Говоря по чести, мне вообще не следовало сюда заходить, но я услышал, как вы развлекаетесь, и решил: надо поглядеть, что тут такое. А мне до ночи предстоит отмахать еще не одну милю. — С этими словами он потянулся, раскинув руки и задрав кверху подбородок, отряхнулся с таким видом, словно хотел не оставить на своей персоне ни одной неподобающей складки или морщинки, небрежно пожелал всем доброй ночи и удалился.

— Жаль, что ты не подразнил его еще малость, отец, — без улыбки заметил трубач. — Еще немного, и он рассвирепел бы как медведь.

— А зачем мне его раздражать — ни к чему это. Он в общем-то пришел к нам по-хорошему, — возразил добряк мельник, не поднимая глаз.

— Ну да! По-моему, он был не слишком-то дружелюбен, — возразил Джон.

— С соседями нужно жить в ладу, разве уж что терпежу не станет, — добродушно заметил отец, снимая пиджак, чтобы пойти нацедить еще пива; эта необходимость периодически разоблачаться до рубашки объяснялась малыми размерами погреба и постоянной угрозой, что на парадную одежду налипнет паутина.

Кто-то из гостей заметил, что Фес Дерримен не такой уж скверный малый, нужно только уметь с ним обращаться и потрафлять ему; другие заявили, что он, в сущности, никому не причиняет вреда, кроме самого себя, а дамы постарше оживленно упомянули о том, что после дядюшкиной смерти он должен получить немалую толику денег. Только один человек не сказал ничего в его пользу — это был тот, кто знал его лучше других, кто много лет рос с ним вместе, когда он жил в большей близости от Оверкомба, чем ныне. Этим

единственным человеком, воздержавшимся от всяких похвал по его адресу, был трубач.

Глава 6
Старый мистер Дерримен, владелец Оксуэлл-холла

В описываемый нами период истории Оверкомба какая-нибудь случайная газета нет-нет да и попадала в деревню. Бедмутский почтмейстер (который благодаря своим служебным связям каким-то таинственным путем приобретал эту газету совершенно бесплатно) одалживал ее мистеру Дерримену из Оксуэлл-холла, а тот, прежде чем газета становилась двухнедельной давности, передавал ее миссис Гарленд. Все, кто хоть немного помнит старика эсквайра, отлично, разумеется, понимают, что эта восхитительная привилегия: узнавать о событиях, происшедших в мире, из газетных столбцов — не была предоставлена вдове Гарленд за здорово живешь. Таким бесхитростным способом старик эсквайр расплачивался с вдовой за те услуги, которые ее дочь время от времени ему оказывала: читала вслух и вела его счета, — ибо сам эсквайр, чей капитал, исчисляемый в гинеях, уже достигал, как поговаривали, пятизначного, а по утвержде-

нию некоторых — и шестизначного числа, был не особенно силен в этих делах.

Почтенная вдова миссис Марта Гарленд занимала некое промежуточное положение между погрязшими в невежестве односельчанами, с одной стороны, и хорошо осведомленным джентри — с другой, и любезно помогала первым в написании и чтении писем и переводе с печатного языка на обычный. Нельзя сказать, чтобы она не получала известного удовольствия, когда, стоя вечером на пороге своего дома с газетой в руке в окружении кое-кого из соседей и с удовлетворением поглядывая на их разинутые рты, преподносила им какое-нибудь наиболее захватывающее сообщение, выбранное ею по своему усмотрению из вороха текущих событий. Покончив с газетой, миссис Гарленд передавала ее мельнику, мельник — своему помощнику, а помощник — своему сыну, в руках которого она начинала делиться на половинки, четвертушки и неравносторонние треугольники и заканчивала дни свои в форме бумажного колпака, затычки для фляги или упаковки для хлеба с сыром.

Несмотря на свое деловое соглашение с миссис Гарленд, старик Дерримен задерживал у себя газету так долго и так жалел тратить время своего

слуги на поручения чисто интеллектуального порядка, что газета редко попадала в руки вдовы, если она за ней не посылала. Посыльным всегда была Энн. Прибытие в их местность солдат побудило миссис Гарленд послать дочь за газетой на следующий же день после вечеринки у мельника, и Энн, надев шляпку и накинув пелеринку, отправилась прямо в противоположную от военного лагеря сторону.

Пройдя лугом мили две, Энн отворила калитку в ограде и вышла на большую дорогу. По другую сторону дороги лежало какое-то заброшенное пастбище с поломанными жердями ограды, валявшимися по обе стороны ворот, и с полусгнившими воротами, потерявшими нижнюю перекладину. На сухой утрамбованной земле вырубки виднелись следы лошадиных и коровьих копыт, уже слабо различимые от наслоившихся на них отметин бесчисленных овечьих копыт, поверх которых прошлись еще ноги людей и собак. Среди всех этих геологических напластований вилась колея, почти заросшая травой, и по этой дороге Энн продолжала свой путь. Дорога спустилась по отлогому склону, нырнула под сень каштанов и старого, с потемневшей корой вяза и, когда впереди стал слышен шум водопада

и морского прибоя, круто свернула в сторону, огибая болотце, заросшее жерухой и водяным крессом и бывшее когда-то рыбным садком. Тут из-за деревьев выглянул угол серого обветшалого здания. Это был Оксуэлл-холл — усадьба угасшего рода, обращенная ныне в ферму.

Бенжамен Дерримен, теперешний владелец этого разрушенного гнезда, был некогда всего лишь фермером-арендатором окрестных земель. Его жена принесла ему в приданое небольшое состояние, и когда его единственный сын был еще подростком, произошел раздел поместья Оксуэллов, и фермер, к тому времени уже вдовец, получил возможность приобрести дом с небольшим прилегающим к нему участком земли за баснословно низкую цену. Но два года спустя он потерял и сына, и с той минуты жизнь как бы остановилась для него. Поговаривали, что после этого печального события Дерримен завещал дом и землю какой-то своей дальней родственнице, дабы ничего не попало в руки его племянника, которого он терпеть не мог; впрочем, достоверно ничего известно не было.

Дом этот был весьма интересен, как всякая пришедшая в упадок усадьба, что очень убедительно показывает некий великолепный труд

по истории графства. В этом знаменитом сочинении, изданном ин-фолио, имелась старинная гравюра, выполненная по заказу последнего отпрыска исконных владельцев поместья, и из этого произведения искусства явствовало, что в 1750 году, сиречь в год его публикации, окна этого здания были покрыты мелкими царапинами, напоминавшими зигзаги черных молний, над каждой печной трубой завихрялся крутой завиток дыма, похожий на охотничий рог, на газоне в напряженной позе застыла нарядная дама, прогуливающая комнатную собачку, а над деревьями с северо-восточной стороны повисло грузное облако и девять птиц неизвестной породы, распластавших крылья по небу.

Это запущенное и разрушающееся жилище обладало всеми романтическими достоинствами и практическими недостатками, присущими любым замшелым местам подобного рода, таким как пещеры, утесы, пустоши, ущелья и прочие поэтические уголки, в которых люди с возвышенной душой жаждут жить и умереть. На стенах, покрытых плесенью на три фута от земли, с успехом можно было бы выращивать горчицу или кресс-салат, а в кладовой между каменными плитами пола росли грибы на изысканно тонких

ножках. Что же касается наружного вида дома, то здесь природа постаралась за этот щедро отпущенный ей срок размыть, стереть и уничтожить то, что не было приведено в негодность человеком, и потому подчас было нелегко определить, кто же из них явился причиной того или иного разрушения. Лепные украшения у входа утратили отчетливость своих форм, но произошло ли это от бесчисленного прикосновения чьих-то плеч и втаскивания и вытаскивания громоздкой мебели или то были следы времени в более величественной и абстрактной форме — решить не представлялось возможным. Железные прутья оконных решеток, изъеденные ржавчиной от дыхания многих поколений, оседавшего на них, словно роса, сделались у своего каменного основания тонкими, как проволока; стекла же либо помутнели совершенно, либо стали радужными, как павлиний хвост. Над входом сохранились солнечные часы; их расшатавшийся гномон свободно покачивался на ветру, отбрасывая свою тень то туда, то сюда и словно говоря: «Вот вам ваши прекрасные точные часы; вот вам любое время на любой вкус; это старые солнечные часы; неустойчивость — лучшая политика на свете».

Энн вошла в сводчатый портик главного входа,

откуда винтовая лесенка вела в комнату привратника. Расположенная вдоль дома галерея с аркадами была перегорожена в нескольких местах, и Энн отворила первую загородку и закрыла ее за собой. Необходимость этих загородок стала очевидной, едва она за нее ступила. Грязь и навоз толстым слоем покрывали старинные плиты галереи, в которой обитали телята, гуси, утки и на удивление огромные свиньи с поразительно крошечными поросятами. Под крестовым сводом несколько телок, вытянув шеи, с довольным видом лизали лепную капитель, поддерживавшую свод. Энн направилась ко второй арке, в которую также была вделана перегородка, дабы скот не мог находиться в постоянном общении с обитателями дома. Дверного молотка не было, и Энн постучала небольшой палкой, которая была оставлена у стены для этой цели, но так как на стук никто не откликнулся, Энн вошла в холл и снова постучала — в дверь, ведущую во внутренние покои.

Послышался легкий шорох, дверь приоткрылась примерно на дюйм, и в образовавшейся щелке показалась часть увядшего лица — один глаз в окружении сетки морщин.

— Простите, пожалуйста, я пришла за газе-

той, — сказала Энн.

— А, это ты, милая Энн? — жалобно проскулил обитатель этого жилища, чуть-чуть увеличивая щелку. — Я так ослаб, что едва-едва добрался до двери.

Слова эти принадлежали старому, высохшему джентльмену в куртке того цвета, который являлся преобладающим на его скотном дворе, в панталонах того же оттенка, расстегнутых у колен, где над чулком виднелся кусок голой ноги, однако ослепительно белое жабо словно стремилось возместить небрежность нижней части туалета. Сквозь прозрачную кожу лба над глазными впадинами просвечивали кости черепа, а углы тонкого рта по самомалейшему поводу растягивались до ушей. Старик тяжело заковылял обратно в глубь комнаты, и Энн последовала за ним.

— Хорошо, ты можешь получить газету, если хочешь, только вы никогда не оставляете мне времени, чтобы поглядеть, что там написано! Вот, получай. — Он протянул Энн газету, но прежде чем она успела ее взять, отдернул руку. — Мне, можно сказать, так и не досталась газета, зрение у меня слабое, а тут не успеешь оглянуться, как за ней приходят! Меня обвели вокруг пальца

с этой газетой. Ну что ж, уносите. У меня останется сознание, что я исполнил свой долг перед людьми. — И в полном изнеможении он утонул в кресле.

Энн сказала, что не хочет брать газету, если он ее еще не прочел, но ведь она пришла на этот раз даже позже, чем обычно, — из-за солдат.

— Солдаты. Да будь они прокляты, эти солдаты! Теперь все живые изгороди поломают, и все курятники обворуют, и всех молочных поросят украдут, и мало ли что еще может случиться! А кто будет за это платить, хотел бы я знать? Верно, из-за этих солдат, которые сюда препожаловали, ты уже не соблаговолишь остаться и почитать мне то, что я еще не успел прочесть сам?

Энн сказала, что почитает, если ему этого хочется, она никуда не спешит. И, опустившись на стул, развернула газету:

— «Обед в Карлтон-Хаусе».

— Нет-нет! Что мне до этого.

— «Оборона страны»?

— Можешь прочесть, если хочешь. Бог даст, в нашем приходе не будут ставить солдат на постой или устраивать еще какие-нибудь безобразия в этом роде. Ведь что делать такому несчастному, убогому калеке, как я, если в этот дом нагонят

солдат? Мне же их нечем кормить.

Энн принялась читать, но уже минут через десять ее занятие было прервано появлением на болотистой равнине за окном колоссальной фигуры в мундире территориальной конницы.

— Что это ты там увидала? — с испугом спросил старик фермер, когда Энн запнулась и слегка покраснела.

— Там солдат… Из территориальной конницы, — сказала девушка, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Провалиться мне, если это не мой племянник! — воскликнул старик, задрожав всем телом, словно в предчувствии неисчислимых бедствий, и фосфорическая бледность разлилась по его лицу, в то время как он пытался изобразить вымученно-радостную улыбку, дабы приветствовать прибывшего к нему родственника. — Покорнейше прошу: читайте дальше, мисс Гарленд.

Но долго Энн читать не пришлось: посетитель, перешагнув через загородку в галерее, появился в комнате.

— Ну, дядюшка, как поживаете? — спросил гигант, тряся руку старика с такой силой, словно дергал веревку большого колокола. — Рад вас видеть.

— Плоховато, Фестус, слабею все, — выдавил старик, продолжая дрожать всем телом от внезапно полученного им сотрясения. — Ой, полегче, прошу тебя, дорогой племянничек, помилосердствуй! У меня рука слабая, как паутинка.

— Ах вы, бедняга!

— Да, от меня уже один скелет остался. Со мной надо обращаться бережно.

— Весьма огорчен и постараюсь не забывать о вашем бедственном состоянии. Да что вы так дрожите, дядюшка Бенджи?

— А это все от радости, — ответил старик. — Меня всегда начинает трясти как в лихорадке, когда ко мне нежданно-негаданно приезжают мои любимые родственнички.

— А, вот оно что! — воскликнул племянник, так громко хлопнув ладонью по спинке кресла дядюшки, что тот испуганно подпрыгнул фута на три и плюхнулся обратно. — Прошу прощенья, что напугал вас, дядюшка. Но это у нас в полку такой обычай, а я позабыл, что вы больно пугливый. Вы небось совсем не ожидали меня увидеть, а я тут как тут.

— Я рад тебя видеть. Ты, верно, к нам ненадолго?

— Совсем напротив. Я намерен пробыть здесь

как можно дольше.

— О, вот как! Очень, очень рад, дорогой Фестус. Как можно дольше, ты сказал?

— Да, как можно дольше, — заявил молодой человек, усаживаясь на покатую крышку бюро и вытягивая ноги, чтобы упереться ими в пол. — Пока наша часть стоит тут, я буду заглядывать сюда, как в родной дом, всякий раз, как получу отпуск. А потом, осенью, когда война закончится, совсем приеду и буду жить с вами, и буду вам заместо родного сына, и помогу управляться с вашими землями и с фермой — словом, буду, так сказать, баюкать вашу старость.

— Ах как приятно это слышать! — промолвил старик, криво улыбаясь и судорожно сжимая подлокотники кресла, дабы не рухнуть на пол.

— Да-да. Я уже давно подумывал приехать к вам, дядюшка Бенджи, — знал ведь, как вам этого хочется, ну и просто не хватило духу не ублажить вас.

— Ты в этом смысле всегда был очень добр.

— Да. Я всегда был добр. Но должен с ходу предупредить вас, чтобы вы потом не слишком огорчались: я не смогу находиться при вас неотлучно, я хочу сказать — весь день: служба в коннице налагает, понимаете ли, известные

обязательства.

— Ах, так не весь день? Какая жалость! — воскликнул старик фермер, и тусклый взгляд его оживился.

— Я знал, что вы это скажете. И ночевать я здесь буду тоже не всегда — по той же причине.

— Не будешь оставаться на ночь? — проговорил старик с еще большим облегчением в голосе. — Но ты должен ночевать здесь… Ну конечно, ты должен. Нет, ты просто обязан! Но ты не можешь!

— Пока я в действующей армии — никак не могу. Но как только все это кончится, на следующий же день я буду с вами неотлучно и ночевать буду, чтобы доставить вам удовольствие, раз вы так горячо меня об этом просите.

— Спа… спасибо тебе, это будет очень приятно! — сказал дядюшка Бенджи.

— Да, я знаю, вам будет поспокойнее со мной. — И он снисходительно погладил дядюшку по голове, а старик при этом проявлении родственной нежности выразил свое удовольствие, скорчив чудовищную гримасу. — Мне бы следовало завернуть к вам еще прошлой ночью, когда я был тут неподалеку, — продолжал Фестус. — Но я и так слишком задержался и не мог дать такого крюка.

Вы не обижаетесь на меня?

— Нисколечко, раз ты не мог. Я никогда не буду обижаться на тебя, если никак не сможешь ко мне заглянуть. Понимаешь, Фести?

Оба умолкли, и так как племянник продолжал хранить молчание, дядюшка Бенджи прибавил:

— Жаль, что и я не мог припасти для тебя подарочка. Как на беду, у нас пало много скотины в этом году, и у меня страх какие расходы.

— Ах вы, бедняга... Да я знаю, знаю. Может, одолжить вам семь шиллингов, дядя Бенджи?

— Ха-ха! Ах ты, шутник! Ну что ж, я подумаю. Говорят, Бонапарт должен высадить свои войска точнехонько здесь, на нашем берегу? А территориальная конница должна будет дать ему отпор и стоять насмерть.

— Кто это говорит? — вопросил румяный сын Марса, выцветая на глазах.

— Малый, который разносит газеты.

— А, пустая болтовня! — храбро заявил Фестус. — Правительство одно время так полагало, да что оно знает! — Тут Фестус обернулся и воскликнул: — Кого я вижу! Никак это наша малютка Энн!

Энн при его появлении спряталась за газету, а потом потихоньку отошла в глубь комнаты, и он

только сейчас ее заметил.

— Скажите мне, мисс Энн, вы с матушкой намерены вечно торчать на этой мельнице, глазея на рыбешек в пруду?

Энн заставила себя поднять на Фестуса глаза и ответила, что будущее ей неизвестно, таким серьезным и искренним тоном, какого едва ли заслуживал заданный вопрос. При этом лицо ее вспыхнуло, порозовели даже плечи и шея, однако не потому, что огромные сапоги, устрашающего вида шпоры и прочие воинственные атрибуты кавалериста поразили ее воображение, как это подумалось Фестусу, а просто она не ожидала повстречаться с ним здесь.

— Надеюсь, что не вечно, и это в моих интересах, — сказал Фестус, не сводя глаз с округлой щечки.

Тут Энн приняла позу оскорбленного достоинства и холодно отвела взгляд, однако молодой человек, заметив ее недовольство, продолжал разговаривать с ней так вежливо и почтительно, что она невольно смягчилась, хотя и постаралась это скрыть. При каком-то особенно забавном замечании Фестуса ротик ее дрогнул, верхняя губка несмело обнажила краешек белых зубов, застыла на миг в этом состоянии… и обнажила их

совсем в невольной улыбке, но тут же приняла первоначальное положение. Так улыбка порхала по лицу Энн словно бабочка, в то время как приятное желание улыбнуться, не скрывая своего удовольствия, боролось с желанием проявить степенность и невозмутимость. Энн хотелось показать Фестусу, что она не желает слушать его комплименты, и в то же время дать понять, что не настолько бесчувственна, чтобы ему нужно было подавлять в себе все искренние чувства, которые ему хотелось бы выразить.

— Почитать вам еще, мистер Дерримен? — спросила она, прерывая излияния Фестуса. — Если нет, так я пойду домой.

— Прогоните меня, чтобы я вам больше не мешал, — сказал Фестус. — Через две минуты, как только ваш слуга почистит мне сапоги, меня здесь не будет.

— Мы не задерживаем тебя, племянник. Эта барышня должна получить газету. Сегодня ее черед. Но она может почитать мне немножко, ведь я с этой газетой почти что и не познакомился. Ну что же ты примолкла, моя милая? Будешь ты читать или нет?

— Буду, но только не двоим, — ответила Энн.

— Хо-хо! Я, значит, должен удалиться, черт

побери! — со смехом воскликнул Фестус, и, так как Энн не удостоила его больше ни единым взглядом, покинул комнату и, бряцая шпорами, направился на задний двор, где увидел слугу и, помахав ему рукой, крикнул:

— Энтони Криппlстроу!

Криппlстроу рысцой приблизился к нему, откинул со лба клок волос, водворил его на место и произнес:

— Да, сударь?

Он работал у старика Дерримена, помогая в чем придется по саду и огороду, и так же, как его хозяин, не претендовал на мужественную внешность и привлекательность вследствие сильно искривленного позвоночника и необыкновенного устройства рта, который растягивался только в одну сторону, отчего улыбка получалась какой-то треугольной.

— Ну, Криппlстроу, как дела? — покровительственно спросил его Фестус.

— Помаленьку, сударь, не так чтоб очень плохо. А как вы поживаете?

— Отлично. Давай-ка почисть мне сапоги: видишь, это военные сапоги, — я поставлю ногу на скамейку. Этот свиной хлев моего дядюшки не место для порядочного солдата.

— Хорошо, сударь, мистер Дерримен, я почищу. Да, конечно, это не место, сударь.

— Какая скотина пала в этом году у моего дядюшки, Крипплстроу?

— Сейчас скажу, сударь. Помнится, мы потеряли трех цыплят, одного голубя и одного недельного молочного поросеночка, а всего она их принесла десять штук. А больше я что-то ничего не припомню, сударь.

— Да, огромный падеж скота, ничего не скажешь! Вот старый мошенник!

— Нет, не очень много скота, сударь. Старый… как вы изволили сказать, сударь?

— Так, ничего. Он там сейчас. — Фестус мотнул головой в сторону дома. — Вонючий скряга.

— Хи-хи! Ай-ай-ай, мистер Дерримен! — сказал Крипплстроу, с восторженным осуждением покачивая головой. — Образованные господа не должны говорить такое. А вы еще и офицер к тому же, мистер Дерримен! Вы там у себя в конюшне не должны забывать, что в ваших жилах течет кровь прославленных предков и вам не след дурно отзываться о них.

— Он скупая скотина.

— Верно, сударь: признаться, он малость скуповат. Это уж так повелось — многие старые,

почтенные господа скуповаты. Ну, Бог даст, он не забудет вас в своем завещании, сударь.

— Надеюсь, не забудет. А что, здешний народ говорит что-нибудь обо мне? — спросил молодой человек, в то время как Крипплстроу продолжал возиться с его сапогами.

— Да, сударь, случается, что и говорят иной раз. Говорят, что наша добрая матушка-землица вырастила хороший кусок мяса и костей для нашей территориальной конницы… словом, все сходятся на том, что вы очень красивый малый, сударь. Хотелось бы мне так же мало бояться французов, как вы. Я ведь состою в местном ополчении, мистер Дерримен, и, поверите ли, каждую ночь вижу во сне, что защищаю родину от неприятеля, и этот сон совсем не доставляет мне удовольствия.

— А ты смотри на это веселее, как я, тогда мало-помалу привыкнешь и совсем перестанешь думать. Красивый мужчина — это еще не все, понимаешь ли. Да-да. В армии найдется кое-кто не хуже меня, а может, и лучше.

— И потом, еще говорят, что вы сумеете умереть как настоящий мужчина, когда падете на поле брани этим летом.

— Когда паду на поле брани?

— Ну да, да, так точно, сударь. Ох и горемычная ж судьбина! Ежечасно буду я молиться за упокой вашей души, когда вы будете гнить в своей солдатской могиле!

— Постой, — сказал наш воин, проявляя некоторое беспокойство. — Почему это они решили, что я должен погибнуть?

— Ну как же, сударь: по всему видно, что конница будет пущена вперед.

— Вперед? Вот и дядюшка говорил то же самое!

— Ну да, по всему видно, что так. И, уж конечно, ее скосят под корень, как былинку. И вас, бедняжку, такого молодого, такого храброго, заодно с остальными!

— Послушай, Криппlстроу, это же просто дурацкая болтовня. Как может конница быть пущена вперед? Да никто не будет пущен вперед. Какое нам, коннице, дело до высадки Бонапарта? Мы будем находиться в каком-нибудь безопасном месте, охраняя ценности и драгоценности. Ну, послушай, Криппlстроу, видишь ты хоть какой-нибудь резон в том, чтобы пускать конницу вперед? Ты думаешь, они и в самом деле могут это сделать?

— Да, сударь, боюсь, что могут, — сказал жизнерадостный Криппlстроу. — И я знаю, что такой

храбрый воин, как вы, будет только рад случаю показать себя. Это же такое почетное дело — смерть в ореоле славы! Я, по чести, желаю вам этого от всей души, да и всем так говорю… Правду сказать, я даже молюсь об этом по ночам.

— О! Черт бы тебя побрал! Никто тебя об этом не просит.

— Нет, сударь, никто, я сам.

— Конечно, мой меч выполнит свой воинский долг. Но хватит болтать! Убирайся отсюда.

Угрюмо насупившись, Фестус возвратился в комнату дядюшки и увидел, что Энн собирается уходить. Он хотел было тотчас же отправиться вместе с ней, но она уклонилась от его предложения, и он подошел к окну и, барабаня пальцами по ставне, наблюдал, как она пересекает двор.

— А, ты еще не ушел, племянник? — спросил старик фермер, с опаской косясь на Фестуса одним глазом. — Ты видишь, в каком я плачевном положении. И хоть бы чуть полегчало. Потому и не могу я принять тебя так, как бы мне хотелось.

— Не можете, дядюшка, не можете. Но я не нахожу, чтобы вам было хуже, нет, будь я проклят! Вам еще не раз представится случай оказать мне хороший прием, когда вы поправитесь. А если вам кажется, что вы начали сдавать, почему бы

не развеяться, не пожить где-нибудь в другом месте? Здесь у вас такая сырая, мрачная дыра.

— Верно, Фестус. Я и сам подумываю о том, чтобы перебраться в другое место.

— Вот как! И куда же? — с любопытством спросил удивленный Фестус.

— В мансарду, что в северной части дома. Там, правда, нет камина, да на что он такому горемыке, как я.

— Недалеко же вы собрались.

— Недалеко. Так ведь у меня нет ни единой родной души на десять миль в округе, а ты сам знаешь, что я не могу позволить себе арендовать помещение, за которое придется платить.

— Знаю, знаю, дядюшка Бенджи! Ладно, не расстраивайтесь. Как только эта суматоха с Бонапартишкой уляжется, я вернусь и позабочусь о вас. Но когда родина призывает к оружию, надобно повиноваться, если ты настоящий мужчина.

— Какой высокий боевой дух! — восхищенно заметил дядюшка Бенджи, придавая соответственное выражение своему лицу. — Я вот никогда этим не отличался. И откуда только это у тебя, мальчик?

— С материнской стороны, должно быть.

— Верно, так. Ну, береги себя, племянник, —

сказал старик фермер, внушительно грозя пальцем. — Береги себя! В наше воинственное время твой боевой пыл может увлечь тебя прямо противнику в пасть, а ведь ты последний в нашем роду. Помни об этом и не позволяй своей отваге завлечь тебя слишком далеко.

— Не тревожьтесь, дядюшка, я буду держать себя в руках, — самодовольно заявил Фестус, раззадоренный против воли словами старика. — Разумеется, я буду бороться с собой сколько смогу, но рано или поздно натура должна взять верх. Ну, я пошел. — И, мурлыча себе под нос «Лагерь “Брайтон”», пообещав в самом непродолжительном времени наведаться снова, Фестус удалился, исполненный уверенности в себе, и чем дальше его уносили ноги, тем больше оживлялся старик дядюшка.

Когда же массивная фигура молодого кавалериста скрылась за дверью прихожей, дядюшка Бенджи проявил живость, противоестественную в человеке, столь обремененном недугами: стремительно вскочив с кресла без помощи палки, несколько раз подряд широко и беззвучно разинул рот, словно умирающая от жажды лягушка, — обычный для него способ дать выход своему веселью. Затем, словно шустрая старая

белка, взбежал вверх по лестнице на чердак и припал к слуховому окну, из которого открывался вид на равнину за оградой фермы и тропинку, ведущую к деревне.

— Так-так! — воскликнул старик, подавляя визгливый смешок и приплясывая на месте. — Он побежал за ней. Она его зацепила!

На тропинке действительно появилась Энн Гарленд, а позади на некотором расстоянии размашисто шагал, спеша догнать ее, Фестус. Заметив его приближение, Энн пошла быстрее, но и Фестус прибавил шагу и догнал ее. По-видимому, он окликнул ее, потому что она обернулась, и он, поравнявшись с ней, зашагал бок о бок, после чего оба скрылись с глаз. Старик фермер еще с минуту производил какие-то телодвижения, словно на радостях водил по воображаемой скрипке смычком, а затем, внезапно посерьезнев, снова спустился вниз.

Глава 7
О чем они говорили, когда шли полем

— Вы часто ходите этой дорогой? — спросил Фестус, лишь только поравнялся с Энн.

— Я прихожу за газетой или когда еще что-нибудь понадобится, — ответила Энн в растерянности, стараясь угадать, случайно или намеренно он здесь появился.

Несколько шагов они шли молча, только Фестус с победоносным видом щелкал хлыстом по траве.

— Вы что-то сказали, мисс Энн?

— Нет, — ответила девушка.

— Тысячу извинений. Мне показалось, вы что-то сказали. Зачем вы сходите с тропинки, — я могу идти и по траве, эти лютики не зажелтят мои сапоги, а вот ваши чулочки испортят. Ну, что вы скажете по поводу того, что по соседству с вашей деревней появилось столько военных?

— Мне кажется, это внесло большое оживление и приятное разнообразие в нашу жизнь, — подчеркнуто сдержанно отвечала Энн.

— Быть может, вы вообще не жалуете наше военное сословие?

Энн улыбнулась и ничего не ответила.

— Почему вы смеетесь? — воскликнул молодой фермер, испытующе заглядывая ей в лицо и багровея от гнева. — Что вы увидели смешного?

— Разве я смеюсь? — сказала Энн, испуганная его неожиданной обидчивостью.

— Ну конечно, вы смеетесь и сами прекрасно это знаете, вы насмешница! — сказал он тоном капризного ребенка. — Вы смеетесь надо мной — вот ведь над кем вы смеетесь! А хотел бы я знать, что вы будете без нас делать, когда в любую ночь французы могут свалиться на вас как снег на голову.

— А вы можете отразить их нападение?

— Что за вопрос! А иначе зачем мы здесь? Да вы, я вижу, совсем не цените военных!

Вовсе нет, ей нравятся военные, сказала Энн. И особенно, когда они, увенчанные славой, возвращаются домой с войны, хотя стоит ей подумать о том, как досталась им эта слава, и они уже нравятся ей гораздо меньше. Доблестный кавалерист, почувствовав себя умиротворенным, заявил, что она, должно быть, имеет в виду то обстоятельство, что на войне рубят головы, рас-

калывают черепа и проделывают еще многое в том же духе, и он находит вполне естественным, если подобные действия немного пугают такое нежное мягкосердечное создание. Ну а он совсем не прочь принять этим летом участие в какомнибудь сражении вроде битвы при Бленхейме, которая произошла сто лет назад или что-то около того… Да, черт побери, совсем не прочь.

— Эй! Да вы опять смеетесь! Да-да, я же видел! — И вспыльчивый Фестус повернул к Энн побагровевшее лицо и так и впился в нее своими голубыми глазами, словно стремясь прочесть ее мысли. Энн попыталась храбро встретить его взгляд, но веки ее дрогнули и она опустила глаза.

— Ну конечно, вы смеялись! — повторил Фестус.

— Ну, право же, совсем чуть-чуть, — пробормотала она.

— Ага! Я же видел, что вы смеетесь! — загремел он. — Над чем же это вы смеялись, позвольте вас спросить?

— Просто… просто я подумала, что вы… что вы ведь служите в территориальной коннице, — лукаво промолвила Энн.

— И что же отсюда следует?

— А эта конница… говорят, там все больше фермеры, у которых мозги набекрень.

— Ну да, я так и думал: вы просто слушаете чужие шуточки, милейшая Энн. Верно, такая уж у вас, женщин, привычка, и я не придаю этому значения. Конечно, я готов признать, что среди нас есть не очень храбрые вояки, но я-то умею обнажить саблю, разве не так? Ну, попробуйте скажите, что это не так, попробуйте — чтоб раздразнить меня.

— Я уверена, что это так, — мягко сказала Энн. — Если на вас нападет француз, мистер Дерримен, вы разобьете его наголову или обратите в бегство.

— А, теперь вы мне льстите, — сказал Фестус, расплываясь в улыбке и сверкая белыми зубами. — Ну, разумеется, я прежде всего обнажу свою саблю. То есть я хочу сказать, что сабля моя будет уже наголо, и я пришпорю мою лошадь, то есть, выражаясь военным языком, моего боевого коня и, подскакав к неприятелю, скажу… Впрочем, нет, я, разумеется, ничего не скажу — мужчины в битве слов не тратят. Я займу третью оборонительную позицию — сабля клинком вниз, — затем перейду во вторую оборонительную…

— Этак вы будете не столько поражать неприя-

теля, сколько обороняться от него.

— Что такое! — вскричал Фестус, и сиявшее самодовольством лицо его сразу потемнело как туча. — Что вы понимаете в языке военных — вы же никогда не держали сабли в руке! Я вовсе не собираюсь рубить его саблей. — И, насупившись еще пуще, он продолжил: — Я сражу его пулей. Я стащу с правой руки перчатку, скину с плеч козью шкуру, достану пороховницу, засыплю порох на полку и... Нет, не так, не годится. Я выхвачу пистолет, что висит у меня с правого бока, заряжу его и, когда раздастся команда: «Взвести курки!» — я...

— Значит, в разгар битвы еще остается время отдавать такие команды? — с невинным видом спросила Энн.

— Вовсе нет! — сказал кавалерист, снова вспыхивая как порох. — Я ведь объясняю вам только, какая должна была бы последовать команда, если бы... Ну вот! Вы опять сме...

— Я не смеялась. Право же, право, я не смеялась!

— Верно, я и сам вижу, что не смеялись. Мне показалось. Ну, затем я ловко прицеливаюсь — смотрю все время вдоль ствола... только вдоль ствола... и стреляю. Не беспокоитесь, я отлично

знаю, как открывать огонь по врагу. Но, кажется, мой дядюшка восстановил вас против меня.

— Он не обмолвился о вас ни единым словом, — сказала Энн. — Но я уже, конечно, слышала о вас.

— А что вы слышали? Уж, верно, ничего хорошего. Ух, во мне все кипит!

— Нет, ничего плохого, — успокоила его Энн. — Просто вспоминали вас разок-другой.

— Ну скажите же, что обо мне говорили, будьте умницей. Я не терплю, когда мне противоречат. Ну же! Я никому не скажу, клянусь!

Энн принужденно улыбнулась, пребывая в замешательстве, наконец решилась:

— Нет, не скажу!

— Ну вот опять! — мгновенно впадая в отчаяние, воскликнул кавалерист. — Я начинаю подозревать, что меня просто здесь ни во что не ставят!

— Но о вас не говорилось ничего худого, — повторила Энн.

— Тогда, значит, что-то, может быть, говорилось хорошее, — тотчас успокоившись, промолвил Фестус. — Что ж, хотя у меня, не скрою, довольно много недостатков, кто-нибудь может меня и похвалить. Так это была похвала?

— Да, похвала.

— Я, конечно, не очень-то смыслю в земледелии, и не слишком умею занимать разговором, и не так силен в цифрах, но должен признаться, раз уж меня к этому вынуждают, что на эспланаде выгляжу не хуже других молодцев из нашей конницы.

— Безусловно! — сказала Энн. Хоть вспыльчивость этого воина и нагоняла на девушку такой страх, что мурашки бегали по спине, все же отказать себе в опасном удовольствии слегка его подзадорить она не могла. — Выглядите вы превосходно, и кое-кто говорит, что вы…

— Что же такое они говорят? Ну, понятно: говорят, что я красив. Только это не мне в похвалу, поскольку я не сам себя создал. Эй! Что вы там увидели?

— Ничего, просто какая-то птичка вспорхнула с дерева, — сказала Энн.

— Что такое? Просто какая-то птичка? — загремел кавалерист, мгновенно выходя из себя. — Я же вижу, как трясутся ваши плечи, сударыня. Берегитесь, не дразните меня этим вашим хихиканьем! Клянусь Богом, вам это даром не пройдет!

— Тогда ступайте своей дорогой! — сказала Энн. Она была так возмущена его неучтивостью, что

у нее пропала охота над ним потешаться. — Я не желаю с вами разговаривать, хвастун вы этакий! Вы, Фестус, просто ужасный, противный невежа и такой обидчивый, что с вами невозможно иметь дело. Ступайте, оставьте меня!

— Нет-нет, Энн. Я не должен был так разговаривать с вами. За это я позволяю вам говорить мне все, что вам только заблагорассудится. Скажите, что никакой я не воин, или еще что-нибудь такое. Выбраните меня, ну пожалуйста, будьте умницей. Я дурак, пустомеля, просто мусор, меня нужно вымести на свалку!

— Я ничего не намерена говорить вам, сударь. Оставайтесь здесь и дайте мне уйти.

— Ваш взгляд невольно заставляет меня повиноваться, и я не в силах ослушаться вас. А завтра вы снова будете проходить здесь в это время? Ну скажите, не будьте же так нелюбезны.

Энн была слишком великодушна по натуре, чтобы не простить Фестуса, но, упрямо поджав короткую верхнюю губку, пробормотала только, что вовсе не собирается приходить сюда завтра.

— Значит, в воскресенье?

— И в воскресенье нет.

— Тогда в понедельник?.. Или во вторник?.. В среду, наконец? — продолжал допытываться он.

Энн ответила, что не предполагает встречаться с ним когда-либо еще, и, не обращая внимания на его протесты, прошла в калитку и направилась через поле. Фестус постоял, глядя ей вслед, а когда ее стройная фигурка скрылась из глаз, бросил размышлять и повернул в противоположную сторону, негромко что-то напевая.

Глава 8
Энн совершает обзор лагеря

Уже приближаясь к околице, Энн заметила, что к ей навстречу идет какая-то сморщенная старушонка, взиравшая на мир и его обитателей сквозь заключенные в медную оправу стекла очков. Глядя на девушку и покачивая головой, отчего стекла очков поблескивали словно две луны, старуха сказала:

— Ага! Я видела тебя! Если б на мне были другие очки, короткие, в которых я читаю Евангелие и молитвенник, я бы тебя не увидела. А я, как пошла со двора, подумала: дай-ка надену эти, длинные. А разве я знала, что в них увижу. Да, в этих я узнаю всякого вдали как вблизи. Лучше этих очков, когда выходишь из дому, не найти, а вот короткие, те хороши для всякой домашней работы: чулки штопать, блох ловить, — это уж верно.

— Что же вы увидели, бабушка Симор? — спросила Энн.

— Ай, ай, мисс Нэнси, будто вы не знаете! — сказала бабушка Симор, все так же покачивая

головой. — Он красивый малый и после смерти дядюшки получит все его денежки.

Энн ничего не ответила и с легкой улыбкой на губах прошла мимо бабушки Симор, глядя прямо перед собой.

Фестусу Дерримену, к которому относились слова бабушки Симор, шел в это время двадцать третий год, и он был весьма недурен собой, если принять во внимание его гренадерский рост и необычайно яркий цвет лица и волос. Признаки бороды и усов обнаружились у него в самом раннем возрасте вследствие настойчивого употребления бритвы, когда в этом орудии не было еще ни малейшей необходимости. Храбрый мальчик скреб свой подбородок украдкой в беседке и в погребе, в дровяном сарае и в конюшне, в парадной гостиной и в коровнике, в амбаре и везде, где только мог, не будучи замеченным, пристроить треугольный осколок зеркала или воспользоваться импровизированным его подобием, прижав шляпу к наружной стороне оконного стекла. Теперь же, в результате этих усилий, стоило ему хотя бы один день не брать в руки вышеозначенный инструмент, с которым он так неосторожно шутил когда-то, и лицо его тотчас покрывалось как бы тонким слоем ржавчины, на второй день

проступало нечто вроде золотистого лишайника, а на третий — огненно-рыжая щетина принимала уже такие угрожающие размеры, что позволять ей расти дальше было совершенно невозможно.

Две основные врожденные черты составляли его характер: хвастливость и сварливость. Когда Фестус, что называется, напускал на себя важность, то был заранее уверен, что его поведение и манера себя держать должны казаться окружающим забавными, но если его начинала мучить зависть и он становился придирчив и сварлив, у него хватало ума на то, чтобы довольно ловко поддеть и высмеять собеседника. Он нравился девушкам, но вместе с тем вызывал у них желание поддразнить его, и хотя знаки внимания этого колосса были им приятны, они никогда не упускали случая посмеяться над ним за спиной. Во хмелю (несмотря на свои юные годы, Фестус был не прочь приложиться к бутылке) он сначала становился очень шумлив, затем чрезмерно общителен и, в конце концов, неизменно нарывался на ссору. В детстве он был хорошо известен своей милой привычкой задирать ребятишек победнее и послабее его, отнимать у них птичьи гнезда, опрокидывать их тележки с яблоками или наливать им за шиворот воды, но его воин-

ственное поведение мгновенно и разительно менялось, как только мать обиженного мальчика, размахивая метлой, сковородкой, шумовкой или любым иным подвернувшимся под руку орудием, появлялась на сцене. Тут он пускался наутек и прятался где-нибудь под кустом, или за вязанкой хвороста, или в канаве и ждал, пока опасность минует, а однажды даже залез в барсучью нору и с большим упорством и решимостью пробыл в этом положении почти три часа. Ни один другой мальчишка в приходе, кроме Фестуса, не мог принудить язык почтенных отцов и матерей изрекать такое количество бранных слов. Когда остальные подростки закидывали его снежками, он прятался в каком-нибудь укромном уголке, лепил снежок с камнем в середке и пользовался этим предательским снарядом для ответа на их любезности. Не раз он бывал крепко бит своими приятелями однолетками; при этом он орал благим матом, но все же, обливаясь слезами и кровью, надрываясь от крика, продолжал драться.

Он рано начал влюбляться, и к тому времени, когда ведется наш рассказ, успел испытать жестокие муки неразделенной страсти по меньшей мере тринадцать раз. Любить легко и беспечно

ему было не дано: в любви он был суров, придирчив и даже неистов. Ни малейшей насмешки от предмета своего обожания он перенести не мог, испытывая подлинные муки, и впадал в ярость, если насмешки не прекращались. Он был тираном тех, кто смиренно склонял перед ним голову, нагл с теми, кто не желал признавать его превосходство, и становился вполне славным малым, когда у кого-нибудь хватало духу обращаться с ним как со скотом.

Прошла неделя, прежде чем пути Энн Гарленд и этого геркулеса скрестились вновь. Но вот однажды вдова снова начала поговаривать насчет газеты, и хотя это поручение было Энн очень не по душе, она согласилась выполнить его, так как миссис Гарленд настаивала на сей раз с необычным упорством. Почему мать стала придавать такое значение этим пустякам, было Энн совершенно непонятно, но она надела шляпку и отправилась за газетой.

Как она и ожидала, около перелаза через ограду, которым она пользовалась иногда, чтобы сократить путь, маячил Фестус, всем своим видом показывая, что дожидается ее. Увидав его, Энн пошла прямо, словно и не собиралась вовсе переходить за ограду.

— Разве вы не тут ходите? — спросил Фестус.

— Я решила пойти кругом, по дороге, — ответила Энн.

— Отчего же?

Энн промолчала, показывая, что не расположена к разговорам.

— Я хожу по дороге, когда роса, — промолвила она наконец.

— Сейчас нет росы, — упрямо сказал Фестус. — Солнце сушит траву вот уже часов девять кряду. — Секрет заключался в том, что тропинка была более пустынной и укромной, чем дорога, и Фестусу хотелось прогуляться с Энн без помех. — Но мне, конечно, нет до этого дела, ходите где вам нравится. — И, спрыгнув с перелаза, он направился в сторону усадьбы.

Энн, подумав, что ему и в самом деле безразлично, где она пойдет, избрала тот же путь, что и он, но тут Фестус обернулся и с победоносной улыбкой стал ее поджидать.

— Я не могу идти с вами, — непреклонно заявила Энн.

— Вздор, глупенькая вы девочка! Я провожу вас до поворота.

— Нет, прошу вас, мистер Дерримен! Нас могут увидеть.

— Ну-ну, к чему такая стыдливость! — сказал он игриво.

— Нет, вы знаете, что я не могу позволить вам идти со мной.

— А я должен.

— А я не позволяю.

— Позволяйте или не позволяйте, а я пойду.

— Значит, вы крайне неучтивы, и мне придется подчиниться, — сказала Энн, и в глазах ее блеснули слезы.

— Ой, ой! Стыд мне и позор! Клянусь честью, ни за что на свете больше этого не сделаю! — полный раскаяния, воскликнул молодой фермер. — Ну, полно, полно, ведь я же думал, что ваше «ступайте прочь», означает «пойдите сюда», как у всех прочих женщин, особенно вашего сословия. Откуда мне знать, что вы, черт побери, говорили всерьез?

Так как Фестус не трогался с места, Энн тоже стояла и молчала.

— Вижу, что вы чересчур уж осторожны и совсем не так добродушны, как я думал, — в сердцах проговорил Фестус.

— Право, сэр, я вовсе не хотела вас обидеть, — сказала Энн серьезно. — Но мне кажется, вы и сами понимаете, что я поставлю себя в ложное

положение, если пойду вместе с вами в усадьбу.

— Ну да, так я и знал, так я и знал. Конечно, я простой малый из территориальной конницы, рядовой, так сказать, солдат, и нам известно, что думают о нас женщины: что мы дрянной народ, что с нами нельзя и поговорить, чтобы не потерять своего доброго имени, что с такими, как мы, опасно повстречаться на дороге, что мы, словно буйволы, вламываемся в дом, пачкаем на лестнице сапогами, обливаем столы и стулья вином и пивом, заигрываем со служанками, поносим все, что есть высокого и священного, и если до сих пор еще не провалились в тартарары, то только потому, что можем все же пригодиться бить Бонапарта.

— Право же, я не знала, что вы пользуетесь такой дурной славой, — сказала Энн просто.

— Вот как! Разве мой дядюшка не жаловался вам на меня? Вы же любимица этого славного благообразного дряхлого старикашки, мне это известно.

— Никогда не жаловался.

— Ладно, а что вы думаете о нашем славном трубаче?

Энн поджала губы, всем своим видом давая понять, что не намерена отвечать на этот вопрос.

— Ну ладно, ладно, я серьезно вас спрашиваю: правда ведь, Лавде славный малый, да и папаша его тоже?

— Не знаю.

— Ну и скрытная же вы, плутовка! Слова из вас не вытянешь! Что ни спроси, на все, верно, будет один ответ: «Не знаю». Уж больно вы скромны. Ей-же-ей, сдается мне, что некоторые девушки, даже если их спросить: «Согласны вы стать моей женой?» — тоже ответят: «Не знаю».

Яркий румянец, заигравший на щечках Энн при этих словах, и блеск глаз свидетельствовали о том, что под внешней сдержанностью, на которую так сетовал Фестус, скрывается весьма живая натура. Выразив свое мнение, Фестус шагнул в сторону, давая Энн пройти, и отвесил ей низкий поклон. Энн церемонно наклонила голову и проследовала мимо него.

Его поведение вызывало в ней сильнейшую досаду, так как она не могла освободиться от неприятного ощущения, что он никогда не позволил бы себе столь вольно обращаться с ней, будь у нее богатые и влиятельные родственники мужского пола, которые могли бы поставить не в меру пылкого поклонника на место. Вместе с тем и на этот раз, так же как и при прежних встречах

с ним, она не могла не ощутить своей власти над ним, видя, как легко удается ей приводить его в раздражение или повергать в состояние благодушного самодовольства, и это сознание, что она может играть на нем, как на послушном инструменте, заставляло ее относиться к нему с насмешливой снисходительностью даже в те минуты, когда она давала ему резкий отпор.

Когда Энн пришла в усадьбу, старик фермер, как обычно, стал просить, чтобы она прочла ему то, что ему еще не удалось прочесть самому, и крепко сжимал газету в своей костлявой руке до тех пор, пока Энн не согласилась. Он усадил ее на самый твердый стул — сиди она на нем двенадцать месяцев кряду, и то ей, верно, не удалось бы нанести ему ущерба больше, чем на пенни, — и все время, пока сидела, склонившись над газетой, пытливо приглядывался к ней краешком глаза, и во взгляде его сквозило участие. Быть может, это было вызвано воспоминанием о той сцене, которую он наблюдал из слухового окна, когда Энн приходила за газетой прошлый раз. Племянник внушал старику ужас, повергал в трепет не только душу его, но и тело, и теперь Энн сделалась в его глазах такой же, как он, жертвой этого тирана. Поглядев на нее с лукавым любопытством мину-

ту-другую, он отвел глаза, и когда Энн случайно посмотрела в его сторону, то, как всегда, увидела только его заострившийся синеватый профиль.

Она дочитала газету примерно до половины, когда за спиной у нее послышались шаги и дверь отворилась. Старик фермер съежился в своем кресле и, казалось, уменьшился на глазах; он был явно испуган, хотя и делал вид, что весь обратился в слух и не замечает появления непрошеного гостя. Энн же, почувствовав гнетущее присутствие Фестуса, умолкла.

— Прошу вас, продолжайте, мисс Энн, — сказал Фестус. — Я буду нем как рыба. — И, отойдя к камину, устроился поудобнее, привалившись к нему плечом.

— Читайте, читайте, душечка Энн, — сказал дядюшка Бенджи, делая сверхъестественное усилие, чтобы хоть наполовину унять охватившую его дрожь.

Теперь, когда у Энн появился второй слушатель, ее голос звучал гораздо тише: скромность не позволяла ей в присутствии Фестуса читать столь же выразительно, как прежде, когда ее ничто не смущало, а газета вызывала живой интерес, и тем не менее, сколь ни было это для нее тягостно, она продолжала читать, чтобы он не подумал, будто

его появление ее взволновало. Она знала, что молодой фермер, стоя у нее за спиной, разглядывает ее: чувствовала, как его беспокойный взгляд скользит по ее рукам, плечам, шее. Чувствовал на себе его взгляд и дядюшка Бенджи, и после нескольких разнообразных попыток украдкой взглянуть на племянника потерял терпение и дрожащим голосом спросил:

— Ты хочешь мне что-нибудь сказать, племянничек?

— Нет, дядюшка, благодарю вас, ничего, — благодушно ответствовал Фестус, — Мне просто приятно стоять здесь, думать о вас и смотреть на волосы на вашей макушке.

Почувствовав себя при этих словах кроликом под ножом вивисектора, испуганный старик совсем сник в своем кресле, а Энн продолжала читать до тех пор, пока, к облегчению их обоих, бравому вояке не надоело это развлечение и он не покинул комнату. Скоро Энн дочитала статью до конца и поднялась со стула, твердо решив не приходить сюда больше, пока Фестус обретается в этих местах. Щеки ее запылали при одной только мысли, что он, уж конечно, будет подстерегать ее где-нибудь по дороге домой.

По этой причине, покинув дом, она не пошла

обычным путем, а проворно обогнула дом с другой стороны, проскользнула между кустами у садовой ограды и, отворив калитку, вышла на старую проселочную дорогу, которая когда-то, в дни процветания усадьбы, представляла собой красивую, усыпанную гравием подъездную аллею. Когда окна старого дома скрылись из виду, Энн припустилась бежать что было духу и выбралась из парка со стороны, противоположной той, где пролегала дорога, ведущая на мельницу. Она и сама не могла бы объяснить, что заставило ее обратиться в бегство: просто стремление бежать было непреодолимо.

Теперь ей не оставалось ничего другого, кроме как взобраться на взгорье слева от лагеря и обойти весь лагерь кругом, все его расположения: пехоту, кавалерию, палатки маркитанток и фуражиров, — и спуститься к мельнице с другой стороны холма. Это огромное путешествие Энн проделала быстрым шагом, ни разу не обернувшись и стараясь избегать проторенных тропинок, чтобы не повстречаться с солдатами. И только спустившись в долину, она приостановилась, чтобы немного передохнуть, и пробормотала:

— Почему я так его боюсь, в конце-то концов? Он же мне ничего не сделает.

Когда она уже приближалась к мельнице, впереди нее на склоне холма появилась статная фигура в синем мундире и белых лосинах и, спустившись вниз, к деревне, и обогнув мельницу, остановилась у перелаза, которым всегда пользовалась Энн, когда возвращалась домой обычным путем. Подойдя ближе, Энн увидела, что это трубач Лавде, но в эту минуту ей не хотелось встречаться ни с кем, и она, быстро пройдя через садовую калитку, скрылась в доме.

— Энн, дорогая, как долго ты ходила! — воскликнула ее мать.

— Да, мама, я вернулась другой дорогой — вокруг холма.

— Зачем это?

Энн ответила не сразу: причина этого поступка и самой ей казалась слишком несущественной, чтобы в ней можно было признаться.

— Просто я хотела избежать встречи с одним человеком, который постоянно старается попадаться мне на пути, вот и все.

Ее мамаша выглянула в окно и, увидев Джона Лавде, сказала:

— А вот и он идет, должно быть.

Молодому человеку прискучило ждать Энн у перелаза, и он решил проведать отца, а проходя

мимо дома, не удержался, чтобы не заглянуть в окно, и, увидав Энн и миссис Гарленд, улыбнулся им.

Энн так не хотелось упоминать Фестуса, что она позволила матери пребывать в заблуждении, а та продолжала:

— Что ж, ты права, дорогая. Держись с ним учтиво, но не больше. Я кое-что слышала о твоем другом знакомом, и полагаю, что ты сделаешь очень разумный выбор. От души буду рада, если дело у вас пойдет на лад.

— О ком вы говорите? — спросила изумленная Энн.

— О тебе и мистере Фестусе Дерримене, конечно. Тебе нечего от меня таиться, мне уже давно все известно. Бабушка Симор заходила к нам в прошлую субботу и сказала, что видела, как он провожал тебя через Парк-Клоус на прошлой неделе, когда я посылала тебя за газетой. Вот я и решила отправить тебя туда сегодня опять, чтобы вы могли встретиться.

— Так значит, вам вовсе не нужна была газета и вы только за этим гоняете меня к старику Дерримену?

— Его племянник очень красивый молодой человек и вроде не из тех, кто даст девушку в

обиду.

— Да, вид у него бравый, — сказала Энн.

— Он сдал в аренду фригольдерскую ферму своего отца в Питстоке и живет вполне припеваючи на доходы от нее. А после смерти старика Дерримена к племяннику, конечно, отойдут и все его угодья. Он получит никак не меньше десяти тысяч фунтов одними только деньгами да еще шестнадцать лошадей, экипаж и тележку, пятьдесят молочных коров и штук пятьсот овец, никак не меньше.

Энн отвернулась и, вместо того чтобы сообщить матери, что бежала, словно испуганная серна, дабы уклониться от встречи именно с этим предполагаемым наследником, о котором она говорила, сказала только:

— Мама, мне все это совсем не по душе.

Глава 9
Трубач-драгун оказывает Энн любезность

С того дня никакая сила не могла заставить Энн сделать хоть шаг в сторону усадьбы: слишком велик был ее страх при мысли о возможной встрече с молодым Деррименом, — а через несколько дней по деревне прошел слух, что старик фермер, дабы переменить обстановку и с недельку отдохнуть, отправился по настоянию своего племянника на расположенный неподалеку морской курорт, ежегодно посещаемый королем. Это был в высшей степени неожиданный поступок со стороны дядюшки Бенджи, который уже долгие годы ни днем, ни ночью не покидал усадьбы, и Энн без труда вообразила, как надо было застращать старика, чтобы подвигнуть его на такой шаг. Она представляла себе, как тяжко будет несчастному старику в сутолоке шумного морского курорта, и от души надеялась, что с ним не случится там никакой беды.

Теперь Энн почти все время проводила дома или в саду. Порой из лагеря до нее доносились

звуки трубы: «Та-та-та-та-а!» Это трубачи посылали свои разнообразные и хитроумные приказы: «Седлать!», «Задать корму!», «В стойла!», «На плац!» — и она дивилась тому, как ловко старший трубач Лавде обучил своих солдат выводить эти коротенькие красивые сигналы.

Как-то утром, на третий день после отъезда дядюшки Бенджи, Энн, совершая свой туалет, услышала, как обычно, топот копыт: конница спускалась к водопою у мельницы, — затем среди ставших уже привычными для ее слуха плеска и шума различила легкий стук в окно, словно бы по стеклу провели прутиком или хлыстом. Энн прислушалась, и стук повторился.

Так как из всех драгун полка один только Джон Лавде мог знать, в какой комнате она спит, Энн решила, что эти сигналы исходят от него, и была несколько удивлена, что он позволил себе столь фамильярную выходку.

Накинув на плечи красную шаль, она подошла к окну, тихонько приподняла край занавески и выглянула наружу, как делала это уже много раз. Она знала, что, только стоя под самым окном, кто-нибудь мог увидеть ее, но случилось так, что на этот раз кто-то действительно стоял под самым окном. Шум, услышанный Энн, произвел

не драгунский полк, в котором служил Джон Лавде, а эскадрон йоркских гусар, совершенно не подозревавших о ее существовании. Напоив лошадей, они все уже проследовали дальше, и вместо них Энн увидела Фестуса Дерримена: он был в штатской одежде и верхом; конь его стоял по брюхо в воде. Спасаясь от стремительного потока, грозившего отнести его вместе с конем к глубокой мельничной запруде, Фестус сидел, задрав пятки на седло. Не могло быть сомнения в том, что именно он, и никто другой, постучал в ее окно, ибо в эту минуту он поднял глаза и их взгляды встретились. Фестус громко расхохотался и снова стукнул хлыстом по стеклу. В эту минуту появились драгуны и начали, гарцуя, строем спускаться по склону. Энн невольно задержалась на минутку у окна, чтобы поглядеть, как они пройдут, но тут же внезапно отпрянула назад, уронила занавеску и, стоя посреди пустой комнаты, залилась румянцем. Ее увидел не один только Фестус Дерримен: Джон Лавде, спускавшийся верхом с холма, с трубой через плечо, обернулся и, увидев Фестуса под самым окном спальни Энн, был, по-видимому, немало поражен этим зрелищем.

Такое нечаянное стечение обстоятельств чрез-

вычайно раздосадовало Энн, и она не подошла больше к окну, пока драгуны не отъехали на большое расстояние; тут она услышала, что и конь Фестуса выбирается на берег. Когда Энн снова взглянула в окно, там уже не было никого, кроме мельника Лавде, который в эти утренние часы обычно выходил в сад, чтобы перекинуться словечком с солдатами, из коих многие были уже ему знакомы, причем круг знакомств день ото дня расширялся, так как мельник весьма щедро раздавал кружки веселого доброго эля всем воинам, проезжавшим или проходившим мимо.

После обеда Энн пошла в соседний, Спрингхемский, приход на крестины, рассчитывая возвратиться домой засветло, однако к вечеру начал накрапывать дождь, и хозяева уговорили ее остаться у них переночевать. Поколебавшись немного, она приняла их радушное предложение, но в десять часов вечера, когда все уже собирались отправиться на боковую, раздался легкий стук в дверь. Засовы были сняты, дверь отворилась, и все увидели в полумраке мужскую фигуру.

— Не здесь ли мисс Гарленд? — спросил нежданный посетитель, и Энн затаила дыхание.

— Здесь, — настороженно ответил хозяин.

— Ее матушка очень беспокоится, не случилось ли с ней чего. Мисс Энн обещала ведь вернуться домой.

У Энн отлегло от сердца: то был не Фестус Дерримен — она узнала голос Джона Лавде.

— Да-да, мистер Лавде, я обещала, — сказала она, подходя ближе, — но пошел дождь и я решила, что мама догадается, почему я не вернулась.

На это Лавде как-то не совсем уверенно ответил, что в лагере и на мельнице так только — покрапало самую малость, а дождя по-настоящему не было, и потому миссис Гарленд порядком встревожилась.

— И она попросила вас пойти за мной? — спросила Энн.

Именно этого вопроса и страшился трубач всю дорогу, пока шел сюда.

— Да нет, она не то чтобы прямо так попросила, — ответил он с запинкой, но все же давая понять, что миссис Гарленд некоторым образом выразила такое желание.

На самом же деле миссис Гарленд ни словом с ним не обмолвилась. Когда дочь не вернулась домой, она поделилась своим беспокойством с мельником, а тот постарался ее уверить, что бесценная ее дочка, вне всякого сомнения, цела и

невредима. Джон слышал этот разговор и решил на свой страх и риск попытаться рассеять страхи миссис Гарленд, благо его отпустили из лагеря на весь вечер. С той минуты, когда увидел утром под окном у Энн Фестуса Дерримена, Джон больше не знал покоя и сейчас горячо желал только одного: чтобы девушка разрешила проводить ее домой.

Смущенно переминаясь с ноги на ногу, он высказал это смелое предложение, и Энн тотчас решила, что так и сделает. Пожалуй, Джон Лавде был единственным человеком на свете, от которого она охотно готова была принять услугу такого рода. Он был сыном их ближайшего соседа, и его бесхитростное простодушие с первой же минуты расположило Энн к нему.

Когда они уже шли рядом, она сказала деловым тоном, давая понять, что, принимая предложение Джона, не руководствовалась никакими романтическими побуждениями:

— Мама, верно, очень беспокоилась обо мне?

— Да, она была немного встревожена, — ответил Джон, однако совесть заговорила в нем и он тут же выложил все начистоту — Я знаю, что она беспокоилась, потому что мне сказал отец. Сам-то я ее не видел. Правду сказать, она и не знает, что я пошел за вами.

Теперь Энн все поняла, но не рассердилась на Джона. Да и какую женщину могло бы это рассердить? Они продолжали идти молча; старший трубач почтительно держался на ярд справа от Энн, сохраняя эту дистанцию с такой скрупулезной точностью, словно какая-то невидимая преграда мешала ему приблизиться. Энн, чувствуя в этот вечер особенное к нему расположение, заговорила снова:

— Я часто слышу, как ваши трубачи дают сигналы. Мне очень нравится, как они трубят.

— Ничего трубят, но могли бы и лучше, — сказал Джон, считая неприличным слишком расхваливать то, к чему сам приложил руку.

— Это вы научили их?

— Да, обучал их я.

— Должно быть, очень, очень трудно добиться, чтобы они начинали и заканчивали одновременно, секунда в секунду. Кажется, будто это один человек трубит. Как случилось, что вы стали трубачом, мистер Лавде?

— Да как-то так вышло, само собой. Началось, когда я был еще мальчишкой, — ответил Джон, в котором этот трогательный интерес к его особе вызвал неудержимое желание излить душу. — Я вечно делал дудки из бумаги, из бузины и даже

не поверите, из стеблей жгучей крапивы. У отца было небольшое ячменное поле, и вот он, отправив меня стеречь его от птиц, как-то раз дал мне старый рожок, чтобы их отпугивать, а я научился так дудеть в этот рожок, что меня было слышно за милю. Тогда отец купил мне кларнет, а когда я научился на нем играть, взял напрокат серпент. Потом я довольно сносно научился играть и на бас-трубе. Так что, когда попал в армию, меня тут же определили учиться на трубача.

— Ну разумеется.

— Но иной раз я все-таки жалею, что попал в армию. Отец дал мне возможность учиться, а ваш отец научил рисовать лошадей — на грифельной доске. В общем, мне кажется, я мог бы достичь большего.

— Как? Вы знали моего отца? — удивилась Энн, осознав, что Джон пробуждает в ней все больший интерес.

— Да, я хорошо его знал. Вы были совсем крошка тогда и плакали, бывало, когда мальчишки постарше глядели на вас и, как водится, делали страшные глаза. А сколько раз стоял я возле вашего папаши и смотрел, как он работает. Вы, верно, совсем его не помните, а я помню!

Энн молчала задумавшись. Луна выглянула

из-за туч и заиграла на влажной листве, а шпоры трубача и пуговицы на его мундире засверкали, как маленькие звездочки.

Когда они подошли к ограде оксуэллского парка, Джон спросил:

— Хотите пройти через усадьбу, или обойдем кругом?

— Мы можем пройти здесь, тут ближе.

Они вступили в парк, подошли по заросшей травой аллее почти к самому дому, свернули на тропинку, ведущую в деревню, и тут услыхали шум, голоса, громкие восклицания, которые доносились из темного здания, мимо которого проходили.

— Что там такое? — встревожилась Энн.

— Не знаю, — ответил ее спутник. — Пойду посмотрю.

Он обошел высохший, заросший кресс-салатом и сорняками пруд, который служил когда-то рыбным садком, по дренажной трубе переправился через едва заметный, но еще сочившийся ручеек и приблизился к дому. Оттуда несся нестройный шум, и любопытство заставило Джона обогнуть угол дома с той стороны, где окна были расположены ниже, и сквозь щель в ставнях заглянуть внутрь.

Он увидел комнату, в которой всегда обедал хозяин дома и которая по обычаю называлась парадной гостиной; там за столом сидело около дюжины молодых людей в форме территориальной конницы, и среди них — Фестус. Они пили, хохотали, пели, стучали кулаками по столу — словом, веселились вовсю, производя дикий шум. В неплотно прикрытое окно порывами задувал ветер, колыхая пламя свечей, и они оплывали, одеваясь в причудливые струящиеся одежды, словно в саван, и горели коптящим желтым пламенем, тускнея от нагара своих толстых черных фитилей. Один из бражников, видимо, сильно захмелев, заливался пьяными слезами, обхватив за шею соседа. Другой произносил какую-то бессвязную речь, которой никто не слушал. У одних лица побагровели, у других казались желтыми, как воск; одни клевали носом, другие были чрезмерно возбуждены. Только Фестус пребывал в обычном для него состоянии и, сидя во главе стола, огромный, грузный, с выражением довольства и превосходства наблюдал за своими захмелевшими приятелями и, казалось, торжествовал. Джон услышал, как один из пирующих кликнул служанку дядюшки Бенджи — молодую женщину, племянницу Энтони Криппlстроу;

в руки ей насильно сунули скрипку и заставили извлекать из этого инструмента какие-то нестройные звуки.

Видимо, молодой Дерримен ухитрился выжить из дому своего дядюшку для того, чтобы распоряжаться там по своему усмотрению. Присматривать за домом было поручено Криппlстроу, и для Фестуса не составило особого труда отобрать у этого преданного слуги все ключи, какие ему потребовались.

Джон Лавде отвернулся от окна и поглядел на залитую лунным светом дорожку, где стояла, поджидая его, Энн. Затем он снова заглянул в окно и снова перевел глаза на Энн. Сейчас ему явно представлялся случай, действуя в своих интересах, разоблачить перед Энн Фестуса, к которому он начинал испытывать довольно сильную неприязнь.

«Нет, не могу я так поступить, — сказал он самому себе. — Низко это — действовать за его спиной. Пусть все идет своим чередом».

Он отошел от окна и увидел, что Энн, которой прискучило ждать, тоже переправившись через ручей, идет к нему.

— Что там за шум? — спросила она.

— У них гости, — ответил Лавде.

— Гости? Но ведь старика Дерримена нет дома, — возразила Энн и, пройдя мимо молчавшего Джона, направилась к окну, из которого струился свет.

Он увидел ее лицо в узкой полосе света; девушка на мгновение замерла на месте и тотчас поспешно отступила от окна, а через минуту вернулась к нему.

— Пойдемте.

Тон, каким это было сказано, заставил Джона подумать, что Энн неравнодушна к Дерримену, и он печально заметил:

— Вы сердитесь на меня за то, что я подошел к окну и будто предложил последовать моему примеру?

— Вот уж нисколько, — сказала Энн, сразу поняв его ошибку и досадуя на него за то, что так плохо читает в ее сердце. — По-моему, всякий бы это сделал, услыхав такой шум.

Снова наступило молчание.

— Дерримен трезв как стеклышко, — заметил Джон, когда они пошли дальше. — Это остальные шумят.

— Трезв он или пьян, меня это нисколько не интересует, — сказала Энн.

— Да, конечно. Я понимаю, — сказал трубач,

расстроенный ее несколько резким тоном, и в голове его прозвучало невольное сомнение в правдивости ее слов.

Они еще стояли в тени дома, когда на дороге появились какие-то люди. Джон хотел было, не обращая на них внимания, продолжить путь, но Энн, смущенная тем, что ее могут увидеть наедине с мужчиной, который не является ее нареченным, сказала:

— Мистер Лавде, обождем здесь минутку: пусть они пройдут.

Вскоре стало видно, что приближаются двое: один ехал верхом на пегой лошади, другой шагал рядом. Возле дома они остановились, всадник слез с лошади и стал препираться со своим спутником — по-видимому, из-за денег.

— Так это же старый мистер Дерримен вернулся домой! — воскликнула Энн. — Он, верно, взял напрокат эту лошадь — она на курорте таскает купальную будку. Подумать только!

Джон и Энн не успели отойти далеко от дома, когда фермер и его спутник закончили свой спор, после чего последний взобрался на лошадь и легким галопом поскакал прочь, а дядюшка Бенджи весьма проворно направился к дому; впрочем, едва он заметил Джона и Энн, как шаги его замед-

лились. Они подошли ближе, и он узнал Энн.

— Как же это вы так быстро расстались с эспланадой короля Георга, мистер Дерримен? — спросила Энн.

— Быстро? Еще бы! Разве я могу жить в таком разорительном месте, — ответил фермер. — Там ежеминутно приходится запускать руку в кошелек: шиллинг за это, полкроны за то. Съешь одно-единственное яйцо или какое-то несчастное яблочко-падалицу, и уже, пожалуйста, плати! Пучок редиски — полпенни, а кварта сидра — добрых два пенни три фартинга, никак не меньше. Даром — ничего! Даже за то, чтобы добраться домой на этой кляче, пришлось заплатить шиллинг, а ведь сколько во мне веса? Не больше чем на пенни. Это животное меня и не почувствовало. Ну, на подметках я, скажем, пенни сэкономил, пусть так, да зато седло оказалось такое твердое, что мои самые лучшие панталоны протерлись на заду по меньшей мере пенни на два. Нет, пребывание здесь короля Георга погубило этот город для всего прочего населения. Да к тому же еще мой племянничек обещался приехать туда завтра проведать меня — значит, останься я там, пришлось бы мне его принимать. Эй, что это там такое?

Из дома донеслись крики, и Джон сказал:

— Тут ваш племянник, и у него гости.

— Мой племянник здесь? — ахнул старик. — Дорогие мои, проводите меня хотя бы до дверей… Я хочу сказать… Хи… хи… Ну, просто составьте мне компанию! Ах ты, господи, а я-то думал, что у меня дома тихо-мирно, как в церкви!

Они подошли к дому, и, когда старик фермер заглянул в окно, у него отвисла челюсть и рот принял квадратную форму, а пальцы от ужаса растопырились.

— Они пьют из моих лучших серебряных кубков, которыми я никогда не пользовался! Они пьют мое крепкое пиво! И толстые свечи оплывают совершенно зря, а я вот уже полгода не зажигал никаких, кроме самых тоненьких!

— Так вы, значит, не знали, что он здесь? — спросил Джон.

— Да нет же! — сказал фермер, покачивая головой. — Ничего я, горемыка, не знал! Слышите, как они там звенят самыми лучшими моими кубками, словно это оловянные кружки! И стол небось исцарапали, и стулья расшатали! Гляньте, как они раскачиваются на задних ножках стульев, — ведь для стула это гибель! Вот когда я помру, интересно, где он найдет другого старика,

который бы ему все это позволил, и дал бы ломать свое добро, и напускать полный дом головорезов, и ставить им даровую выпивку!

— Товарищи и однополчане! — говорил между тем Фестус, обращаясь к захмелевшим фермерам и йеменам, которых потчевал. — Мы с вами поклялись дружно смотреть опасности и смерти в глаза, а теперь так же дружно разделим ложе мира и покоя. Вы останетесь здесь на ночь, ибо час уже поздний. Эта старая скупая ворона — мой дядюшка — позаботился о том, чтобы в его доме нельзя было отдохнуть с удобством, но, в конце концов, вы как-нибудь устроитесь на диванах и креслах, если нам не хватит кроватей. А мне уж не до сна. Я предаюсь меланхолии! Одна дама, признаюсь вам, завладела моим сердцем, а я завладел сердцем этой дамы. Это самая обыкновенная девушка… я хочу сказать — в глазах других, но для меня она — все. Эта крошка явилась предо мной и покорила меня. Мне полюбилась эта простая девушка! Я, понятное дело, должен был бы искать себе подругу в более высоких сферах, но что с того? Значит, такова судьба, это случалось и с самыми великими людьми.

— Как же ее имя? — спросил один из бравых вояк (проще говоря, Стаб из Дудл-Холла), чья голова

время от времени склонялась то на один эполет, то на другой, а глаза скашивались к носу, как это бывает у сильно переутомленных солдат.

— Ее имя… оно начинается на букву «Э», потом следует «Н»… Нет, черт побери, я не открою вам ее имени! Скажу только, что она живет не за тридевять земель отсюда, и таких красивых лент, как у нее на шляпках, вам еще никогда не доводилось видеть. Что говорить, я проявляю слабость! Она бедна, а я богат. Но все равно: я не могу совладать с собой, я обожаю эту девушку!

— Пойдемте отсюда, — сказала Энн.

— Прошу вас, не покидайте бедного старика, не уходите, пока я не войду в дом! — взмолился дядюшка Бенджи. — Или хотя бы не отходите далеко, чтобы можно было вас кликнуть. Станьте вон за теми деревьями, а я постараюсь не обеспокоить вас.

— Я могу побыть с вами еще полчаса, сэр, — сказал Джон. — А потом должен поспешить в лагерь.

— Очень хорошо, спрячьтесь за деревьями, — сказал дядюшка Бенджи. — Я не хочу злить этих молодчиков!

— Вы можете обождать минутку, пока он войдет в дом? — спросил трубач, когда они с Энн

отошли от старика.

— Я бы хотела вернуться домой, — взволнованно сказала Энн.

Когда же они укрылись за деревьями и дядюшка Бенджи остался один, он, к немалому их изумлению, испустил отчаянный вопль, значительно, казалось бы, превосходящий возможности его легких.

— Караул, на помощь! Караул, на помощь!.. — завопил он, а затем быстро юркнул за угол дома.

Дверь отворилась, и вся компания вместе с Фестусом высыпала на лужайку.

— Наш долг — помогать попавшим в беду, — сказал Фестус. — Кто тут звал на помощь?

— Крик доносился с той стороны, — сказал один из гостей.

— Нет, отсюда, — сказал другой.

Тем временем дядюшка Бенджи выглянул из-за своего укрытия, проворно, словно шустрый мальчонка, подскочил к открытой двери и скользнул внутрь. В ту же секунду дверь захлопнулась, и Энн услышала, как он запирает ее изнутри и задвигает болты и засовы. Однако никто из бражников ничего не заметил, и, помедлив немного, они направились прямо туда, где стояли Джон и Энн.

— Помощь не заставила себя ждать, друзья, —

сказал Фестус. — Вы нас не бойтесь, мы все — слуги короля.

— Благодарю вас, — сказал Джон, — мы тоже никому не делаем зла. — Он коротко объяснил, что на помощь звали не они, а какой-то попавший в беду путник, и повернулся, чтобы вместе с Энн продолжать свой путь.

— Так это же она! Клянусь жизнью, это она! — воскликнул Фестус, только теперь узнав Энн. — Моя красавица, я не расстанусь с вами, пока не доставлю вас благополучно к порогу вашего драгоценного жилища.

— Благодарю вас, этого не требуется, — учтиво, но твердо сказал Лавде, — она доверилась мне.

— Эй, ты! Будь моя сабля при мне, я бы тебе…

— Бросьте, — сказал Джон, — я не хочу с вами ссориться. Пусть дама решит сама. Кто ей больше по душе, тот и проводит ее домой. Кому идти с вами, мисс Энн?

Энн предпочла бы отправиться домой одна, но, взглянув на этих молодцов, едва державшихся на ногах, решила, что лучше все-таки иметь возле себя защитника, однако была в затруднении, как отдать предпочтение одному, не обидев другого и не вызвав ссоры.

— Вы оба должны проводить меня, — искусно

вышла она из положения. — Пойдете, как два телохранителя, у меня по бокам, но если поведете себя неучтиво по отношению друг к другу, я никогда больше не скажу с вами ни единого слова.

Оба приняли ее условие, а остальные бражники, которые в это время подошли ближе, заявили, что пойдут тоже — сзади, в виде арьергарда.

— Отлично, — сказала Энн. — А теперь ступайте, наденьте ваши шляпы и не заставляйте себя долго ждать.

— Ах да, наши шляпы… — пробормотали эти молодцы, чьи разгоряченные головы не ощущали ночной прохлады.

— Только не уходите, пока мы не вернемся, мы живо! — озабоченно проговорил Фестус.

Энн и Джон заявили, что не уйдут, и Фестус вместе с оравой своих гостей поспешил обратно в дом.

— Ну а теперь бежим отсюда, — сказала Энн, когда кавалеристы уже не могли ее услышать.

— Но мы же обещали подождать! — удивленно сказал трубач.

— Обещали подождать! — негодующе воскликнула Энн. — Кто это станет держать слово, данное такой пьяной ораве! Поступайте как знаете, а я ухожу.

— Все-таки как-то нечестно обманывать этих ребят, — неуверенно проговорил Джон и оглянулся, но Энн его больше не слушала и, выйдя из-за деревьев, вскоре скрылась во мраке.

А Фестус и его приятели подошли тем временем к двери, которая, к их удивлению и досаде, оказалась запертой изнутри, и принялись стучать кулаками и колотить ногами в почтенное старинное здание, пока в одном из верхних окон не показалась голова старика, увенчанная ночным колпаком с кисточкой на макушке, а вслед за головой — и плечи, прикрытые чем-то белым — по-видимому, ночной рубашкой (в действительности это была простыня, наброшенная поверх кафтана).

— Ай-ай-ай, как же вам не стыдно поднимать такой шум и гвалт под дверью старика, — притворно зевая, произнес дядюшка Бенджи. — Что это на вас напало, зачем вы поднимаете честных людей с постели среди ночи?

— Пусть меня повесят!.. Да это же дядюшка Бенджи! — воскликнул Фестус. — Хо-хо-хо! Дядюшка, что за чертовщина! Это я, Фестус, впустите меня в дом.

— Э, нет, шалишь, больно ты хитер, братец, не знаю, кто ты такой есть, — самым невинным

тоном воскликнул дядюшка Бенджи. — Мой дорогой племянничек, дорогой мой мальчик находится сейчас за много миль отсюда у себя в казарме и крепко спит, как и положено доброму солдату в такой поздний час. Нет, дружище, сегодня этот номер у тебя не пройдет, нет-нет.

— Да клянусь спасением души, это же я! — вскричал Фестус.

— Нет-нет, сегодня этот номер не пройдет, братец, нет, сегодня не пройдет! Энтони, подай-ка мне мой мушкетон, — сказал старик, отвернувшись от окна и адресуясь к пустой комнате.

— Давайте ломать ставни! Полезем через окно! — предложил один из гостей.

— Клянусь честью, мы это сделаем! — воскликнул Фестус. — Ну и сыграл же с нами старик шутку?

— Надо найти камень потяжелее, — пробормотал другой бражник, шаря возле стены дома.

— Нет, постой, постой, — сказал Фестус, напуганный этой воинственностью, которую сам же и породил. — Я совсем позабыл про его припадки. Если мы доведем его до умоисступления — а ему это раз плюнуть, — он еще, чего доброго, возьмет и отправится на тот свет, и тогда уж получится вроде как убийство. Друзья, нам придется уда-

литься! Впрочем, нет, мы можем обосноваться на сеновале. Положитесь на меня, я это мигом устрою. На карту поставлена наша честь. А теперь идемте, проводим мою красотку домой.

— Мы не можем, у нас нет шляп, — заметил один из солдат, известный у себя на ферме в Макл-Форде под именем Джейкоба Ноакса.

— Да, это верно: без шляп нельзя, — подтвердил Фестус, сразу впадая в уныние. — Но я должен пойти объяснить ей причину. Она влечет меня к себе, невзирая ни на что.

— Она ушла. Я видел, как она бежала через парк, когда мы колотили в дверь, — сказал еще кто-то.

— Ушла! — воскликнул Фестус, мгновенно стряхивая с себя меланхолию и скрежеща зубами. — Это он, мой противник, увлек ее за собой! Но я богат и езжу на собственном коне, а он беден и ездит на лошади короля! Ну, попадись мне только этот малый, этот рядовой солдатишка, этот простолюдин, я ему…

— Что? Продолжайте! — сказал трубач, выступая вперед из-за его спины.

— Я… — вздрогнув и оборачиваясь назад, проговорил Фестус, — я пожму ему руку и скажу: «Храни ее! Если ты мне друг, храни ее от беды!»

— Доброе пожелание. И я его исполню, — с жаром сказал Джон.

— А теперь — на сеновал, — объявил Фестус своим приятелям.

Тут все они без лишних церемоний покинули Джона, даже не пожелав доброй ночи, и направились к сеновалу. А Джон выбрался из парка и стал подниматься по тропе, ведущей к лагерю, глубоко опечаленный, что дал Энн повод к неудовольствию, и уверенный, что рядом со своим состоятельным соперником немногого стоит в ее глазах.

Глава 10
Бракопобудительные свойства неразгороженных садовых владений

Энн была так взволнована различными происшествиями с участием представителей военного сословия, приключившимися с ней на пути домой, что почти не решалась выходить одна за пределы своего участка. Многочисленные военные — как солдаты, так и офицеры, — наводнявшие теперь деревушку Оверкомб и ее окрестности, с каждым днем все ближе знакомились с поселянами и почти бессменно торчали у калиток, прогуливались в палисадниках или сидели и болтали в сенях возле самых дверей, высунув из соображений учтивости руку с зажатой в ней трубкой за дверь, дабы не отравлять воздух в помещении. Будучи людьми добросердечными, приветливого нрава и любезного обхождения, они, естественно, оглядывались на любую хорошенькую девушку, проходившую мимо, и улыбались ей, чем приводили в смущение многих девиц, не привыкших к светским манерам.

Каждая деревенская красотка вскоре обзавелась возлюбленным, а когда всех красоток расхватали, подошла очередь и тех, кто не мог претендовать на столь лестное звание, ибо большинство воинов не придавали никакого значения слишком длинному или слишком курносому носику, или небольшому изъяну по части зубов, или обилию веснушек, превышающему обычный стандарт англосаксонской расы. Так в селении Оверкомб начали завязываться многочисленные романы, а молодые люди, уроженцы сих мест, оставшись не у дел, были предоставлены самим себе и в своих одиноких прогулках, вместо того чтобы постигать величие природы, погружались в мрачные мечты о страшных способах мести, которую они уготовят храбрецам, почтившим своим любезным вниманием их деревню.

Энн с немалым интересом наблюдала за этими романтическими событиями из окна своей спальни, и когда замечала, с каким торжествующим видом та или другая сельская красотка разгуливает под руку с лейтенантом Нокхилменом, корнетом Флитценхартом или капитаном Класпенкисоеном, облаченным в умопомрачительную форму йоркских гусар и необычайно цветисто изъяснявшимся на иностранном языке,

да к тому же являвшимся обладателем сказочно прекрасных имений или какой-то иной собственности, именуемой «фатерланд», у себя, на своей заморской родине, ее охватывало горькое чувство одиночества. Тогда она невольно начинала думать о том, что прежде стремилась забыть, и заглядывала в маленькую шкатулочку, где в тонкой папиросной бумажке хранилось нечто шелковистое, каштановое и свернутое колечком. Однажды, почувствовав, что терпеть больше нет сил, она спустилась вниз.

— Куда ты идешь? — спросила миссис Гарленд.

— Поболтать с кем-нибудь в деревне — меня тоска заела!

— Но не сейчас же, Энн!

— А почему не сейчас, мама? — пробормотала Энн, краснея от смутного ощущения собственной безнравственности.

— Потому что это не годится. Я давно собиралась тебе сказать, чтобы ты не выходила на улицу в эти часы. Отчего бы не погулять утром? Молодой мистер Дерримен будет очень рад…

— Не говорите мне о нем, мама, не говорите!

— Ну хорошо, дорогая, тогда погуляй в садике.

И вот бедняжке Энн, которая вовсе и не собиралась швырнуть свое сердце под ноги какому-

нибудь солдату, а хотела всего-навсего сменить увядшие мечты на более свежие, пришлось изо дня в день по нескольку часов кряду ограничиваться прогулкой в саду, где щебетуньи-пташки насвистывали ей свои песенки, легкокрылые бабочки садились на шляпку, а отвратительные муравьи ползали по чулкам.

Садовый участок вдовы не был отгорожен от сада мельника Лавде, ибо когда-то это был один большой сад, представлявший собой единое владение. Сад был очень стар, очень красив и обнесен колючей живой изгородью, такой густой и ровной от бесконечных подрезаний, что мальчишка, прислуживавший мельнику, ухитрялся бегать по ней, не проваливаясь внутрь, и не раз проделывал этот фокус при исполнении своих обязанностей. Земля в саду была такая черная и жирная, какая бывает, только если ее упорно обрабатывают на протяжении целого столетия, а дорожки настолько заросли травой, что по ним можно было ступать совершенно бесшумно. Трава давала приют многочисленным улиткам, и поэтому мельник все собирался, когда выдастся свободная минутка, замостить дорожки гравием. Но так как он уже тридцать лет высказывал это намерение и никогда не приводил его в испол-

нение, и траве и улиткам, по-видимому, ничто не угрожало.

Работник, который ухаживал за садом мельника, присматривал и за маленьким участком вдовы: копал, сажал и полол как тут, так и там, — ибо мельник вполне резонно полагал, что ни к чему одинокой беззащитной вдове нанимать садовника для обработки такого маленького садика, в то время как этот малый, работая тут под боком, может заодно возделать и ее участок, не слишком себя обременяя. Таким образом, эти два хозяйства соприкасались в саду еще теснее, чем под кровлей дома. Здесь они уже являли как бы одну семью, и оба старших ее представителя, стоя каждый на своем участке, с превеликим жаром и интересом беседовали друг с другом, чего миссис Гарленд никак не могла предположить, когда въезжала сюда после кончины своего супруга.

Нижняя часть сада, отдаленная от дороги, представляла собой наиболее уединенный и уютный уголок этого уединенного и уютного творения природы, и так же обильно орошалась водой, как земля Лота. Три ручейка, не больше ярда шириной, с серебристым журчанием струились между возделанными участками, пересекали тропинку под деревянными горбылями, уложенными в

виде мостков, и покидали сад через маленькие туннели, проделанные в живой изгороди. Ручейки эти так заросли по краям травой и прочей садовой растительностью, что только неумолчный лепет выдавал их присутствие. Именно здесь любила проводить свой досуг Энн, после того как ее прогулки ограничились пределами сада, а трубач-драгун облюбовал в отцовском саду местечко для своих прогулок, находившееся совсем рядом.

Как музыкант, он был освобожден от ухода за лошадьми и почти ежедневно наведывался на мельницу. Энн, замечая, что он появляется в отцовском саду всякий раз, когда она гуляет в своем, не могла не улыбнуться и не поболтать с ним. Таким образом, синий мундир и эполеты трубача и желтую цыганскую шляпку Энн нередко можно было наблюдать в одно и то же время в различных, но не слишком отдаленных друг от друга частях сада, однако Джон Лавде никогда не позволял себе вторгаться в соседское владение, Энн тоже не переступала разделявшей эти владения воображаемой черты. Увидав Джона в саду, она обычно обращалась к нему с каким-нибудь вопросом, и он отвечал ей густым мужественным басом, выглядывая из-за куста крыжовника или высокой стены душистого го-

рошка — в зависимости от обстоятельств. Так, стоя в пятнадцати шагах от нее, он рассказывал о своей жизни в казармах и в лагерях Фландрии и прочих других стран, объяснял разницу между шеренгой и колонной, между форсированным маршем и развернутым строем и многое другое, а также делился своими надеждами на повышение в чине. Вначале Энн слушала его довольно рассеянно, но мало-помалу ее интерес к нему возрос: она не знала никого, кто бы так много повидал на своем веку и был так добр и прямодушен; она чувствовала к Джону расположение как к брату, а его галуны, пряжки и шпоры, потеряв в ее глазах свою необычность, стали казаться ей такими же обыденными, как ее собственные наряды.

Мало-помалу и миссис Гарленд начала замечать крепнувшую между молодыми людьми дружбу, а вместе с этим и терять надежду, что ее материнские мечты выдать Энн за богача Фестуса могут когда-либо осуществиться. Если она не предпринимала решительных шагов, чтобы пресечь эту дружбу, мешавшую осуществлению ее планов, то по двоякой причине: объяснялось это отчасти особенностями ее мягкой натуры, никак не склонной командовать, отчасти же ее личными переживаниями, трудно совместимы-

ми с таким образом действий. Тесное соседство, способствовавшее дружескому сближению Энн и Джона Лавде, мало-помалу порождало еще более горячую симпатию между ее матерью и его отцом.

Прошел июль. Дважды в день, в точно установленное время, всадники спускались с холма к водопою под окном Энн; дни стояли знойные, и лошади брыкались и бешено мотали головами, спасаясь от нестерпимых укусов слепней. Листва в саду пожухла, крыжовник налился соком, а три ручейка высохли почти наполовину.

Но вот однажды миссис Гарленд приняла почтительное предложение трубача посетить вместе с дочерью их лагерь, жизнь которого им доводилось наблюдать только из окон своего дома, и как-то после обеда они отправились туда; мельник составил им компанию. Деревня уже давно вела бойкую торговлю с лагерем: солдаты, не рядясь, покупали решительно все, что произрастало в садах, а также молоко, масло и яйца, и деревенские маркитанты, нагруженные своими товарами, взбирались, словно муравьи, по склону холма туда, где на краю лагеря на зеленой лужайке образовалось нечто вроде рынка.

Трубач провел миссис Гарленд, Энн и отца по

всему лагерю из конца в конец; побывали они и в той его части, где разместились жены солдат, не нашедшие себе пристанища в поселке. Им отвели самое тенистое место на холме, и мужья построили для них славные маленькие хижины из хвороста, глины, соломы и прочих материалов, какие оказались под рукой. Затем трубач повел своих гостей к большому сараю, оборудованному под госпиталь, а оттуда — к строению с заложенными кирпичами окнами, служившему складом боеприпасов. После этого им было предложено поглядеть на выхоленных коней темной масти (каждый из которых оценивался в крупную по тем временам сумму в двадцать две гинеи), спокойно стоявших возле натянутых между двумя сторожевыми постами канатов за невысокой земляной насыпью, ограждавшей их от опасности в ночное время. Отсюда они направились в расположение солдат немецкого легиона, чей высокий рост, щеголеватость и мечтательное выражение лица делали их особо неотразимыми в глазах дам. Здесь были и саксонцы, и пруссаки, и шведы, и венгры, и ганноверцы, а также представители других национальностей. Сейчас все они были заняты чисткой своих ружей, которые затем бережно ставили в козлы.

На обратном пути посетители проходили мимо столовой — деревянного барака с кирпичной трубой. У входа стояла небольшая группа гусар; все они внимательно слушали какого-то лихого вояку, расхваливавшего на все лады своего коня, которого, по-видимому, один из гусар собирался купить. Энн увидела, что коня прогуливает Криппл-строу, а продает не кто иной, как Фестус Дерримен. Завидев Энн, Дерримен тотчас направился к ней. Бросив на ходу благодушное приветствие мельнику, он сразу устремил все свое внимание на девушку, но она стояла словно каменная, глядя куда-то вдаль, пока он не подошел к ней так близко, что притворяться дальше было невозможно. Фестус поглядел на Энн, потом на трубача, потом снова на Энн, и лицо его помрачнело: по-видимому, у него возникли кое-какие подозрения относительно романтического характера их отношений.

— Вы сердитесь на меня? — спросил он ее, понизив голос и всем своим видом показывая, что негодует, но старается умерить свой гнев.

— Нет.

— Когда вы снова придете в усадьбу?

— Никогда, думается мне.

— Глупости, Энн, — вмешалась миссис Гар-

ленд, подходя ближе и приветливо улыбаясь Фестусу. — Ты, как всегда, можешь пойти туда в любой день.

— Разрешите ей пойти туда сейчас со мной, миссис Гарленд. Я с удовольствием прогуляюсь. А коня отведет домой мой слуга.

— Благодарю вас, но я с вами не пойду, — холодно возразила Энн.

Расстроенная вдова внимательно поглядела на дочь: ей очень хотелось, чтобы Энн была полюбезнее с Фестусом, и вместе с тем было неприятно действовать ей наперекор.

— Ну и пусть ее, ну и пусть, — сказал Фестус, темнея как туча. — Я, собственно, даже рад, что она не хочет идти со мной, у меня дела.

Он зашагал прочь, а Энн с матерью пошли дальше; Джон Лавде молча следовал за ними, и все трое начали спускаться с холма.

— Постойте, а где же мистер Лавде? — спросила миссис Гарленд.

— Отец там, позади, — сказал Джон.

Миссис Гарленд обеспокоенно оглянулась и бросила через плечо выразительный взгляд, а мельник, который, по-видимому, только этого и ждал, поманил ее к себе.

— Ступайте, я догоню вас, — сказала она мо-

лодым людям и повернула обратно, почему-то слегка при этом покраснев.

Они с мельником не спеша пошли навстречу друг другу и стали вместе спускаться с холма, разговаривая вполголоса, а дойдя донизу, остановились и еще немного постояли рядом. Энн и Джон тоже стояли в ожидании и молчали, так как встреча с Фестусом сразу испортила им настроение. Наконец приватная беседа вдовы Гарленд с мельником Лавде закончилась, и миссис Гарленд поспешила возвратиться назад, а мельник зашагал в противоположном направлении: ему надо было повидаться с кем-то по делам. Когда вдова присоединилась к дочери и трубачу, вид у нее был очень оживленный и несколько взволнованный, и, казалось, ее огорчило, что Джон должен их покинуть и возвратиться в лагерь. Они, как всегда, сердечно распрощались друг с другом, и оставшиеся несколько ярдов до дома Энн с мамашей проделали вдвоем.

— Ты знаешь, я, в конце концов, пришла к заключению… — начала миссис Гарленд. — Энн, о чем ты думаешь? Я пришла к заключению, что это правильно.

— Что правильно? — не поняла Энн.

— То, что ты равнодушна к Дерримену и, по-ви-

димому, предпочитаешь ему Джона Лавде. Лишь бы вы были счастливы вдвоем — все остальное не важно! Не придавай значения тому, что я говорила тебе о Фестусе, дитя мое, и не встречайся с ним больше.

— Ах, маменька, вы сущий флюгер: то так, то этак! И почему это вы вдруг сейчас?

— Может быть, я и похожа на флюгер, — с большим достоинством заявила сия матрона, — однако я хорошо все обдумала и, благодарение богу, поборола свое тщеславие. Лавде — наши единственные и самые преданные друзья, а мистер Фестус Дерримен, со всеми его деньгами, совершенно для нас никто.

— Что это заставило вас ни с того ни с сего заговорить совсем по-другому? — удивилась Энн.

— Мои чувства и мой рассудок — вот что, и я очень этому рада!

Энн знала, что чувства ее матери слишком непостоянны, чтобы оставаться неизменными больше двух дней кряду, но ей не пришло в голову, что на этот раз они изменились в результате чувствительной беседы с мельником. Впрочем, миссис Гарленд была не способна слишком долго хранить тайны. Она продолжала весело болтать, но, не успели еще они войти в дом, как выпа-

лила:

— Как ты думаешь, дорогая, что сказал мне сегодня мистер Лавде?

Энн не имела об этом ни малейшего представления.

— Он предложил мне выйти за него замуж.

Глава 11
Наши герои взволнованы близостью Его королевского величества

Нам не трудно будет найти объяснение неожиданному предложению, сделанному мельником, если мы возвратимся к тому моменту нашего повествования, когда Энн, Фестус и миссис Гарленд разговаривали на вершине холма. Джон Лавде стоял поодаль, дабы не мешать беседе, при которой он явно был бы лишним, а его отец, уже разгадавший сердечную тайну сына, наблюдал в это время за выражением его лица. Оно было печально, и грусть, с какой Джон наблюдал, как миссис Гарленд привечала Фестуса, говорила яснее слов, что каждое движение ее губ наносит ему рану. Мельник любил сына не меньше, чем всякий другой мельник или любой другой джентльмен, и был очень огорчен, видя, в какое уныние впадает Джон из-за такого пустяка. Вот он и решил помочь ему и поскорее дать ход делу, с которым подождал бы еще с полгодика, будь он тут единственным заинтересованным лицом.

Ему уже давно полюбилось общество живой благодушной соседки, и он уже давно принял бы ее под свое покровительство, и не раз подумывал о том, что, если она войдет под его кров, это послужит к обоюдному их благополучию, хотя по своему происхождению и образованию она занимала в обществе более высокое положение. Словом, он ее полюбил: не безумно, но достаточно пылко для его возраста. Можно сказать, что после его сыновей, Боба и Джона, она стала ему всех дороже, хотя он прекрасно видел сеть морщинок в уголках ее некогда прекрасных глаз и понимал, что небольшое углубление на ее правой щеке едва ли может быть поэтически воспето, так как возникло в результате удаления нескольких отслуживших свою службу нижних зубов, произведенного неким Рутлем из Бедмута, зарабатывавшим себе на хлеб такого рода операциями на челюстях людей почтенного возраста. Но какое это могло иметь значение, когда у самого мельника на каждый вырванный у вдовы зуб не хватало по меньшей мере двух, да и старше ее он был на целых восемь лет! И вот чтобы сослужить Джону службу, он ускорил осуществление своих замыслов и сделал вдове предложение, когда стоял с ней вдвоем несколько поодаль от

молодой пары.

Миссис же Гарленд, хотя уже давно не оставалась равнодушной к мельнику и временами задавала себе вопрос: «А что, если он…» — или: «Предположим, что он…» — и так далее в таком же духе, — тем не менее дальше этого в своих раздумьях никогда не шла, и поэтому предложение мельника все же застало ее врасплох. Без всякого притворства она ответила ему, что подумает, и на этом они расстались.

Такая неустойчивость взглядов, проявленная матерью, заставила и Энн задуматься, и неожиданно для себя она сделала вывод, что в этом случае ей самой надлежит проявить большую целеустремленность. Ее поразило, что мать, по-видимому, готова снизойти до мельника. Пока миссис Гарленд держалась несколько кичливо и советовала ей обратить внимание на Фестуса, Энн нравилось противиться этому и бунтовать, но как только на нее перестали оказывать давление, ею овладело тягостное чувство ответственности. Раз возле нее нет никого, кто мог бы мудро руководить ею и строить за нее честолюбивые планы, значит, она сама должна быть разумной и честолюбивой, и не следует ей потакать сердечной слабости, проявленной матерью: наоборот,

ей нужно теперь оказать поощрение Фестусу как для блага матери, так и для своего собственного. Было время, когда один из братьев Лавде взволновал ее сердце, но то было давно, и тогда она еще не помышляла о различиях в общественном положении. В то время, как миссис Гарленд предавалась романтическим мечтам, Энн словно пробудилась от грез в холодном трезвом свете дня, и это пробуждение было неожиданным и пугало ее; Энн казалось, что она сразу постарела на несколько лет, не успев еще их прожить.

Но решить про себя, что должна выйти замуж за молодого йемена, было куда легче, чем предпринять для этого практические шаги, и Энн продолжала вести себя совершенно так же, как прежде, только взгляд ее стал чуть-чуть задумчивее.

Когда дня два спустя после посещения лагеря Энн вышла в садик, трубач-драгун обратился к ней через пять бобовых грядок и одну грядку петрушки:

— Слышали вы новость, мисс Гарленд?

— Какую? — отозвалась Энн, не поднимая глаз от книги.

— Король будет проезжать здесь завтра.

— Король? — Энн подняла голову.

— Да, король. Он направляется в Глостер и проедет этой дорогой. Если верно, что говорят, будто он должен сменить лошадей ровно в полночь в удейтской харчевне на границе между южным Уэссексом и средним, значит, прибудет сюда почти на рассвете, — продолжил Джон, решаясь, ободренный проявленным ею интересом, сократить расстояние между ними на одну грядку петрушки.

Из-за угла дома появился мельник.

— Вы слышали, мисс Энн, слышали вы, барышня, что приезжает король? — спросил он.

Энн ответила, что услышала об этом секунду назад, а Джон, не слишком, по-видимому, обрадованный появлением отца в такой момент, повторил все, что ему было известно по этому поводу.

— Значит, ты со своим полком отправишься, верно, его встречать? — спросил старик.

Джон ответил, что эта обязанность возложена на Немецкий легион, и, стоя между отцом и Энн, неуверенно добавил, что он мог бы, пожалуй, получить отпуск на эту ночь, если, быть может, у кого-нибудь появится желание подняться на перевал Риджуэй, где должен проезжать королевский кортеж.

Энн, зная уже, какие надежды лелеет в своем сердце храбрый драгун, и не желая его поощрять, сказала:

— Я не собираюсь никуда подниматься.

Старик мельник явно был разочарован, так же как и его сын.

— Но, может быть, захочет ваша матушка!

— Может быть. Я иду домой и могу спросить ее, если вам угодно, — сказала Энн.

Войдя в дом, она намеренно холодным тоном сообщила матери о сделанном им предложении. Миссис Гарленд, хотя и приняла уже решение повременить пока с ответом на матримониальные домогательства мельника, была вместе с тем очень рада принять участие в такой увеселительной прогулке и тотчас, не обращая внимания на Энн, вышла в сад, чтобы узнать все поподробнее, а вернувшись, сказала:

— Энн, я уже много лет не видела ни короля, ни королевский выезд и непременно пойду туда.

— Ах, вам-то что ж не пойти, маменька, — снисходительно, словно старшая, сказала Энн.

— Так значит, ты не пойдешь с нами? — растерянно спросила миссис Гарленд, не ожидавшая такого оборота.

— Мне есть над чем поразмыслить, вместо того

чтобы из пустого любопытства тащиться куда-то ночью, — многозначительно сказала Энн, добродетельно поджав губы.

Миссис Гарленд была огорчена, но не отказалась от затеи. Когда подошла ночь, весть о том, что король будет проезжать мимо, уже разлетелась по всей округе, и многие жители деревни отправились поглядеть на процессию. Ушла и миссис Гарленд в сопровождении сына и отца Лавде, а Энн, оставшись одна, заперла на всякий случай дверь на засов, села и снова принялась размышлять над тем, какая огромная ответственность в вопросе выбора мужа легла на ее плечи теперь, когда выяснилось, что советам единственной своей наставницы она не может более доверять.

Тут раздался стук в дверь.

Первым побуждением Энн было замереть и не шевелиться, чтобы постучавший подумал, будто в доме никого нет, однако убедить в том незваного гостя оказалось не так-то легко. Он уже заметил свет в щели над ставней и, не получив ответа на свой стук, направился к дверям мельницы, которая, как это случалось иногда при большой загрузке, продолжала работать всю ночь. Оттуда помощник мельника снова проводил его до две-

рей жилища миссис Гарленд.

— Дочка-то обязательно должна быть дома, сударь, — сказал он. — Я обойду кругом, посмотрю, нет ли ее там, мистер Дерримен.

— Я хочу прогуляться с ней, поглядеть на короля, — сказал Фестус.

Энн вздрогнула, услыхав его голос. Судьба посылала ей превосходный случай распорядиться своей рукой и сердцем, как она теперь вознамерилась, однако столь противен был нашей героине Фестус, что она мгновенно забыла и это решение, и твердое намерение не ронять своего достоинства дружбой с Лавде. Проворно надев шляпку, она задула свечу, проскользнула черным ходом и поспешила вдогонку за матерью и ее спутниками. Она нагнала их у подножия холма.

— Как, ты все же передумала? — воскликнула вдова. — Что случилось, почему ты прибежала?

— В конце концов, я подумала, почему бы и мне не пойти, — сказала Энн.

— Ну и правильно, — искренне обрадовался мельник. — Куда лучше, чем сидеть дома одной.

Джон не сказал ни слова, но Энн, даже не видя его в темноте, почувствовала, как он рад, что она изменила своему намерению. Когда они добрались до перевала и вышли на большую дорогу,

там уже собралось много народу из их деревни, и все расположились на травке между дорогой и живой изгородью. Было тихо и сухо, в небе ни облачка, и все наслаждались этой ночной прогулкой. Кое-где вдоль дороги стояли повозки, хотя почти все обладатели четырех или хотя бы двух колес укатили в город, чтобы встречать короля там. Отсюда, с вершины холма, хорошо был виден раскинувшийся внизу, освещенный ярче обычного морской курорт: верноподданные горожане зажгли в эту ночь все лампы, фонари и свечи, какие только имелись в городе, дабы достойно приветствовать королевский кортеж, если он прибудет до наступления рассвета.

Миссис Гарленд, шагая рядом с Энн, несколько раз подталкивала ее локтем, и та наконец сообразила: мать хочет, чтобы она взяла под руку трубача, который явно жаждет этого, но не смеет предложить. Энн, решительно не понимая, что такое нашло на мать, не пожелала принять безмолвно предлагаемую ей руку и постаралась уйти вперед вместе с мельником, который шел первым, указывая дорогу. Трубач, ободренный тем, что Энн все-таки присоединилась к ним, оставшись наедине с миссис Гарленд, отважился задать ей вопрос:

— С вашего разрешения, сударыня, мне желательно поговорить с вами кое о чем очень для меня важном.

— Да, пожалуйста.

— Мне бы хотелось получить разрешение ухаживать за вашей дочерью.

— Я так и знала, что вы это скажете, — без обиняков призналась миссис Гарленд.

— А вы не возражаете?

— Я предоставляю ей самой решать. Только сомневаюсь, что она вам позволит, даже если я ничего не буду иметь против.

Трубач вздохнул и повесил голову.

— Что ж, мне ничего не остается, кроме как спросить ее.

Наконец они выбрали местечко возле ограды, где и решили расположиться в ожидании прибытия короля. Отсюда дорога видна была днем на много миль к северу, да и ночью белела на довольно большом расстоянии. Они ждали и ждали, а королевский поезд все не появлялся, и ничто не нарушало тишины этой дивной летней ночи. Прошло еще полчаса, затем еще полчаса, и по-прежнему — никого. Энн уже начинала испытывать усталость, но догадывалась, почему мать не предлагает вернуться домой, и это было

ей неприятно. Она бы давно предложила сама, но миссис Гарленд была так весела и оживлена, словно время близилось к полудню, а не переваливало за полночь, и мешать ее веселью было бы, пожалуй, жестоко.

Трубач, собравшись наконец с духом, сделал попытку вовлечь Энн в интимный разговор. То смутное приятное волнение, которое он испытывал еще неделю назад, превратилось теперь в столь живое чувство, что наш герой уже не в силах был сладить со своим пылким сердцем и неотступно старался остаться с Энн наедине, в чем и преуспел наконец, невзирая на все ее увертки. Мельник и миссис Гарленд ушли вперед шагов на пятьдесят, и Энн оказалась возле изгороди вдвоем с Джоном.

Но душа храброго музыканта была исполнена такого трепетного волнения и так страшилась собственной дерзости, что он не мог вымолвить ни слова, и трудно решить, заговорил бы он вообще на волнующую его тему, не приди ему на помощь церковные часы, которые пробили где-то в отдалении три часа пополуночи. Трубач-драгун вздохнул с облегчением и сказал:

— Слышите, часы бьют? Это соль-диез.

— В самом деле? Соль-диез? — учтиво поддер-

жала разговор Энн.

— Да. Очень красивый звон. Я еще мальчишкой любил их слушать.

— Вот как? Эти самые часы?

— Да. А потом еще я держал пари с капельмейстером духового оркестра уэссекского ополчения. Он утверждал, что это нота соль, а я спорил, что нет, не соль. А когда мы выяснили, что это соль-диез, то не знали, кто же из нас выиграл.

— У этих часов не слишком густой звук.

— О нет! А самый красивый высокий тон знаете у каких часов? На церкви Святого Петра в Кастербридже — ми-бемоль. «Тум-м-м» — вот как они бьют. — И трубач извлек из своей груди глубокий гортанный ми-бемоль, доставлявший ему, по-видимому, неизъяснимое наслаждение даже в его теперешнем состоянии крайнего увлечения другим предметом.

— Может, мы пойдем вперед и присоединимся к маме? — сказала Энн, не столь захваченная красотой этого звука, как сам трубач.

— Обождите минутку, — робко, взволнованно произнес Джон. — Вот мы говорили о музыке… Боюсь, что звание старшего трубача не слишком престижно в ваших глазах.

— Вовсе нет. Я нахожу, что это вполне достой-

ное звание.

— Я рад это слышать. Даже в королевском приказе говорится, что звание старшего трубача драгунского полка — почетно.

— В самом деле? Значит, я ненароком оказалась большей роялисткой, чем сама думала.

— Это звание дает мне довольно значительную годовую прибавку к жалованью рядового трубача.

— Это хорошо.

— И считается даже, что я не должен выпивать вместе с трубачами, которые служат у меня под началом.

— Ну разумеется.

— И, как сказано в военном приказе, мне надлежит (это так и сказано в приказе: надлежит) держать их в полном повиновении, и если кто-нибудь из них не выполнит мой приказ или позволит себе хоть малейшее непочтение в отношении меня, я могу посадить его на гауптвахту и доложить о нем начальству.

— У вас в самом деле весьма высокое положение, — без малейшего восторга заметила Энн, что, понятно, никак не могло подбодрить трубача, и он пробормотал:

— И, конечно, со временем, я буду занимать

еще лучшее положение, чем теперь.

— Очень рада это слышать, мистер Лавде.

— Словом, короче говоря, мисс Энн, — продолжил Джон Лавде с храбростью отчаяния, — позвольте мне ухаживать за вами и питать надежду, что вы... Нет-нет, не уходите!.. Я еще не все сказал... питать надежду, что когда-нибудь, быть может, вы сделаете меня счастливейшим из людей. Не сейчас, а когда будет заключен мир и жизнь опять потечет тихо и гладко. Хотелось бы выразить это более складно и еще многое добавить...

— Мне ужасно неприятно, — сказала Энн с искренним огорчением, — но я никак не могу принять ваше предложение, мистер Лавде: поверьте, никак не могу.

— Я еще не все сказал. Посмотрели бы вы, какие уютные, хорошенькие квартирки устроили у нас в казарме для всех наших женатых старшин и старших трубачей, глазам бы своим не поверили.

— Казарма — это еще не все. А походная жизнь, а война?

— Вот это-то самое главное! — с надеждой воскликнул трубач. — У меня отец более состоятельный человек, чем у большинства наших

капралов и сержантов, и в случае какого-нибудь несчастья его дом всегда будет вашим домом. Скажу вам по секрету: у него хватит средств, чтобы содержать нас обоих, и если вам не нравятся казармы — что ж, как только будет заключен мир, я могу тотчас заделаться мельником и фермером и поселиться дома, под одной крышей с вашей матушкой.

— Я уверена, что мама не даст нам своего благословения, — нашла новую отговорку Энн.

— Нет-нет, она предоставляет решать вам.

— Как? Вы уже говорили с ней? — удивилась Энн.

— Да. Мне казалось, что иначе было бы как-то негоже.

— Это очень благородно с вашей стороны, — сказала Энн, и лицо ее смягчилось: она не могла не оценить по заслугам такую честность и прямоту. — Но моя мать не имеет ни малейшего представления о солдатском житье-бытье и о том, какая жизнь ожидает жену солдата. Она наивна, как дитя, в этих вопросах, и поэтому, что бы она вам ни сказала, это не может повлиять на мое решение.

— Значит, у меня нет никакой надежды? — спросил несчастный трубач, вытерев лицо

платком и жестом, исполненным отчаяния, спрятав платок в карман.

Энн молчала. Любая женщина, побывавшая хоть раз на ее месте, знает, как неприятна такая задача: из-за неравенства общественных положений отвергать человека, во всех других отношениях достойного, даже если он не задел вашего сердца. Пылкие поклонники не столь уж многочисленны даже в свите лучших из женщин, и потеря хотя бы одного из них равнозначна по меньшей мере утрате какой-то хорошей вещи, а их тоже не так-то много на свете.

— Вы не рассердились на меня, мисс Гарленд? — спросил трубач, видя, что она молчит.

— Нет-нет. Не будем больше об этом говорить. — И Энн пошла вперед.

Подойдя ближе, она заметила, что ее мать и мельник увлечены беседой того особого свойства, когда чем меньше говорится слов, тем она красноречивей и многозначительней. Словом, здесь с успехом разыгрывалось то, что потерпело неудачу у нее с Джоном. Полунамеки, недомолвки, да и вообще все поведение вдовца и вдовушки не оставляли сомнения в том, что мельник Лавде снова повторил миссис Гарленд то, что уже говорил прежде, и для Энн оставалось только

неясным, к каким результатам привело это на сей раз.

Учитывая щекотливость положения, Энн старалась держаться несколько поодаль. Трубач, совершенно не подозревавший о том, какую роль сыграла в его сердечных делах маячившая впереди белая фигура (ибо отец еще ни словом не обмолвился ему о своих намерениях по отношению к миссис Гарленд), не подошел ближе, а остался у ограды, словно паж, не дерзающий приблизиться к принцессе, пока она не подаст ему знака. Тем временем стало светать. Миссис Гарленд и мельник были так поглощены друг другом, что не замечали, как бегут минуты и какие перемены производит это на небе и на земле, но Энн и трубач — каждый на своем одиноком посту, каждый погруженный в свои невеселые думы — наблюдали, как постепенно разгорается восток, видели всю гамму красок, все их оттенки и переливы. Мир насекомых и птиц пробуждался к жизни; вот уже проступили из темноты синие, желтые и золотые пятна — мундир Лавде. Наконец солнце выкатилось из-за горизонта: деревья, поля и далекие холмы вспыхнули, словно охваченные пожаром, а фигура драгуна-трубача с длинной, как колокольня, лиловой тенью позади

ослепительно засверкала в первых лучах подобно статуе самого бога войны.

Время подходило к четырем часам, когда с той стороны, куда были устремлены все взоры, донесся стук копыт и скрип колес, и вскоре на белой ленте дороги появилось темное движущееся пятно и стало приближаться, поднимаясь по склону холма.

Тут среди ожидающих послышались возгласы: «Да здравствует король!» — прокатилось «ура!», и королевский кортеж проследовал мимо. Он состоял из трех дорожных карет, эскортируемых отрядом Германского легиона. Кто-то сказал Энн, чтобы она смотрела на первую карету (несколько смахивавшую на дилижанс и запряженную четверкой лошадей), так как в ней — король и королева, и Энн была вознаграждена за свои старания лицезрением профиля, похожего на тот, что чеканился на имевших в то время хождение монетах. Однако, так как королевская чета путешествовала уже всю ночь, а встречавших было не слишком-то много, никто из королевского семейства не выглянул из окна кареты. Кто-то сказал, что в первой карете едут и две старшие принцессы, но они оставались недосягаемыми для взоров. Во второй карете, тоже запряженной

четверкой, ехали остальные принцессы, а в третьей — свита.

— Слава тебе господи, мне довелось увидеть моего короля! — воскликнула миссис Гарленд, когда весь королевский кортеж проехал мимо.

Но, кроме вдовы, никто не высказал удовлетворения, так как большинство, не учтя буколических вкусов короля, рассчитывало насладиться более пышным зрелищем, а какой-то старик проворчал угрюмо, что дураки они были — торчать тут, чтобы увидеть всего лишь три старые, запыленные кареты. Энн поглядывала по сторонам, солнце отражалось в ее глазах, и в них вспыхивали удивительные золотые искорки; солнце воспламеняло каштановые завитки на ее лбу, превращая их в червонное золото, а отдельные выбившиеся из прически волоски — в золоченую паутину. Энн искала глазами Фестуса, но его нигде не было видно.

Спускаясь с перевала, все посмотрели в сторону королевского курорта: ночной туман медленно отползал назад, открывая часть побережья, но море все еще было окутано туманной пеленой, сквозь которую, словно гигантские черные пауки, висящие в воздухе, проступали силуэты кораблей. Вот белое перышко дыма поплыло вверх

там, где, по словам мельника, перед королевской резиденцией находилась батарея, и почти тотчас они услышали пушечный выстрел. В ответ салютовала пушка из замка, расположенного на острове, и орудия стоявших на рейде кораблей. Все колокола в городе подняли трезвон. Король и его семейство прибыли на место.

Глава 12
О том, как все – и стар и млад – забрались на вершину холма

Изо дня в день отголоски событий, происходивших в городе, залетали в тихую деревушку в глубине оверкомбской лощины, тревожа и будоража ее скромных жителей подобно тому, как мертвая зыбь колышет водоросли в глубоком тихом гроте. Дорожные экипажи всех сортов и расцветок беспрестанно катили вверх и вниз по дороге, ведущей к этому приморскому городку. В одних ехали то приближенные короля, которые не поспели выехать вместе с ним из Виндзора, в других следом за королем спешила знать — крупная и мелкая, — тянувшаяся сюда ради собственного удовольствия, и дорога, если глядеть на нее с высоты оверкомбских холмов, была похожа на муравьиную тропу: темные пятнышки экипажей неустанно ползли по ней, почти все с одинаковой скоростью, и все — в одном направлении.

Лагерь, расположенный на возвышенности, сообщался с городом через голову, если можно

так выразиться, деревни. В эту жаркую летнюю пору мельник был завален работой, а старший трубач вместе со своими драгунами то и дело курсировал из лагеря в город и обратно и несколько дней подряд не имел возможности наведаться в деревню и поделиться новостями.

Наконец от него пришла весточка: король решил произвести на холмах смотр войскам и назначил его на следующий день. Весть эта тотчас облетела деревню и округу, и на следующее утро все население Оверкомба — за исключением двух-трех совсем дряхлых стариков и старух, нескольких новорожденных младенцев с кормилицами, одного калеки и капрала Тьюлиджа — забралось вместе с жителями других деревень на вершину холма и стало ждать.

Мельник для такого случая вырядился в свой парадный костюм, а это было дело нешуточное. В те дни каждый житель Оверкомба имел один парадный костюм, который служил ему как парадный почти до самой смерти. Парадный костюм мельника уже двадцать пять весен взирал на божий свет преимущественно сквозь щели сундука и нимало при этом не обветшал, а только, быть может, стал выглядеть несколько необычно. Но тут уж ничего не поделаешь: парадный

костюм и костюм будничный тем и отличаются друг от друга, что один никак не может заменить другой. Дом мельника находился совсем близко от места предполагаемого смотра, и старик Лавде тоже взобрался на холм — как всегда, в обществе миссис Гарленд и Энн.

День был погожий, чуть веял ветерок, и с холмов, где ничто не закрывало горизонта, открывался прекрасный вид. Любитель ландшафтов мог окинуть взглядом и омываемую морским прибоем бухту, и городок на берегу, и остров с его скалами, лежащий в воде словно огромный, свернувшийся клубком зверь. На юге гладкое как зеркало море ослепительно сверкало под солнцем, на востоке водная его гладь замыкалась горой Святого Алтхелма. Дальше к северу виден был Бадберский хребет, на котором недавно воздвигли маяк, ближе к берегу — селение Рейнберроу на Эгдонской пустоши, где стоял еще один маяк, за ним обозначался Булберроу, где стоял третий маяк, и почти рядом виден был Неттлькомб-Таут; на западе у горизонта высился Догберри-Хилл, а на переднем плане — Блэкон; маяк здесь был построен из вязанок дрока, скрепленных соломой, и стоял на том самом месте, где теперь возносится к небу монумент.

В девять часов появились войска — одни направлялись сюда из близлежащих лагерей, другие были расквартированы в различных селениях по всей округе. Дороги, ведущие на холм, были запружены экипажами всех цветов и возрастов и пешеходами всех сословий и категорий. В десять часов разнесся слух, что королевский поезд приближается, и действительно вскоре появился король верхом на коне, в круглой шляпе с загнутыми с одного бока полями, с кокардой и плюмажем, в сопровождении герцогов Кембриджского и Камберлендского и генералов. (Волнение и восторг в толпе зевак.) Следом за королем появилась королева с тремя принцессами — в огромной карете, запряженной шестеркой прекрасных золотисто-гнедых лошадей. Еще одна карета и четверка лошадей той же масти доставили двух недостающих принцесс. (Нестройные возгласы: «Глядите, это же король!», «А вот и королева!», «И принцесса Елизавета!», «И принцессы Софи и Милье!» — неслись со всех сторон.)

Энн и прочим нашим героям посчастливилось занять удобное местечко на одном из разбросанных на возвышенности курганов, а галантный мельник соорудил на его вершине небольшую

пирамиду из камней и помог взобраться на нее дамам, благодаря чему они могли обозревать происходящее поверх всех голов, лошадей, карет и толпы народа внизу и вокруг. При звуках походного марша взгляд мельника, уже давно рыскавший по сторонам в поисках сына, обнаружил его на положенном ему месте возле трубачей, выстроившихся в два ряда и трубивших марш.

— Это Джон! — закричал он, обращаясь к вдове. — Вы видите: у него перевязь двух цветов, а у остальных трубачей — одноцветная!

Теперь и миссис Гарленд увидела Джона и восторженно замахала ему, после чего Энн молча последовала ее примеру. Но не успела она отвести взгляд от старшего трубача, как глазам ее предстала фигура Фестуса Дерримена в конном строю; лицо его выражало одновременно и величавую надменность, и бесшабашную отвагу. Вид у него был, безусловно, ничуть не менее бравый, чем у остальных, а чувствовал он себя храбрецом из храбрецов, что всякому бросалось в глаза. Энн спряталась за спину мельника, боясь, как бы Фестус ее не увидел. Он мог, чего доброго, презреть в своем неистовстве присутствие монарха, накинуться на нее с упреками и закричать: «Эй, сударыня, какого черта убежали вы от меня тогда

ночью?» Она решила выкинуть его на время из головы и быть благосклоннее к Джону — истинному другу ее матери. В этом решении ее немало укрепляли волнующие звуки, издаваемые время от времени последним из вышеназванных джентльменов и его трубачами.

— Что ж, — не без самодовольства заметил мельник, — трубач, пожалуй, одна из главных фигур в полку. Разве не он, в конце-то концов, говорит им, что надо делать и когда? Верно ведь, миссис Гарленд?

— Я с вами согласна, — сказала вдова.

— Им без Джона и без его трубачей никак не обойтись, все равно как без своих генералов.

— Ну где им, — опять согласилась миссис Гарленд, готовая в своем добросердечии согласиться во всем с любым жителем Великобритании или Ирландии.

Рассказывают, что войска в тот день растянулись на три мили — от плоскогорья, расположенного по правую сторону от собравшейся поглазеть на них толпы, и до широкой проезжей дороги слева. После смотра начались маневры — учебный бой, во время которого толпа еще больше раздалась в стороны, благодаря чему вдова Гарленд получила возможность два-три

раза увидеть мельком короля и его красивого коня, а также затылок королевы, плечи и локти принцесс, сидевших в экипажах, и отдельные разрозненные части генерала Гарта и герцога Камберлендского и испытать при этом немалое удовлетворение. Всякий раз, когда ей выпадал такой счастливый случай, она тянула дочь за рукав и восклицала:

— Гляди, сейчас мелькнет его перо! А это ее шляпка! А вон индийская шаль ее величества! — Все эти сообщения выражали такой исступленный восторг, что мельник нашел поведение миссис Гарленд более живым и ребячливым, нежели мисс Энн.

Во время военных маневров мельника, в сущности, интересовало только одно лицо, за которым он и следил глазами. Энн Гарленд интересовалась двумя. В отличие от них остальные зрители, не имея личной заинтересованности, видели перед собой только батальоны и эскадроны в виде прямых красных линий, прямых синих линий, прямых белых линий (состоящих из бесчисленного количества белых штанов до колен) и прямых черных линий (состоящих из такого же количества гетр), и все это смыкалось и распадалось, как в калейдоскопе. Кому же могло в эту минуту

прийти в голову воспринимать отдельные точки этих линий как совершенно различные человеческие существа, живущие своей обособленной жизнью? Тем не менее один человек думал именно так — некий юноша, стоявший в стороне от кургана, на котором разместилось семейство Гарленд и мельник Лавде. Обветренное, покрытое темным загаром лицо его огрубело от непогоды, но в очертаниях рта сказывался характер нежный и страстный, подчиняющийся велениям сердца, — быть может, подчиняющийся им в большей мере, чем того требовал рассудок. Он был одет в синюю куртку с маленькими медными пуговицами, не оставлявшую сомнения в том, что ее владелец — моряк.

Меж тем в той части нагорья, где возвышался курган и где устроил свой наблюдательный пост мельник, через толпу начала энергично протискиваться чья-то широкополая шляпа. Увидав на возвышении мельника Лавде, владелец оной замахал рукой, стараясь привлечь его внимание. После этого Лавде немного спустился вниз, а тот в свою очередь забрался, насколько смог, повыше.

— Мельник, — сказал новоприбывший, — на почте вот уже третий день лежит для тебя письмо. Знай я, что увижу тебя здесь, прихватил бы

его с собой.

Мельник поблагодарил за сообщение и снова взобрался на вершину кургана.

— Что за чудо! — сказал он миссис Гарленд, которая вопросительно на него поглядела, заметив, каким серьезным и озабоченным стало его лицо. — Это начальник почты из Бедмута. Он говорит, что там есть для меня письмо. А я только сейчас вспомнил: три дня назад снимал я нагар со свечи, и мне и впрямь выходило письмо — и как раз на третьи сутки, — да еще какое здоровенное! А я как дурак не поверил и позабыл! От кого бы могло быть это письмо?

Письмо в те времена было весьма редким событием для любого жителя деревни, даже столь почтенного, как мельник, и старик Лавде с этой минуты впал в такую задумчивость, что не видел больше ни учебного боя, ни толпы, ни короля. Его состояние передалось миссис Гарленд, и она высказала предположение, что письмо может быть от его сына Роберта.

— Да я уж и сам так было подумал, — сказал мельник. — Но он писал мне всего два месяца назад, а Джон получил от него весточку и того позже, и он там сообщал, что отправляется в новое плавание. С вашего разрешения, сударыня, я

погляжу, нет ли здесь кого из Оверкомба. Может, кто собирается сегодня в Бедмут, — так мне тогда принесут это письмо к вечеру. Самому-то мне никак нельзя отлучаться.

С этими словами мельник покинул своих дам, но так как до дома было недалеко, миссис Гарленд не стала ждать его возвращения и решила прогуляться с Энн еще немного по кургану, а потом спуститься вниз и вернуться домой. Они послушали, как какой-то человек бился об заклад, ставя десять гиней против одной, что Бонапарт будет убит не позже как через три месяца, и посмотрели на разные другие развлечения подобного же сорта, какие в те времена были не редкостью. Во время их прогулки взгляд моряка, о котором мы упоминали выше, на мгновение упал на Энн, но не задержался и переместился куда-то поверх ее головы. Мельник находился в это время совсем в другой стороне и был занят поисками гонца в город. В двенадцать часов смотр закончился, и король со всем семейством покинул холм. После этого ушли и войска, за ними последовали зрители, и к часу дня холмы снова опустели.

Они и сейчас всё так же подставляют солнечным лучам свой травяной ковер, как в то прелестное и — если взглянуть на него из глубин

истории — такое недалекое от нас утро, а король и его пятнадцать тысяч вооруженных солдат, кони, музыканты, принцессы, золотисто-гнедые упряжки — короче говоря, весь этот пышный парад, для которого холмы служили лишь подмостками или обрамлением, — как безвозвратно кануло теперь все это в вечность, рассеялось по земле прахом! Одни остались лежать под Талаверой или Альбуэрой, под Саламанкой, Виторией, Тулузой или Ватерлоо; другие покоятся у себя на родине на погосте, и лишь ничтожная кучка — в усыпальницах королей.

День уже клонился к вечеру, когда Джон Лавде налегке — без трубы и прочих принадлежностей своего звания — появился перед дверью старой мельницы и увидел Энн, стоявшую на пороге.

— А я вас видел, мисс Гарленд, — весело приветствовал ее трубач.

— Где же вы меня видели? — с улыбкой спросила Энн.

— На вершине большого кургана, по правую сторону от короля.

— И я вас видела, и не раз, — в тон ему проговорила Энн.

Джон был явно очень обрадован.

— Неужто вы и в самом деле потрудились най-

ти меня? Вы очень добры.

— Ее взгляд следовал за вами повсюду, — раздался из верхнего окошка голос миссис Гарленд.

— Понятно, я больше всего смотрела на драгун, — сказала смущенная и раздосадованная Энн. — И когда я на них смотрела, мне, понятно, бросались в глаза трубачи. Я просто смотрела на драгун, вот и все.

Она не хотела показать трубачу свою досаду, но он ее заметил и повесил голову. Появление мельника, у которого по-прежнему был чрезвычайно озабоченный вид, несколько разрядило атмосферу.

— Я прямо не в себе, Джон. Я, знаешь ли, не зря ходил на этот смотр: оказывается, в Бедмуте лежит для меня письмо, и мне во что бы то ни стало надо получить его до ночи, не то я до утра глаз не сомкну.

— Ну что ж, я схожу, — сказал Джон. — А может быть, мисс Гарленд хочет поглядеть, что там сегодня делается? Все туда отправились. На дороге сейчас прямо как на ярмарке.

Голос его звучал умоляюще, но добиться согласия Энн было не так просто.

— А вы, барышня, можете прокатиться на двуколке. Красавчику будет полезно пробежать-

ся, — сказал мельник.

— Пусть Дэвид отвезет мисс Гарленд, — сказал трубач, не желая навязывать свое общество Энн, — а я с удовольствием пройдусь.

Новое предложение было принято Энн с живейшей охотой, и они тут же условились, когда отправятся в город.

Глава 13
Разговор в толпе

Ввечеру они тронулись в путь. Джона Лавде нигде не было видно. По дороге двуколка обгоняла самые различные экипажи, и ее обгоняли тоже. Все двигалось в одном направлении; среди обычных экипажей попадались какие-то невиданные машины, изобретенные для переброски войск к любому пункту, в котором может высадиться неприятель; они состояли из четырех досок, уложенных на некое подобие тележки, и перевозили зараз по тридцать человек солдат-добровольцев.

Морской курорт, пользовавшийся во времена короля Георга большой популярностью, был охвачен бурным весельем. Жители со всей округи буквально наводнили городишко, к немалому его восторгу и преуспеянию. Страх перед вторжением неприятеля был столь велик, что шесть фрегатов стояло на рейде, охраняя королевское семейство, и тысяча солдат — от всех пеших и конных полков, расположенных в казармах или в лагерях на близлежащих холмах, — круглосуточно несли сторожевую службу перед резиденцией

короля в замке Глостер.

Энн со своим сопровождающим добралась сюда лишь к шести часам вечера и уже пешком: лошадь с двуколкой они оставили у въезда в город. Король в это время находился на эспланаде, где происходила смена караула. Музыканты выстроились впереди; офицеры, маршируя мимо короля, отдавали ему честь.

Энн почувствовала, что перед ее глазами проносится поток истории, в котором все малое и ничтожное приобретает значительность и величие, поскольку будет увековечено потомками, а она сама, вместе с подавляющей частью человечества, не попадая в его русло, останется незамеченной и как бы никому не нужной.

Когда же она оторвалась наконец от созерцания этой захватывающей картины, перед ней стоял Джон Лавде. Впрочем, она предчувствовала, что он непременно возникнет где-нибудь перед ней таким таинственным манером. Было просто невероятно, как мог он перенестись сюда с такой быстротой, но тем не менее он был здесь — стоял и не смотрел ни на короля, ни на толпу, а ждал, когда Энн обратит на него свой взор.

— Господин старший трубач, я не видела вас там, — сказала Энн, скромно опустив глаза. — Как

могло случиться, что ваш полк не на плацу?

— Мы сменяемся, и это была не наша смена, — сказал Джон.

Тогда она пожелала узнать, уж не боятся ли они, что первый консул может похитить короля. Конечно, сказал Джон, тем более что его величество ведет себя слишком безрассудно. На днях он так далеко заплыл в море, что его едва не захватил один из неприятельских крейсеров.

— Он был бы рад схватиться с Бонапартишкой врукопашную, — сказал Джон.

— Какой он храбрый, наш король! — сказала Энн.

Джону, по-видимому, хотелось коснуться менее отвлеченных тем, и он предложил:

— Разрешите мне проводить вас на ту сторону — оттуда вам будет лучше видно. Королева и принцессы стоят у окна.

Энн с безразличным видом изъявила согласие, предупредив:

— Дэвид, подожди меня здесь: скоро вернусь.

Трубач, сияя от гордости, повел ее вокруг толпы в сторону пляжа. По дороге он говорил с ней о самых различных предметах — обо всем, что только приходило ему на ум, — касалось ли то походной жизни или жизни вообще, на что Энн

ответствовала очаровательными односложными восклицаниями или вставленными мимоходом, но кстати замечаниями о морской синеве или брызгах пены, что заставляло трепетать сердце солдата куда сильнее всяких длинных и многомудрых речей.

— А вы помните, о чем мы с вами говорили в прошлый раз? — отважился он наконец спросить.

— Не будем об этом поминать.

— Но я не противен вам?

— О нет! — сказала она, разглядывая купальную будку на колесах, ребятишек, рывшихся в песке, и все прочее, что обычно можно увидеть на пляже, — казалось, это интересовало ее куда больше, чем собеседник.

— Но только я, конечно, недостоин дочери такого образованного человека и художника — вы это хотите сказать?

— В этих вопросах требуется нечто большее, чем личные достоинства, — возразила Энн, по-прежнему продолжая смотреть по сторонам. — Ах, вон королева и принцессы в окне!

— Нечто большее?

— Ну, если вам непременно хочется, я скажу: нужно, чтобы девушка любила этого человека.

Но это условие, по-видимому, внушало трубачу-драгуну меньше беспокойства, нежели мысль о предполагаемом сословном превосходстве Энн.

— А если тут я вам подойду, вы уже не станете считаться с остальным? — спросил он, сознавая, что действует слишком настойчиво, но не имея сил сдержать себя.

— Как можно сказать наперед? Ах, что за прелесть эта крошечная шляпка! Вон, видите, на старшей принцессе!

Ее собеседник был так обескуражен этим ответом, что, казалось, вся его фигура, вплоть до кончика султана, выразила разочарование.

— А ваша матушка говорила, что вы как будто что-то решили?

— Вот это мне особенно неприятно, — сказала Энн. — Пойдемте разыщем Дэвида. Я уже видела все, что мне хотелось посмотреть, мистер Лавде.

В это время толпа заметила королеву и принцесс у окна и приветствовала их веселыми возгласами, в ответ на что эти дамы помахали вышитыми платочками. Энн вернулась на площадь в сопровождении трубача-драгуна, и все девушки завидовали ей — так хорош собой был этот воин. Впрочем, имелись и другие основания для зависти, ибо всем было известно, что Джон

Лавде стал солдатом не по необходимости, а из чувства патриотизма, так как отец не раз предлагал ему оставить его при деле, и романтическая натура Джона, отдавшего предпочтение коню и мундиру перед пыльной грохочущей мукомольней, вызывала у всех восхищение. Энн, особенно принарядившаяся для этого случая, выглядела тоже очень мило в шляпке из шелковой саржи, в муслиновой шали и платьице, сшитом по самой последней оверкомбской моде: с очень узкими рукавами, какие в соседнем городе носили еще в прошлом году и даже в Лондоне перестали носить всего три-четыре года назад. Энн не могла быть резкой с Джоном и решительно отвергнуть его, ибо благодаря своим музыкальным наклонностям он был недурно образован, довольно тонко воспитан и даже поэтичен. А сегодня он держался особенно учтиво и галантно, и Энн, вместо того чтобы сказать: «Запрещаю вам раз и навсегда возвращаться к этой теме», — ограничилась ничего не значащим: «Пойдемте разыщем Дэвида».

Но когда они вернулись туда, где оставили этого слугу, его на месте не оказалось.

Энн совсем обескураженная, воскликнула:

— Что же мне теперь делать?

— Он пошел выпить за здоровье короля, — ска-

зал Джон, который потихоньку сунул Дэвиду денег на это возлияние. — Не беспокойтесь, он скоро вернется.

— Может быть, вы разыщете его? — сказала Энн, и голосом и взглядом требуя беспрекословного повиновения.

— Разыщу, — без особенной охоты подчинился Джон и отправился на поиски.

Энн стояла в задумчивости, не ускользнуть ли от своего галантного спутника: хотя путь предстоял неблизкий, все же можно было бы добраться домой и пешком, — но Джон, такой прямой и честный малый, стал для Энн уже почти как брат, и у нее не лежала душа проделать над ним такую шутку. Она стояла в нерешительности, почти не слыша музыки, не видя марширующих солдат, короля, герцогов, блестящих придворных, довольную веселую толпу, и невольно опустила глаза долу.

У ног своих она увидела лежавший на земле цветок — красную турецкую гвоздику, свежую, благоуханную. В естественном порыве — спасти цветок от ног прохожих, которые грозили его растоптать, — Энн наклонилась, подняла гвоздику и тут же невольно застенчиво оглянулась. Она стояла возле гостиницы, а в одном из окон

верхнего этажа торчала фигура Фестуса Дерримена в окружении еще двух-трех таких же, как он, вояк. Фестус энергично закивал, приветствуя Энн, и знаками дал понять, что это он бросил ей цветок.

Что тут было делать? Швырнуть его на землю было бы как-то нелепо, а продолжать держать в руке — неловко. Энн, зажав гвоздику между указательным и большим пальцами, в нерешительности вертела ее туда-сюда, искоса на нее поглядывая, и в эту минуту увидела возвращавшегося трубача.

— Я нигде не могу разыскать Дэвида, — сказал Джон, хотя и не был этим опечален.

Энн все еще держала в руке гвоздику — небрежно, словно собиралась ее бросить, — и от неловкости, от сознания, что за ней наблюдают, неожиданно для себя протянула ее Джону.

Он просиял, принимая от нее цветок, и сказал:

— Глубоко признателен.

Тут только Энн поняла, какую бестактность допустила, разыграв эту сцену перед глазами Дерримена. Быть может, она заронила искру, из которой вспыхнет ссора.

— Это не моя гвоздика, — сказала она поспешно. — Она валялась на земле. Я дала ее вам просто

так, не придавайте этому значения.

— Но все равно я сохраню ее, — сказал простодушный воин, словно знал повадки женского пола, и бережно спрятал цветок под мундир — между белым жилетом и собственным сердцем.

Фестус, наблюдавший эту сцену, вскочил на ноги, сердито напыжился и побагровел, отчего стал похож на тыквенный фонарь.

— Пойдемте отсюда! — испуганно предложила Энн.

— Не беспокойтесь, я провожу вас до дому, — сказал Джон. — Да, чуть было не позабыл… Там же лежит это письмо для папаши, которого он так ждет! Не прогуляетесь ли вы со мной до почты? А потом я провожу вас прямо домой.

Энн, опасаясь, что Фестус как коршун каждую минуту может налететь на них, рада была уйти куда угодно, лишь бы подальше, поэтому тотчас приняла предложение трубача, и они направились вместе через площадь.

Джон расценил согласие Энн как признак того, что сердце ее несколько смягчилось, и в самом радужном расположении духа появился на почте, заплатил, что следовало, и получил письмо.

— Так и есть — от Боба! — воскликнул он. — Отец велел мне тотчас прочесть письмо — на

случай если там плохие вести. Прошу прощения, я вас на секунду задержу.

Он сломал сургучную печать и принялся читать письмо, а Энн молча стояла рядом.

— Он возвращается домой, чтобы вступить в брак! — воскликнул трубач-драгун, не поднимая глаз от письма.

Энн ничего не ответила. Лицо ее внезапно вспыхнуло, а мгновение спустя побелело так, словно от него отхлынула вся кровь. Но она постаралась скрыть свое волнение, а затем и совладать с ним, и Джон не заметил обуревавших ее чувств:

— Насколько я понимаю, он должен быть здесь в субботу.

— Вот как, — сдержанно отозвалась Энн. — И на ком же он собирается жениться?

— Этого я не знаю, — отвечал Джон, снова проглядывая письмо. — Она не из здешних мест.

В эту минуту в почтовую контору вошел запыхавшийся мельник и закричал:

— Давай его сюда, Джон! Я жду, жду этого письма! Этак и спятить можно!

Джон кратко сообщил отцу содержавшиеся в письме новости, и когда мельник понемногу оправился от удивления, снял шляпу и вытер

сильно вспотевший лоб, они покинули вместе с Энн почтовую контору, предоставив Джону возвращаться одному. Мысль о предстоящей женитьбе Боба так поглотила мельника, что он совершенно не замечал бурного веселья, царившего вокруг, Энн же, по-видимому, тоже была так поражена этим сообщением, что прошла мимо гостиницы, даже не вспомнив о существовании Фестуса Дерримена.

Глава 14
Вечером того же дня

Когда они подходили к дому, солнце клонилось к закату. Весть о том, что мельнику Лавде пришло письмо, уже разнеслась по всей деревне, а вскоре и его тележка прогромыхала по дороге, и не успел он переступить порог, как жители Оверкомба поспешили к мельнице: ведь осветившееся там внезапно окно могло означать только одно — мельник хотел немедля прочесть письмо, иначе зачем бы стал он так рано зажигать свет. Письма считались в какой-то мере достоянием всех, и любому человеку в приходе лестно было присутствовать при чтении этого редкого документа, поэтому, как только мельник поставил свечу и тень его на занавеске пошла куда-то вкось — ибо он направился к миссис Гарленд попросить ее высказать свое мнение по поводу некоторых не совсем понятных закорючек, кои могут встретиться в письме, — оказалось, что на помощь ему в этом деле готовы прийти почти все односельчане, чьи фигуры уже заполнили дверной проем, частично закрывая друг друга, как карты

в руке игрока, однако оставляя для обозрения достаточную часть каждой персоны. Пока они рассаживались по местам, мельник, чтобы не терять времени даром, занялся своим излюбленным делом — начал снимать нагар со свечи.

— Говорят, вы получили письмо, мистер Лавде? — спросили соседи.

— Да: «Саутгемптон, двенадцатое августа. Дорогой отец…» — начал Лавде, и все затаили дыхание, словно толпа родственников при вскрытии завещания.

Энн, для которой письмо представляло особый интерес, вошла в эту минуту вместе с матерью в комнату и присела на стул.

Боб в присущей ему довольно своеобразной манере сообщал, что решил пойти навстречу желанию отца, всегда мечтавшего, чтобы сын отказался от кочевой жизни моряка и разделил с ним его труды на мельнице. С этой целью он, высадившись на берег, возвращается теперь в Оверкомб, и прибудет туда на третий день, считая со дня отправки этого письма.

Затем, как бы между прочим, Боб сообщал также, что во время своего путешествия он останавливался в меблированных комнатах в Саутгемптоне, где ему довелось познакомиться с

прелестной и наделенной всеми добродетелями молодой особой, в коей он вскоре обнаружил именно те качества, которые необходимы, чтобы сделать его счастливым. Будучи знаком с этой дамой целых две недели, он имел полную возможность изучить ее характер, и ему пришло на ум, что мельница, не имея хозяйки, несомненно, прежде всего нуждается в такой особе, которая могла бы с достоинством и грацией исполнять эту роль, в соображении чего он и предложил мисс Матильде Джонсон стать его женой. По своей доброте мисс Матильда, отказавшись от других, куда более соблазнительных предложений, изъявила свое согласие, так что ему остается только благодарить судьбу, столь своевременно пославшую ему для украшения его дома женщину, чья добродетель не менее умопомрачительна, чем ее красота. Теперь они с Матильдой порешили, не поднимая лишнего шума и не откладывая дела в долгий ящик, пожениться сразу же и не где-нибудь, а в Оверкомбе, дабы не лишать отца удовольствия попировать на свадьбе. Мисс Матильда любезно согласилась в ближайшие же дни отправиться следом за ним по суше и до совершения брачной церемонии пожить недельку-другую в их доме в качестве гостьи.

— Какое замечательное письмо, — прозвучал из-за чьей-то спины голос миссис Комфорт. — В жизни не слыхала, чтобы про любовь говорилось так толково, да еще в письме. И они, похоже, по уши влюблены друг в друга.

— Он не так-то уж давно с ней познакомился, — с некоторым сомнением заметил Джон Митчел.

— Что с того, — заявила Эстер Бич. — Коль время приспеет… природа быстро возьмет свое. Ну что ж, это неплохая новость для тебя, мельник.

— Да, конечно, новость, надо полагать, хорошая, — сказал Лавде-старший, не особенно торопясь, однако, проявлять бурную отцовскую радость, столь естественную, казалось бы, при этих обстоятельствах, и предпочитая, по-видимому, дать выход своим чувствам путем углубленного изучения волокон бумаги, на которой было написано послание.

— А я так пять лет увивался за своей покойной женой, — заметил он наконец. — Но в наши дни все делалось не в такой спешке, поспокойнее. Ну что ж, раз она приезжает, надо принять ее с честью. Кто-нибудь понял из этого письма, что он там пишет: когда пожалуют-то? Пока я разбирал Бобов почерк, смысл по временам как-то ускользал от меня.

— Он пишет, что через три дня, — сказала миссис Гарленд. — Надо посмотреть, когда отправлено письмо, и все станет ясно.

Поглядев на дату, установили, что гость должен прибыть в этот самый день, а уже близился вечер, и мельник, вскочив на ноги, заявил:

— Значит, он еще до ночи будет здесь. До меня как-то не дошло, что он может приехать раньше субботы. А ведь он, того и гляди, явится!

Едва он это произнес, как за окном раздались шаги, и кто-то остановился за дверью. Мельник, растолкав соседей, бросился к выходу и, увидав на пороге фигуру, загородившую слабый свет сумерек, обхватил ее за плечи, восклицая:

— Боб, сынок мой! Вот ты и дома!

— Святые угодники! Вы же вывихнете мне плечо, мельник! Что тут происходит? — воскликнул, стараясь высвободиться из отцовских объятий Лавде, гость, оказавшийся дядюшкой Бенджи.

— Я принял вас за моего сына! — пробормотал мельник, отступив назад прямо на мозоли соседей, протиснувшихся следом за ним в прихожую. — Входите, входите, мистер Дерримен, будьте как дома. Сколько лет вы уже не заглядывали на мельницу! Что же привело вас к нам, сударь, в такую пору?

— Он там, у вас? — прошептал фермер, с опаской поглядывая по сторонам.

— Кто?

— Мой племянник. Небось волочится за этой девицей, в которую втрескался по уши.

— Да нет же, нет. Он никогда и не заходит сюда.

Фермер Дерримен вздохнул с облегчением и сказал:

— Ладно, я зашел сообщить вам последние новости о французах. Они высадятся здесь, у нас, не позже чем через месяц, это уж точно. Все их канонерские лодки в полной готовности… без малого две тысячи лодок… И вся армия стоит в Булони… Вот что, мельник, я знаю — вы честный человек. — Мельник не стал этого отрицать. — Сосед Лавде, я знаю: вы честный человек, — повторил старый фермер. — Могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

Так как в доме было полно народу, мельник, хоть он и был как на иголках — не потому, что страшился появления Бонапарта, а потому, что с минуты на минуту ждал появления Боба и хотел его встретить, — провел гостя в сад. Они прошли в самый укромный уголок, и дядюшка Бенджи сказал:

— Мельник Лавде! Из-за этих французов и из-за моего племянника Фестуса жизнь моя превратилась в сущий ад. Да, поверьте, я не знаю покоя ни днем ни ночью. Мельник Лавде, вы честный человек. — Мельник молча кивнул. — Так вот, я пришел просить вас об одолжении: не возьмете ли вы на сохранение на время моего отсутствия кое-какую безделицу — разные там документы и тому подобное? На будущей неделе мне надобно отлучиться из дому, и, если Бонапарт или Фестус похитят все это у меня, я останусь один как перст и без гроша в кармане! В такие ужасные времена, как нынче, я не могу доверять ни банкам, ни нотариусам. Вот я и пришел к вам.

Мельник после некоторого колебания согласился принять на хранение ценности, которые Дерримен сочтет нужным ему принести, и фермер сказал, что явится к нему со своими бумагами и пергаментами на этой же неделе. После этого он удалился через садовую калитку, взобрался на свою лошаденку, привязанную у ограды, и вскоре растаял в сгустившихся сумерках.

Мельник же вернулся в дом, где тем временем уже появился Джон, и сообщил всем собравшимся, что, попрощавшись с отцом и Энн, он направился в гавань, видел там на причале вер-

ную «Чайку» и узнал, что в одиннадцать часов она стала на якорь и Боб сошел на берег.

— Так пойдемте встретим его, — сказал мельник. — На дворе еще не совсем стемнело.

На луга ложилась роса, и над лощиной стлался туман, когда мельник со своими друзьями и соседями вышел из дому; они расположились у перелазов через изгороди, пересекавшие каждые сто ярдов тропу, ведущую из Оверкомба к проезжей дороге. Джон Лавде не смог присоединиться к ним, так как должен был вернуться в лагерь, но вдова Гарленд сочла необходимым пойти вместе со всеми. Надевая шляпку, она кликнула дочь. Энн отозвалась сверху, что сейчас спускается, и миссис Гарленд не стала ее дожидаться и ушла.

Чем же была занята Энн? Торопливо отперев шкатулку, хранившую небольшие, но дорогие ее сердцу предметы, она достала оттуда нечто завернутое в папиросную бумагу и уже знакомое нам, запалила свечу с помощью собственной трутницы и сожгла на ее огне дотла бумажный пакетик с локоном. Затем надела шляпу и, что-то весело напевая вполголоса и стараясь убедить себя, что все случившееся совершенно ей безразлично, последовала за матерью и всеми остальными через покрытые росой, серые от тумана луга.

Глава 15
Капитан Боб Лавде с торгового судна

В то время как мельник Лавде вместе с соседями устремился по тропинке вперед, взволнованный, как и многие из них — в том числе и шедшая позади всех Энн, — предстоявшей встречей, на боковой проселочной дороге, от которой ответвлялась тропа, послышался легкий скрип колес, и Энн тут же подумала: «Быть может, это он, и мы разминемся с ним». Однако события этого дня не располагали ее к тому, чтобы поделиться своими соображениями с окружающими, и она промолчала, остальные же совсем не обратили внимания на этот шум.

Подойди они к живой изгороди, скрывавшей от них проселок, и загляни за нее, глазам их предстала бы легкая тележка с мальчишкой на козлах, рядом с которым, свесив над оглоблей ноги, восседал человек в форме моряка (но не простого матроса!) торгового флота. Тележка миновала большой мост, свернула к другому мосту — у мельничной запруды — и останови-

лась перед домом мельника. Моряк спрыгнул на землю и оказался хорошо сложенным, красивым и энергичным юношей с живыми глазами, довольно обыкновенным носом и таким смуглым лицом, опаленным знойным солнцем полуденных стран, что его можно было бы принять за родственника того незнакомца, чье изображение висит в галерее старых мастеров и именуется «Портретом джентльмена». И все же, невзирая на это, возвратившийся на родину Боб Лавде, хотя он и исколесил полмира — от мыса Горн до Пекина и от индийских коралловых рифов до Белого моря, — был поразительно похож (и это сходство с годами еще увеличилось) на свою покойную матушку, которая в это время мирно покоилась в земле возле оверкомбской церковной ограды.

Капитан Лавде направился в дом, но обнаружил, что дверь заперта, и направился к мельнице. Только и тут все было на замке и мельничное колесо остановлено на ночь.

— Никого нет дома, — сказал Боб мальчишке. — Но это ничего. Помоги мне только сгрузить мои пожитки: я с тобой расплачусь, и потом можешь отправляться домой.

Вещи сняли с тележки, мальчишка получил вознаграждение и с важностью поблагодарил,

после чего Боб Лавде, обнаружив, что у него еще довольно много свободного времени, задумчиво посмотрел сначала на восток, потом перевел взгляд на запад, на север и на юг, устремил в зенит, а затем занялся перетаскиванием своих пожитков — узел за узлом — за угол дома, к заднему крыльцу, чтобы они лежали не на ходу. Покончив с этим делом, он обошел вокруг мельницы и на этот раз более внимательно осмотрел все, что было ему хорошо знакомо: окна мукомольни, как всегда, покрытые, словно инеем, белым мучным налетом; муку, оседавшую в углах подоконников, создавая хорошую питательную среду для плесени, которая нарастала тут со времени его младенческих лет и продолжала нарастать неприметно для глаз; замшелую стену дома — ту, что была обращена к реке (мох здесь рос высоко — до того бревна, у которого еще хватало силы впитывать в себя влагу для его питания); высокую воду у запруды, и сейчас, как бывало и прежде, грозившую, казалось, каждую минуту затопить сад. Все было по-старому.

Вдоволь наглядевшись, Боб решил, что может проникнуть в дом, несмотря на запертые двери, и прошел в сад. Перекинув крепкий длинный шест с развилки яблони на подоконник спальни

второго этажа, он с ловкостью обезьяны забрался по этому шесту в дом. Было странно и непривычно оказаться среди знакомой обстановки, не повидавшись сначала с отцом; мебель безмолвно и таинственно поблескивала в полумраке, и это лишь усиливало гнетущее чувство; весь дом, казалось, вымер — остались только столы и комоды, чтобы приветствовать вернувшегося домой странника. Боб спустился вниз и уселся в темной гостиной, однако и это место показалось ему слишком унылым, а тиканье невидимых часов — противоестественно громким, и тогда он достал трутницу, зажег свечу и, правильно рассчитав, что отец, должно быть, пошел его встречать и разминулся с ним по дороге, решил приготовить дом к его возвращению, придав ему более обжитой вид.

Придуманное занятие очень увлекло Боба, и он, хлопоча, принялся носиться по кухне из угла в угол, как девчонка. Дэвид, доверенное лицо, несшее службу внутри дома, был в эту минуту погребен среди пивных кружек бедмутского трактира, вследствие чего ужин приготовлен не был, и Боб взялся за дело сам. Вскоре в очаге пылал огонь, откуда-то появилась скатерть, на столе со звоном расставились тарелки, и весь

дом был подвергнут обыску на предмет изъятия провизии, причем, помимо различных сортов мяса, были обнаружены свежие яйца продолговатой формы, из которых вылупляются петушки и которые по этой причине специально отобрали, чтобы подложить их под наседку.

Более бесцеремонное обращение с яйцами едва ли имело место в пределах этой тихой деревушки со времени последних богатых крестин. Разбивая их одно за другим — с тупого конца, с острого, поперек и вдоль, — Боб мало-помалу так наловчился, что под конец каждый предполагаемый курицын сын распадался под его ножом точно на два полушария, словно створки раковины. Покончив с яйцами, Боб взялся за окорок, потом перешел к почкам, и получилось отличное жаркое.

Дабы не впасть во искушение отведать свою стряпню до появления отца, наш мореплаватель выложил все на блюдо, накрыл его тарелкой, кинул поверх тарелки свою куртку, а поверх куртки — шляпу. Преградив таким способом аппетитному аромату всякий доступ наружу, Боб уселся и стал ждать дальнейших событий. От этого однообразного занятия он был, однако, вскоре избавлен раздавшимися за окном голосами, и в

комнату вошел мельник.

— Рад приветствовать тебя под кровлей отчего дома, отец, — сказал Боб. — Ужин уже готов.

— Господи помилуй… Как, капитан Боб уже здесь? — воскликнула миссис Гарленд.

— А мы встречали тебя снаружи у ограды, — сказал мельник, следом за которым вошли представители семейств Крипплстроу, Митчел, Комфорт, Бич и Снуке вместе с кое-какой мелюзгой из потомства Фенсибла Тремлета. Шествие замыкал Дэвид, и, наконец, как бы добавляя последний штрих к уже законченной композиции, появилась прелестная Энн.

— Я ехал в экипаже, поэтому пришлось воспользоваться дорогой, а не тропинкой, — сказал Боб.

— А мы прошли лугом: думали, ты придешь пешком, — сказал его отец.

— Я бы приехал еще утром, да не мог раздобыть для своих пожитков ничего, кроме тачки, — все отправились на смотр. Тогда и я пошел туда: думал, встречу тебя там, — а потом пришлось вернуться на пристань за багажом.

Засим последовали приветствия: капитана Боба хватали за руки, трясли их и тянули к себе так, словно силились выдвинуть тяжелый ящик; хлопали по спине, словно он подавился, и раз-

глядывали, отодвинув от себя подальше, словно на нем что-то было напечатано таким крупным шрифтом, что никак не читалось с близкого расстояния. На все эти испытания Боб отвечал широкой улыбкой, небрежно разбрасывая ее по сторонам, чтобы никто не остался обделенным.

— Подай ему стул, — сказал мельник Дэвиду, которого он встретил в поле и имел возможность убедиться, что долгое отсутствие ничуть ему не повредило, если не считать легкой нетвердости в походке.

— Пустяки, я не устал… Я здесь давно, — сказал Боб. — И притом я…

Но тут ему сзади подставили стул, а так как удачное попадание края означенного предмета под коленки чаще всего приводит к тому, что человек плюхается на стул без дальнейших рассуждений, Боб тоже замолчал и сел, а все остальные придвинулись к нему поближе, чтобы удобнее было его разглядывать, замкнув дружеский круг.

Мельник то и дело восклицал:

— Дэвид, достань девять самых лучших бокалов из углового буфета!

— Дэвид, штопор!

— Дэвид, как будешь наливать в кружки пиво,

не забудь вытереть их изнутри полой моего халата — там небось на палец пыли наросло!

— Дэвид, опусти-ка пониже чайник, а то огонь не достает до дна, и зажги еще три самых толстых свечи!

— Если ты не можешь вытащить пробку из этого кувшина, Дэвид, пробуравь дырку в бочке с голландским, в той, что под хворостом в дровяном сарае. Ты слышишь, нет? Дэн Браун притащил ее туда вчера в благодарность за поросенка, которого я для него откормил.

Когда все опрокинули по кружке и некоторый избыток соседей без особой охоты разошелся по домам, оставшиеся обратились мыслями к ужину, о котором уже начал хлопотать Дэвид.

— Зачем ты снимаешь со стола скатерть, Дэвид? — спросил мельник.

— Да мистер Боб, верно, спутал: застелил простыню заместо скатерти — ну я и подумал, что, может, вам не понравится, сударь, поскольку тут у нас дамы.

— Черт, я взял первое, что подвернулось под руку, — сказал Боб. — Мне показалось, что это скатерть.

— Велика важность… Не снимать же все тарелки, когда он их уже поставил. Пусть так

останется, — сказал мельник. — А где же вдова Гарленд и барышня Энн?

— Они только сейчас были здесь, — сказал Дэвид. — Верно, ускользнули потихоньку, потому как больно стеснительные.

Мельник тотчас отправился за дамами пригласить их отужинать с ним, а Дэвид воспользовался его отсутствием, чтобы сообщить Бобу по секрету, как он доволен своей службой у его отца.

— Да-да, капитан Боб, — я ведь так должен вас называть, правильно? Тридцать восемь лет работаю я у вашего папеньки, и всегда-то мы с ним ладим. Он мне все ключи доверяет, одалживает иной раз свою жилетку и весь дом оставляет на меня. И вдова Гарленд, что живет на другой половине, тоже уж так хорошо ко мне относится — прямо как к родному сыну!

— Ну, чтобы иметь такого сына, ей пришлось бы чуть не ребенком выйти замуж.

— Да-да, это верно, я буду постарше ее. Это я просто так — к слову.

Миссис Гарленд к ужину не явилась, и трапеза проходила без нее. Боб совсем по-хозяйски потчевал отца своей стряпней, словно тот был безвестным странником, случайно забредшим в дом. Мельнику не терпелось узнать планы

сына на будущее, но он не хотел мешать ему насыщаться, и пока приехавший из заморских стран сын уничтожал английские яства, отец время от времени поднимал глаза от тарелки и поглядывал на него с таким одобрением, словно перед ним была новейшей системы мельница, работавшая на полный ход.

Только Дэвид убрал все со стола и расставил тарелки на полу под столом в пекарне, чтобы их могли вылизать кошки, как дверь в столовую порывисто распахнулась и появилась взволнованная миссис Гарленд.

— Мы так испуганы… Я все ждала, пока вы отужинаете и начнете собирать тарелки: там, у черного хода, кто-то копошится и шепчется. Я подумала — уж не воры ли! А выглянула наружу, и никого нет.

— Надо поглядеть, что там такое, — сказал мельник, сразу поднимаясь со стула. — Дэвид, зажги-ка мне фонарь: не самый большой и не самый маленький — средний. Пойду осмотрю сад.

— И я пойду с тобой, — сказал сын, прихватив дубинку. — Какая удача, что я подоспел вовремя.

Они крадучись вышли из дома, а за ними последовали вдова и Энн, побоявшиеся при подобных обстоятельствах остаться дома одни. И в самом

деле, очутившись за дверью, все тотчас услышали какое-то бормотание где-то внизу и совсем рядом, словно кто-то притаился у самой земли.

— Провалиться мне! — воскликнул Боб, хлопая себя по лбу с такой силой, точно наносил удар противнику. — Да ведь это мои пожитки! Я совсем забыл про них.

— Что такое? — удивился мельник.

— Это мой багаж. Ей-богу, если бы не миссис Гарленд, он бы пролежал тут всю ночь, и эти бедняги подохли бы с голоду. У меня здесь много разных разностей для вас. Ступайте все в дом, а я притащу их туда. Не бойтесь, миссис Гарленд, это просто мои попугаи. Они так громко бормочут, вот вы и услыхали.

— Попугаи? — переспросил мельник. — Ну что ж, могло быть что-нибудь и похуже. Да как же ты забыл про них, Боб?

Дэвид и Боб перетащили в дом пожитки моряка, и когда развязали и распаковали первые три свертка, глазам присутствующих предстали три клетки с великолепным попугаем в каждой.

— Вот это тебе, отец, повесь его над дверью, он будет забавлять нас, — сказал Боб. — Он отлично умеет болтать, а сейчас он просто сонный. А этого я прихватил с собой для кого-нибудь из соседей

— кому приглянется. У него не такое яркое оперенье, но это тоже очень хорошая птица. Если он вам нравится, прошу вас, возьмите его себе, — сказал Боб, оборачиваясь к Энн, которая подошла поближе, заинтересовавшись попугаями. — Вы не сказали мне еще ни словечка, мисс Энн, а ведь я помню вас очень хорошо. А вы здорово подросли с тех пор, право слово!

Энн сказала, что она очень ему признательна, но не знает, что ей делать с попугаем. Миссис Гарленд приняла подарок вместо нее, а моряк продолжал:

— А вот эту третью птицу я сам не знаю, куда девать. Но, верно, и она на что-нибудь пригодится.

— Но эта птичка куда красивее той, — заметила вдова. — Если вы ничего не имеете против, я предпочла бы взять эту.

— Да, конечно… — в некотором замешательстве сказал Боб. — Боюсь только, что этот попугай вряд ли подойдет вам, сударыня. Больно уж он лихо сквернословит, и я, признаться, боюсь, что теперь его не отучишь от этой привычки: слишком стар.

— Какой ужас! — сказала миссис Гарленд.

— Мы можем держать его на мельнице, — внес предложение мельник. — Моему помощнику эта

птица повредить не может: едва ли ей удастся обучить его чему-нибудь по части сквернословия.

— Значит, решено: он его и получит, — сказал Боб. — А от этого попугая, которого я подарил вам, мадам, ничего худого не будет. Это хорошая птичка — хоть берите ее с собой к обедне, она на язык безвредная.

Затем моряк извлек из-под оберток небольшой деревянный ящик с проделанными в нем дырками:

— А здесь у меня две мартышки. Сейчас на них посмотреть нельзя, но они настоящие красотки: с бородками — такая порода.

— А что это за животное? — спросил мельник.

— Это маленькая обезьянка. Чужих они кусают довольно крепко, но ты к ним быстро привыкнешь.

— Но они, по-моему, завернуты во что-то, — сказала миссис Гарленд, стараясь разглядеть мартышек сквозь щелку.

— Да… в мою фланелевую рубашку, — смущенно признался Боб. — Они, бедняжки, ужас как мерзнут в нашем климате! А у меня не нашлось для них ничего более подходящего! Ну вот, а теперь посмотрим этот ящик, тут у меня много

всякой всячины.

На сей раз это был обыкновенный матросский сундучок, и Боб извлек из него целый набор раковин всевозможных расцветок и размеров, резные фигурки из слоновой кости, забавные маленькие шкатулки, красивые пышные перья и несколько шелковых носовых платков. Предметы эти Боб разложил по всем имевшимся в комнате столам и стульям, после чего она стала походить на городскую площадь в базарный день.

— Какая прелестная шаль! — воскликнула вдова Гарленд, в своем нетерпеливом восхищении несколько нарушая порядок демонстрации и заглядывая в сундучок, откуда извлекался новый предмет.

— О да, — сказал моряк, разворачивая две поистине восхитительные шали. — Одну из этих шалей, миссис Гарленд, я собираюсь подарить молодой особе, на которой скоро женюсь. Отец, верно, говорил вам об этом? Ее зовут Матильда Джонсон — она из Саутгемптона.

— Да, мы уже слышали про это, — сказала вдова.

— Ну так вот: одну из этих шалей я, конечно, подарю ей — ведь это же надо сделать, правда?

— Как же иначе, — сказала вдова.

— Ну, а другая шаль мне совсем не нужна, и… — Тут Боб посмотрел по сторонам. — Может, вы примете ее от меня в подарок, мисс Энн? Вы отказались взять попугая, так уж не отказывайтесь от шали.

— Благодарю вас, — сказала Энн, ничем по выдавая своего волнения, — но, право же, мне не нужна шаль, и я не могу ее принять.

— Ну прошу вас, возьмите! — взмолился Боб, обиженный ее отказом.

Миссис Гарленд сидела как на иголках, боясь, что Энн будет упорствовать в своем нелепом отказе.

— И притом есть еще одна причина, почему вы должны принять от меня этот подарок, — сказал Боб, и лицо его просветлело — он явно что-то вспомнил. — Мне сейчас как раз пришло на ум, что ведь я когда-то был вроде как вашим ухажером — в самом скромном, так сказать, смысле слова. Ей-богу, правда! И мы с вами встречались иногда и гуляли вместе, разве не так? Я хочу сказать — когда вы были не слишком гордой и соглашались… И как-то, помнится, я вам подарил, шутки ради, прядь своих волос… По-моему, вам… или кому-то еще?

— Нет, не мне. Верно, кому-то еще, — поспешно

сказала Энн.

— Да, может быть, — простодушно согласился Боб. — Но все-таки это я с вами встречался — или, во всяком случае, старался встретиться, — уж это я хорошо помню. Подумать только: мне раньше как-то не вспоминались эти детские годы. Право же, милая Энн, вы должны принять от меня какой-нибудь подарок в память о тех днях!

Но Энн отступила назад и молча покачала головой — боялась, что голос ей изменит.

— Ну что ж, тогда, миссис Гарленд, получайте ее вы, — сказал Боб, перебрасывая шаль этой более покладистой даме. — И если вы ее не возьмете, клянусь жизнью, я швырну ее первой попавшейся нищенке. А вот тут у меня есть еще коробка с набором лент для шляпок — самых лучших, какие только можно было раздобыть. Возьмите ее, Энн, прошу вас!

— Конечно, Энн, возьми, — сказала миссис Гарленд.

— Я обещал их Матильде, — продолжал Боб, — но уверен, что они ей не нужны: — у нее их предостаточно, — а мне будет так же приятно видеть их на вашей головке, милая Энн, как и на ее.

— Мне кажется, вам лучше оставить их для

вашей невесты, если вы их ей уже обещали, — мягко возразила миссис Гарленд.

— Да я не то чтобы обещал… просто сказал: «Тиль, у меня в сундучке есть кое-какие ленты для шляпки, может, — тебе пригодятся». Да у нее столько всяких тряпок, что она заткнет за пояс любую невесту на земле. Энн, послушайте, вы должны взять эти ленты: клянусь жизнью, должны, — или я выброшу их в пруд!

Энн твердо решила оставаться непреклонной и не принимать никаких подарков по причине, понятной даже самому несообразительному из всех беспечных мореплавателей на свете, но на этот раз она была принуждена сдаться и с зардевшимися щеками и дрожащими губами, тщетно пытаясь изобразить улыбку, приняла коробку с лентами.

— Интересно, что бы сказала Тилли, если бы видела это! — лукаво заметил мельник.

— Да, в самом деле… Это очень, очень дурно с его стороны! — внезапно вскричала Энн, бросая коробку на пол, и слезы брызнули у нее из глаз. — Дарите ваши подарки тем, кому подарили вашу… вашу… любовь, мистер Лавде, вот что я вам скажу! — И с этими словами она повернулась и выбежала из комнаты.

— Я возьму их для нее, — сказала миссис Гарленд, проворно поднимая коробку с пола.

— Вот беда какая! — сказал Боб, с огорчением глядя вслед Энн. — Мне помнится, прежде она никогда не была такой вспыльчивой девушкой. Скажите ей, миссис Гарленд, что я прошу у нее прощения. Но, право же, я не знал, что она такая гордячка и маленький подарок может ее оскорбить... Ну как я мог знать? Ей-богу, если бы не Матильда, я бы... Ну да нет, этому не бывать.

— А здесь у вас что? — спросила миссис Гарленд, коснувшись носком ботинка большого свертка, который Боб положил на пол, не развязывая.

— А тут немножко табачку для меня, — скромно ответил моряк.

Теперь с подарками было покончено, и оба семейства распростились до утра.

Оставшись вдвоем с Энн, миссис Гарленд сказала:

— Какая же ты скрытная девчонка! Я и не подозревала, что вы с Бобом Лавде интересовались друг другом. Вы же были совсем детьми тогда.

— О да, конечно, мы были детьми, — согласилась Энн, к которой уже вернулось самообладание. — Это было, когда мы только приехали сюда, примерно через год после смерти папы. И мы

встречались с ним только так, изредка, от случая к случаю. Вы же знаете: я всегда считала себя выше каких-то Лавде. Это было просто… да ничего, в сущности, и не было, я забыла и думать о нем.

Будем надеяться, что некой особе удалось в ту ночь отмолить свои грехи, когда она ложилась спать.

Мельник же, оставшись наедине с сыном, сказал:

— Ну, Роберт, поговорим об этой молодой особе, о твоей Матильде… как там ее дальше?

— Матильда Джонсон, отец. Я как раз собирался рассказать тебе о ней.

Мельник кивнул и отхлебнул пива.

— Ну, она, понимаешь ли, первый сорт, — сказал Боб, — это уж ты можешь мне поверить. Просто, понимаешь ли, чаровница, хорошая, славная, симпатичная молодая женщина, образец тонкого воспитания и всякое такое. Она умеет сооружать из своих волос самые прелестные локоны на свете, и у нее самые изумительные платья, шляпки и чепчики. Ну, словом, нимфа или русалка. Лучшей жены, чем она, на свете не было и не будет.

— Надо полагать, надо полагать, — сказал мельник. — Я в общем-то никогда не замечал,

чтобы у тебя не хватало здравого смысла или ты был глуповат. — Он в задумчивости повернул пивную кружку вокруг оси, так что ручка очертила полный круг. — Как ты там писал в своем письме, я что-то запамятовал: как давно ты с ней познакомился?

— Две недели назад.

— Не сказать, чтобы давно.

— Ну да, это звучит так, будто совсем недавно, это верно. А на самом деле даже дольше — пятнадцать суток с четвертью. Но, черт возьми, отец, я с первого взгляда могу определить, какая девушка годится, а какая нет. Мне довольно поглядеть на нее, и я уже вижу ее насквозь… Да и как мне не знать женщин — я достаточно пошатался по свету. Вот тебе, к примеру, эта вдова Гарленд и ее дочка. Девушка очень славная малютка, но уж ее мамаша — ой-ой-ой! — И Боб покачал головой.

— А что ты углядел в ней такого? — спросил мельник, незаметно ерзая на стуле.

— Видишь ли, она, она… Я хочу сказать, что никогда не остановил бы на ней свой выбор. У нее приятный характер, и при такой взрослой дочери она могла бы выглядеть старше, но если бы все мужчины на свете разделяли мой вкус, ей бы никогда не найти себе мужа. Я отдаю ей долж-

ное во многих отношениях, но этот тип красоты совершенно не в моем вкусе.

— Ну, если дело только в наружности, — облегченно вздохнул мельник, — то об этом не стоит и говорить. Хотя, коли уж на то пошло, так найдется немало герцогинь, которые ей и в подметки не годятся, сынок! — добавил мельник, видимо, пожалев, что слишком быстро сдал позиции.

Но мысли моряка были уже далеко.

— А что до моей женитьбы на Матильде, так я как увидел ее, так сразу и подумал: «Вот где настоящие тонкие манеры — так за чем дело стало?» Словом, я выбрал ее. Она хорошая девушка. Лучше ее на свете нет — днем с огнем не сыщешь.

— И много их было… этих женщин, из которых ты ее выбирал? — спросил отец.

— Ну, видишь ли, сказать по правде, в Саутгемптоне мне больше ни с одной молодой женщиной познакомиться не довелось. Но что с того? Все равно я выбрал бы ее из целой сотни.

— Ее отец работает в доках, что ли?

— Нет. Я даже не видел ее отца.

— А ее мать?

— Ее мать? Нет, я и матери не видел. По-моему, ее мать умерла, но у нее есть очень богатая тетка в Мелчестере. Тетки я тоже не видел, потому

что у меня не было времени к ней наведаться, но, конечно, я навещу ее, когда мы с Матильдой поженимся.

— Да-да, конечно, — сказал мельник, пытаясь уверить себя, что он вполне удовлетворен полученными сведениями. — И скоро она должна прибыть сюда?

— Да, она скоро приедет, — сказал Боб. — Она бы приехала вместе со мной, да решила съездить к тетке в Мелчестер за своими вещичками. Я буду встречать дилижанс в Кастербридже в трактире «Королевский герб», в воскресенье в час дня. Вот тебе еще одно доказательство того, какая первосортная получится из нее жена: она, понимаешь ли, хотела приехать торговым дилижансом, потому что это малость дешевле, но я сказал: «Знаешь, это бывает раз в жизни, так уж пускай все будет как положено. Поезжай почтовым дилижансом, я заплачу». Могу я, кстати, взять лошадь и двуколку, чтобы съездить за ней? Пожалуй, пешком она оттуда не доберется.

— Понятное дело, можешь взять двуколку, Боб, и все, что тебе потребуется. А уж я, как смогу, постараюсь получше отпраздновать твою свадьбу.

Глава 16
Все готовятся к приему прекрасной незнакомки

Приготовления к приезду Матильды и к событию, которое должно было за ним воспоследовать, поглотили всех обитателей мельницы. Поскольку мельник и его слуга обладали весьма смутными познаниями по части домоводства, а Боб вместе со своим братом-трубачом целыми днями пропадал где-то, выполняя различные поручения и, в частности, стараясь приобрести краску и лак для двуколки, которую он решил собственноручно расписать, ибо она должна была доставить домой Матильду, общее наблюдение за предсвадебной уборкой любезно приняла на себя миссис Гарленд.

По указанию вдовы добрую, старую, хорошо въевшуюся и до блеска отполированную множеством беспокойных затылков грязь отмыли и отскоблили от спинки старинного дивана; коричневый ореол вокруг гвоздя, на который мельник вешал свою шляпу — след, оставленный ее мокрыми полями, не раз подвергавшимися

воздействию непогоды, — тщательно забелили; рыжеватые пятна на стенах в коридоре, служившие напоминанием о чьих-то спинах и плечах, беспощадно истребили, невзирая на некоторую родовую и историческую ценность, которую они могли собой представлять; циферблат часов, словно липким пластырем покрытый толстым слоем ярь-медянки, оттирался и отчищался до тех пор, пока цифры снова не проступили наружу, а густая паутина, сквозь которую с трудом прокладывал себе путь маятник и которая наподобие гамака свисала со стенок деревянного футляра, была выметена оттуда единым махом.

Миссис Гарленд приняла также участие в набеге, произведенном на изъеденный жучком буфет, внутри которого десятилетиями скапливались запахи, будя в любом чувствительном носу воспоминания о различных превосходных вещах, некогда здесь хранившихся. Мытье полов в комнатах второго этажа производилось с таким обилием воды, что давно прижившиеся здесь мокрицы, жуки-могильщики и мучные черви все затонули, а потоки мыльной воды, бойко сочившиеся из потолочных щелей в нижние комнаты, где ныне обитал мельник, пробуждали фантастические представления о сталактитовых пещерах.

Было сдвинуто с места все, что никогда не сдвигалось с места, даже дубовый сундук, хранивший в своих недрах весь гардероб мельника и являвший собой чудовищную тяжесть со всеми его замками, петлями, гвоздями, скобами, грязью, пылью и твердым напластованием старых курток, жилетов и штанов, ни разу не потревоженных в своем покое после смерти жены мельника и превращенных местами в порошок трудолюбивой молью, плоские скелетики которой в неисчислимом множестве валялись везде и повсюду.

— Открывать его и закрывать — ей-богу, всю поясницу разломит! — сказал в свое оправдание мельник, когда, повинуясь приказу миссис Гарленд, готовился сдвинуть с места сундук, ухватившись за него с одного конца, в то время как его помощник и Дэвид ухватились с другого. — Ну, все разом! Скажите, когда начнете двигать. Взялись!

Крышки кастрюль и шумовки были доведены до такого блеска, что при взгляде на любую из них каждый видел не предмет кухонной утвари, а свою собственную физиономию в чудовищно перекошенном виде. Сломанную стрелку часов починили, чайники полудили, вьющиеся рас-

тения подвязали и к грелке приделали новую ручку. Большой кухонный фонарь был подвергнут основательной чистке изнутри. Операция эта позволила извлечь все, что беспрепятственно скапливалось в нем на протяжении трех лет: огарки, обрывки фитилей, обгорелые спички, копоть и одиннадцать с половиной унций доброго свечного сала — незаменимого материала для смазки сапог и тележных колес.

Все в один голос утверждали, что за последние двадцать лет жилище мельника ни разу не подвергалось такой основательной чистке. Мельник и Дэвид взирали на это с благоговейным ужасом, умеряемым благодарностью, и молчаливо признавались друг другу, что размеры происходящего превосходят все их ожидания. Миссис Гарленд снисходительно и бесстрастно осуществляла общее руководство. Не годится, заявила она, чтобы будущая сноха увидела этот дом в его первобытном состоянии. Она может невзлюбить его, а заодно, пожалуй, и Боба.

— Так почему бы вам не перебраться сюда — вот тогда вы могли бы всегда следить за порядком? — спросил ее мельник, когда она хлопотала с уборкой.

На это вдова отвечала, что уже думала над его

предложением и, быть может, со временем и примет его. Мельник еще раньше успел поделиться с ней своими планами: он решил, как только миссис Гарленд согласится перебраться к нему, отдать ее половину дома Бобу с женой; таким образом, ей не приходилось бояться, что Матильда ее стеснит.

Предсвадебная стряпня целиком соответствовала предсвадебной уборке. В пылу рвения зарезали четырех лишних петушков, которые только-только начинали кукарекать, и — вместо свиньи — маленького молочного поросеночка с хвостиком закорючкой; поросенок откармливался всего пять недель и был хоть мал, но зато восхитителен на вкус и своим нежным мясом скорее мог доставить удовольствие избалованной горожанке, нежели большая свинья весом в семь пудов, сало которой могло показаться слишком грубым для изнеженного неба. Был приготовлен также холодный ростбиф, фаршированная телятина и два пирога с начинкой из голубей. Затем к ним прибавилось еще тридцать кругов кровяной колбасы, дюжина кругов свиной и десять витков нежной, хорошо промытой требухи, отваренной без затей на случай, если невесте захочется для разнообразия чего попроще.

В виде дополнительного блюда и, так сказать, про запас напекли еще сдобных булочек и приготовили пять молок: их сшили вместе, так что они стали похожи на куколку огромной бабочки, и нафаршировали чабрецом, шалфеем, петрушкой, мятой, овсяной крупой, рисом, рублеными яйцами, сметаной и прочими ингредиентами. В надлежащее время они были зажарены на медленном огне и поданы горячими.

Нашинковать такое количество трав для всевозможных начинок оказалось женщинам не под силу. Дэвид, мельник, помощник мельника и мальчишка помощника мельника были заняты по горло каждый своим делом. Боб раскрашивал двуколку и подновлял упряжь, и мельник позвал на подмогу случайно проходившего мимо славного драгуна из полка Джона. Тот, будучи крепким и мускулистым малым, решительным и великодушным жестом снял перчатки, скинул мундир, закатал рукава, расстегнул ворот, опрокинул предусмотрительно поставленную перед ним кварту крепкого пива и, закусив чем Бог послал, с готовностью поработал сечкой от полудня до заката солнца.

Ни одно яблоко с червивой сердцевиной и ни один паданец не попали в яблочные пироги, а

пудинг пришлось сбивать в доильном ведре, так как он не вместился ни в одну кастрюлю, и варить в трехногой медной посудине, весьма древней и весьма тяжелой, которую каждый бродячий лудильщик, заглядывавший к мельнику во двор на протяжении тридцати лет, непременно считал своим долгом постукать палкой, похвалить, попытаться выторговать, а нередко и украсть.

По части напитков мельник выставил весьма вместительную бочку Кастербриджского крепкого пива. Этот прославленный напиток — ныне почти столь же прочно канувший в прошлое, как излюбленное питье Фальстафа, — несомненно, должен был прийтись по сердцу не только солдатам, чьи глотки пересохли и пропылились во время столь длительного пребывания в палатках на вершине холма, но и любому путнику, который мог бы случайно забрести в дом. Он был того прекрасного цвета, который любой знаток пива может оценить по достоинству; он был густой и вместе с тем шипучий, как вулкан; забористый, но без малейшей горечи; искристый, как осенний закат, но без терпкого привкуса, и в конечном счете весьма хмельной. Простой народ его боготворил, мелкопоместное дворянство отдавало ему предпочтение перед вином, и даже сельская

знать им не брезговала. На родине этого напитка всякому задержанному на улице за дебоширство в пьяном виде достаточно было доказать, что он не из здешних мест и не привык к местным напиткам, чтобы судья тотчас великодушно отпустил его на все четыре стороны, ибо нельзя вменять в вину такой проступок, уберечься от которого не может ни один человек, не получивший соответствующего наставления, прежде чем вступить в город.

И, наконец, мельник открыл еще большую бочку отличного сидра, купленную впрок для какого-нибудь торжественного случая у одного честного поселянина, про которого было известно, что он сидр не подкрашивает, и поставленную на несколько месяцев добродить. Этот сидр давили из яблок, специально отобранных особым знатоком этого дела: в основу был пущен сорт под названием «Хорнер и Клив», для цвета добавлен «Том Пут» и для игривости и шипучести — самая малость «Олд-Файв-Корнер». Смесь эта первоначально была изготовлена для благородной глотки одного небезызвестного графа, который отличался воздержанием, был большим любителем сидра и дожил до восьмидесяти восьми лет.

Прибытие невесты ожидалось в воскресенье

утром, и капитан Боб Лавде отправился ее встречать. Всю неделю он расписывал двуколку, от случая к случаю ему в этом помогал брат, и теперь она приобрела сочную желтую окраску с голубыми полосками, кисточки по бокам и ярко-красные спицы, оттеняемые ободами более спокойного колера. В половине одиннадцатого Боб запряг в двуколку лошадь, и Энн, стоя в дверях, видела, как он уселся в экипаж и покатил со двора. Если и бывает так, что какая-нибудь девушка, глядя, как молодой человек отправляется встречать свою невесту, относится к этому с абсолютным безразличием, как Энн Гарленд, то, право же, это бывает нечасто.

Такую пылищу поднимали на дороге колеса экипажей, с тех пор как Двор обосновался в близлежащем городке, что ягоды ежевики, свисавшие с кустов живой изгороди и дружелюбно касавшиеся лица путника, стали серыми, как церковная паутина, а придорожная трава напоминала осиновые стружки. Мельник, боясь, как бы с Бобом от непривычки править лошадьми не случилось какой беды, уговаривал его взять с собой Дэвида, но Боб, живо представив себе неуместность третьего лица при предстоящей встрече, и слышать об этом не хотел, и все обошлось сравнительно

благополучно, если не считать того, что первые две-три мили, пока Боб не освоился с вожжами, колеса двуколки выписывали на дороге довольно извилистый след, а лошадка, почуяв нетвердую руку и пользуясь случаем, шарахалась в стороны от придорожных столбов, кусочка бумаги, брошенной тачки и уснувшего на обочине бродяги.

Боб приехал в Кастербридж после полудня, остановился в «Старой гончей» и направился пешком на площадь. Здесь, став на углу в своей изрядно запыленной одежде, он принялся ждать. В это время кончилась служба, и из трех церквей стали выходить нарядные, приодевшиеся для праздника в свои лучшие летние платья горожане. Когда все разошлись по домам и площадь опустела, со стороны главной старинной улицы потянуло дымком и запахом мясной подливки, а из соседней булочной пронесли лотки с пирожками, и тут Боб увидел почтовый дилижанс, поднимавшийся на мост примерно в четверти мили от площади и увенчанный мерно покачивающимися круглыми предметами, — по всей видимости, головами ехавших на империале пассажиров.

«Вот так появляется невеста перед ожидающим ее женихом!» — настраиваясь на лирический

лад, сказал себе Боб и, когда запел рожок и копыта лошадей зацокали по мостовой, направился к трактиру. Там дилижанс уже поджидала толпа слуг и конюхов, лошадей принялись распрягать, а пассажиры, ехавшие до Кастербриджа, стали один за другим спускаться с империала. Боб смотрел во все глаза, заглянул внутрь дилижанса и обошел его кругом… К глубочайшему его разочарованию, Матильды не было нигде. Не было ни ее самой, ни ее багажа — не было ничего, что бы о ней напоминало, и ни возница дилижанса, ни проводник не заметили, чтобы такая особа заняла место в дилижансе, когда он отправлялся из Мелчестера. Удрученный Боб побрел прочь.

В «Старой гончей» он, совсем расстроенный, уселся вместе с хозяином за семейное жаркое, потеряв от дурных предчувствий добрую треть аппетита. Хозяин, который обедал в одной сорочке, отчасти потому, что был август, отчасти потому, что хотел воспользоваться случаем, пока еще в ней можно было показаться людям на глаза, посоветовал Бобу подождать часов до трех-четырех, когда должен был прибыть товарный фургон: могло ведь оказаться, что потерявшаяся особа выбрала другой способ передвижения. Заметив, что такое предположение оскорбило Боба,

хозяйка, как женщина, знавшая лучшие времена, заверила его, что при теперешних высоких ценах на провизию очень многие благородные дамы путешествуют таким манером. Боб, имевший весьма смутное представление о сухопутных способах передвижения, с готовностью внял ее словам и решил ждать.

Он коротал время, разгуливая взад и вперед по тротуару, либо стоял, прислонившись к нагретой солнцем стене дома за постоялым двором у перекрестка. В это тихое, дремотное время после полудня на залитой солнцем улице не видно было ни души. Неподалеку от постоялого двора находилась церковь Всех Святых, и из ее растворенных окон до Боба так явственно доносилась вечерня, словно он сам присутствовал в числе молящихся при богослужении. Так, стоя на улице, он прослушал чтение псалмов, прослушал первое и второе чтение Евангелия, прослушал, как смычки и кларнеты пропели вечерний гимн, прослушал почти всю проповедь от начала до конца, и тогда только на лондонской дороге замаячил силуэт фургона.

В те времена послеобеденные службы в этой церкви, отличаясь несколько метафизическим уклоном, протекали очень сухо, и самому Про-

видению угодно было позаботиться о том, чтобы неподалеку от сего древнего здания разместился постоялый двор, благодаря чему всякий раз, когда воскресный фургон запаздывал (а это непременно случалось с ним в жару, в стужу, в непогоду и почти при любых прочих климатических условиях), шум, грохот и брань, сопровождавшие его прибытие и разгрузку, почти совсем заглушали голос священника и оживляли благочестивый дух паствы как раз в нужный момент. Как только приютские ребятишки начинали ерзать на скамьях, а хранение взрослых набирать силу, тут-то и прибывал фургон.

Капитан Лавде почувствовал, как поэтический восторг его приметно стынет при мысли, что та, к приему которой делались такие приготовления, может находиться в этой неуклюжей колымаге, которая медленно, со скрипом приближается к нему, однако не поддался слабости, но и не двинулся с места навстречу фургону, боясь, что Матильды не окажется и там. Наконец огромные колеса остановились у обочины, фургонщик в белой куртке и с длинным, похожим на удочку бичом слез с лошади, верхом на которой сопровождал фургон, и шесть широкогрудых битюгов, попятившись в своей упряжи, тряхнули гривами.

В ту же минуту что-то мелькнуло в дверях фургона, и Боб понял, что Матильда прибыла.

Когда она начала спускаться на землю, троекратное «ура!» чуть не вырвалось из его груди, но он подавил ликующий крик, вспомнив, что сегодня воскресенье. По части туалета мисс Джонсон превзошла все его ожидания: на ней было зеленое в белую полоску платье с длинными узкими рукавами, зеленая шелковая шалька, перекрещивающаяся на груди, и в руках, затянутых в зеленые перчатки, она держала зеленый зонтик. Несколько странно было видеть, как это существо, больше всего похожее на зеленую гусеницу, появляется из товарного фургона и грациозно отряхивается от пуха и соломы, неизбежно приставших к одеждам благородных путешественников, прибегавших к услугам этого экипажа.

— Но, моя дорогая Матильда, — сказал Боб, трижды поцеловав ее у всех на виду (практический шаг, на который он решился, подчиняясь беспощадному отказу невесты проделывать эти штуки украдкой), — почему же ты не приехала дилижансом, ведь у тебя хватило бы денег?

— Все моя противная бережливость! — с очаровательной непосредственностью воскликнула

Матильда. — Но я уверена, что ты не будешь сердиться, ведь я сделала это, чтобы отложить немножко про черный день.

Боб, разумеется, не стал сердиться, хотя торжественность этой встречи несколько померкла в его глазах, но если и почувствовал легкую досаду, сейчас, конечно, было не время и не место ее проявлять. Впрочем, узнай он истинную причину, заставившую Матильду изменить свои намерения, это, пожалуй, сильно бы его поразило. Сие небесное создание так щедро распорядилось и деньгами Боба, и своими собственными для украшения своей персоны, что на почтовый дилижанс их уже просто не хватило, и ее бережливость была вызвана жестокой необходимостью.

— Я оставил двуколку в «Гончей», — сказал Боб. — Не знаю, поместимся ли мы в ней вдвоем вместе с багажом, но мне казалось, что двуколка будет выглядеть как-то приличней в воскресный день, чем тележка, а если места не хватит, я могу пойти пешком.

— Мне кажется, мы поместимся, — сказала мисс Джонсон кротко, и вскоре стало ясно, что она говорила сущую правду, ибо, когда ее пожитки извлекли из фургона и поставили на мостовую, оказалось, что они состоят из одного-единствен-

ного сундучка длиной не более восемнадцати дюймов.

— Как — это все? — спросил удивленный капитан.

— Да, все, — подтвердила невеста. — Мне, понимаешь ли, не хотелось доставлять тебе лишних хлопот, и остальное я оставила у тетушки.

— Ну, понятно, — поспешно сказал Боб. — Что ж, сундучок совсем маленький, я могу запросто донести его до трактира, так что с багажом у нас действительно не будет никаких хлопот.

Он подхватил сундучок и рука об руку с невестой направился к «Старой гончей». Через несколько минут они уже катили по Южному тракту.

Боб не слишком нахлестывал лошадку: ему многое хотелось сказать и многое услышать, а момент был для этого самый подходящий. Солнечные лучи то и дело забирались под шляпку Матильды, чрезвычайно мило освещая либо щечку, либо носик. У Матильды были зеленоватые глаза, которые, как всякие зеленоватые глаза, было принято называть карими; разрез глаз был недурен, и если их нельзя было назвать лучистыми, то сверкали они что надо. Нос был прямой и вполне удовлетворительного размера

— словом, мог бы сказать про себя, что он нос как нос. У нее была довольно своеобразная манера прикрывать верхнюю губку, выпячивая нижнюю, отчего последняя казалась еще более яркой и пухлой. Порой, когда, заслоняясь от солнца, Матильда поглядывала на далекие холмы, лоб ее самовольно прорезали три вертикальные морщинки, никак не смягчавшие выражение ее лица, а если она поворачивала голову, когда Боб привлекал ее внимание к какому-нибудь предмету, шейка ее покрывалась целой сеткой мелких морщинок. Но Боб не замечал этих мелочей, да они и в самом деле не имели значения. В конце концов, разве Матильда не сказала ему, когда они сравнивали свой возраст, что ей уже чуточку за двадцать два?

Поскольку дело происходило в самом начале девятнадцатого столетия и природа еще не была открыта, Матильда не могла особенно много распространяться о великолепии холмов, о мерцании солнечных бликов в листве, о безбрежности и величии сверкающего вдали моря, что, без сомнения, имело бы место, живи она несколько позже, но тем не менее невеста старалась, как могла, поддерживать занимательную беседу и расспрашивала Боба о различных сторонах

сельской жизни, которая была ей, по-видимому, совсем внове.

— А ваш морской курорт — это крупное поселение? — спросила она, когда двуколка взобралась на холм, на котором оверкомбцы встречали короля.

— Что ты, голубка, вовсе нет! Если бы не королевская семья, и не придворные, и не солдаты, и не военные судна, и не королевские гонцы, и не актеры, и не актрисы, и не игры, тут вообще ничего бы не было.

При словах «актеры и актрисы» невинная малютка навострила уши.

— А что, Эллистон платит этим летом такое же хорошее жалованье, как в…

— Так ты, значит, разбираешься в этом? А я думал…

— О нет, нет! Я просто слышала о том, что в Бедмуте… Просто прочла в газетах… Ну, ты понимаешь, дорогой Роберт, там пишут всякую всячину об актерах и актрисах и обо всем прочем.

— Ага, понимаю. Ну, видишь ли, я давно не был в Англии и мало что знаю о театре в нашем городе. Но я поведу тебя как-нибудь в театр. Тебе, верно, это будет интересно?

— О, безумно интересно! — воскликнула мисс Джонсон с восторгом, в котором чуткое ухо могло бы уловить легкий испуг.

— Ты, возможно, еще никогда не была в театре?

— Нет, никогда! — решительно ответила Матильда. — Что это там такое? Вон там, вдали, на холме — ряд каких-то белых букашек.

— У нас тут уйма военных лагерей расположено вокруг Оверкомба. А это белеют верхушки солдатских палаток.

И Боб показал на часть лагеря, которая открылась их глазам. Матильда очень заинтересовалась.

— Это вносит большое оживление в нашу жизнь, — добавил он, — особенно поскольку и Джон здесь.

Матильда полностью с ним согласилась, и они продолжали болтать.

Глава 17
Два обморока и переполох

Тем временем мельник Лавде с нетерпением ждал прибытия жениха и невесты, десятки раз выходил за ворота и часов около пяти увидал на краю холма, там, где белая от солнца дорога сливалась с синевой неба, две крошечные, величиной с зернышки тмина, точки. Затем Боб и его нареченная обрели верхнюю часть туловища, после чего появилась и двуколка, и, наконец, на пыльной дороге стал слышен глухой стук колес. Будущее — в той мере, в какой старик Лавде пытался в него заглянуть, — представлялось ему таким: Роберт с женой будет жить в его половине дома до тех пор, пока миссис Гарленд не изъявит согласия соединиться с ним, после чего он предоставит ее жилище молодым супругам. При любых обстоятельствах мельник хотел оказать подобающий прием женщине, на которую пал выбор его сына, и поспешил встретить двуколку, когда она подкатила к дому.

— Какой очаровательный у вас здесь уголок! — произнесла мисс Джонсон, когда мельник

принимал ее из рук капитана. — Настоящая запруда, и настоящее мельничное колесо, и настоящие деревенские куры, и все-все!

— Да, это в общем-то все настоящее, — сказал мельник, поглядев на запруду без излишней чувствительности, — и вы повторите это еще не раз, когда станете здесь хозяюшкой и повозитесь разок с уборкой и чисткой мебели.

При этих словах мисс Джонсон скромно потупила взор, и стояла так до тех пор, пока Энн, только что возвратившаяся из церкви и не знавшая о ее приезде, не появилась с молитвенником в руках из-за угла дома. Боб обернулся, увидел ее и улыбнулся, а мисс Джонсон нахмурилась. Как долго продолжала бы она пребывать в новом состоянии, осталось неизвестным, ибо в эту минуту ее слух поразило громкое басовитое мычание, раздавшееся у нее за спиной и заставившее ее подскочить на месте, одновременно оборотившись назад.

— О боже! Что это за чудовище? — вскричала Матильда, увидав корову мельника по прозванию Вертушка. Приближался час дойки, и корова пришла поискать Дэвида, чтобы ускорить вышеозначенную операцию. — Какой страшный бык! Как он меня напугал! Я едва не лишилась

чувств!

Мельник немедленно пустил в ход формулу, которой со времен Ноя пользуются все обладатели животины:

— Она вас не тронет. Пошла прочь, Вертушка! Она не опаснее мышонка, мисс.

Но так как Вертушка упорствовала в своем намерении призвать к себе Дэвида все тем же устрашающим способом, Матильда воскликнула:

— О, она забодает меня насмерть!

И глаза ее закатились, а голова откинулась назад, на плечо Боба, которое он предусмотрительно подставил, зная ее деликатную натуру и правильно оценив обстановку. Энн Гарленд стояла возле дома, не зная, повернуть ли ей обратно или подойти поближе, и тотчас ощутила прилив женской солидарности. Она проворно подбежала к плотине, намочила в воде свой носовой платочек и освежила им лоб Матильды. Но так как девушка никак не отреагировала, Боб для усиления эффекта взял у Энн платок и выжал Матильде на переносицу, так что вода побежала ручейками у нее по всему лицу.

— О, капитан Лавде, — сказала Энн. — Вы намочили ее зеленую шелковую шальку и даже

хорошенький ридикюль!

— Что?.. Я так и знала! — воскликнула Матильда, открывая глаза, выпрямляясь и поспешно извлекая свой собственный носовой платок.

Удалив со щек излишнюю влагу вместе с самой незначительной частью румянца, в чем ей усердно помогала Энн, невольно захваченная всем происходящим, вопреки затаенному на дне души чувству совсем противоположного сорта, девушка оживилась.

— Ну вот и прекрасно! — сказал мельник. — Просто дама не привыкла к сельской жизни. Вы ведь не привыкли, мисс?

— Нет, не привыкла, — ответила пострадавшая. — Здесь все так странно!

Внезапно со стороны холма по поднебесью прокатилось: «Ра-та-та! Та-та-та-та! Ра-та-та!»

— О господи, господи! Опять какие-то ужасные звуки! Из сельского обихода, по-видимому? — снова подскочив на месте, осведомилась Матильда.

— Нет-нет, — весело ответил мельник. — Это трубачи моего сына Джона, драгуны, у себя в лагере вон на том холме трубят к обеду, или лошадей кормить, или смену караула, или еще какие-нибудь ихние штуки. Джон с удовольствием растолкует вам все их сигналы, когда придет

с нами повидаться. Он ведь старший трубач драгунского полка, мисс, вы, может, уже слыхали?

— О да. Это брат капитана Лавде? Мой дорогой Боб говорил мне о нем.

— Если обойти дом, то с той стороны, где проживает вдова Гарленд, можно поглядеть на лагерь, — сказал мельник.

— Не мучьте ее, она устала с дороги, — добросердечно сказала миссис Гарленд, которая тоже пришла познакомиться с избранницей Боба.

Следует отметить, что все присутствующие вели себя так, словно перед ними было какое-то диковинное экзотическое растение, которому они, в своей деревенской простоте, могли нанести вред.

Матильда в сопровождении миссис Гарленд и Энн проследовала в дом, успев, однако, шепнуть Бобу на ухо:

— Не говори им, что я приехала в товарном фургоне. Хорошо, милый?

В сущности, это было совершенно излишне, так как Боб и сам решил схоронить эту тайну в своем сердце, ибо если этот способ передвижения и не был так уж необычен, то его все же едва ли можно было считать наиболее подходящим для доставки благородной дамы к ожидавшему ее жениху.

Чувствуя, что их присутствие в доме в такую минуту будет, пожалуй, лишним, мужчины отправились по своим делам: мельник пошел помочь Дэвиду отвести лошадь в конюшню, а Боб последовал за ними, оставив Матильду на попечение женщин.

Все в доме приводило мисс Джонсон в восхищение: недавно появившиеся здесь попугаи и мартышки, почерневшие балки потолка и огромный буфет со стеклянными створками, за которыми поблескивали остатки китайского сервиза, приобретенного когда-то покойной мельничихой: сахарница с двумя целыми ручками, чайные чашки без единой ручки, чайник в виде пагоды и молочник в виде пегой коровы. На светские восторги гостьи миссис Гарленд и Энн отвечали такими же светскими любезностями. Очаровательная способность мисс Джонсон частично лишаться жизни при каждом непривычном звуке, будь то лай или мычание, придавала ей ореол загадочности в их глазах. Но беседа, как это всегда бывает поначалу, текла неуверенно, словно толчками или ощупью, причем смысл часто шел в поводу у случайно подвернувшегося на язык слова подобно тому, как в произведениях некоторых второсортных поэтов идет в поводу

у рифмы.

— У вас здесь, вероятно, сильные морские ветры?

— О да, сударыня, сильные. Когда ветер с моря.

— Вы любите ветреную погоду?

— Люблю. Только не в эту пору. Сейчас яблоки еще не дозрели, а от ветра будут падать.

— Яблок у вас здесь, по-моему, хоть отбавляй. Кажется, если в яблочный спас идет дождь, так в деревнях говорят, что это яблочные крестины, верно?

— Да, сударыня. Давненько я не была на крестинах! На последних, помнится, младенца назвали Георгом — в честь короля.

— Я слышала, что король все еще здесь, в вашем городе. Надеюсь, он не скоро уедет, и мне удастся его увидеть!

— Король пробудет здесь, пока хлеб в поле не начнет желтеть. Он всегда так делает.

— А желтые перчатки сейчас опять входят в моду!

— Как будто. И говорят, перчатки стали уже носить до локтя.

— Вот как? Не слыхала. Я так ушибла локоть о притолоку на прошлой неделе, когда гостила у своей тетушки, что он у меня до сих пор ноет.

Прежде чем эта захватывающая беседа успела поглотить их полностью, появились мельник и Боб. По правде говоря, миссис Гарленд считала, что мельник поставил ее в довольно затруднительное положение, заставив принимать незнакомую женщину в чужом доме, однако она видела, что иного выхода нет. В доме мельника не было ни единой женщины, кроме некоего загадочного сочетания различных полезных действий, именовавшегося поденной служанкой, кою старик Лавде время от времени брал напрокат у миссис Гарленд для соблюдения декорума уборки, а миссис Гарленд периодически брала напрокат у матери девушки. Что же касается Дэвида, выполнявшего полумужские-полуженские обязанности, то мельник с деспотичностью фараона категорически запретил ему отныне стелить постели и исполнять другие обязанности горничной, которые на время, предшествующее свадьбе, переходили к вышеозначенной девице, после чего уже жена Боба должна была взять бразды правления в свои руки.

Все, включая миссис Гарленд и Энн, уселись пить чай, и капитан Боб поместился рядом с мисс Джонсон. Энн с виду держалась очень непринужденно: ей, должно быть, удалось погасить

последние искры еще тлевшего в груди чувства, грозившего было вспыхнуть вновь после возвращения Боба. Вечером, когда они опять сидели за столом, Джон, выполняя свое обещание, забежал на минутку, чтобы представиться своей будущей золовке (так это выглядело в глазах всех), в действительности же главным образом для того, чтобы перекинуться словом со своей обожаемой Энн или поймать ее улыбку. Все услышали четкие шаги драгуна под окном, и через секунду его фигура появилась в дверях. По случаю воскресенья он был в парадном мундире с галунами, в белом жилете, в белых рейтузах и в кивере с высоким плюмажем, который он тут же снял, как того требовала учтивость, а также верхняя притолока дверного проема, грозившая без всякого предупреждения погубить столь великолепный головной убор.

— А мы поджидали тебя, Джон, — сказал мельник. — И чай поэтому не убирали. Ну, иди сюда, познакомься с мисс Матильдой Джонсон… Это брат Роберта, сударыня.

— Ваш покорный слуга, сударыня, — учтиво поклонившись, произнес трубач-драгун.

В невысокой комнате с маленькими окошками сгущались сумерки, и Джон, произнося эти слова,

невольно сделал шаг к мисс Джонсон, сидевшей спиной к окну. Но едва он взглянул на нее, как кивер едва не выпал у него из рук, взгляд застыл, кровь отхлынула от лица, и оно приобрело желтовато-зеленый оттенок. Молодая особа, в свою очередь вглядевшись в его черты, прошептала чуть слышно: «Это брат Роберта!» — и побледнела еще сильнее, чем драгун. Дурнота не была на сей раз притворной — мисс Джонсон и в самом деле почувствовала себя плохо.

— Мне дурно, — сказала она, с трудом приподнимаясь со стула. — Эта жара совершенно меня доконала!

Чаепитие было прервано, все вскочили, как в «Гамлете» в сцене «Мышеловки». Боб подхватил свою нареченную на руки и понес по лестнице наверх, а мельник взволнованно восклицал:

— Она жуть как устала с дороги! Я это сразу понял, когда она чуть не отдала Богу душу, оттого что замычала корова. Разве нормальную, здоровую женщину может так напугать корова?

— К тому же она, как видно, мужчин боится не меньше, чем коров, и парадный мундир Джона явно произвел на бедняжку слишком сильное впечатление, — добавила миссис Гарленд, направляясь наверх, чтобы помочь занедужившей

молодой особе, болезненное состояние которой не оставляло больше сомнений.

Впрочем, в силу причудливого своенравия своей натуры мисс Джонсон так же усердно старалась теперь обратить все в шутку, как часа два назад — изобразить обморок всерьез.

Мельник и Джон стояли в растерянности посреди гостиной, которую все покинули, и Джон, поспешно обернувшись к стене, внимательно рассматривал карикатуру на Бонапарта, которую видел прежде никак не меньше ста пятидесяти раз.

— Давай-ка выпей пока что чайку, — сказал наконец мельник. — Она скоро оправится, надо полагать.

— Спасибо, мне не хочется чаю, — поспешил отказаться Джон. И ему в самом деле было не до чая — ему было в высшей степени не по себе.

В тусклом свете сумерек изумление Джона прошло незамеченным, а он, не находя выхода своему волнению, сказал, что хочет ненадолго удалиться. Он направился на кухню, но там был Дэвид; отворил дверь в кладовку, но там была служанка; заглянул в каретный сарай, но обнаружил там двух бродяг. Тогда он прошел в сад, и тут за грядкой французских бобов из груди его

вырвалась самая благочестивая мольба за весь этот воскресный день:

— Боже милостивый! Что же теперь делать?

После этого он принялся стремительно шагать взад-вперед по дорожкам темного сада, не слыша журчания ручейков, такого явственного в этот тихий час, безжалостно наступая на скрипучих улиток, выползавших искать себе пропитание, и путаясь шпорами в высокой траве, отчего их колесики совсем перестали вращаться. Внезапно он услышал чьи-то шаги, и возле живой изгороди появилась фигура его брата.

— А, это ты, — сказал моряк.

— Да, это я… Вышел немного освежиться.

— Она уже совсем оправилась: я там сейчас не нужен, — вот и решил пойти в деревню навестить кое-кого из приятелей, с кем еще не успел повидаться.

Джон взял Боба за руку, но тот не понял — зачем, и был этим несколько удивлен.

— Отлично, старина — сказал Джон. — Хочешь, значит, пойти в деревню? Вернешься, вероятно, не очень поздно?

— Нет, конечно, — весело сказал Боб и отворил садовую калитку.

Джон проводил брата глазами, пока его фигура

не растаяла вдали, затем повернулся и снова принялся шагать по дорожке.

Глава 18
В ночь после прибытия невесты

Джон продолжал свою одинокую невеселую прогулку до тех пор, пока ходьба не показалась ему слишком избитым и устарелым способом выражать столь новую для него печаль, и прислонился плечом к яблоне на манер подпорки. В этом положении он пробыл довольно долго, устремив взгляд на дом, темный силуэт которого поднимал вверх все свои печные трубы, скрывая от глаз расположенный на холме лагерь. Но легкий шум, долетавший с холма: пофыркивание лошадей у коновязи, голоса расходившихся по домам гостей, — напомнил Джону о существовании лагеря и о том, что по случаю приезда Матильды он получил освобождение на всю ночь, о чем из-за суматохи, разыгравшейся при его появлении, не успел никому сообщить.

Пока он размышлял над тем, как при создавшихся обстоятельствах лучше использовать предоставленную ему возможность, к дому подъехал фермер Дерримен, и Джон услышал, что он беседует о чем-то с его отцом. Старик привез, по-

видимому, наконец свою шкатулку с бумагами, которую мельник должен был хранить во время его отсутствия, и в ночной тишине до Джона — которого, надо сказать, это весьма мало интересовало — отчетливо доносились бесконечно повторяемые мольбы фермера беречь шкатулку как зеницу ока от воров и пожара. Затем дядюшка Бенджи повернул обратно, а мельник поднялся наверх, чтобы надежно спрятать доверенную ему шкатулку. Весь этот разговор Джон слышал лишь краем уха, как сквозь сон, — мозг его был слишком удручен заботой.

Затем в окнах спальни, отведенной Матильде Джонсон, затеплился огонек. Это сразу вывело драгуна из оцепенения, и он крадучись, что было ему вовсе не свойственно, проник в дом. В комнатах первого этажа было темно: миссис Гарленд, Энн и мельник отправились на мост посмотреть на тонкий серп народившегося месяца. Джон на цыпочках поднялся по лестнице, осторожно прокрался по неровным половицам коридора к двери и остановился возле. Она была приотворена, и полоса света от горящей свечи лежала на полу и на противоположной стене коридора. Вступив в эту полосу света, Джон сразу увидел Матильду. Она в глубокой задумчивости стояла

перед зеркалом, закинув руки за голову, сцепив пальцы на затылке, и свет свечи падал прямо на ее лицо.

— Я должен поговорить с вами, — сказал драгун.

Она вздрогнула, обернулась и побледнела еще сильнее, чем при их первой встрече, а затем, словно внезапно приняв решение, широко распахнула дверь и произнесла внешне вполне спокойно и любезно:

— Ну конечно, ведь вы же брат моего Боба! В первую минуту я и не узнала вас.

— Но теперь вы узнаете?

— Да, вы брат Боба.

— И мы с вами никогда не встречались прежде?

— Никогда, — подтвердила она, и лицо ее оставалось бесстрастным, как у Талейрана.

— Великий боже!

— Никогда, — повторила она.

— И с другими драгунами энского полка? С капитаном Джолли, например?

— Никогда.

— Вы ошибаетесь. Я позволю себе напомнить вам кое-что, — сказал он сухо. И напомнил — со всеми подробностями.

— Неправда! — воскликнула она с отчаянием.

Но она переоценила свою выдержку и не отдала должного противнику. Пять минут спустя она уже заливалась слезами и тщетно молила о снисхождении трубача, слова которого теперь звучали как приказ, хотя суровый тон их и смягчался состраданием.

Их беседа продолжалась недолго. Когда все было кончено, трубач шагнул за дверь, возле которой разыгралась эта сцена, и смахнул набежавшую слезу. Дойдя до темного чулана, он постоял там, стараясь успокоиться, а затем по винтовой лестнице спустился в пекарню, миновав таким образом парадный выход. Он увидел, что за время его отсутствия все, включая Боба, уже собрались в гостиной при свечах.

Мисс Джонсон еще до появления в ее комнате Джона послала вниз служанку сказать, чтобы ее не ждали в гостиной, так как этот вечер она предпочитает побыть одна, и Боб несколько приуныл. Мельник, которому хотелось развеять его печаль, выразил сожаление, что они не могут попеть и повеселиться как следует, так как был воскресный вечер. Тогда миссис Гарленд предложила петь псалмы: ведь если выбирать не слишком заунывные мелодии и не вдумываться в слова, то

будет все равно что петь баллады.

Так они и сделали, и трубач, присоединившись к ним, тоже делал вид, что поет, а на самом деле лишь беззвучно открывал и закрывал рот. Его душа была в таком смятении, что даже присутствие Энн Гарленд не могло доставить ему радости, хотя он придерживал за уголок ее молитвенник, а девушка обращалась с ним с необычной для нее кокетливостью. Она заметила, что он чем-то удручен, и старалась, как могла, развеять его уныние, совершенно не догадываясь о его причинах.

Наконец семейство Гарленд нашло, что им пора на покой, и Джон тотчас пожелал доброй ночи отцу и брату и проводил миссис Гарленд и Энн на их половину.

Он никому ни словом не обмолвился, что получил освобождение на эту ночь, ибо ему предстояло выполнить грустную миссию, и он предпочитал проделать это один и втайне. Он бродил около дома до тех пор, пока мерцавшие отражения освещенных окон не погасли на поверхности пруда и в доме не воцарились мрак и тишина. Тогда он вошел в сад и стал ждать. Отворилась боковая дверь, и из нее робко выглянула женская фигура. Джон сразу же направился к ней, и между ними завязалась тихая, но взволно-

ванная беседа.

Так они беседовали минут десять, пока не пришли наконец к какому-то соглашению, весьма, по-видимому, печальному, судя по тому, что мисс Джонсон заливалась горючими слезами, но когда они уже готовы были расстаться, над плотной стеной живой изгороди появилась чья-то голова, и раздались отчаянные вопли:

— Воры! Воры! Моя шкатулка! Воры! Воры!

Мисс Джонсон тотчас скрылась в доме, а Джон Лавде, бросившись к ограде, воскликнул:

— Бога ради, замолчите, мистер Дерримен!

— Моя шкатулка! — вопил дядюшка Бенджи. — О, да это трубач!

— Ваша шкатулка в полной сохранности, поверьте мне. Я тут просто… — Трубач делано хихикнул. — …просто позволил себе немножко поухаживать…

— А, понимаю! — с облегчением вздохнул старик фермер. — Поухаживать за мисс Энн? Так вы хотите обставить моего племянничка, господин трубач! Ну что ж, тем лучше. А я, по правде сказать, никак не мог сегодня уснуть, все думал: а вдруг ваш папаша не позаботился как следует о том предмете, который я оставил ему на сохранение, — и наконец решил: пойду-ка погляжу, все

ли там в порядке, а потом залягу спать. И когда я увидел тут вас двоих, мне со страху померещились не то грабители, не то французы, не то я уж и сам не знаю кто.

— Вы переполошили весь дом, — сказал трубач, услыхав, что его отец снимает в спальне со стены кремневое ружье, после чего в окне вспыхнул свет. — И поставили меня в очень неловкое положение, — добавил он мрачно, увидев, что отец распахнул окно.

— Мне очень жаль, — сказал дядюшка Бенджи. — А вы спрячьтесь. Я сейчас все улажу.

— Что тут такое происходит, черт побери? — сказал мельник, высовывая из окна голову в ночном колпаке с кисточкой.

— Ничего, ничего! — сказал дядюшка Бенджи. — Я немножко забеспокоился о моих документах и решил прогуляться сюда перед сном, ведь завтра поутру я уезжаю. А когда подошел к вашей ограде, вижу — у вас в саду воры. Только оказалось, что это… что это…

Ком земли, запущенный трубачом прямо в спину дядюшки Бенджи, послужил ему напоминанием.

— Оказалось, что это ветки вишни покачиваются на ветру. Спокойной ночи.

— Никакие воры ко мне не полезут, — сказал мельник Лавде. — А вы больше не беспокойте нас по ночам, почтеннейший, или прошу покорно меня простить, но придется вам хранить вашу коробку у себя дома. Спокойной ночи!

— Не можете ли вы, раз уж я пришел сюда… не можете ли вы взглянуть хотя бы одним глазком, цела ли шкатулка? Ну, будьте ласковы! Уважьте старика: видите, что от меня осталось. Разве такой я был когда-то! Поглядите, там ли она, где вы ее положили. Вы же такой хороший, добрый человек!

— Да уж ладно, ладно, — добродушно закивал мельник.

— Стойте, сосед Лавде! Я передумал! Лучше мне, пожалуй, забрать все-таки мою шкатулку домой, если вы не возражаете. Вы ведь не обидитесь на меня? Я, право, ничего плохого не думаю, но просто мне пришло в голову, что теперь мой племянник и ваш сынок стали вроде как соперниками, и Фестусу еще, чего доброго, взбредет на ум поджечь в отместку ваш дом, а тогда пропали мои документы. Не обижайтесь, дорогой мельник, но я, пожалуй, возьму обратно шкатулку, если вы ничего не имеете против.

— Ей-богу, ничего, — сказал Лавде. — Но пусть

ваш племянник хорошенько подумает, прежде чем его вражда примет такой оборот.

И, отойдя от окна, он взял свечу, направился в глубь комнаты и вскоре появился снова со шкатулкой в руках.

— Я не хочу доставлять вам труд одеваться, — заботливо сказал Дерримен. — Спустите ее вниз на чем-нибудь, что подвернется под руку.

Шкатулка была спущена вниз на веревке, и старик, схватив ее в объятия, с жаром поблагодарил:

— Спасибо! Спокойной ночи!

Мельник пожелал ему того же, закрыл окно, и свет погас.

— Надеюсь, вы теперь успокоились, сударь? — спросил трубач.

— Да, вполне, вполне! — ответил Дерримен и заковылял один-одинешенек обратно, опираясь на палку.

В эту ночь Энн долго не спала, размышляя над некоторыми особенностями поведения молодой особы, появившейся в доме ее соседа. Она отнюдь не намеревалась подвергать ее критике — это было бы дурно и невеликодушно, — однако не могла и не думать о том, что сильно возбуждало ее любопытство, и мысленно спрашивала себя,

обладает ли мисс Джонсон такими редкими достоинствами души и тела, которые поднимали бы ее на недосягаемую по сравнению с ней самой высоту. О да, разумеется, думала она, иначе быть не может: разве капитан Боб не отдал ей предпочтение перед всеми? Конечно, ему, повидавшему свет, лучше знать.

Когда луна зашла и только яркие летние звезды продолжали проливать свой свет на темный, влажный от росы сад, Энн почудились там чьи-то голоса. «Вероятно, это влюбленные, Боб и Матильда, вышли прогуляться перед сном, — подумала Энн. — Воображаю, как у них будут завтра слипаться глаза, и как это глупо, что Матильда прикидывалась такой усталой!» Размышляя об этом и уверяя себя, что от души желает им счастья, Энн уснула.

Глава 19
Поведение мисс Джонсон вызывает немалое изумление

То ли от волнения, вызванного тем, что Матильда провела ночь под одной с ним кровлей, то ли по какой другой причине, но Боб в это утро поднялся рано, вместе с отцом и его помощником, и, когда большое мельничное колесо начало постукивать, а маленькое поскрипывать ему в ответ, вышел на лужок перед мельницей погреться на солнышке вместе с коричневыми и рябыми курами, которым это владение принадлежало, и утками, приплывавшими сюда с пруда.

Стоя на старом жернове, наполовину вросшем в землю, он обсуждал с отцом, какие усовершенствования нужно произвести на мельнице и как ему лучше обосноваться здесь, и испытывал при этом немалое блаженство и от приятных видов на будущее, и от солнечных лучей, хорошо прогревавших спину. Затем, как всегда поутру, с холма погнали лошадей на водопой к пруду, и, превратив берег у самой воды в илистое месиво, лошади поднялись на холм обратно. С холма все

явственнее доносился лагерный шум, и вскоре появился Дэвид с сообщением, что завтрак готов.

— А мисс Джонсон уже спустилась вниз? — спросил мельник, и Боб навострил уши, продолжая разглядывать синего часового на вершине холма.

— Нет еще, хозяин, — ответил этот бесподобный слуга.

— Подождем, пока она спустится, — сказал мельник. — Тогда позовешь нас.

Дэвид вернулся в дом, а мельник и Боб, продолжая свой утренний обход, проникли в таинственные, содрогающиеся недра мельницы и стали обсуждать вторую пару жерновов, которую следовало подновить, чтобы можно было снова пустить в ход. Эти и другие хозяйственные заботы такого же рода заняли примерно минут двадцать, после чего Лавде-старший, поглядев в окно, увидел край скатерти миссис Гарленд, развевающийся в растворенной двери черного хода над головами стайки голубей, слетевшихся за крошками, и получил напоминание о том, что время бежит.

— Верно, Дэвид не может нас найти, — сказал мельник, ощутив прилив голода — чувство, которое в эту минуту не было чуждо и Бобу, — и,

высунувшись из окна, кликнул Дэвида.

— Молодая госпожа еще не спустилась, — ответил тот.

— Торопиться некуда, торопиться некуда, — с беззаботностью обреченного на голодную смерть проговорил мельник. — Пошли в сад, Боб, скоротаем время.

— Как только я ее зафрахтую и поставлю здесь на якорь, она будет подыматься раньше, вот увидишь, — стал оправдывать невесту Боб.

— Конечно, конечно, — согласился мельник, и они направились в сад.

Здесь они вывернули из земли несколько плоских камней и раздавили несколько улиток, предусмотрительно укрывшихся там в предвидении полдневного зноя, затем со всех возможных точек зрения обсудили все существующие виды улиток — коричневых и черных, твердых и мягких, — а также причины, почему их в этом году развелось в саду такое множество, потолковали о недалеком будущем, когда все заросшие травой тропинки, где улитки находят себе пристанище, будут засыпаны гравием, и о сравнительных достоинствах садовых ножниц и каблука как орудия их истребления. Наконец мельник сказал:

— Слушай, Боб, ей-богу, я голоден. Придется

начинать без нее.

Они уже направлялись к дому, когда появился Дэвид: все его движения выражали ужасную спешку, глаза были выпучены так, что, казалось, сменили свое горизонтальное положение на вертикальное, а щеки куда-то провалились вовсе.

— Хозяин! Я пошел ее позвать, а она ничего не отвечает; так я постучал, а она опять молчит; так я легонько пнул дверь, а дверь-то не заперта и отворилась, и... и ее там нет!

Боб стрелой полетел к дому, а мельник, будучи человеком довольно грузным, поспешил за ним, насколько позволяла ему комплекция, и очень скоро стало совершенно очевидно, что в комнате Матильды нет ни ее самой, ни малейших следов ее пребывания. Обыскали все углы и закоулки, куда она могла бы забраться и спрятаться, затем все углы и закоулки, в которые она никак не могла бы втиснуться, но не обнаружили решительно ничего.

Боб был вне себя от изумления и горя. Убедившись, что в доме отца его невесты нет, он бросился на половину миссис Гарленд и столь торопливо поведал дамам о случившемся, что они уловили лишь самую суть; затем направился было к дому Комфорта с намерением поднять

тревогу и там, а потом и у Митчела, и у Бича, и у Криппл-строу, и у священника, и у письмоводителя, и в лагере у драгун, и в лагере у гусар, и вообще во всей округе, но по дороге передумал, решив, что, пожалуй, не стоит так раззванивать повсюду о печальном положении, в которое попал. Если Матильда покинула дом из-за какого-то сумасбродного каприза, тогда и нечего ее искать, а если ее побуждения серьезны и, быть может, даже трагичны, искать ее в деревне или в лагерях бессмысленно.

В этом бедственном положении его мысли обратились к Энн: она славная, ей можно довериться, — и Боб направился к Гарлендам, где нашел девушку почти в таком же состоянии смятения и тревоги, в каком пребывал сам.

— Надо ее разыскать, да как-то невесело пускаться в это плавание одному! — сказал безутешный моряк, скорбно сморщив лоб. — Вот я и подумал: не поможете ли вы мне? Вдвоем будет повеселее.

— А где мы станем ее искать? — спросила Энн.

— О, на дне колодцев, в речных омутах, в старых каменоломнях, среди утесов и скал, ну и в прочих таких местах, сами понимаете. Вы можете заприметить кусочек шали или чепчика, который я,

пожалуй, проглядел бы. Вы окажете мне этим большую услугу, Энн. Пожалуйста, пойдемте!

Тут Энн, разумеется, сжалилась над ним, надела шляпку, и они отправились; мельник и Дэвид тем временем уже шагали в другом направлении. Они обследовали все рвы и овраги, причем Боб шел по одну сторону изгороди, а Энн по другую, пока изгородь не кончилась, где они и встретились. Они заглянули во все канавы, во все стоявшие на отлете амбары и риги, во все высохшие колодцы и старые каменоломни, после чего предположение о трагической кончине Матильды стало казаться Бобу маловероятным, и он начал склоняться к мысли, что невеста просто-напросто убежала от него. Но все же они продолжали свои поиски, хотя солнце стало уже изрядно припекать и Энн охотно присела бы отдохнуть.

— Скажите, мисс Гарленд, вы ведь очень высокого о ней мнения, не правда ли? — спросил Боб, когда их рвение понемногу ослабло.

— Да, конечно, — сказала Энн. — Очень.

— Она ведь в самом деле очень красива, без дураков, верно?

— Верно. Красота у нее вполне зрелая — никак не скажешь, что Матильда еще не сформировалась. Мы все непременно ее полюбили бы. Что

могло заставить ее скрыться?

— Я не знаю и, клянусь Богом, скоро, кажется, и не пожелаю знать! — воскликнул доведенный до отчаяния моряк и добавил, заметив, что Энн подошла к краю крутого уступа каменоломни: — Позвольте мне помочь вам спуститься. — И, опередив ее, он спрыгнул вниз и обернулся к ней. Она протянула ему руку и спрыгнула тоже. Боб, не выпуская ее руки, поднес ее к губам и поцеловал.

— О, капитан Лавде! — вскричала Энн, в неподдельном смущении выдергивая свою руку, и на ресницах ее повисли две слезинки. — Это просто неслыханно! Как вам не совестно, сударь! Я больше шага не ступлю с вами вместе!

Она повернулась и опрометью бросилась прочь.

— Клянусь Богом, я нечаянно! — исполненный раскаяния, крикнул моряк, кидаясь за ней. — Конечно, я люблю ее больше, чем вас, право же, право… Я даже вовсе не люблю вас. Я совсем не такой ветреный человек, как вы могли подумать! Просто в эту минуту вы показались мне вдруг такой миленькой, славной, симпатичной, ну как хорошая складная шлюпка, — вот это как-то и получилось само собой. Вы понимаете, мисс Гарленд, — добавил он очень серьезно, все еще

продолжая бежать за ней, — ведь это как бывает: когда ты сходишь на берег, после того как восемнадцать месяцев проторчал на судне, все женщины кажутся тебе какими-то особенными, словно ты видишь их впервые в жизни, и они нравятся тебе все, все до единой, и с этим уж ничего нельзя поделать, и сердце тебя начинает так трепать и швырять в разные стороны, что тут и не заметишь, как слегка отклонишься от курса, но, конечно, я в первую очередь думаю о бедной Матильде и навсегда останусь ей верен. — И он испустил чудовищный вздох, который должен был рассеять последние сомнения в том, что состояние его сердца вполне отвечает всем требованиям чести.

— Я очень рада это слышать… Конечно, я очень этому рада! — Быстро сказала Энн, капризно отвернувшись от Боба. — И я надеюсь, что она отыщется, и что свадьба не будет отложена, и что вы и ваша невеста будете очень счастливы. Но я не хочу больше ее разыскивать! Нет, не хочу… У меня разболелась голова, я иду домой!

— И я тоже, — тотчас заявил Боб.

— Нет-нет. Вы, разумеется, будете продолжать поиски весь день и всю ночь, я в этом не сомневаюсь… раз вы ее так любите.

— Да, конечно: я и сам собирался, — но сначала я ведь должен все же проводить вас домой.

— Нет, вы вовсе не должны. И я даже не позволю вам меня провожать. До свидания, мистер Лавде! — И, поднявшись по каменным ступенькам перелаза, она скрылась за изгородью, которыми так изобиловала эта местность, и оставила дружески расположенного к ней моряка одного посреди поля.

Тот снова вздохнул, кинул взгляд на плато, где раскинулся лагерь, и решил наведаться к брату и послушать, что он ему посоветует в столь печальных обстоятельствах. Поднявшись на взгорье, он узнал, что Джон занимается со своими трубачами и увидеть его сейчас нельзя. Попросив передать брату, чтобы он пришел на мельницу, как только освободится, Боб направился домой.

«Что пользы разыскивать ее, — думал он уныло. — Матильда любила меня крепко, уж это так, но когда приехала сюда и увидела наш дом, и мельницу, и сад, и нашу старую клячу, и нашу деревенскую обстановку, она поняла, что мы совсем простые люди, разочаровалась и не пожелала породниться с такой семьей».

Мельник и Дэвид тоже вернулись ни с чем.

— Случилось именно то, чего я опасался, отец, —

сказал Боб. — Мы недостаточна хороши для нее, и она уехала, потому что ставит себя выше нас!

— Ну что ж, ничего не поделаешь, — пожал плечами мельник. — Уж какие мы есть, такие и есть, и такими были испокон веков. А мне казалось, что она очень даже рада была пристроиться к нам.

— Ну да, да, в первую минуту, потому что ей понравились цветы, и птицы, и вообще все, что тут есть у нас красивого, — мрачно сказал Боб. — Но ты не знаешь, отец — да и откуда тебе знать, когда ты, почитай, всю жизнь провел в Оверкомбе, — какие деликатные чувства у них, у таких вот женщин, получивших настоящее тонкое воспитание! Всякий мало-мальски грубый поступок отзывается на их чувствительных нервах, как грохот корабельных пушек. Послушай, а может, ты обидел ее чем-нибудь?

— Нет, черт побери, ничем, как я понимаю, — призадумавшись на минуту, ответил мельник. — Не сказал ни единого слова, ничего такого, что могло бы само собой сорваться с языка, — нарочно не говорил, чтобы как-нибудь ненароком не оскорбить ее слуха.

— Ты, отец, всегда был немножко простоват, сам ведь знаешь.

— Да, да, верно, — согласился мельник кротко.

— Я все думаю: что бы это такое могло быть, — сказал Боб, продолжая терзаться сомнениями. — Ты не хватался за большую кружку с пивом, набив полный рот и не успев прожевать? Или, может, утирался рукавом?

— Вот уж чего я не делал, так не делал, могу поклясться! — сказал мельник твердо. — Я сразу подумал: почем мне знать, что может ей не понравиться, и запасся для себя настоящей едой в пекарне, а в ее присутствии выпил всего один глоточек и закусил самую малость, только для виду, чтобы соблюсти хороший тон.

— Ну что ж, ты сделал все, что мог, — с чувством сказал Боб.

— Если мои манеры достаточно хороши для таких благовоспитанных дам, как миссис Гарленд и ее дочка, так они должны бы сгодиться и для твоей суженой, — сказал мельник, чувствуя себя немного задетым.

— Это верно. Тогда, значит, виноват Дэвид. Поди-ка сюда, Дэвид! Как ты вел себя по отношению к этой даме? Только, смотри, говори правду!

— Конечно, господин капитан, — сказал Давид серьезно. — Уж поверьте, я ей прислуживал как настоящей живой королеве. Серебряный бокал

бедного вашего покойного дедушки ей поставил, как вы сами изволили видеть, и самые хорошие серебряные ложки положил, а на стул — пуховую подушку, чтобы мягче было сидеть…

— Ага, теперь я понял, в чем дело! — воскликнул Боб, стукнув кулаком по подоконнику. — У нее была жесткая постель! А настоящая леди перенесет все, что угодно, только не это. Постель в этой комнате всегда была жесткой, как скалы Гибралтара!

— Нет, господин капитан, постель поменяли. Верно, хозяин? Мы положили на ее кровать пуховую перину, а жесткий тюфячок, который испокон веков лежал там, перенесли в вашу комнату.

— Верно, поменяли, — подтвердил мельник. — Мы с Дэвидом сами, собственноручно, перетаскивали их, потому что они тяжелые — женщинам не в подъем.

— Ей-богу, я даже не заметил, что мне положили этот тюфяк, — пробормотал Боб. — Спал себе и не подозревал о том, что меня ждет, когда проснусь. Ну что ж, ее больше нет, и я знаю: ищи, не ищи, второй такой не найти! Она была слишком хороша для меня. Бедная девочка, ей пришлось самой тащить свой сундучок! А раз так, то я и сейчас мог

бы ее догнать, но не стану мольбами принуждать ее вернуться ко мне, нет, не стану.

Мельник и Дэвид, чувствуя, что их присутствие перед лицом столь высокой и чистой скорби совершенно неуместно, потихоньку ретировались за дверь, и первый тотчас поспешил схорониться в мучных недрах мельницы, неизменно служивших ему местом уединения, когда он был чем-нибудь взволнован, ибо грохот жерновов действует на нервы как бальзам для тех, чей слух достаточно приучен к их своеобразной музыке.

Боб снова поднялся в комнату Матильды, чтобы еще раз убедиться в том, что она в эту ночь даже не раздевалась, а лишь прилегла, после чего, охваченный нетерпением, вышел из дому, и, стоя на солнцепеке на склоне холма, стал поджидать Джона. Несмотря на свои расстроенные чувства, Боб все же испытал вполне законную братскую гордость, завидев статную фигуру Джона, — такой бравый у него был вид. И все же Бобу показалось, что в Джоне произошла какая-то перемена: он шел уже не такой решительной и бодрой походкой, как накануне, — а Джон приближаясь, с тревогой вглядывался в лицо брата, ожидая, когда тот заговорит.

— Ты знаешь, какая у нас стряслась беда,

Джон? — спросил Боб, стоически глядя брату в глаза.

— Давай сядем, и ты расскажешь мне все по порядку, — предложил трубач-драгун, не выказывая удивления.

Они спустились в небольшой овражек, где можно было удобно расположиться. Джон растянулся на траве, распугав кузнечиков, и знаком предложил брату последовать его примеру.

— Ну, ты знаешь, что случилось? — снова спросил Боб. — Тебе уже кто-нибудь рассказал?

— Я знаю, — сказал Джон. — Она уехала, и я очень этому рад.

— Что? — привскочив от удивления, воскликнул Боб и замер, стоя на коленях.

— Это моих рук дело, — помедлив, произнес трубач.

— Твоих, Джон?

— Да, и если ты меня выслушаешь, я тебе все объясню. Ты помнишь, что произошло вчера вечером, когда я появился у вас? Помнишь, она побледнела и едва не лишилась чувств? Это потому, что она узнала меня.

Боб смотрел на брата во все глаза, и взгляд этот выражал муку и недоверие.

— Да, Боб, я знаю, тебе будет нелегко услышать

то, что я вынужден сейчас сообщить, — продолжал Джон. — Но эта женщина никак не годилась тебе в жены, и поэтому ее здесь больше нет.

— Ты заставил ее уехать?

— Да, я это сделал.

— Джон! Расскажи мне все… все!

— Что ж, пожалуй, так будет лучше, — сказал драгун, устремив взгляд своих голубых глаз на голубое море, стеной вставшее вдали.

И он поведал брату всю историю мисс Джонсон и драгунов энского полка, и каждое произносимое им слово ранило его сердце не меньше, чем сердце брата, который ему внимал, и не могло быть сомнения в том, что Джон поступил жестоко лишь для того, чтобы сделать доброе дело. Даже Боб, несмотря на свое горе, слушая взволнованный голос Джона, не мог не понять, каким тяжким испытаниям подвергался его брат в эту ночь. Веления долга должны были быть неотразимы, чтобы оправдать подобный образ действий, но драгун, проявляя вполне понятную сдержанность, оценить которую по заслугам его брат был в эту минуту не в состоянии, упомянул лишь вскользь о причинах, принудивших его так поступить. Да и в самом деле любой, даже менее скромный мужчина, чем Джон, нашел бы весь-

ма затруднительным в столь исключительных обстоятельствах искать себе оправдание в глазах влюбленного за счет репутации дамы его сердца, и потому не приходится удивляться, что Роберт вскочил и, сделав несколько шагов в сторону, сдавленным, каким-то чужим голосом спросил:

— В котором же часу все это произошло?

— Около часу ночи.

— Как же ты помог ей уехать?

— У меня было освобождение, и я отнес ее сундучок на почтовую станцию. Она должна была уехать на рассвете.

— Но у нее не было денег.

— Были. Я позаботился об этом. — Джон мог бы прибавить, что, движимый состраданием, отдал ей все деньги, какие у него имелись, и остался с восемнадцатью пенсами в кармане, но не упомянул об этом. — Теперь уже все позади, Боб. Садись, потолкуем лучше, как прежде бывало.

— Ах, Джон, тебе легко так говорить, — сказал расстроенный моряк. — Суди как хочешь, а по-моему, ты поступил жестоко. В конце концов, для меня она была достаточно хороша. Зачем я только все это узнал! Зачем тебе понадобилось вмешиваться, Джон? Ты не имел права, не спросясь меня, так резко менять курс моих личных

дел. Почему ты попросту не рассказал мне все, что знал, а я бы уж действовал по собственному усмотрению? Ты выгнал ее из дома, это ужасно! Ах, если бы только она пришла ко мне! Почему она не пришла ко мне?

— Она понимала, что следует поступить как раз наоборот.

— Все равно я разыщу ее, — сказал Боб твердо.

— Поступай как знаешь, — сказал Джон, — но я от души советую тебе оставить все, как есть.

— Нет, не оставлю! — запальчиво возразил Боб. — Ты сделал меня несчастным, и совершенно зря. Говорю тебе, она была достаточно хороша для меня, и пока я ничего не знал, какое это могло иметь значение? Я еще не встречал женщины, с которой мне было бы так легко и приятно, и она тоже любила веселые песни, как и я. Нет, я разыщу ее!

— Ох, Боб, я никак этого не ожидал! — сказал Джон.

— Это потому, что ты плохо знаешь судно, которым взялся управлять. Могу я попросить тебя об одолжении? Могу? Не говори о ней дурно никому у нас в доме.

— Само собой разумеется, не скажу. Я потому и старался, чтобы она уехала незаметно. Никто

не должен говорить о ней дурно, чтобы избежать всяких сплетен.

— Тем лучше. Но я отправлюсь за ней и женюсь на этой девушке.

— Ты об этом пожалеешь.

— А это мы посмотрим, — твердо заявил Боб и решительно зашагал к мельнице.

У Джона не хватило духу пойти следом: едва ли имело смысл пытаться его урезонить, — и, словно каменный истукан, он остался недвижим на холме.

А Боб лишь на минуту забежал домой, чтобы собрать себе кое-что в дорогу и сказать отцу, что он снова отправляется на поиски Матильды. Через десять минут с узелком в руке Боб вышел из дома, и Джон видел, как он направился прямиком через поле к большому тракту.

«Вот и все, чего я добился!» — сказал себе Джон и, задумчиво поправив ворот, который вдруг сдавил ему шею, стал спускаться с холма.

Глава 20
Как они нашли способ уменьшить размеры бедствия

Тем временем Энн Гарленд возвратилась домой и молча села в углу, утомленная беспорядочными поисками Матильды. Пока ее мать перебирала вслух всевозможные причины исчезновения мисс Джонсон, какие только в состоянии был измыслить человеческий разум, Энн отвечала ей односложно, но не потому, что вопрос этот совершенно ее не интересовал, а потому, что ее мысли были слишком заняты другим. Затем в дверь заглянул Лавде-старший, и миссис Гарленд тотчас исчезла, после чего вдова и мельник довольно долго просидели, затворившись вдвоем. Энн вышла в сад и устроилась под раскидистым деревом, чья ветвистая крона с детских лет не раз служила ей приютом. Она то и дело поглядывала на дом, но не на то его крыло, которое занимали они с матерью, а на жилище мельника, ибо каждую минуту невольно ждала, что оттуда появится кто-то и с искаженным от горя лицом возвестит страшную причину таинственного

исчезновения.

Каждый звук заставлял ее настораживаться, поэтому, услыхав стук копыт на дороге, она стремительно обернулась и увидела Фестуса Дерримена верхом на кобыле таких гигантских размеров, что, стоя за высокой и густой живой изгородью, он мог окинуть Энн взглядом с головы до пят. Она тут же отвернулась, но уловка ее была тщетной, ибо нисколько не помешала Фестусу продолжать пялить на нее глаза.

— Я же видел, как вы обернулись! — сердито воскликнул Фестус. — Что я такого сделал? Почему вы отворачиваетесь от меня? Послушайте, мисс Гарленд, это нечестно. Почему вы поворачиваетесь ко мне спиной! — Энн не изменила положения, и он продолжил: — Ей-богу, это даже ангела может вывести из себя. Ну вот что я вам скажу, мисс Гарленд: я буду тут стоять хоть до вечера, пока вы не обернетесь. Вы же знаете мой характер: сказано — сделано.

И Фестус поудобнее уселся в седле, отломил веточку боярышника и принялся что-то напевать себе под нос, давая понять, насколько он безразличен к полету времени.

— Зачем вы сюда явились и почему вам так необходимо смотреть на меня? — спросила

Энн, когда ее терпение иссякло, и, встав, она повернулась лицом к Фестусу с уверенным и независимым видом, проистекавшим от сознания, что их разделяет живая изгородь.

— Ага, я ведь знал, что вы обернетесь! — вскричал Фестус, и его сердитая красная физиономия расплылась в улыбке, обнажившей белые зубы в рамке розовых десен.

— Что вам нужно, мистер Дерримен? — спросила Энн.

— «Что вам нужно, мистер Дерримен?» Нет, вы послушайте только! Так-то вы меня привечаете?

Высокомерно кивнув ему на прощание, Энн двинулась прочь.

— Я знаю, чем это объясняется: только что услышал кое-что, — продолжил великан, наблюдая за ее движениями в полной готовности вот-вот снова вспыхнуть. — Мой дядюшка проболтался. Он был здесь вчера ночью и видел вас.

— Вот уж неправда! — сказала Энн.

— Бросьте! Дядюшка видел, как трубач Лавде любезничал здесь в саду с одной особой, очень похожей на вас, а когда он появился, вы убежали в дом.

— Это ложь, и я не желаю вас больше слушать.

— Клянусь честью, мне это сказал дядюшка!

Как вы могли так поступить, мисс Гарленд, когда я с радостью готов был найти с вами общий язык! А ведь у меня хватит денег купить всех этих Лавде со всеми потрохами! Какая же вы простушка — предпочесть мне какого-то Лавде! Ну вот, я вижу, теперь вы рассердились, потому что я назвал вас простушкой, а я совсем не то хотел сказать, я обмолвился. А хотел я сказать, что вы простодушны и доверчивы, как… как бутон розы! Ладно, ладно, бегите! — крикнул он вслед Энн, устремившейся к калитке. — Все равно никуда от меня не денетесь. С чего это вы такая гордая, что даже не можете побыть со мной? Но я скоро положу этому конец: женюсь на вас, сударыня, если только захочу, вот увидите!

Когда он наконец убрался восвояси и Энн побороло не совсем лишенные тщеславия волнение и страх, которые всегда пробуждал в ней молодой Дерримен, она вернулась на прежнее место под деревом и принялась гадать, что могли означать его слова: по-видимому, его история не была выдумкой — в голосе его она не уловила фальши. Тут Энн вдруг припомнила, что тоже слышала голоса в саду и что любовной парой, которую видел фермер Дерримен, действительно приезжавший, по словам мельника, за своей шкатулкой, могли

быть Матильда и Джон Лавде. Энн припомнилось также необъяснимое волнение, овладевшее мисс Джонсон накануне вечером в ту минуту, когда появился драгун, и мало-помалу подозрение, зародившееся в ее душе, превратилось в уверенность: Джону о причине исчезновения Матильды известно куда больше, чем все думают.

А трубач тем временем, после разговора с братом на плато, приближался к мельнице, и судьбе было угодно, чтобы, не войдя в дом, он заглянул в сад в надежде найти на соседней половине этого приятного для отдыха местечка особу, завладевшую его сердцем.

Да, она была там: сидела под яблоней на бревенчатой скамье, которую он для нее починил, но не смотрела в его сторону. Джон прошелся еще раз, сильнее стуча сапогами, потом кашлянул, задел плечом ветку — перепробовал, короче говоря, все уловки, но не прибегнул лишь к тому единственному способу, который употребил в подобных же обстоятельствах Фестус: не окликнул ее. Этого он не осмелился бы сделать ни за какие сокровища на свете. Еще вчера любой из вышеперечисленных уловок было бы достаточно, чтобы привлечь ее внимание, а сейчас она даже не обернулась. Наконец влюбленный трубач не выдержал и,

исполненный тревоги, позволил себе то, чего никогда прежде не позволял: без приглашения пересек границу участка миссис Гарленд и, приблизившись к Энн, остановился перед ней.

Энн, видя, что не может избежать встречи с ним, поднялась и, прежде чем направиться в другой конец сада, проговорила совершенно несвойственным ей ледяным тоном:

— Добрый день, господин трубач.

Джон так растерялся, что у него не хватило духа последовать за ней. У него появилось смутное предчувствие, что злосчастные события прошедшей ночи достигли ушей Энн в искаженном виде, однако, чтобы исправить эту беду, ему пришлось бы поведать ей то, о чем он обязан был молчать, и, осознав это, он направился на мельницу, где его отец усердно трудился весь день, отчего лицо его покрылось особенно плотным слоем муки, придававшим ему еще более унылое выражение, — дань последним печальным событиям.

— Ты слышал, Джон? Боб все рассказал тебе, конечно? Какое странное, непонятное, неслыханное дело! Хоть убей, ничего в толк не возьму. Верно, у этой барышни не все дома, иначе этого никак не могло бы случиться. Я никогда еще не был так расстроен.

— Да и я тоже. Я бы все на свете отдал, лишь бы этого не произошло, — сказал трубач. — Ты разговаривал сегодня с Энн Гарленд, отец? Или, может, еще кто-нибудь говорил с ней?..

— Фестус Дерримен был тут с полчаса назад и о чем-то толковал с ней там, за изгородью.

Об остальном Джон догадался сам и, молча постояв немного на пороге, вернулся к себе в лагерь.

А его брат Роберт спешил тем временем на розыски женщины, которая почла за лучшее исчезнуть со сцены, дабы избежать разоблачения и не оказаться сброшенной с пьедестала, что неминуемо случилось бы, поступи она иначе. По мере того как расстояние между ним и мельницей увеличивалось, волнение, заставлявшее его рваться вперед, мало-помалу улеглось, но он не убавил шага, пока не добрался до истоков речки, на которой стояла мельница. Здесь журчащий поток, чьи воды никогда не иссякали и не замедляли своего бега, неожиданно приковал почему-то к себе его внимание, и он остановился, словно для того, чтобы полюбоваться пейзажем, но на самом деле рассказ Джона все еще, как видно, не давал ему покоя.

Солнце пригревало, зеленый лужок манил к

себе, и Боб, бросив свой узелок, опустился на траву и задумался. Точке зрения Джона он попробовал противопоставить свою, но запутался, и его колебания между желанием идти вперед и желанием повернуть обратно приняли такие размеры, что самого легкого дуновения ветерка с любой стороны было бы достаточно, чтобы склонить его туда или сюда. Стоило ему повторить про себя слова Джона, и здравость его суждений и советов становилась совершенно очевидной, но стоило вспомнить глаза своей бедной Матильды, и как она была с ним мила, и какие чудесные шли приготовления к их свадьбе, и подумать о том, что она и сейчас еще, быть может, не прочь… и он уже готов был сорваться с места и лететь на розыски ее.

Эти противоречивые побуждения так хорошо уравновешивали друг друга, что, стоя или сидя, он по-прежнему оставался на берегу речки, пока с запада на восток не протянулись длинные тени, а возможность догнать Матильду не стала значительно менее вероятной. Но и тут он не сделал решительного шага и не повернул обратно домой. Вместо этого он достал из кармана гинею и решил отдаться на волю случая: «Орел — пойду, решка — вернусь». Золотая монетка взлетела на

воздух и упала решкой вниз.

«Нет, все равно не пойду, — сказал себе Боб. — Хватит! Не желаю, чтобы мною руководил случай».

Подобрав с земли свой узелок и палку, он с мрачным и разочарованным видом зашагал обратно на оверкомбскую мельницу, сбивая по дороге палкой верхушки крапивы и веточки ежевики. Когда впереди уже показался отчий дом, Боб заметил на дороге Дэвида.

— Все в порядке, все опять в порядке, капитан! — приветствовал его верный слуга. — Свадьба все-таки будет! Ура!

— Как? Она вернулась? — закричал Боб, обхватив руками Дэвида и пускаясь в неистовый пляс.

— Нет, она не вернулась... Да это все равно! Теперь в этом нет никакой беды! Хозяин и миссис Гарленд договорились и решили сразу пожениться, не откладывая, чтобы все, что наготовили на свадьбу, не пропало даром! Они всё сокрушались, что столько добра пропадет впустую из-за того, что нет подходящего повода выставить его на стол, и наконец вот додумались — решили пожениться.

— «Добро»! Наплевать мне на добро! — горько вскричал Боб, показывая, что его мысли парили

гораздо выше. — Зачем только ты меня зря обрадовал! — И он медленно побрел к дому.

Когда его отец показался в дверях мельницы, вид у него был уже далеко не такой унылый, как при прощании с Бобом.

— Ну что, Роберт, ты не разыскал ее? — спросил он. — Ей-богу, я бы на твоем месте не побежал за ней, если бы думал, как ты, что мы для нее недостаточно хороши и потому она нас оставила. Как сказал ты мне это, так я и бросил ее разыскивать.

— Я ошибался, отец, — грустно ответил Боб, швыряя на землю свой узелок и палку. — Теперь знаю, что Матильда покинула нас вовсе не потому, что мы плохи, а совсем по другой причине. Я хотел было ее догнать, но потом вернулся обратно. Пускай уходит.

— Так почему же она уехала? — удивленно спросил мельник.

Боб не хотел ни единой душе признаваться в истинной причине бегства Матильды — ради самой же Матильды, — но не мог так скрытничать с родным отцом и рассказал ему все.

— Ну и ослы же мы были, — веско проговорил мельник. — А могли оказаться в еще больших дураках. А я думал, что у тебя есть голова на

плечах, Боб.

— Прошу тебя, не брани ее, отец, — взмолился Боб. — Это был несчастливый рейс, и забудем о нем. Пускай вся эта история тихонько пойдет ко дну, чтобы никто ничего не узнал. Обещаешь, ладно?

— Обещаю. — Лавде-старший задумался на минуту, потом сказал: — Да, вот еще что: я придумал, как нам выйти из дурацкого положения, в какое она нас поставила. Не знаю, конечно, как ты на это посмотришь.

— Дэвид только что просигналил мне эту новость.

— Может, тебе неприятно, сынок? В такую тяжелую для тебя минуту…

— Нет… Как-нибудь найду в себе силы это перенести. Не могу же я требовать, чтобы другие отказывались от своего счастья только потому, что мое сердце разбито, — тоном благородного самопожертвования изрек Боб.

— Отлично сказано! — с жаром подхватил мельник. — Но можешь быть спокоен — мы не устроим никакого неподобающего веселья, чтобы не мешать тебе погружаться в свою печаль. Целое утро я прямо-таки сгорал от стыда, думая о том, как все соседи, от мала до велика, будут

смеяться над нами, дураками, когда узнают, что произошло. И вот надумал устроить так, что этого, Бог даст, не случится. Ну а уж как потолковал с миссис Гарленд, сразу понял, что придумал правильно. Она так сочувствовала мне, что мы попусту затеяли эту уборку, перетряхнули весь дом сверху донизу и столько загубили провизии, что совсем разжалобилась и дала согласие. И мы хотим покончить с этим разом, пока лепешки и пироги не зачерствели и брага не выдохлась. Мы это с ней вроде как неплохо надумали, и я очень рад, что дело наконец сладилось, — заключил он весело.

— Бедная Матильда! — пробормотал Боб.

— Ну вот… Этого-то я и боялся — знал, что тебе будет обидно, — с раскаянием сказал мельник. — Заготовили все для твоей свадьбы, а праздновать будем мою!

— Нет, — героически заявил Боб. — Мне не обидно. Для меня в моем горе будет большим утешением, что такой великолепный рацион, и добрая бражка, и твой шикарный новый костюм, и большая скатерть, которую ты купил, — все это пойдет в дело, как если бы женился я сам. Бедная Матильда! Только уж ты не требуй, чтобы я пировал вместе с вами, — это будет чересчур. Я

просто отчалю, и все.

— Глупости, Боб! — огорченно сказал мельник.

— Нет, я не выдержу… я сорвусь с якоря.

— Да черт меня побери, разве бы я затеял эту свадьбу, если бы знал, что это выгонит тебя из дому! Слушай, Боб, я уж сумею устроить все так, чтобы ни о каком веселье и помину не было: все будет так печально, как тебе по нраву… Ну, проще говоря, как на поминках, только обещай, что ты нас не покинешь.

— Ладно, — сказал страдалец. — На таких условиях я остаюсь.

Глава 21
Взойдя на гору, он обернулся

Заключив столь торжественный договор с сыном, Лавде-старший без промедления отправился к миссис Гарленд, чтобы посоветоваться с ней, какие принять меры, дабы по возможности задушить свадебное веселье в самом зародыше.

— Понятно, что, если мы сейчас начнем веселиться, это будет оскорблять чувства Боба: получится так, будто нам наплевать, что у кого-то сорвалась свадьба, лишь бы наша состоялась, — сказал мельник. — А с другой стороны, что нам делать с тем, что припасено?

— Устройте обед для бедняков, — предложила миссис Гарленд. — Тогда уж ничего не пропадет.

— Это верно, — сказал мельник. — Бедняков сейчас столько, что они подчистят все до крошки, что ни приготовь.

— И Бобу не так будет обидно. А бедняки и не узнают, что все это добро готовилось для другой свадьбы и для других гостей. И вам их благодарность обойдется даром.

Этот тонкий ход мыслей заставил мельника

улыбнуться.

— Так, пожалуй, будет не по совести. А впрочем, я ведь тоже принимал бедняков в расчет — нашим-то гостям нипочем не подобрать бы все дочиста.

Но что ни говори, а мысль эта пришлась мельнику по душе, особенно когда он заметил, с каким унылым видом бродит по дому сын-моряк, и представил себе, как в такую тяжкую минуту подействует на его издерганные нервы раздражающий звук скрипок и тамбуринов, даже если их заставить играть под сурдинку, а Боба запереть в самой отдаленной комнате, — план, составленный мельником первоначально. Поэтому он тут же сообщил Бобу о принятом им решении прибегнуть к благотворительности, дабы опустошить переполненную кладовую, и выразил надежду, что Боб не откажется принять посильное участие в таком благочестивом и унылом занятии. Боб выразил полную готовность, и все тотчас принялись за дело и стали накрывать на стол.

Быстрота, с какой была организована эта подставная свадьба, свидетельствовала о том, что достойная пара соседей заключила бы союз уже давно, подвернись им раньше какой-либо подходящий повод осуществить свое обоюдное

желание сочетаться браком.

Свадьба была назначена на следующий день, и в веселый утренний час, когда стрелки часов показывали десять, скромный обряд совершился перед лицом расположившихся треугольником прихожан: основанием треугольника служила передняя церковная скамья, а вершиной — церковный вход, обращенный на запад. Миссис Гарленд, подобно королеве Шарлотте, была в муслиновой шали, привезенной Бобом из заморских стран, и в своем самом лучшем лиловом платье, из-под которого выглядывали туфельки с красными бантиками. Энн, конечно, присутствовала на церемонии, но по части туалета деликатно постаралась стушеваться, чтобы не слишком затмевать собой невесту. Пока длился свадебный обряд, у нее по временам возникало неприятное чувство, что ей не следовало бы родиться на свет, и она была рада поскорей вернуться домой.

Свадьба не привлекла к себе столь широкого интереса со стороны односельчан, чтобы оскорбить чью-то скромность. Любопытство жителей деревни было уже так насыщено зрелищем королевских кортежей и военных парадов, что свадьба гражданских лиц среднего возраста не могла считаться значительным событием и была,

в сущности, интересна лишь тем, что разрешила наконец спор о том, позволит ли себе миссис Гарленд, невзирая на свое благородное происхождение, соединиться с мукомолом.

А вечером сердце Лавде-старшего взыграло от радости: толпа народа, набившись в кухню, с аппетитом поглощала что было напечено и наварено. Через три четверти часа его опасения, как бы добро не пропало даром, испарились начисто. Поскольку еда была не сопутствующим фактором, а основной целью сборища, решено было все, что не могло храниться, уничтожить в тот же день, даже если бы для этого пришлось бросить клич на больших дорогах и обыскать все канавы. Кроме бедных и нуждающихся мельник пригласил всех знакомых ему девушек из деревни и велел каждой привести с собой дружка из лагеря, что оказалось наиболее остроумным и надежным способом очистить до дна горшки и кастрюли.

Мистер и миссис Лавде, Энн и Боб стояли в гостиной, обсуждая события, происходящие в этот момент на кухне, когда в растворенную дверь заглянул Джон, еще ни разу не наведывавшийся к ним в этот день из лагеря.

— Что случилось, Джон? Почему ты не пришел

раньше?

— Капитан вызывал к себе… и еще были разные дела, — ответил трубач, не выказывая особого желания распространяться на эту тему.

— Ну что же ты, заходи, — сказал мельник, видя, что сын в задумчивости остановился в дверях, облокотившись о притолоку.

— Ненадолго могу заглянуть, — сказал Джон, входя. — Прибыл приказ о выступлении, и нас всех отправляют.

— Отправляют? Куда?

— В Эксонбери.

— Когда?

— В пятницу утром.

— Всех вас?

— Да, одних завтра, а других на следующий день. Король уедет на будущей неделе.

— Очень жаль, — сказал мельник, не высказав и сотой доли своей печали в этой короткой фразе. — Уж как бы хотелось, чтобы ты побыл сегодня с нами, раз такое дело, — добавил он, отвернувшись к окну и глядя куда-то вдаль.

Миссис Лавде также выразила свое сожаление, напомнив, по-видимому, этим трубачу о только что имевшем место событии, и он подошел к ней и попытался сказать что-нибудь приличное

случаю. Энн не выразила ни радости, ни печали по поводу услышанной новости, но Джону показалось, что она скорее довольна. Боб после разговора на холме держался с братом необыкновенно холодно и отчужденно, несмотря на то что последовал, в конце концов, его совету; впрочем, оценить этот совет по достоинству для него еще не пришло время. Джон же не знал, почему брат вернулся домой, и, никак не предполагая, что тот просто передумал, спросил его, когда они остались наедине:

— Ты не догнал ее?

— Я и не пытался, — сказал Боб.

— И больше не собираешься?

— Нет. Пускай себе дрейфует где хочет.

— Я очень рад, Боб, поверь. Ты правильно сделал, — с жаром сказал Джон.

Боб, однако, еще слишком любил Матильду, чтобы не сердиться на Джона, приведшего дело к печальной развязке, и старший брат тотчас это заметил и постарался насколько возможно сократить свой визит. Поэтому в тот вечер он недолго пробыл на мельнице и, уходя, неуверенно сказал, обращаясь к отцу, но поглядывая при этом на миссис Гарленд и Энн:

— Может, придете проводить нас?

Мельник ответил за всех: разумеется, они придут.

— Но ведь ты еще заглянешь к нам до тех пор? — спросил он.

— Постараюсь, — ответил Джон и, помолчав, прибавил: — А на случай, если я не приду, ты запомни: побудку трубят в половине шестого, а снимаемся мы с бивуака часов, верно, в восемь. А на будущее лето, может, наш лагерь опять будет расположен здесь.

— Хорошо бы, — сказали в один голос мистер и миссис Лавде.

Что-то в поведении Джона подсказывало Энн, что он, видимо, не собирается до отъезда еще раз побывать дома, но так как остальные ничего не заметили, то и она промолчала, и через несколько минут трубач ушел, растаяв в вечерних августовских сумерках и оставив Энн с ее неразрешенными сомнениями: что же все-таки могло означать его тайное свидание с мисс Джонсон?

А Джон пришел сообщить им, что по случаю отправки войск ему в виде особой милости разрешили провести дома весь вечер до одиннадцати часов, но Энн держалась с ним так холодно, что он совсем пал духом, и ему захотелось поскорее

уйти. Поэтому он изменил своему намерению и, прощаясь, ничего не сказал. Оставшиеся же часы этой последней ночи он провел отнюдь не так, как предполагал.

Покинув лагерь, он спустился с холма и, как только совсем стемнело, присел на берегу у края мельничной запруды, откуда стал наблюдать за огоньком свечи, мелькавшим то в одном окне, то в другом, пока огонек не появился в спальне Энн, после чего она сама со свечой в руке подошла к окну, чтобы его затворить. Полоса света легла на спокойную гладь пруда, протянувшись от окна туда, где сидел Джон, и каждый комарик и мошка, каждая былинка или пузырек пены на воде становились отчетливо видны, попадая в этот дрожащий луч. Энн постояла немного, глядя в сад, не подозревая о том, что кто-то скрывается там во мраке, на том берегу, потом захлопнула окно, задернула занавески и отошла от окна. Вскоре свет потух, после чего Джон Лавде вернулся в лагерь и лег спать у себя в палатке.

Утро выдалось хмурое, ветреное в тот день, когда трубачи энского драгунского полка в последний раз сыграли побудку на оверкомбском холме. Энн спала чутко в эту ночь, зная, что наутро драгуны снимутся с лагеря, и мгновенно

пробудилась при первых призывных звуках трубы. Взглянув в окно, она увидела, что мельник уже на ногах: его белая куртка маячила в глубине сада. Он стоял неподвижно, наблюдая за приготовлениями в лагере. Энн тоже пристально вглядывалась в сероватую дымку, стараясь угадать, что за ней происходит, и вскоре увидела голубой дымок походных кухонь, который почти стлался по земле, а не столбом поднимался к небу, как бывало в хорошую погоду. Затем солдаты понесли свои постели к фургонам, а другие стали сваливать в канавы всякий мусор, и вскоре вся возвышенность сделалась похожей на муравейник. Энн совсем не хотелось видеть больше Джона Лавде, но услышав, что в доме все поднялись, она неспешно принялась за свой туалет, время от времени поглядывая в окно на холм.

Она увидела, как солдаты, покончив с завтраком, начали продавать и раздавать собравшимся на холме местным жителям различную ставшую им теперь обременительной утварь, а потом разобрали по кирпичу печи, которые они сложили, когда обосновались на плато. Деревянные колышки и вбитые в землю столбы были вытащены, и вскоре белые конусы палаток, ставшие почти неотъемлемой частью пейзажа, уже ле-

жали на земле. Тут мельник вошел в дом и, остановившись внизу, возле лестницы, громко осведомился, собирается ли кто-нибудь подняться вместе с ним на холм.

Энн чувствовала, что, как бы ни изменилось в душе ее отношение к Джону, не проводить его сейчас в путь-дорогу было бы крайне нелюбезно, и посему спустилась вниз и присоединилась к матери, уже поджидавшей ее; одного только Боба нигде не было видно. Обе дамы взяли мельника под руку, и так, втроем, они поднялись на вершину холма. К этому времени и пешие и конные уже стояли в походном строю, и пока гости с мельницы поднимались на плато, войска начали спускаться вниз. Когда старший трубач, как бы слившийся в одно со своим конем, сбруей, оружием и прочей амуницией, проезжал мимо пришедших проводить его, мельник обернулся к Энн и взволнованно спросил:

— Вы пожмете ему руку на прощанье?

Энн кивнула и пошла с мельником к дороге, чтобы приближающаяся колонна прошла поближе к ним. Колонна двигалась, люди, стоявшие по обе стороны дороги, обменивались с солдатами последними прощальными рукопожатиями, и когда Джон Лавде увидел отца с домочадцами, то-

же протянул руку над висевшим на правом боку пистолетом, чтобы проделать ту же церемонию, что и другие. Первым пожал ему руку мельник, затем миссис Лавде, потом трубач протянул руку Энн. Но конь не стоял на месте, и для девушки пожать руку драгуну оказалось не так-то просто: по этой причине (или главным образом по этой причине) Энн слегка отшатнулась, и храбрый драгун проследовал дальше, не получив от нее прощального привета. Энн на секунду почувствовала угрызения совести, а потом подумала, что, в конце концов, Джон не отправляется сейчас прямо под огонь и что вероятнее всего она снова увидится с ним в самом непродолжительном времени, и тогда, быть может, его загадочные поступки получат объяснение. Течение ее мыслей было прервано восклицанием, прозвучавшим:

— Слава тебе господи, он уехал! Теперь, пожалуй, у меня есть надежда.

Энн оглянулась и, увидев Фестуса Дерримена, с негодованием возразила:

— Никакой надежды у вас нет и не может быть.

— Почему?

— Потому что другой остался!

Эти слова как-то сами собой слетели у Энн с

языка, и она покраснела. Она бы дорого дала, чтобы вернуть их, но Фестус расслышал и спросил:

— Кто остался?

Однако Энн, не удостоив его ответом, обернулась к мельнику, и Фестусу пришлось оставить ее в покое.

— А что, разве кто-нибудь околачивался вокруг оверкомбской мельницы, кроме сына мельника — солдата? — спросил он у товарища.

— Сын мельника — моряк, — ответил тот ему.

— О! Сын мельника — моряк, — с расстановкой произнес Фестус. — Черт бы побрал его сына-моряка!

Глава 22
Два семейства объединяются в одно

Однако в эту минуту лицо, вызвавшее ярость Фестуса Дерримена, отнюдь не являлось опасным для него соперником. Боб рассеянно посмотрел с порога отчего дома на проходивших вдали солдат, а когда они скрылись из глаз, вернулся в дом и уселся в отцовской гостиной, где и нашел его мельник. Сын сидел за столом, подперев голову руками, и не сводил глаз с лежавшей перед ним бумаги.

— Что это ты там разглядываешь с таким унылым видом, Боб?

Моряк вздохнул, и в эту минуту в гостиную вошли миссис Лавде и Энн.

— Это просто одна официальная бумага, которая, как я думал в своем ослеплении, может мне понадобиться, — ответил он мрачно. И, не поднимая глаз и словно движимый какой-то внутренней силой, противиться которой не мог, Боб откашлялся и с чувством начал читать вслух ставшее теперь ненужным брачное свидетель-

ство: — «Тимоти Титус Филемон, с соизволения епископа Бристольского, нашему возлюбленному сыну Роберту Лавде из прихода Оверкомб, холостяку, и Матильде Джонсон, из того же прихода, девице, с сердечным приветствием».

Тут Энн вздохнула, но ухитрилась так ловко подавить свой вздох, что его почти не было слышно.

— Какой прекрасный язык, не правда ли? — сказал Боб. — Ко мне еще никто не обращался подобным образом!

— Да. Я и сама не раз думала о том, как превосходно это бывает изложено, — сказала миссис Лавде.

— Ну, если на то пошло, так за две гинеи этот почтенный старик может приветствовать тебя таким образом хоть каждый день, — сказал мельник.

— Не в этом дело, отец! Ты никак не можешь уразуметь самой сути… Ладно, вот что тут дальше говорится: «Поелику вы, согласно вашему признанию, решили соединить себя священными узами брака…» Но к чему мне это читать? Все это утратило всякий смысл теперь, всякий смысл… И такие превосходные слова пропали даром. Получилось так, как будто некий почтен-

ный, убеленный сединами старец захотел меня благословить, а я отвернулся, заткнул уши и не пожелал ничего слушать.

Все промолчали, чувствуя, видимо, что утешениями тут не поможешь, а Боб стал читать остальное про себя, время от времени испуская вздохи, напоминавшие шум ветра в корабельных снастях.

— Я бы на твоем месте не стал так близко принимать это к сердцу, — заметил наконец отец.

— Почему?

— Да потому что тебя могут счесть дураком. Скажут, что у тебя разжижение мозгов.

Эта мысль, по-видимому, сильно поразила Боба, и, не пожелав продолжать беседу, он аккуратно сложил брачное свидетельство, вышел в сад и начал там прохаживаться взад и вперед. Слова отца попали в самую точку, и Боб подумал, что люди, пожалуй, правы — у него и в самом деле размягчение мозгов. Беспокойство Боба все возрастало, и чем больше присматривался он к себе с этой новой точки зрения, тем яснее ему становилось, что здоровье его и в самом деле сильно пошатнулось.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что с исчезновением мисс Джонсон его аппетит по-

разительно уменьшился. Мяса он теперь съедал не больше четырнадцати-пятнадцати унций в день и не больше одной трети четырехфунтового пудинга в среднем, а по части овощей — всего какую-нибудь горстку картофеля и от силы полкочана капусты, и притом без всякой подливки, а памятуя о том, какой аппетит к свежей пище разыгрывается обычно у любого моряка к концу долгого плавания, было ясно, что все эти признаки, несомненно, указывают на угнетенное состояние духа. К тому же он стал просыпаться по ночам — регулярно один раз за ночь, — а однажды проснулся аж два раза. После того рокового дня он, одеваясь и насвистывая по утрам, не мог просвистать подряд больше семи тактов матчиша без того, чтобы не впасть в раздумье самого мучительного свойства, а когда вокруг него собиралась, как повелось, кучка соседей, жадных до любых его россказней про заморские страны, он рассказывал им одну только голую правду, без всяких прикрас (если не считать истории про кита, у которого был такой огромный, величиной почти что с пруд в усадьбе у Дерримена, круглый глаз), а это уж прямо значило искушать судьбу, которая могла, в конце концов, навеки наложить печать молчания на его уста, ибо какой же он

после этого бывалый моряк! Вот какое расслабление во всем его организме — душевное и телесное — произвело исчезновение Матильды!

Затем Боб подумал о том, как много потерял по части безобидных мужских развлечений за эти злосчастные дни. Ведь каждый день после полудня он мог отправляться на соседний модный курорт и стоять там, сняв шляпу перед дворцом Глостеров, пока не появятся король и королева, и, приветствуя их, удостоиться совершенно задаром улыбки их величеств; мог наблюдать за сменой караула, слушать музыку, разглядывать придворных, а главное — посматривать на хорошеньких городских девушек, которые, постукивая каблучками, прогуливаются по эспланаде, демонстративно устремив взгляд своих невинных глаз вдаль: на море, на небо, на серые скалы и лишь невзначай — на стоявших поблизости солдат, и в том числе на него.

«Я вырву из сердца ее образ, — сказал себе Боб. — Не позволю ей больше делать из меня дурака». И это решение было проведено в жизнь в манере, не лишенной подлинного величия.

Боб разыскал отца на чердаке мельницы и заявил:

— Ты правду сказал, отец: у меня мозги про-

тухнут, как вода в трюме, если я и дальше буду непрестанно о ней думать. Клянусь честью моряка, не желаю я больше вздыхать, желаю смеяться! Она исчезла? Ну и скатертью дорога! Почему бы мне не чувствовать себя счастливым? Только с чего начать?

— Правильно, плюнь на это, сынок, — сказал мельник. — Покушай-ка всласть и выпей чего-нибудь горячительного.

— Ага, это мысль!

— Да и табачок в этом случае неплох. Ну и спиртное. Только не советую тебе пить неразбавленное.

— Табачок!.. Я совсем про него позабыл! — воскликнул капитан Боб.

Он направился к себе в комнату, поспешно распаковал сверток с табаком, который привез с корабля, и сразу принялся за дело, крикнув Дэвиду, чтобы притащил бутылку старого домашнего меда, хранившуюся в погребе уже двенадцатый год. По прошествии сорока пяти минут, когда отцу удалось его разыскать, он уже являл собой едва различимый за густыми облаками дыма предмет.

Разглядев его, мельник вздохнул с облегчением:

— Черт побери, это ты Боб! А я уж думал, что мы горим.

— Я курил трубку за трубкой, чтобы заставить себя забыться, отец. А жевать не помогает.

Чтобы раздразнить свой ослабевший аппетит, незадачливый моряк велел Дэвиду зажарить ему омлет и испечь пирог с тмином. Пирог получился таким сдобным, что рассыпался от прикосновения ножа, как цветок, роняющий лепестки. С той же благородной целью Боб закинул на ночь удочки в пруд и наутро извлек оттуда целое семейство жирных угрей. С самых крупных тотчас содрали кожу и приготовили их ему на завтрак. Угри были любимым блюдом Боба, но пока он не сделал над собой вышеописанного героического усилия, состояние его духа в последние дни не позволяло ему вспоминать о том, что они в изобилии водятся в пруду позади отцовского дома.

Прошло всего несколько дней, и Боб Лавде значительно окреп духом и телом. Другим мощным целебным средством против его хандры явилось общество мисс Гарленд, ибо, как известно, от любви легче избавиться, не просто вытравляя ее из сердца, а подыскав ей замену. Однако сознание, что он нанес Энн глубокую обиду и что в ее лице имеет дело с девушкой, которая по своему

положению и образованию должна была бы вращаться в более высоких сферах, заставляло Боба долгое время держаться от нее в стороне, хотя они и жили под одной кровлей. Впрочем, этому отчуждению был до некоторой степени положен конец, когда как-то раз поутру в щель перегородки, отделявшей комнату Энн от другой половины дома, просунулся кончик пилы. Хотя Энн обедала и ужинала теперь вместе с обоими Лавде и матерью, она продолжала занимать те же комнаты, что и раньше, ибо здесь, в одиночестве, ей удобнее было предаваться своим любимым развлечениям — вязать на спицах и перерисовывать картины отца, — и перегородка, разделявшая обе части дома, еще не была снесена.

Перед изумленным взором Энн пила прокладывала себе путь сверху вниз, и Энн вскочила из-за мольберта; еще секунда, и парусина, которой была заделана смежная дверь, оказалась пропиленной до самого основания вместе с наклеенными на нее обоями, дверь распахнулась, явив стоявшего за ней Боба с пилой в руке.

— Прошу прощенья, сударыня, — сказал Боб, стаскивая с головы шляпу, в которой он производил эту работу, и красивое лицо его расплылось в широкой улыбке. — Я не знал, что эта дверь ведет

в вашу комнату.

— Неужто, капитан Лавде!

— Я нарочно хотел снять эту перегородку — ведь мы теперь одна семья, — но, право же, думал, что дверь ведет в коридор.

— Это не имеет значения. Я могу переселиться в другую комнату.

— Ни в коем случае. Отец не позволит мне выживать вас из вашей комнаты. Я заделаю все обратно.

Однако обнаруженный Бобом новый проход, по-видимому, настолько заинтересовал Энн, что она шагнула через порог и очутилась в темном тесном коридоре, которого прежде никогда не видела.

— Отсюда можно пройти прямо на мельницу, — сказал Боб. — Хотите посмотреть, как она работает? Хотя, может, вы уже видали…

— Я была только на первом этаже.

— Давайте посмотрим сверху. Я ведь теперь, вы знаете, обучаюсь мельничному искусству, чтобы помогать отцу.

Они прошли по темному коридору, в конце которого он открыл небольшой люк, и она увидела длинные спицы мельничного колеса, медленно вращавшиеся в проеме между влажными

скользкими стенами, и брызги воды, искрившиеся и сверкавшие как звезды там, где луч солнца проникал в это мрачное помещение. В лицо Энн пахнуло холодом и сыростью, и, стараясь перекрыть доносившийся снизу грохот, она крикнула:

— Как здесь жутко! Пойдемте отсюда.

Боб закрыл люк, шум стих, и Энн прошла за Бобом во внутреннее помещение мельницы, где было тепло и уютно, а в воздухе висел легкий мучной туман. Затем они поднялись по лестнице и увидели безостановочно кружившиеся тяжелые жернова и желтое зерно, струившееся по желобу. Они поднялись еще выше, на самый верх, где стояли большие лари с пшеничной мукой, а длинные, как усики насекомого, лучи солнца, пробиваясь сквозь крохотное окошко, путались в паутине и стропилах, но победоносно заканчивали свой путь, ударяясь о противоположную стену и расцвечивая ее золотым узором.

Увлеченный своей миссией, Боб снял крышку с быстро крутившегося решета, и оттуда поднялось густое облако муки, заставив Энн подумать, что, вероятно, она сильно побледнела, пока совершала это путешествие по мельнице. Она поблагодарила своего спутника за то, что он взял

на себя труд проводить ее, и выразила желание спуститься вниз. Он исполнил ее просьбу с той же почтительной готовностью, внезапно почувствовав — и с каждой минутой это чувство становилось все более отчетливым, — что среди всех лекарств от его несчастной любви самым приятным, легким и действенным было бы расположение к нему мисс Гарленд, если бы ему посчастливилось его завоевать. Однако мисс Гарленд, принимая его услуги как проводника, не проявила ни малейшей склонности пойти в этом направлении дальше: вышла на воздух, отряхнулась, словно птичка, от осевшей на нее муки и направилась в залитый сентябрьским солнцем сад, где над землей поднималась пронизанная светом голубоватая дымка испарений. В воздухе веселыми кавалькадами плясала мошкара, на темно-зеленом фоне живой изгороди горели оранжевые лепестки настурции, усердно карабкавшейся вверх, и все дышало пряным ароматом умирающего лета. Боб шел за Энн до калитки, смотрел ей вслед и думал о том, что это та самая девушка, которая несколько лет назад, когда казалась такой недосягаемой для него, вроде бы поощряла его ухаживания, а теперь, когда разница в их положении почти стерлась,

явно смотрит на него сверху вниз. И он впервые подумал о том, что она живет в доме его отца с особенным чувством удовлетворения.

Всю последующую неделю он продолжал оказывать ей такие же почтительные знаки внимания. Днем, когда на мельнице кипела работа, они виделись редко, но зато регулярно встречались за столом, и это приятное времяпрепровождение стало приобретать для Боба значительный интерес, совершенно независимо от яств и возлияний. Когда появлялась Энн и занимала свое место за столом, Лавде-старший неизменно громко приветствовал ее, продолжая точить нож, но Боб не мог позволить себе подобной фамильярности, и они нередко, сидя рядом, словно не замечали друг друга. Случалось, что Боб рассказывал какие-нибудь невымышленные и вполне благопристойные истории, в которых фигурировали капитаны, лоцманы, боцманы, шкиперы, коки, матросы первой статьи и прочие диковинные экземпляры морской фауны, но, повествуя об этом, всегда обращался к отцу и миссис Лавде и лишь в какой-нибудь захватывающий момент пытался привлечь внимание Энн, и то не более как взглядом. Порой он откупоривал для нее бутылку сладкого сидра, и тогда она благодарила

его, однако и в этих случаях ничем не поощряла к дальнейшей беседе.

Однажды Энн, срезая кожуру с яблока, задержалась за столом и оказалась наедине с молодым Лавде.

— Я приготовил для вас кое-что, — сказал Боб.

Она окинула взглядом стол: на нем ничего, кроме обычных остатков пищи, не было.

— Нет, это не здесь, а там, за мостом, возле запруды.

Он поднялся из-за стола, и Энн с загоревшимся от любопытства взором и удивленной улыбкой в уголках маленького решительного рта последовала за ним. Они подошли к замшелой запруде, и она увидела, что Боб поставил там на высоком открытом месте, где всегда гулял свежий морской ветер, эолову арфу довольно большого размера. Сейчас на нее была наброшена какая-то тряпица. Боб сдернул это покрывало, и струны издали странные, исполненные таинственности звуки, которые необыкновенно гармонично сливались с шумом мельничного колеса и плеском воды.

— Я соорудил это для вас, мисс Гарленд.

Энн впервые видела такой музыкальный инструмент, он ее заинтересовал, и она тепло поблагодарила его.

— Я очень тронута вашим вниманием. Как вы до этого додумались?

— Право, сам не знаю, — небрежно бросил Боб, словно ему не хотелось распространяться на эту тему. — Я впервые в жизни попробовал смастерить такую штуку.

И теперь каждую ночь заунывный осенний ветер доносил до слуха Энн таинственную музыку, в которой, то разрастаясь, то затихая, сливались воедино шум воды, вздохи ветра и пение струн, и ей чудилось в этом что-то почти сверхъестественное. Этот музыкальный инструмент был так непохож на все другие излюбленные развлечения Боба, так не вязался с его характером, что Энн, с удовольствием отметив эту новую для нее поэтическую черточку его натуры, незаметно для себя дала волю своим чувствам, и они опять стали развиваться в прежнем направлении, невзирая на ее суровую решимость загнать их внутрь.

Как-то в одну особенно ветреную ночь, когда мельница продолжала работать до утра, а ветер свистел прямо над водой, звуки арфы вплелись в ее сновидения, и ей казалось, что она слышит их призыв: «Помни! Помни обо мне!»

Это произвело глубокое впечатление на Энн, она была растрогана и на следующее утро загово-

рила об этом с Бобом.

— Как удивительно вы это придумали: поставить арфу так, что ее звуки сливаются с шумом потока! — мило улыбаясь, заметила она. — Вы очень романтичны, капитан Боб! Эта музыка глубоко волнует меня по ночам. Только она слишком… слишком печальна!

— Так я уберу арфу, — не задумываясь, решил Боб. — Конечно, эта музыка слишком печальна. Я и сам так думал. Мне она тоже как-то раз не давала покоя ночью.

— Как пришло вам в голову сделать такую удивительную вещь?

— Ну стоит ли об этом говорить? Я вижу, что это неподходящее место для такого странного и шумного инструмента. Я уберу его.

— Да нет, пожалуй, пусть постоит еще немного, — сказала Энн. — Он заставляет меня вспоминать.

— Обо мне? — с простодушной откровенностью спросил Боб.

Щеки Энн мгновенно зарделись.

— Ну разумеется, — сказала она как можно небрежней. — Разумеется, я невольно вспоминаю того, кто это придумал.

Тут Боб почему-то пришел в замешательство,

и разговор оборвался, но не прошло и получаса, как он снова появился перед Энн, и вид у него был смущенный.

— Тут есть одно маленькое обстоятельство, мисс Гарленд, о котором я сразу не сказал, — начал он. — Насчет этой самой арфы. Сделал-то ее, конечно, я, но только по просьбе моего брата Джона — он просил меня об этом перед отъездом. Джон у нас ведь очень любит музыку, как вы знаете, и сказал, что это может вам понравиться, но просил ничего вам не говорить, ну я и не сказал. А все же, верно, надо было сказать, чтобы не приписывать все себе.

— Ах, пустое! — поспешно возразила Энн. — В конце концов, это очень несовершенный инструмент, и вы можете убрать его, как, кажется, и намеревались.

Боб сказал, что уберет арфу, но тут же об этом позабыл, а ночью поднялся сильный ветер, и струны так печально стонали и плакали, что Энн, окно которой находилось так близко от запруды, не могла уснуть, ибо звуки эти пробуждали теперь в ее душе совсем иные мысли. Образ Джона Лавде стоял у нее перед глазами: она чувствовала, что несправедливо обидела его, и все же никак не хотела признаться себе в том, что обошлась с

ним жестоко.

На другой день эолова арфа исчезла. Боб, чувствуя, что его ореол изобретателя несколько померк в глазах Энн, тотчас, чтобы исправить дело, принялся расписывать беседку, в которой девушка любила посидеть, поспешив заверить ее, что на сей раз идея принадлежит только ему.

— Да, конечно, это давно надо было сделать, — сказала Энн равнодушно.

— А знаете, покрасить ее не так-то просто.

— Ну да, вам же трудно дотянуться до самого верха: немного не хватает роста, да, капитан Лавде?

— Вы никогда прежде этого не говорили.

— О, я вовсе не хотела сказать, что вы малы ростом! Давайте я подержу ведерко, чтобы вам не нужно было спускаться с лестницы.

— Будьте так добры! Если вам не трудно…

Она подняла повыше ведерко с краской, и, пока он водил кистью вверх-вниз, наблюдала.

— Как бы мне не забрызгать ваши пальчики, — сказал Боб, окуная кисть в краску.

— Пустяки! Вы очень хорошо красите.

— Очень рад, что вам нравится.

— Но, вероятно, чтобы выкрасить беседку, не требуется особенно большого искусства — это же

не картина!

Боб уловил ироническую нотку в ее голосе, словно Энн хотела подчеркнуть, что она дочь художника и получила лучшее образование, чем он, и, почувствовав себя уязвленным, повторил:

— Прежде вы никогда так со мной не говорили.

— Может, я была слишком молода, и мне не доставляло удовольствия причинять людям боль, — вызывающе ответила Энн.

— А сейчас что, доставляет?

Энн кивнула, не поднимая глаз от ведерка с зеленой краской:

— Несомненно, но лишь тем, кто причинил боль мне.

— Я прошу вас простить мне это.

— Я не сказала, что имею в виду вас… хотя действительно это так.

Боб все смотрел и смотрел, словно зачарованный, на ее профиль, потом наконец опустил кисть и воскликнул:

— Это потому, что я, как последний дурак, забыл о вас! — воскликнул он. — Но ведь мне так долго не виделись — подумать только, сколько лет! О, милая Энн! — спускаясь вниз, он попытался взять ее руку. — Как близки были мы друг другу когда-

то в детстве! Вы были для меня королевой тогда… да и теперь вы для меня королева и останетесь королевой на всю жизнь!

Возможно, Энн и была несколько взволнована зрелищем беглого вассала у своих ног, но если Боб воображал, что все обернется для него так просто: она позволит коснуться ее руки — то сильно ошибался.

— Вот это мило! — рассмеялась Энн. — А ведь прошло всего полтора месяца с тех пор, как мисс Джонсон покинула вас.

— Черт побери, не поминайте об этом! — взмолился Боб. — Клянусь, я никогда не любил… никогда не любил ее по-настоящему… Если мне и казалось, что люблю, то очень недолго. Это случилось как-то вдруг, сразу… знаете, как это бывает. А вас… вас я всегда любил, всю жизнь… хотя и с некоторыми промежутками… почтительно любил и боготворил. Вот ей-богу!

Энн не замедлила с ответом:

— Я тоже время от времени и с некоторыми промежутками готова верить вам, капитан Роберт. Не понимаю только, для чего вы делаете эти торжественные признания.

— Позвольте мне вам это объяснить, бесценная мисс Гарленд. Я хочу, чтобы вы пожелали возоб-

новить данное вами когда-то, много лет назад, обещание думать обо мне.

— Я не повторю ни единого слова из того, что когда-то обещала.

— Ладно-ладно, я не стану принуждать вас к этому сейчас. Прошу только об одном: не думайте обо мне так плохо — я этого не заслужил. А я приложу все силы к тому, чтобы завоевать снова ваше драгоценное расположение.

Энн молча повернулась и скрылась в доме, куда минут через пятнадцать за ней последовал Боб и, постучав в ее дверь, попросил разрешения войти. Энн сказала, что занята, после чего он ушел, чтобы очень скоро возвратиться обратно и получить тот же ответ.

— Я покрасил для вас беседку, уже все закончил, — сообщил ей Боб через запертую дверь.

— Я не могу сейчас пойти посмотреть на нее: буду занята до ужина.

Она слышала, как он испустил глубокий вздох и удалился, бормоча что-то о том, как ему не везет и как ему плохо, — словно у него пробоина в трюме. Однако этим дело не закончилось. Когда подошло время ужина и все уселись за стол, Энн нашла нужным упрекнуть его за что-то сказанное в саду.

Боб постарался изобразить на лице беспредельное отчаяние и взмолился:

— Ну я вас прошу: позвольте хотя бы узнать, что у вас на уме. Тогда я смогу по крайней мере признаться во всех моих прегрешениях, как-нибудь загладить их, а поведение свое исправлю так, что вы останетесь довольны.

Она заговорила быстро, шепотом, чтобы ее слова не могла услышать более пожилая пара, сидевшая в другом конце стола:

— В таком случае, капитан Лавде, я укажу вам только на одно обстоятельство, на один ваш недостаток, который, пожалуй, более приличествовал бы мне, нежели вам: на вас слишком легко производят впечатление новые лица, — и это заставило меня составить себе дурное мнение о вас… да, дурное мнение.

— Ах, вот оно что! — с расстановкой промолвил Боб, почтительно и со страхом взирая на нее, словно ученик на учителя, и не зная, как отнестись к ее словам, сказанным таким тоном, что совершенно невозможно было распознать, произнесены они немного в шутку или вполне всерьез. — Слишком легко производят впечатления новые лица? Да, конечно, это очень дурно с моей стороны.

Тут мельник с треском откупорил бутылку крепкого пива и принялся быстро, пока не осела пена, разливать его по кружкам. Это отвлекло внимание Энн и послужило для нее достаточным предлогом не слушать больше Боба, но ее полушутливые упреки, по-видимому, глубоко запали ему в сердце. Может, и ей в глубине души было больно видеть, как он сидит притихший, словно пришибленный, однако она давно хотела наказать его и день изо дня почти целый месяц с упорством и самообладанием, делавшими честь ее характеру, держалась все той же линии поведения. Что же касается Боба, то все, чего он от нее натерпелся: когда она ускользала от него, резко обрывала, отказывалась выйти к нему, невзирая на все мольбы, не желала впустить, если он хотел проникнуть в маленькую гостиную, где она теперь обосновалась, — все эти удивительные доказательства его терпения неопровержимо свидетельствовали о его необычайном добродушии.

Глава 23
Военные приготовления в широких размерах

Прошло Рождество. Унылая зимняя погода и непроглядный мрак по вечерам уступили место еще более унылой зимней погоде, но вечерами стало светлее. Быстрое таяние снега перешло в дождь, дождь перешел в ветер, ветер стал приносить пыль. Начались ливни: наступила пора розовых утренних зорь и белых закатов, — и у всех появилась надежда, что мартовским непогодам приходит конец.

На мельнице за это время произошло одно важное событие: следуя примеру всех своих соседей, мельник вступил в ополчение и соответственно этому два раза в неделю облачался в красный долгополый военный мундир, натертые белой трубочной глиной лосины, черные суконные гетры, шлем с шишаком, украшенный султанчиком из зеленой шерстяной пряжи, в такие же зеленые, тоже шерстяные, эполеты. Однако Боб по-прежнему оставался в стороне от военных приготовлений, поскольку никак не мог решить:

то ли ему записаться в морскую пехоту, то ли в местное ополчение, то ли пойти волонтером, — и поэтому его деятельность ограничивалась пока ухаживанием за Энн. Миссис Лавде стало бросаться в глаза, что эта молодая парочка держится как-то странно, но так как она еще ни разу не замечала, чтобы их головы слишком сближались или чтобы они норовили остаться наедине, их поведение казалось ей загадочным.

По каким-то странным (а быть может, и вполне естественным) причинам миссис Гарленд, став членом семьи Лавде, все чаще и чаще с неодобрением подумывала о том, что Энн может пойти по ее стопам, и теперь все решительнее склонялась к своему первоначальному намерению отдать предпочтение Фестусу, тем более что последнее время он с поразительным упорством бродил вокруг мельницы: по-видимому, в надежде как бы невзначай повстречаться с Энн, — но из-за непогоды та редко выходила за порог дома.

Как-то раз после полудня хлынул настоящий ливень. Листья лавра и других вечнозеленых растений, сохранявших свой наряд и в это время года, трепетали под ударами тяжелых капель, которые, скатываясь по ветвям и стволу, бесшумно впитывались землей. Поверхность пруда кипела

и пузырилась под струями дождя, образуя тысячи крошечных воронок, а у берегов в вымоинах и крысиных норах, куда загоняли воду порывы ветра, она клокотала, словно наседка. Из окна дома можно было увидеть одно-единственное еще оставшееся сухим местечко — под небольшим навесом на противоположной стороне двора. Миссис Лавде, глядя на потоки дождя, заливавшие потемневший двор, заметила, как Фестус Дерримен забежал под навес, где лежали бревна и где человеку, напоминавшему своим телосложением патагонцев Фридриха Вильгельма, вряд ли можно было укрыться.

Казалось, случай как нельзя лучше способствовал осуществлению замыслов миссис Лавде. Энн была где-то в задних комнатах. Оставалось только пригласить Фестуса переждать ливень, и он неминуемо столкнулся бы лицом к лицу с капризной дочкой, которую миссис Лавде с тех пор, как романтический ореол ее собственного союза с мельником несколько потускнел, с каждым днем все больше и больше хотелось увидеть женой кого-нибудь другого, а не Лавде-младшего. Миссис Лавде была теперь неплохо обеспечена, не чувствовала себя несчастной, просто ей стало ясно, что вступила в неравный брак с человеком,

стоявшим ниже ее по своему положению и в этом мало хорошего. Подойдя к окну, она поманила Фестуса, и он мгновенно подчинился полученному указанию, ибо занял эту позицию только для того, чтобы обратить на себя внимание, так как понимал, что мисс Гарленд не выйдет из дому в такую непогоду.

— Добрый день, миссис Лавде, — приветствовал ее Фестус, входя. — Ну вот... я так и знал. — В голосе его уже рокотал гнев, ибо он успел заметить захлопнувшуюся в глубине комнаты дверь, за которой исчезла стройная фигурка.

Миссис Лавде обернулась, увидела, что Энн ускользнула, но спросила как ни в чем не бывало:

— Что-то случилось?

— О, ничего, ничего! — ответил с досадой молодой человек. — Вы прекрасно знаете, что случилось, сударыня, так что зря притворяетесь. Но я еще притяну ее к ответу, еще собью с нее спесь! Пусть не воображает — я ей все это припомню.

— Но вы должны держать себя с ней учтиво, — заметила миссис Лавде, хотя в душе была даже довольна проявлением столь необузданного чувства.

— Не желаю больше слушать об учтивости или великодушии, мадам! Я для нее отличная партия, а она постоянно меня третирует. После Мартынова дня я проходил мимо вашего дома пятьдесят пять раз — и вот какая мне награда!

— Но ведь вы переждете у нас дождь?

— Нет. Плевал я на дождь. Я ухожу. У нее кто-то другой на уме! — И сей дворянин удалился, громко хлопнув дверью.

Тем временем ускользающий предмет его мечтаний направился по темному коридору мимо люка над мельничным колесом и проник в дверь, ведущую на мельницу, где был встречен Бобом. Подняв голову от лотка, он шагнул к Энн навстречу и спросил:

— Я вам нужен, мисс Гарленд?

— О нет… просто хотела бы постоять здесь минутку.

Он взглянул на нее, не понимая, всерьез ли она это говорит, и, решив, что, по-видимому, всерьез, опять склонился над лотком. Некоторое время слышно было только, как грохочут жернова, затем Боб снова шагнул к Энн, но заметив его движение, она предупредила:

— Не забывайте, что вы на работе: у вас нет времени на праздную болтовню.

Он молча поклонился и вернулся к своему лотку, а Энн посмотрела в окошко в ожидании, когда Фестус покинет дом. Жернова продолжали грохотать, и Боб подошел к девушке в третий раз.

— Однако послушайте… — начала было та.

— Честное слово, я хочу всего лишь спросить, не пойдете ли вы со мной в воскресенье в церковь.

— Может быть, — начала Энн, но в эту минуту Фестус Дерримен вышел из дома, и, чтобы избежать дальнейших разговоров, она тотчас вернулась к себе тем же путем, каким и пришла.

Настало воскресенье, и все семейство собралось на крыльце, ожидая, когда зазвонит церковный колокол. Отсюда хорошо был виден большой луг, за ним — невысокий холм, а на холме — старый вяз, к которому, словно меридианы на полюсе, сходились бесчисленные тропинки. В летнюю пору трава под этим старым деревом бывала начисто вытоптана ногами бесчисленных парочек, назначавших под ним свидания, и случайных прохожих. Вяз этот был наиболее примечательной частью пейзажа.

И вот все увидели, как на одной из тропинок появился солдат-пехотинец в красном мундире и белых лосинах. Остановившись под вязом, он вынул из кармана какую-то бумагу и прибил ее

к стволу четырьмя гвоздями, потом отступив на шаг, взглянул на нее и пошел дальше своим путем. Боб принес из дому бинокль и навел на прибитое к дереву объявление, но, сколько ни смотрел, не смог различить ничего, кроме льва и единорога, изображенных наверху листа. Идти в церковь было еще рановато, но Энн, уже приодевшаяся, спустилась с крыльца, видимо, намереваясь пройти мимо вяза. Бумага была водворена там столь торжественно, что ей захотелось прочесть, что в ней написано, хотя бы даже за счет времени, которое надлежало отдать молитве. Боб воспользовался случаем, чтобы последовать за Энн и напомнить про ее обещание.

— Тогда ступайте позади и ни в коем случае не подходите близко, — заявила Энн.

— Хорошо, — кивнул он смиренно и тотчас немного поотстал.

Его покорность показалась забавной, и девушка шутливо бросила через плечо:

— Поделом вам!

— Я готов нести любое наказание, но осмелюсь спросить: могу ли я все же надеяться, что вы не заставите меня — только из-за того, что я приволокнулся за Матиль… из-за того, что я забыл вас на время, — всегда держаться позади вас?

Она ответила, понизив голос:

— Я не хочу, чтобы нас видели вместе, потому что люди не должны думать, что между нами что-то есть. Как могу я, зная о вашем легкомыслии, поступать иначе? Вас следует вышколить, чтобы…

— Ох, Энн, — вздохнул Боб, — вы жестоки ко мне, слишком жестоки! Если я когда-нибудь добьюсь вашего расположения, это мне, я вижу, недешево обойдется.

— Вы уже не тот, каким были когда-то, — проговорила она с мягким укором. — И я просто не хочу себе позволить любить вас. — Последние слова были произнесены чуть слышно, а так как Боб шел позади, его ушей не достигли, и, конечно, никак не мог заметить, какие чувства отразились на лице Энн.

Они прошли еще несколько шагов в молчании и, приблизившись к вязу, прочли:

«КО ВСЕМ АНГЛИЧАНАМ НЕЗАВИСИМО ОТ СОСТОЯНИЯ И ЗВАНИЯ

Друзья и соотечественники! В настоящее время французы сосредоточивают против нас такую армию, какая еще ни разу в истории не готовилась для втор-

жения в наше королевство, и провозглашают своей целью полное опустошение и разорение нашей страны. Они не только не скрывают своих намерений, как нередко делали по отношению к другим странам, но и открыто похваляются задавить нас своей численностью, дабы мы не смогли оказать им сопротивления.

Французы, где бы они ни появлялись, не щадят никого: ни богатых, ни бедных, ни старых, ни молодых, – но, подобно смертоносной чуме, оставляют позади себя голую пустыню там, где все красовалось и цвело.

Перед лицом этих событий каждый из вас призывается добровольно, а не по принуждению, встать на защиту всего, что ему дорого, вписать свое имя в вербовочные листы, которые будут разосланы во все приходы, и принять участие в военных действиях либо с оружием в руках в рядах волонтеров, либо в рабочих дружинах, либо в качестве возниц фургонов.

Вступив в ряды волонтеров, вы будете нести службу всего раз в неделю, если вторжение неприятеля на нашу землю

не поставит вас перед необходимостью дальнейших действий.

Вступив в Рабочую дружину, вы будете использованы для разрушения дорог, дабы помешать продвижению неприятеля.

Всем имеющим кирки, лопаты, вилы, топоры или другие орудия труда предлагается сообщить об этом констеблю или вербовщику своего прихода, дабы их можно было внести в инвентаризационную опись с указанием дома, где они хранятся, и использовать в случае необходимости…

Мы сочли уместным дать вам это разъяснение, дабы вы не остались безучастными к выполнению своего долга, понеже вы будете к тому призваны. Но если в сердцах англичан еще жива любовь к истинной свободе и благородной славе, жалованье явится отнюдь не главной, хотя и обязательной, частью вашего вознаграждения. Свою лучшую награду вы найдете в исполнении долга перед королем и отчизной, когда изгоните из ее пределов и уничтожите вашего исконно-

го и непримиримого врага, исполненного зависти к вашей свободе и счастью и потому стремящегося разрушить их, и спасете ваших жен и детей от грозящей им смерти или того, что хуже самой смерти, ибо эта судьба будет уготована им, если наш исконный враг одержит над нами победу!

Итак, встанем все, как один, и объединимся для высокой цели! Объединившись, мы не побоимся бросить вызов всему миру. К тем же, кто нерадив и не встречает неприятеля во всеоружии, никогда не приходит победа».

— Я должен пойти и записаться немедля! — заявил Боб.

Энн обернулась к нему: ни тени шутливого кокетства больше не было в ее взгляде, — и встревоженно проговорила:

— Как я жалею сейчас, что мы живем не на севере Англии! Там мы были бы подальше от места его высадки!

— Где бы мы ни находились, это место будет для меня раем, если только вы того захотите.

— Как беспечно вы рассуждаете в такую серьезную минуту, — заметила Энн задумчиво и пошла

дальше.

Подойдя к церкви, они заметили, что сквозь голые ветви деревьев, еще только начинавших наливаться янтарными почками, что-то поблескивает, словно сталь. И почти тотчас, заглушая нежный перезвон церковных колоколов, до них долетел громкий голос, отдающий команду, вслед за чем сверкавшие за деревьями металлические острия зашевелились, точно щетина дикобраза, и сверкнули снова.

— Строевые учения, — пояснил Боб. — Их проводят теперь между службами в церкви — легче собрать народ, понимаете ли, чем в будний день. Чувствую я, негоже мне стоять от всего в стороне.

Выйдя из рощицы, они увидели обучавшихся волонтеров: это были годные к военной службе жители окрестных селений — многих из них Боб и Энн знали в лицо. Обучение происходило на зеленой лужайке перед церковным двором, все волонтеры были в своей обычной одежде, командовал же ими тот самый сержант, который прибивал воззвание к вязу. В эту минуту он был занят тем, что, развязав парусиновую суму и достав оттуда горсть монет, вручал каждому из волонтеров по шиллингу в виде вознаграждения

за труд.

— Братцы! Я распустил вас слишком рано, — закричал он внезапно. — Строиться, строиться обратно! Строиться, говорю вам! Мои часы, видать, спешат. Служба в церкви начнется только через двадцать минут. Слушайте команду: всем, у кого нет кремневых ружей, построиться в том конце. Направо равняйсь!

Но так как каждому из новобранцев хотелось увидеть, как стоят остальные, то края шеренги стали загибаться внутрь, и она быстро приобрела форму лука.

— Гляньте, как вы стоите! Почему вас там, на краях, загибает вовнутрь? Равняйсь! Равняйсь!

Новобранцы старались равняться, но под действием все тех же весьма побудительных причин шеренга мало-помалу снова приобрела вышеописанную форму, в каковой и пребывала уже до конца при попустительстве доведенного до отчаяния сержанта.

— Теперь минутку терпения, — сказал сержант, стоя в центре дуги. — Прошу внимательно слушать мою команду и выполнять ее как можно точнее, а если я что-нибудь напутаю, то пусть кто-нибудь из вас, братцы, поправит меня, ведь я сам пробыл в армии всего три недели, и оши-

биться каждый может.

— Попятное дело, понятное дело, — с готовностью отреагировала шеренга.

— Тогда смирно! Всем стоять смирно! Ружья на изготовку! Очень хорошо!

— А тем, у кого нет ружья, что делать? — жалобно вопросил конец шеренги.

— Что за вопрос! Ясно, вам не нужно ничего делать, а нужно думать о том, как бы вы взяли ружья на изготовку, если бы они у вас были. Вот вы там, посередке, которые с капустными кочерыжками и палками. Старайтесь пускать их в ход так, как если бы это было всамделишное оружие. Итак, слушать команду! Взвести курки! На прицел! Пли! Вы, понятно, должны только делать вид, что стреляете, но в это время мысленно представлять себе поле битвы. Очень хорошо… Ей-богу, хорошо. Хотя, правда, кое-кто самую малость поторопился, а кое-кто самую малость запоздал.

— Прошу прощения, сержант, позволь-ка мне отлучиться. Я, понимаешь ли, руковожу церковным хором, а моя виолончель в эту пору года всегда плохо держит строй, и надо бы малость подвинтить колки, пока не пришел священник.

— И не стыдно тебе в такую минуту, когда

неприятель, того и гляди, вторгнется на твою землю, думать о церковной службе и прочих пустяках? — сурово вопросил сержант. — И притом всем вам известно, что учение заканчивается за три минуты до начала церковной службы, это уж так положено, и, значит, в нашем распоряжении еще целых четверть часа. Ну а теперь по команде: «Затравляй!» — сыпьте порох… словно он у вас есть… Сыпьте порох на полку, на три пальца ниже конца шомпола, и ловким движением правой руки закройте полку. Да, я позабыл вам сказать, что при команде: «Взять пороховницу!» — нужно схватить ее, быстро поднести ко рту и разом вытащить зубами затычку. Да смотрите, не слишком наглотайтесь пороху, а то начнете харкать и плевать, вместо того чтобы исполнять команду. Что говорит этот человек там, с краю?

— С вашего разрешения, сударь, это Энтони Крипплстроу. Он спрашивает, как же будет вытаскивать зубами, когда у него во рту ни одною зуба?

— Друг! Где же твоя солдатская смекалка? Ясное дело как — сунь в рот своему соседу справа, пусть он вытащит. Ну а тебе что непонятно, рядовой Тремлет? Или ты не разумеешь по-английски?

— Прошу прощения, сержант, а что будет де-

лать наш взвод необученных пехотинцев, ежели Бонапартишка высадится на берег до того, как нам раздадут ружья?

— Возьмете пики, как остальные необученные. Их у церковной колокольни навалена целая куча. Ну а теперь: на пле-чо!..

— Слышите? Звонят выход священника! — закричал Дэвид, слуга мельника Лавде, тоже находившийся среди новобранцев.

Перезвон трех колоколов сменился частыми ударами одного колокола, и вся шеренга тотчас испустила вздох облегчения, побросала оружие и повернулась к церкви.

— Ладно, в таком случае я должен вас распустить, — сказал сержант. — Стой, стой! Следующие учения во вторник, в четыре часа пополудни! И запомните: если кого-нибудь не будет отпускать хозяин, все равно бросайте работу и сообщите мне, а я доложу правительству. Смирно! Через правое плечо… налево кру-гом… Нет, отставить… Через левое плечо, направо кругом, мар-р-р-ш!

Одни повернулись направо, другие — налево, а кое-кто из самых старательных вроде Криппл-строу попытался повернуться и туда и сюда.

— Стой, стой! Попробуем сначала! Друзья по оружию, вся беда в том, что ежели я тороплюсь,

так уж никак не могу сообразить, где у меня правая рука, а где левая. Еще мальчонкой, помнится, никак не мог. Так что вы на меня не обижайтесь. Век живи, век учись, как говорится. Вот я, как попал в армию, все учусь, и все находится что-нибудь новенькое. Ну ладно, в общем, направо, значит, кругом марш! Стой! Вольно! Разойдись! Кажется, все как положено, и порядок я не перепутал, да на всякий случай до вторника загляну еще разок в устав.

Многие из волонтеров, вместо того чтобы идти в церковь, предпочли пойти в трактир и поскорее истратить полученный шиллинг, но Энн и капитан Боб направились к обедне.

Беспокойство, царившее повсюду, проникло даже в эту священную обитель. В те дни религия приобретала в стране новую, в сущности, форму: любовь к Богу претворялась в ненависть к Наполеону Бонапарту, и, словно в ознаменование этой перемены, пики, предназначавшиеся для тех, кто, будучи завербован, не был вооружен, хранились в церквях каждого прихода. Там эти пики, сделанные из стволов молодого ясеня с вогнанным в них с одного конца крепким острием и обитые полоской жести, чтобы не расщепилось древко, стояли в большом количестве, прислоненные к

стене. Так оружие это и хранилось за годом год в углу одного из приделов, пока его не убрали оттуда и не переместили под лестницу, ведущую на хоры, а оттуда — на колокольню, где оно ржавело, чернело, гнило, пока не стало мало-помалу разворовываться пономарями, причетниками и другими церковными служителями, а также малярами, приходившими подновить стены и окна; в их руках оно нашло себе применение — на древко насаживали грабли или мотыги. Некоторая же часть пик попала в клубы благотворительных обществ, превратилась в древки стягов, и в одном из вышеописанных унизительных состояний бывшие пики можно обнаружить и по сей день.

Но в своем первоначальном, ослепительном и грозном, виде это оружие наводило ужас на Энн, когда она, сидя рядом с Бобом в церкви, не могла отвести от пик глаз, и в воображении ее возникали страшные кровавые картины: ей представлялось, как это смертоносное оружие будет пущено в ход где-то совсем рядом! К тому же в проповеди говорилось о патриотизме, и когда Энн покидала церковь, ее преследовала неотвязная мысль, что, быть может, вскоре всех их постигнет участь бездомных бродяг.

Боб заверил ее, что при наличии регулярной

армии в шестьдесят тысяч солдат, народного ополчения, насчитывающего сто двадцать тысяч человек, и трехсот тысяч волонтеров ей особенно страшиться нечего.

— Боюсь только, как бы не убили нашего беднягу Джона, — помолчав, добавил Боб. — Он, конечно, будет среди тех, кто первым встретится лицом к лицу с неприятелем, а трубачей особенно часто стараются подстрелить.

— У него не больше шансов быть убитым, чем у всякого другого, — возразила Энн.

— Да… Да, конечно, не больше… Вы стали недолюбливать Джона после этой истории с Матильдой, верно?

— Почему вы так думаете? — быстро спросила Энн.

— Видите ли, — начал Боб смущенно, — перед лицом опасности, грозящей его судну, не лучше ли забыть о всяких там размолвках?

— Мне совершенно не о чем забывать, — сказала очень расстроенная этим разговором Энн. Она по-прежнему считала, что трубач повинен в исчезновении мисс Джонсон и что произошло это потому, что он сам был увлечен невестой брата, а за ней ухаживал лишь для препровождения времени. Однако именно вмешательство Джона

странным образом послужило ей на пользу — ведь благодаря ему Боб стал свободен.

— С тех пор как Джон уехал, — продолжал ее спутник, — я мало-помалу смог лучше разобраться в его намерениях и лучше понял, почему он способствовал исчезновению этой женщины. Вы знали, что он имел к этому кое-какое отношение?

— Да.

— Знали, что это он заставил ее уехать?

Энн с удивлением взглянула на Боба. Оказывается, все это было ему известно, и тем не менее он, по-видимому, не сердился на Джона.

— Знала, — сказала Энн. — Но зачем он это сделал?

Боб не решился объяснить ей причину, но события этого дня навели его на мысль, что Джона могут убить, и пробудили в нем решимость снять несправедливые подозрения со своего бедного брата. Боб винил себя за то, что так долго позволял Энн незаслуженно дурно думать о Джоне, и, как только они вернулись домой, сразу направился к отцу и попросил его, прибегнув к помощи миссис Лавде, открыть Энн, почему Джон так настроен против мисс Джонсон.

— Ведь мисс Энн думает, что Матильда и Джон

были когда-то влюблены друг в друга, а теперь встретились снова, и Джон сам, вместо меня, захотел жениться на ней, — сказал он в заключение.

— Так вот, значит, в чем дело! Вот почему у Джона с мисс Нэнси дело не сладилось, — сказал мельник.

— Как так? Разве между ними что-нибудь было, кроме обычной дружбы? — встревоженно спросил Боб.

— Ну, с ее стороны, может, ничего и не было.

— Ладно, все равно мы должны это сделать, — сказал Боб, начиная с болью в сердце понимать, что, воздавая должное Джону, он готовит себе опасного соперника в его лице, но все же стремясь восстановить справедливость. — Открой все, что тебе известно, миссис Лавде, и пусть она расскажет об этом Энн.

Глава 24
Письмо, посетитель и металлическая шкатулка

Узнав всю правду, Энн испытала горчайшие угрызения совести. Так была она расстроена своим несправедливым отношением к добросердечному трубачу, что на следующее же утро, поднявшись на холм, в полном одиночестве долго стояла там, где была когда-то раскинута палатка, в которой он провел столько ночей. Она думала о глубокой незаслуженной обиде, нанесенной ею Джону, и о том, как, должно быть, печально и горько было ему собирать свои пожитки и отправляться в поход. Постояв так некоторое время, она смахнула с ресниц слезу сострадания, возвратилась домой и под впечатлением минуты написала драгуну письмо, в котором, среди прочих, были и такие — довольно смелые, если принять во внимание, от кого они исходили и кому были адресованы, — строки:

«Вы были сама искренность, сама прямота, Джон, а я — опрометчива в своих суждениях и своенравна. Однако я убедилась, что только

высокие требования чести руководили вашими поступками, и это заставляет меня отныне ни в чем себе не доверять. Случись мне теперь разойтись с вами во мнениях, я бы долго размышляла, прежде чем прийти к решению, что не могу согласиться с вами. Если я утратила вашу дружбу, виной тому лишь я сама, но от всего сердца надеюсь, что вы можете меня простить».

Написав это послание, Энн направилась в сад, где Боб очищал дорожки от проглянувшей молодой травы, и с запечатанным письмом в руке спросила:

— Какой адрес у Джона?

— Эксонберийские казармы, — пробормотал Боб упавшим голосом.

Энн поблагодарила его и вернулась в дом. Когда Боб, немного повременив, тоже вошел в дом и, проходя мимо пустой гостиной, заглянул в отворенную дверь, ему бросилось в глаза письмо, лежавшее на каминной доске, и вид этого письма отнюдь не доставил ему удовольствия. Услыхав голоса в соседней комнате, он вошел туда и увидел Энн и миссис Лавде, поглощенных беседой с Крипплстроу, который только что явился к ним с поручением от эсквайра Дерримена: эсквайр просил мисс Гарленд, если она хоть чуточку жалеет

несчастного старика и не хочет, чтобы он навеки потерял душевный покой, немедленно прийти навестить его.

— Нет-нет, я не могу, — сказала Энн, не желая подвергаться опасности, которую это посещение могло в себе таить.

Но прошел час, и Крипплстроу притащился обратно и опять с тем же поручением.

— Хозяину очень плохо, и он просит вас непременно прийти, мисс Энн. Ему очень надо повидаться с вами из-за французов.

Энн отправилась бы на ферму, не колеблясь ни минуты, если бы не боязнь встретить там, помимо старика эсквайра, еще кое-кого другого, и снова ответила отказом.

Прошел еще час, и на дороге заскрипели колеса. Крипплстроу явился в третий раз — и теперь уже с лошадью и двуколкой; при этом на нем был парадный костюм, и он прихватил с собой корзину с виноградом, апельсинами, миндалем и сладким печеньем. Он передал Энн это преподношение от старика фермера и повторил его просьбу. Двуколка, запряженная лучшей кобылой из конюшни Дерримена, была послана в виде дополнительного соблазна.

— Можно подумать, Энн, что старик в тебя влю-

бился, — сказала мать.

— А почему он сам не мог приехать сюда и повидаться со мной? — спросила Энн слугу.

— Ему хочется, чтобы вы приехали к нему, уж вы его уважьте.

— А мистер Фестус там?

— Нет. Он в Бедмуте.

— Хорошо, я поеду, — сказала Энн.

— А мне можно встретить вас на обратном пути и проводить? — спросил Боб.

— Я написала письмо… Что же мне с ним делать? — сказала Энн, ничего не ответив Бобу, и добавила: — Отнесите мое письмо на почту, и потом можете встретить меня.

Боб пообещал отправить письмо и вышел, а Крипплстроу отошел в сторону, ожидая, пока Энн соберется.

— Что это за письмо? — спросила мать.

— Письмо Джону, — сказала Энн. — Я прошу его простить мои безосновательные подозрения. Это уж я, во всяком случае, должна была сделать.

— Ты хочешь выйти за него замуж? — напрямик спросила миссис Лавде.

— Что вы, мама!

— Так, будь спокойна, он примет твое письмо как поощрение. Неужели ты этого не понимаешь,

глупая ты девочка?

Энн мгновенно сообразила, что мать права.

— Верно! Скажите Роберту, что письмо отправлять не нужно, — согласилась она, но тут же отправилась за письмом сама. Однако на каминной полке письма уже не было, и после расспросов выяснилось, что мельник, увидав письмо, уже отправил его с Давидом в Бедмут. Энн ничего не сказала и укатила в двуколке в обществе Криппстроу в Оксуэлл-холл.

— Послушай, Уильям, — сказала миссис Лавде мельнику, когда Энн уехала, а Боб снова принялся за работу в саду, — ты нарочно поспешил отправить это письмо?

— Конечно, нарочно. Я хотел знать наверняка, что оно будет отправлено. Она нравится Джону, и теперь у них все может наладиться, и почему бы ему не жениться на ней? Если она захочет выйти за него, я помогу ему открыть свое дело.

— Но она, кажется, не прочь выйти за Фестуса Дерримена.

— А я хочу, чтобы она вышла за Джона, только за Джона, и баста, — упрямо сказал мельник.

— Хоть она влюблена в Боба, и притом не первый год, а Боб влюблен в нее? — с торжеством спросила его супруга.

— Влюблена в Боба, а он в нее? — как эхо, повторил мельник.

— Вот именно! — сказала его супруга и покинула комнату, предоставив ему предаваться своим размышлениям наедине.

Прибыв в усадьбу, Энн нашла старого мистера Дерримена на его всегдашнем месте — в кресле. Цвет лица у него стал еще более землистым, но двигался он так же проворно, как прежде, и при ее появлении вскочил с кресла, закрыл за ней дверь и, пододвинув ей стул, взволнованно сказал:

— Ну вот, слава богу, ты пришла, дорогая моя девочка! Нет, на сей раз ты совершила эту маленькую прогулку не для того, чтобы читать мне вслух. Зачем заставила ты меня пойти на эдакие расходы, чтобы заполучить тебя? Ай, как стыдно! И лошадь, и двуколка... Да и мой слуга столько потерял времени — трижды ездил за тобой! И фрукты, что я тебе послал, стоят немалых денег на бедмутском рынке — теперь же все страсть как подорожало. Хорошо, что я купил виноград и апельсины месяца два назад, когда они были подешевле, не то я бы совсем на тебя разорился. Мы ведь с тобой старые друзья, и мне больше поделиться не с кем, иначе я бы тебе ничего и не сказал. Впрочем, теперь, раз уж ты приехала, я

нисколько об этих расходах не жалею.

— А я и сейчас не очень-то рада, что приехала, — сказала Энн. — Что случилось? Почему вам так настоятельно потребовалось видеть меня?

— А потому, что ты хорошая девушка и порядочная, и я подумал, что из всех людей, которые помоложе меня и которым я могу довериться, ты подходишь мне больше всех. Речь идет о кое-каких купчих, долговых расписках, арендных договорах и прочих разных денежных документах, а также о небольшой сумме наличными в гинеях, ну и самое главное — о моем завещании, вот о чем мне надо поговорить с тобой. А теперь пойдем-ка сюда.

— Ах вот оно что! — удивилась Энн. — Но я же ничего не понимаю в этих вещах.

— А тут ничего и не надо понимать. Слушай. Французы будут здесь самое большее через два месяца, это уж точно. Я узнал из очень надежных источников, что их армия в полной боевой готовности стоит в Булони; суда и лодки оснащены, планы вторжения разработаны, и первый консул ждет только попутного ветра. Одному Небу известно, какая участь может постигнуть мужское население этого края! Но женщин, вероятнее всего, пощадят. Так вот, теперь я кое-что тебе

покажу.

Он повел ее через холл к каменной винтовой лестнице, спускавшейся в погреб.

— Как, туда? Вниз? — испугалась Энн.

— Да, я прошу тебя взять на себя труд спуститься вниз. Я долго, очень долго раздумывал над тем, кто из женщин сумеет лучше сохранить тайну в течение полугода, и наконец сказал себе: «Энн Гарленд!» Ты за это время еще не выйдешь замуж?

— О нет! — пробормотала девушка.

— А то я бы не понадеялся, что и после замужества ты сумеешь держать язык за зубами. Но через полгода это уже не будет иметь значения.

Они спустились вниз, фермер высек огонь из трутницы, зажег свечу, и Энн увидела три двери в выбеленной известкой стене. Старик отпер среднюю дверь, и свет свечи упал на низкие своды довольно длинного погреба, заваленного старой, полусгнившей мебелью, которую сносили сюда из всех комнат дома вместе с остатками лестничных балясин, обломками деревянной резной панели и лепных карнизов. Но прежде всего Энн бросилась в глаза каменная плита, вывернутая из пола в центре погреба, кучка земли возле нее и валявшаяся на полу измерительная тесьма.

Старик Дерримен направился куда-то в угол и вытащил там из-под соломы окованную железом шкатулку.

— А ты тяжеленькая, голубушка, — с нежностью адресовался он к шкатулке, поднимая ее с пола. — Но мы положим тебя в надежное место, будь спокойна! Не то этот негодяй завладеет тобой и разорит меня.

Он, кряхтя, опустил шкатулку в вырытую в полу яму, засыпал ее землей и прикрыл сверху каменной плитой, которую прилаживал долго и тщательно, пока наконец не остался доволен. Романтической натуре Энн все это очень пришлось по вкусу, и она принялась помогать старику убирать остатки рассыпанной по полу земли. Затем он набросал на пол немного соломы, сваленной в углу, и они поднялись наверх.

— Это все, сударь? — спросила Энн.

— Обожди еще минутку, моя прелесть. Пожалуйста, пройдем в большую гостиную.

Энн молча проследовала за ним.

— Если со мной что-нибудь случится, когда здесь пойдут баталии — а они могут разыграться на этом самом поле, — ты будешь знать, что тебе надо делать, — торжественно сказал старик. — А пока что садись здесь… вот так, умница. Я же все

запишу, чтобы ничего не позабыть. Видишь, я приготовил для этого самую лучшую бумагу и новое гусиное перо.

— Как все это странно! Мне, право, как-то не по себе, мистер Дерримен, — сказала Энн, опускаясь на стул.

Но он уже начал писать, бормоча про себя:

— Двадцать три с половиной на северо-запад, шестнадцать и три четверти на юго-восток… Ну вот и все. Теперь я это запечатаю и отдам тебе на сохранение — береги эту бумагу, пока я ее у тебя не спрошу или пока ты не услышишь, что я погиб, растоптанный копытами неприятельской конницы.

— А что это значит? — спросила Энн, взяв протянутую ей бумагу.

— Что? Ха-ха! Ну как же — это расстояния от противоположных углов погреба до шкатулки. Я все это измерил еще до твоего прихода. И вот что, моя прелесть: если французы нападут на ваш дом, расскажи обо всем своей матери или кому-нибудь из самых близких друзей — так оно будет надежней, — потому что тебя могут убить, и разгадка тайны будет потеряна. Впрочем, я надеюсь — и даже уверен, — что этого не случится, хотя, конечно, такое хорошенькое ли-

чико — большая приманка для солдата. Я сам не раз, душенька, жалел о том, что ты не моя дочь. Впрочем, в такие тяжелые времена, как сейчас, чем меньше у человека забот, тем лучше, так что, пожалуй, я даже рад, что ты мне не дочь. Велеть слуге отвезти тебя домой?

— Нет-нет, — поспешно сказала Энн, сильно смущенная всем, что ей пришлось услышать. — Я доберусь пешком. И не беспокойтесь спускаться вниз и провожать меня.

— Так береги бумагу. И если ты переживешь меня, увидишь, что я тебя не позабыл.

Глава 25
Фестус доказывает свою любовь

Фестус Дерримен провел этот день на королевском курорте: лошадь его захромала, и ее пришлось оставить в конюшне, — однако к вечеру решил отправиться пешком в Оксуэлл, к своему дядюшке, рассчитывая, подольстившись к нему или припугнув его, раздобыть на лето запасную лошадь. Он был уже недалеко от деревни и совсем близко от усадьбы, отстоявшей от деревни всего на милю, когда, шагая по дороге, обогнал неспешно шедшую в том же направлении стройную молодую женщину и заметил, что она окинула его быстрым взглядом. Дама была одета по моде — в короткий зеленый шерстяной жакет с рукавами «мамелюк» и «испанскую» бархатную шляпу с пером.

— Добрый вечер, мадам, — молодцевато сказал Фестус, — вышли прогуляться?

— Да, вышла прогуляться, капитан, — ответила молодая особа, подчеркнуто скромно потупив взор, но успев краем глаза оценить своего спутника и, раскусив его характер и ни поскупившись

на подачку, тут же повысить в чине.

— Могу поклясться, что вы из города, мадам. Будь я проклят, если вы не из города.

— Да, вы не ошиблись, я из города, — ответила дама.

— Но вы не здешняя! Я знаю всех наших горожан до единого. Мы, солдаты, то и дело заглядываем в город. Разрешите представиться: Фестус Дерримен из территориальной конницы, к вашим услугам. Этот курорт, да будет вам известно, находится под нашей охраной. В предстоящих сражениях судьба жителей будет целиком зависеть от нас. Мы держим нашу жизнь в наших руках, а их жизнь — на кончике наших сабель. Что побудило вас, мадам, пожаловать сюда в такое грозное время?

— А я не нахожу это время столь уж грозным.

— Тем не менее это так, и вы сказали бы то же самое, будь столь же близки к делам военным, как некоторые из нас.

Незнакомка улыбнулась:

— Однако король и в этом году собирается посетить курорт.

— Этому не бывать! — заявил Фестус твердо. — Ага, вы, вероятно, из свиты короля, и вас послали вперед, чтобы подготовить королевские

апартаменты на случай, если Бонапартишка не высадится.

— Нет, — возразила незнакомка. — Вообще я имею некоторое отношение к театру, но сейчас пока что сама по себе. Мне немного не везло последние года два, но это я еще наверстаю. Я намерена вступить в труппу, когда театр приедет сюда на летний сезон.

Фестус с любопытством на нее воззрился.

— Черт побери! Вот как? И какое же у вас амплуа, мадам?

— Я преимущественно играю главные роли — то есть героинь, — с достоинством ответила незнакомка, горделиво вскинув голову.

— Я всенепременно приду в театр поглядеть на вас, если ничего не случится и французы не успеют высадиться. Пусть меня повесят, если я не приду!.. Стойте, стойте, кого я вижу!

Его взгляд был прикован к какому-то отдаленному предмету: там полем быстро шла Энн Гарленд, направляясь из деррименовской усадьбы к себе домой, в Оверкомб.

— Я должен спешить. Прощайте, прелестное создание! — воскликнул Фестус и ринулся вперед.

— Презабавное чудовище! — заметила незнакомка, с улыбкой глядя, как он шагает по дороге.

Фестус перескочил через ограду и по зеленой лужайке устремился вдогонку за Энн. Оглянувшись, она увидела позади хорошо знакомую гигантскую фигуру и испугалась, но решила не подавать виду, однако идти далее как ни в чем не бывало оказалось выше ее сил. Она невольно ускорила шаг, что было, разумеется, бесполезно, ибо Фестус быстро нагонял ее и, когда был уже близко, воскликнул:

— Ну что, моя прелесть!

Энн припустилась бежать.

А Фестус и так уже запыхался и вскоре понял, что теперь ему, как видно, не догнать Энн. Она летела вперед, не глядя по сторонам, пока какой-то странный шум не заставил ее оборотиться и глазам ее не предстала такая картина: голова Фестуса была запрокинута, он покачнулся, стал клониться на один бок и вдруг, словно чурбан, повалился на зеленый пригорок и остался лежать недвижимо.

Энн встревожилась и, постояв минуты две, стала медленно, с опаской приближаться к Фестусу, вглядываясь в его лицо, исполненная удивления и недоверия, словно кроткая овечка при виде пришлого бродяги, задремавшего на лугу, где пасется стадо.

— Да он никак без чувств! — пробормотала Энн.

Сердце ее испуганно колотилось, она беспомощно оглянулась по сторонам, но кругом не было ни души. Тогда она сделала еще шаг и опять внимательно взглянула на Фестуса. Лицо его побагровело: он, казалось, не дышал.

— Нет, это не обморок, это апоплексический удар! — в чрезвычайном испуге проговорила Энн. — Надо расстегнуть ему ворот.

На это она все-таки не отважилась и только подошла поближе. Теперь она стояла от него в трех шагах, и у лежавшего без сознания Фестуса недостало более сил задерживать дыхание. Внезапно вскочив, он бросился к ней с криком:

— Ха-ха! Вот как срывают поцелуй!

Он уже обхватил Энн рукой за плечи, но она, изогнувшись, с необычайной ловкостью вырвалась из его объятий и бросилась бежать по полю. Она рванулась из его рук с такой силой, что он не устоял на ногах и снова упал, а когда поднялся, она была уже на много ярдов впереди.

С восклицанием, вряд ли выражавшим доброе напутствие, он тотчас кинулся за ней в погоню, и так они бежали до тех пор, пока Энн не очутилась на лугу, по которому протекал ручей футов

в шесть шириной. Через ручей, там, где к нему вела тропинка, была переброшена довольно узкая дощечка, и Энн сразу перебежала по ней на другую сторону. Она оборотилась посмотреть, где ее преследователь, и увидела, что Фестус догоняет ее. Тут ее осенила какая-то мысль, и она нагнулась, ухватилась за конец доски и потянула ее на себя, стараясь стащить противоположный конец в воду, но доска была слишком тяжела, и ей удалось лишь немного сдвинуть ее с места. Потеряв несколько драгоценных секунд, Энн со вздохом отчаяния снова припустилась бежать.

Однако ее усилий оказалось достаточно, чтобы сделать ненадежными эти утлые мостки, и когда Дерримен минутой позже ее ступил на них и добрался до середины, доска соскользнула с берега, перевернулась, и он плюхнулся в воду. Ручей был неглубок, но наш кавалерист упал ничком и потому весь погрузился в воду и не сразу сумел выкарабкаться из ручья. А когда, мокрый до нитки, он выбрался на берег и поглядел по сторонам, Энн уже исчезла. Глаза Фестуса сверкнули, словно два карбункула, и он разразился страшными проклятиями; оборотившись в ту сторону, где скрылась Энн, он так грозно замахал руками, сотрясая теплый летний воздух, что при виде этого

зрелища у любой девицы душа, без сомнения, ушла бы в пятки. Затем он повернул обратно, вброд перебрался через ручей и медленно побрел по берегу. Вода серебристыми струйками стекала с пол его мундира, с обшлагов, с кончиков ушей и красиво сверкала в лучах солнца. Мало-помалу он ускорил шаг и, избрав несколько кружной путь, боковой тропинкой направился к усадьбе дядюшки.

Меж тем та, что была виновницей всех его злоключений, быстро приближалась к мельнице и вскоре, к огромной своей радости, увидела, что Боб идет ей навстречу. Она слышала, как Фестус плюхнулся в воду, и, понимая, что теперь ему будет трудно ее догнать, уже не бежала, но все же шла довольно быстро. Когда же Боб приблизился к ней, она, уже не владея собой после пережитых волнений, кинулась ему на грудь. Боб тотчас заключил ее в объятия, настолько крепкие и надежные, что всякая опасность падения в обморок была для нее теперь исключена даже при полном упадке сил, который, вероятно, и послужил причиной ее столь неожиданного поступка. В этом положении оба они молча пребывали до тех пор, пока Энн не осознала вдруг, что ей еще никогда в жизни не случалось лежать в объятиях

мужчины. Щеки ее запылали, как зарево, и она не решалась поднять на Боба глаза. Почувствовав себя наконец в полной безопасности, она неожиданно изменила своему первому побуждению и не стала рассказывать Бобу всего, что с ней произошло, опасаясь, как бы это не повело к страшной ссоре и даже схватке между Бобом и Фестусом и к большим осложнениям (в которых будет повинна только она) для всего семейства Лавде, так как мельник постоянно вел дела с Деррименами.

— Вы чего-то испугались, дорогая Энн? — нежно спросил ее Боб.

— Да. Я встретила какого-то человека, очень неприятного с виду, и он как будто хотел пойти за мной. Но еще больше я боюсь французов. Ах, Боб! Я так боюсь, что вас убьют, а мою мать, и Джона, и вашего отца, и всех нас возьмут в плен!

— Голубка моя, но этого же никак не может случиться, поверьте. Даже если они высадятся, в чем я сильно сомневаюсь, так после одного-двух сражений мы загоним их обратно в море. У нас девяносто парусных судов на ходу. Нам, конечно, не повезло, что в такое трудное время пришлось еще объявить войну Испании, но все равно кораблей у нас хватит на всех наших недругов.

И Боб принялся сообщать ей различные данные относительно численности английского флота, армии, народного ополчения и волонтеров, дабы подольше удержать ее в своих объятиях. Старательно и подробно перечислив все, он умолк и испустил тяжелый вздох.

— Почему вы вздыхаете, Боб?

— Мне давно следовало пойти и объявиться — ведь я моряк, а еще не сделал этого.

— Ну какое значение имеет один человек? Разве они не могут обойтись без вас?

Боб покачал головой. Она выпрямилась в его объятиях и, откинув голову, заглянула ему в глаза, открыто стараясь поймать его взгляд, впервые перестав таить свои чувства. Они медленно двинулись дальше по тропинке, и Боб вытащил из кармана бумагу.

— Посмотрите, что я купил в Бедмуте. Это должно влить в нас отвагу и патриотизм. Занятная картинка, верно?

Это было карикатурное изображение Наполеона в профиль.

Изувеченный французский орел венчал голову Бонапарта, как треуголка; лицо императора представляло собой хитроумное переплетение человеческих тел; широкий галстук или шарф,

напоминавший по очертаниям Ла-Манш, удавкой обвивал горло; эполет оказывался рукой, разрывающей паутину — мирный договор с Англией, а ухо — согбенной фигурой женщины, рыдающей над умирающим дитятей.

— Какой ужас! — сказала Энн. — Я не хочу на это смотреть.

Она уже поборола свое волнение и с покорным и серьезным видом шла рядом с Бобом, но тот не спешил воспользоваться правами возлюбленного и взять ее под руку. Помня о том, что Энн принадлежит к более избранному кругу, он боялся, как бы проявленная ею нежность не оказалась лишь безотчетным порывом, о котором она, хладнокровно поразмыслив, может пожалеть. Он еще не был уверен в том, что для него уготована идиллия в духе «Поля и Виргинии», и не хотел торопить события. Они поднялись на мост перед мельницей и увидели, что мельник с озабоченным видом стоит на пороге.

— После того как вы ушли, — сказал он, — сюда явился какой-то чиновник. Он ходил по всем домам, записывал, сколько где женщин и детей и какого они возраста. Переписал также лошадей и повозки, которые могут быть использованы, если, в случае вторжения неприятеля, придется

уходить в глубь страны.

Все небольшое семейство собралось в тесный кружок; каждый чувствовал серьезность положения, но старался не подавать виду. Миссис Лавде подумала о том, какими ничтожными кажутся все ее честолюбивые стремления перед лицом таких серьезных событий, и поклялась в душе, что не будет мешать Энн любить кого захочет. Энн в свою очередь предала забвению кое-какие особенности речи Боба и его отца и манеру себя держать, кои коробили ее порой, и почувствовала глубокую благодарность к ним обоим за их любовь и заботу о ней перед лицом грозящей опасности.

Поднявшись наверх, она вспомнила про бумагу, которую дал ей старик Дерримен, и поискала ее за корсажем, но бумаги там не оказалось.

«Я, верно, оставила ее на столе», — подумала Энн, но не придала этому значения, так как запомнила все от слова до слова, и, взяв перо, переписала документ по памяти и убрала в надежное место.

Однако Энн ошибалась. На самом деле она спрятала бумагу за корсаж, где та и должна была бы находиться, но во время борьбы с Фестусом, после его притворного обморока, бумага выскользнула

из-за корсажа и упала на траву. А минут пять спустя, когда беглянка и ее преследователь были уже далеко, нарядно одетая дама, которую обогнал на дороге Фестус, глянула украдкой через ограду на лужайку, где только что разыгралась эта бурная сцена, увидела валявшуюся на траве бумагу, перелезла через ограду, осторожно отклеила облатку, стараясь не разорвать конверт, и прочла записку. Ни слова в ней не поняв, она сунула бумагу в карман, тут же про нее забыла и боковой тропинкой направилась к мельнице с тыльной стороны. Там, скрытая от глаз живой изгородью, она долго стояла, глядя на старый дом, а потом повернулась и задумчиво побрела по дороге обратно к королевскому курорту.

Глава 26
Тревога

Эта в своем роде историческая ночь запомнилась всем надолго. Сон миссис Лавде был прерван пушечным выстрелом, прогремевшим где-то вдалеке, она разбудила мужа, и они некоторое время лежали прислушиваясь. Выстрел больше не повторился, однако оба были так встревожены, что мистер Лавде направился в комнату Боба узнать, слышал ли он выстрел. Боб был уже на ногах и выглядывал в окно. Он слышал зловещий этот грохот, и ему хотелось разузнать, что происходит. Пока отец и сын поспешно натягивали одежду, им показалось, что на небе над холмом, где стоял маяк, разгорается зарево. Чтобы не напугать жену и Энн, мельник уверил их, что они с Бобом просто решили пойти выяснить, что это была за стрельба, после чего оба нырнули во мрак. Выйдя на более открытое место, они тотчас убедились, что в небе и в самом деле играют таинственные отблески огня, но определить, находится его источник на маяке или где-то еще дальше, было трудно. Тогда они стали торопливо взбираться

на холм.

В эту грозную минуту их тревога разделялась всеми. Повсюду уже шли лихорадочные приготовления. Вот уже почти два года только неглубокая полоса воды шириной каких-нибудь двадцать пять миль отделяла мирные семейные очаги на английском берегу от неприятельской армии в сто пятьдесят тысяч человек. Мы относились к этому весьма беспечно, ели себе и пили, как во времена Ноя, и без конца распевали сатирические куплеты. Мы каламбурили по адресу Бонапарта и его военных кораблей, рисовали на него мелом карикатуры на дверцах почтовых карет и печатали подобные же карикатуры в газетах. Однако среди этих взрывов веселости нам все же приходило порой на ум, что Англия единственная из европейских стран еще не склонила головы перед могущественным маленьким человечком, почти лишенным человеческих чувств, но наделенным нечеловеческой волей; что, хотя непокорный дух наш силен, силы наши слабы, и что на Ла-Манше часто бывают штили. Конечно, суда, построенные из дерева, шелестевшего зелеными ветвями в своем родном лесу всего три дня назад, могли стать мишенью для насмешек, но тем не менее на них вполне можно

было совершить одно-единственное плавание через пролив там, где с английского берега виден французский.

Англичане наблюдали за приготовлениями Бонапарта, а Бонапарт наблюдал за англичанами. Подробности того, что происходило в Булони, ускользали от глаз, но в ясные погожие дни мы бывали несколько подавлены новым для нас зрелищем огромных войсковых соединений, двигавшихся, сверкая на солнце оружием, словно серебристая стая макрели. Прогуляться до сторожевой охраны и поболтать с дежурным лейтенантом о том, какие подозрительные предметы возникали в поле его зрения на море в течение последних суток, стало привычным времяпрепровождением жителей прибрежных селений в послеобеденные часы. Примерно раз в неделю в газетах неизменно появлялась заметка либо о некоем предприимчивом английском джентльмене, заплывшем в прогулочной лодке так далеко в море, что ему удалось увидеть на булонском берегу Бонапарта, стоявшего на возвышенном месте в окружении своих маршалов, либо о некоем таинственном, говорящем с чужеземным акцентом незнакомце, который, собрав обширные сведения военного характера, нанял

в южном порту лодку и уплыл на ней в сторону французского берега, прежде чем кто-либо успел разгадать его намерения.

Замыслив свою гигантскую авантюру, Бонапарт с поразительной уверенностью положился на помощь Провидения. В тот самый час, когда его войскам предстояло отчалить от берега на плоскодонных судах, густой туман должен был окутать все пространство Ла-Манша и лишить англичан возможности увидеть, что происходит на противоположном берегу. Туман должен был продержаться двадцать четыре часа, после чего мог и рассеяться. Одновременно с туманом должен был наступить штиль, преследующий двоякую цель: дать лодкам возможность легко продвигаться вперед и обречь наши корабли на бездействие. И, наконец, весенний прилив должен был объединить свои усилия с туманом и штилем.

Среди сотен тысяч обыкновенных англичан, чья жизнь попадала в зависимость от выполнения этих грандиозных планов, находились и наши старые знакомцы: капрал Тьюлидж, щеголявший своей раздробленной рукой, и бедняга Симон Берден, старый контуженый ветеран, сражавшийся при Миндене. Вместо того чтобы

мирно сидеть себе на скамье в углу «Старого корабля» в соседней с Оверкомбом деревушке, им приходилось нести дежурство на холме. Они постарались, насколько позволяли обстоятельства, устроиться поудобнее и поселились в землянке с кирпичной печкой, на которой готовили себе пищу. Здесь они наблюдали движение ночных светил, знакомились с деятельностью кротов, любовались заячьими хороводами на пригорках, привыкли различать далекий крик совы и лай лисиц в чаще леса, но ни разу не заметили ни малейшего признака появления неприятеля. Ночь за ночью прогуливались они вокруг двух скирд, которые им надлежало поджечь, когда будет дан сигнал (одна скирда, из дрока, должна была мгновенно и ярко вспыхнуть, другой, из дерна, полагалось медленно и долго тлеть), вспоминали былое, толковали о добрых старых временах и с поистине патриотическим усердием прикладывались к большой деревянной фляжке, заново наполнявшейся каждый день.

Мельник и Боб скоро распознали, что свет исходит от маяка. Когда они поднялись на холм, там пылал огненный столб, осыпая траву росой золотистых брызг, и на этом фоне взад и вперед двигались фигуры двух стариков. Отец и сын

Лавде, подошедшие с той стороны, куда ветром относило дым, с минуту молча наблюдали эту сцену, а затем вышли из-за дымовой завесы на свет.

— Кто идет? — крикнул капрал Тьюлидж, вскидывая на плечо пику здоровой рукой. — А, это ты, сосед Лавде!

— Ты что, получил с восточной стороны сигнал поджечь эту штуку? — торопливо спросил мельник.

— Нет. Сигнал был с Эбботси-Бич.

— Но ты же не должен слушаться береговых сигналов!

— А, провалиться им! Разве не получил я от самого судьи приказа действовать, как только на северо-востоке загорится маяк Рейнберроу, или на северо-западе — Хеггардона, или когда неприятель появится на берегу.

— Так его же здесь нет?

— Как бы не так! Огни на взморье только что погасли, а Симон еще лучше моего слышал пушечный выстрел.

— Тише, тише! Я и сейчас слышу его! — сказал Боб.

Они прислушались, разинув от напряжения рты; ночной ветер посвистывал в остатках зубов

Симона Бердена, словно в руинах Стонхенджа. Откуда-то снизу, со стороны большого тракта, донесся стук копыт и грохот колес.

— Да, что-то тут неладно, — хмуро сказал мельник. — Пошли домой, Боб: надо перво-наперво отправить женщин в безопасное место, а тогда уж я надену свой солдатский мундир и отправлюсь. Бог весть, где мне теперь искать нашу роту!

Они быстро спустились с холма и, выйдя на дорогу, остановились и прислушались снова. На дороге уже стали появляться пешеходы и экипажи самого различного сорта. В почти непроглядном мраке никто не замечал мельника и Боба, но, взобравшись на придорожную ограду, Бобу все-таки удалось привлечь к себе внимание.

— Что случилось? — окликнул он мясника, который проезжал мимо в тележке; жена его, простоволосая, сидела позади.

— Французы высадились! — ответил мясник, даже не натянув вожжей.

— Где? — крикнул Боб.

— В западной бухте! И в Бедмуте полный переполох! — донесся голос уже издалека.

Боб и мельник со всех ног припустили домой. Как они и предполагали, миссис Лавде и Энн, как

и большинство жителей деревни, уже оделись и стояли на крыльце в шляпках и шалях, прислушиваясь к шуму, доносившемуся со стороны большого тракта. Миссис Лавде успела прихватить все свои деньги и кое-какие ценности и спрятать в большой карман, облегавший ее талию, чем значительно увеличила свои объемы.

— Оказывается, правда: он высадился! — сказал мельник. — Вы с Энн и со служанкой отправляйтесь сейчас же к моему двоюродному брату Джиму в Кингсбери, а там уж — куда они, туда и вы. А мне надобно явиться в роту.

— Ну, а я? — спросил Боб.

— А ты беги-ка скорее в церковь и возьми пику, пока их все не расхватали.

Запрягли двуколку и поспешно водрузили туда миссис Лавде, Энн и служанку, причем последней пришлось взять вожжи, так как Дэвид был вынужден забыть о домашних обязанностях и выполнять свой солдатский долг. Затем все ценные предметы, слишком громоздкие, чтобы поместиться в карманах, как то: серебряный кубок, фарфоровый чайник, пара канделябров в форме ионическпх колонн и кое-что еще — были брошены в корзину, которую привязали сзади к двуколке, и наступило прощание, столь же пе-

чальное, сколь и торопливое. Боб поцеловал Энн, и она без малейшего жеманства приняла этот знак привязанности, проговорив сквозь слезы:

— Да хранит вас Бог!

И вот в тусклом свете занимающейся зари двуколка выехала за ворота. Ни одна из трех женщин не знала толком, какой дорогой нужно ехать, но каждая уповала на случай, который поможет им добраться до места.

Как только двуколка скрылась из виду, Боб отправился за пикой, а его отец, перезарядив свое кремневое ружье, принялся облачаться в военную форму и с такой поспешностью начищать белой глиной лосины, что главным образом разукрасил ею свои черные гетры. Приведя себя в боевую готовность и не слыша еще призывных звуков трубы, он вместе с Дэвидом направился в каретный сарай, выкатил оттуда тележку и погрузил в нее кое-какое самонужнейшее и не громоздкое имущество — на случай, если представится возможность переправить его куда-нибудь. Когда с этим было покончено и тележку закатили обратно в сарай и заперли на замок, возвратился Боб со своим новым оружием, несколько уязвленный тем, что вынужден был прибегнуть к столь первобытному способу самообороны. Мельник

пожал ему на прощание руку и договорился при первой возможности встретиться с ним в Кингсбери, если полученные ими сведения подтвердятся; если же, по счастью, тревога окажется ложной — то в своем родном доме.

— Будь ты неладен! — воскликнул он, глядя на свой запас кремней.

— В чем дело? — спросил Боб.

— У меня же нет пороху, ни единой крупинки!

— Так какой же тебе смысл идти? — спросил сын.

Мельник задумался.

— Нет, я пойду. Может, если попаду в переделку, кто-нибудь одолжит мне немного пороху.

— «Одолжит немного пороху»! Ох, отец, до чего ж ты наивен! — сказал Боб с укором.

— Ну ладно, в конце-то концов, я могу и стибрить, если что… — сказал мельник.

Тут вдали заиграла труба, и Лавде-старший с пустой пороховницей за спиной направился к месту сбора, а Боб взял пару заряженных пистолетов, которые прихватил с корабля, сверх того вооружился еще пикой, запер дом и зашагал в сторону большого тракта.

Тем временем территориальная конница также была поднята на ноги, а в том числе и Фестус

Дерримен, который ночевал у своего дядюшки и был разбужен верным Криппплстроу. Когда Боб с отцом спускались с холма, этот неустрашимый воин стоял во дворе перед конюшней, застегивая портупею, пока Криппплстроу седлал его лошадь. Фестус, бряцая шпорами, прошелся взад и вперед по двору, бросая угрюмые взгляды в сторону маяка и прислушиваясь к громыханию телег и повозок, а затем кликнул Криппплстроу, и тот появился из конюшни, ведя лошадь под уздцы, а дядюшка Бенджи, никем не замеченный, наблюдал эту сцену из решетчатого окошка, и отблески огромного костра, полыхавшего на вершине холма, играли на его лице, делая его похожим на медный циферблат старых башенных часов.

— Я так думаю, Криппплстроу, — сказал Фестус, чья багровая физиономия претерпевала странные изменения, выцветая на глазах, — что тебе нужно, пока я еще не тронулся в путь, отправиться в Бедмут и выяснить там на месте, высадились ли уже эти трусы на берег или еще только показались в бухте.

— Я бы пошел прямо сейчас, — отвечал тот, — да у меня опять нога так разболелась, что ступить нельзя. Я бы сейчас уже давно стоял в строю, да на последнем ученье мне сказали, что я слишком

стар. Так что я, как только снаряжу вас, бедняжку, в путь-дорогу, так заберусь на сеновал и буду ждать, что Бог пошлет.

— А может, всю эту тревогу подняли зря? Бывало так раньше когда-нибудь, Криппстроу? Ведь Бонапарт ничтожество, жалкое ничтожество, и, может, все это ложная тревога и доставит таким, как я, только горькое разочарование?

— О нет, сударь! Нет-нет!

— Да ведь случаются же иногда и ложные тревоги?

— Да, случаются. В прошлом году проводились понарошку маневры военных кораблей и высаживали десант.

— Ну а еще какие были маневры? Было что-нибудь похожее на то, как сейчас?

Криппстроу покачал головой.

— Больно уж вы скромны, как я погляжу! Все хотите показать, будто это одни пустяки. Только такого, как сейчас, еще не бывало. Уж будьте спокойны — он высадился. И, слава тебе господи, таких ополченцев, как я, не пошлют на передовую — туда пойдут только такие отчаянные храбрецы, как вы, батюшка. Эх, видел бы вас сейчас Бонапартишка! Он бы враз понял, что от такого ловкого да храброго воина ему нечего

ждать, окромя пули из мушкета или хорошего удара саблей.

— Да, разумеется. Видишь, Криппlстроу, если я отправлюсь в Бедмут и встречусь с неприятелем, все мое военное искусство пропадет зря. Чтобы пережить такое ужасное разочарование, незачем было обучаться военному ремеслу.

— Вот-вот! Верно. Вы там сразу так всех за пояс заткнете, что неприятель тут же бросится на вас: вот, мол, самый храбрый и самый грозный воин!

— Но, может, я больше принесу пользы, если останусь здесь и буду подбадривать малодушных или поднимусь на башню и стану палить из бойницы в неприятеля?

— Правильно, хозяин. Да ведь я знаю, что вы сейчас скажете: это было бы здорово, да уж больно кровь бурлит в жилах, разве тут усидишь дома. Вы храбрец! Вот храбрость никак и не дает вам покоя. Чего ясней.

— Будь я человек более низкого происхождения, — пробормотал Фестус, — или служи, к примеру, в народном ополчении, или, скажем, простым копьеносцем, ко мне бы не предъявлялось таких высоких требований и мне было бы легче сдержать свой воинственный пыл. Послушай, Криппlстроу, не найдется ли в этом

доме хоть глотка коньяку? Я что-то неважно себя чувствую.

— Дорогой племянничек, — донесся сверху голос старика, присутствие которого оставалось до сих пор незамеченным, — такая незадача — в доме нет ни единой початой бутылки! Но зато на холодке стоит бочонок отличного яблочного сидра из дичков, а со вчерашнего вечера осталось еще немного чая.

— Как! Он сидит там и слушает? — сказал Фестус, задирая голову вверх. — То-то небось рад, что я должен отправляться на фронт прямо, можно сказать, из постели и без завтрака, а он останется дома в полной безопасности, зная, что его никто не тронет, потому что он стар!.. Понимаешь, Криппплстроу, я, конечно, очень доволен, что попал в территориальную конницу, но только жаль все-таки, что на строевую службу. Мне бы хотелось быть хирургом: сидит себе в тылу, а ему только знай подносят раненых… Я хочу сказать, что в такое время, как сейчас, мне было бы больше по сердцу поднимать на ноги раненых и сращивать их переломанные руки и ноги, — бррр! — чем самому наносить увечья… Нет, Криппплстроу, для строевой службы я слишком мягкосердечен!

— Верно, верно, — согласился слуга, впадая в со-

чувственно-унылый тон. — И надо же ведь, чтоб вам так не везло: чинили бы другим руки и ноги — так нет! Теперь вам самому их все переломают, горемыка вы! А все почему? Больно уж у вас нрав воинственный!

— Да, — пробормотал Фестус и умолк, а потом, прижимая руку к средней пуговице своего жилета, добавил: — Я даже не могу тебе объяснить, Криппlстроу, какое у меня странное ощущение вот тут. Ну как бы мне хотелось быть хирургом!

Он медленно взобрался на лошадь, а дядюшка Бенджи, глядя на него сверху, замурлыкал себе под нос:

Двадцать три с половиной на северо-запад,

Шестнадцать и три четверти на юго-восток.

— Что это старое чучело там напевает? — свирепо спросил Фестус.

— А это молитва о сохранении нас от врага, дорогой племянничек, — кротко ответил старик, услыхав его слова. «Двадцать три с половиной на северо-запад».

Фестус тронул лошадь, дал ей пройти несколько шагов и вдруг обернулся, словно его осенила

какая-то счастливая мысль.

— Криппл-стрроу, — крикнул он и делано расхохотался. — Ничего не поделаешь, придется мне все-таки открыться тебе: я должен повидаться с ней! Не в моем характере поворачивать назад, но… это любовь! Я должен повидаться с ней.

— С женщиной?

— Не хотелось бы мне раскрывать секрет, но приходится признаться: да, с женщиной. Ну не диво ли, что меня так влечет к ней, в то время как все мое существо рвется в бой с неприятелем!

Криппл-стрроу, увидав, как оборачивается дело, решил, что и ему пора обернуть все по-другому.

— Ага, понял, все понял! Подумать только! Вам бы командовать полком! Вам бы ринуться в бой и, так сказать, повести за собой войска к победе, а вместо этого что? Один взгляд женщины ранит вас наповал, и все! И где ваше мужество? Ну и несчастная же у вас судьба, хозяин! Ясное дело: уж когда женщина повиснет на шее, как жернов, мужчина становится сам на себя непохож.

— Да, пожалуй, что-то в этом роде происходит и со мной.

— Да, вот оно какое дело! Вы ли не храбрец? Это я так спрашиваю, просто, как говорится, для формы — вы ли не храбрец, хозяин? Храбрец,

спору нет. Тогда не тратьте попусту вашу храбрость в открытом поле. Соберите-ка, скажу я, все ваше мужество для более, как говорится, высокой цели — для защиты вашей красавицы. В такое-то смутное, как нынче, время долг-то ваш в чем? Охранять ее. Нет, хозяин, не след вам скакать очертя голову в этот Бедмут! Послушайтесь-ка меня — отправляйтесь вы туда, где ваша милая сидит — беззащитная, одна-одинешенька.

— Да, Криппlстроу, ты прав: я должен ехать к ней.

— Вот и спасибо! Большое-пребольшое вам спасибо, хозяин. Поезжайте, поезжайте и спрячьтесь-ка вместе с ней где-нибудь.

— А можно это? Послушай, не льсти мне, черт тебя побери! Может мужчина спрятаться, не запятнав свою честь? Конечно, я не собираюсь прятаться в каком-то недостойном смысле. Нет, это не по мне!

— Раз вы влюблены, значит, ясное дело, никакого тут позора нет. Вы ведь не о себе печетесь, а только так уж, заодно, по нужде себе самому жизнь спасаете.

— Это верно, Криппlстроу, в известном смысле это так. Да так ли это будет понято другими? Найдут ли этот поступок доблестным?

— Видите ли, хозяин, не будь вы влюблены и начни вдруг прятаться, тогда, признаться, это могло бы показаться странным. Но раз вы это делаете, чтобы спасти молодую особу от слез, вздохов, обмороков, припадков, а может, даже смерти, значит, вы поступаете правильно. Вы, так сказать, доблестно отступаете, потому что слишком мужественны, чтобы наступать. Может, это рассуждение покажется вам странным, но это потому, что больно уж вы воинственны, а для других-то это все проще простого.

Фестус попытался было непринужденно улыбнуться, но улыбка, на секунду обнажив зубы, тотчас угасла.

— Криппlстроу, ты просто стараешься мне польстить или в самом деле так думаешь? Кое-какая правда в твоих словах, конечно, есть: я проявлю больше мужества, если отправлюсь к ней, а не на побережье, — но мы, солдаты, должны беречь свое доброе имя как зеницу ока. Никто не должен меня увидеть. Я отправляюсь.

Криппlстроу поднял перекладину, преграждавшую доступ под сводчатые ворота, и Фестус проехал под окном, за которым дядюшка Бенджи упоенно мурлыкал себе под нос: «Двадцать три с половиной на северо-запад», — чувствуя, как

правильно догадался Фестус, что денежки его припрятаны в надежном месте и что французы едва ли обратят внимание на старика в таком рваном замызганном сюртучишке, в какой он предусмотрительно облачился, позаимствовав его у одного из огородных чучел.

Фестус ехал, исполненный решимости разыскать Энн, взять на себя ее охрану и под этим предлогом проводить до Кингсбери, где, как ему было известно, у Лавде имелись родственники. В поле ему повстречалась старуха Тимор, которая, уложив все свои пожитки в небольшую корзинку, спокойно направлялась в горы переждать, пока все уляжется.

— Ну как, бабуся, видела ты французов? — спросил ее Фестус.

— Нет, — ответила Тимор, поглядев на него сквозь очки в медной оправе, — Если б я увидела французов, мне бы уж не пришлось увидеть тебя!

— Тьфу! — плюнул с досады наш кавалерист и поехал дальше, но едва приблизился к старой дороге, которую ему надо было пересечь, физиономия у него вытянулась: на дороге раздавался топот копыт — там двигались войска, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении драгунами.

Не желая попасться им на глаза, Фестус поспешил перескочить через ограду в поле, но так уж ему в этот день не везло, что и здесь он увидел пять-шесть всадников, да еще из одной с ним территориальной конницы, которые скакали по полю прямо на него. Драгуны промчались мимо, не заметив Фестуса, а он повернул снова на дорогу, но путь к Оверкомбу был теперь ему отрезан нагонявшими его всадниками, и он поскакал вперед, слыша за спиной приближающийся конский топот. Ограда кончилась, дорога лежала перед ним прямая как стрела. Он не мог повернуть обратно: непременно напоролся бы прямо на солдат, — и, чувствуя себя пойманным, словно угорь в водосточной трубе, неуклонно приближался к грозному побережью. Но надежда его не покинула. Впереди был перекресток, и у него еще оставалась возможность ускользнуть незамеченным, свернув на один из проселков. Подскакав к перекрестку, Фестус увидел, что не один здесь. Справа на дорогу с проселка выехал всадник и, натянув поводья, остановил коня. Это был офицер немецкого легиона. Увидав Фестуса, он помахал и Дерримен рукой, подъехал к офицеру и отдал честь.

— Это была ложная тревога, — сказал офицер.

Дерримен мгновенно опять почувствовал себя мужчиной.

Он уже был способен на любой подвиг. Офицер разъяснил ему, почему возникла тревога, и сказал, что поедет по дороге вдоль вересковой пустоши, чтобы повернуть обратно направлявшиеся туда войска, а Фестус тотчас предложил проделать то же самое на дороге в Кастербридж. Немец пересек старую дорогу и скоро скрылся из глаз за поворотом проселка, а Фестус повернул обратно, в ту сторону, откуда прискакал. Небольшой отряд территориальной конницы быстро приближался, и Фестус вскоре различил взволнованные голоса Стаба из Дудл-холла, Ноакса из Макл-Форда и других своих собутыльников, с которыми бражничал в доме дядюшки. Представлялся великолепный случай отличиться, и Фестус выхватил саблю из ножен. Когда всадники приблизились настолько, что могли уже его слышать, Дерримен, повернув коня в сторону Бедмута, закричал:

— Вперед, друзья, вперед! Я поджидаю вас. Вы не слишком-то спешили догнать меня, а ведь нам сегодня предстоят славные дела!

— Неплохо сказано, Дерримен, неплохо! — отозвался всадник, ехавший впереди. — Ты слышал

какие-нибудь новости?

— Слышал только, что он уже здесь во главе своего десятитысячного войска, и мы сшибемся с ними грудь с грудью, как только соберемся вон там, в том городе.

— Черт побери! — пробормотал Ноакс, и нижняя челюсть у него слегка отвисла.

— Тот, кто дрогнет в такую минуту, не достоин носить мундир территориальной конницы, — воскликнул Фестус, гарцуя впереди и поблескивая на солнце обнаженной саблей. — Эй, Ноакс, стыдись, стыдись! Ты что-то побледнел, старина.

— Так и ты, может, побледнел бы, — сказал Ноакс, с завистью поглядывая на этого отчаянного смельчака, — будь у тебя жена и дети, которым без тебя придется худо.

— Я этих лягушатников-французов берусь уложить троих одним ударом! — возразил Фестус, продолжая размахивать саблей.

— Сабли у них так же остры, как твоя, и ты в этом скоро убедишься, — сказал другой кавалерист.

— Будь они даже трижды острее, — не унимался Фестус, — даже трижды три раза острее, я все равно берусь один уложить троих. А ты как себя чувствуешь, приятель? — он обратился к другому

воителю. — Эх, старина Стаб! Не придется нам больше пить за здоровье наших дам в Оксуэлл-холле! Этим летом уж никак не придется. А ты что скажешь, Брауджон?

— Боюсь, что не придется, — мрачно подтвердил тот.

— Кончились наши веселые обеды в гостинице Стейси, над самой головой у короля с его свитой. Кто теперь без нас будет красть дверные молотки и отсылать их в пирогах в пекарню. Теперь вместо этого руби-коли день за днем, неделю за неделей!

— Да, видать, что так.

— И как бы мы ни сражались, нам все равно не покончить с этим проклятым тираном раньше осени, и не одна сотня бравых солдат сложит до тех пор голову, — заметил молодой кавалерист с приятным спокойным лицом, готовый, как видно, выполнить свой долг без лишних слов.

— Да, конец нашим состязаниям «кто кого пересмеет» — этим летом нам уж не пировать в замке «Май-Дун», — продолжал перечислять Фестус. — Не придется нам позабавиться и на Гринхиллской ярмарке, и никто уже не будет кукарекать в балаганах, пока балаганщик не лопнет со злости!

— Да, похоже, так.

— Ты что, чувствуешь себя немного не в своей тарелке, Ноакс? Крепись, старина! Ну, вперед! Почему мы тащимся еле-еле, словно женщины на ослах? Мы должны, считаю я, поспешить в Бедмут, присоединиться к остальным войскам и выступить в поход на запад по побережью. А если мы будем так плестись, нам раньше как к двенадцати часам не попасть в гущу сражения. Ну, друзья, пришпорим коней! Да, Локхем, в этом году нам уже не поплясать на зеленых лужайках при луне. А та девчонка, что растопила твое сердечко, — боже милостивый, каково-то ей придется во всей этой заварухе!

— Ладно, ладно, Дерримен, — запротестовал Локхем, — хватит, не желаю больше слушать. Я готов воевать не хуже всякого другого, однако…

— Когда начнется сражение и ты понюхаешь пороху, Дерримен, это, может, немного остудит твой пыл, — поддержал Локхема Ноакс, не переставая, однако, в душе восхищаться бесшабашной храбростью Фестуса.

— Раньше вы увидите меня вздетым на пику, — заявил Фестус. — Ну, давайте построимся — и вперед!

Видя, что Фестус намерен бешеным галопом

нестись в Бедмут, остальные всадники не захотели от него отстать, и все что есть духу припустились к городу. Если бы у них было время спокойно поразмыслить, они могли бы, вероятно, заметить, что последние полчаса им не повстречалось на дороге ни единой тележки или повозки, которых вначале попадалось довольно много. И лишь добравшись до заставы, они узнали то, что давно было известно Фестусу. Выслушав сообщение о ложной тревоге, Фестус со вздохом вложил саблю в ножны, и небольшая кавалькада вскоре смешалась с остальными конниками, прискакавшими сюда раньше и шумно обсуждавшими причины и различные подробности ложной тревоги.

— Как, вы разве только сейчас узнали, что произошла ошибка? — спросил кто-то. — Чудно что-то! Когда я спускался по проселку с холма, вон тот малый разговаривал с высланным на дорогу гонцом — я сам видел — значит, ему уже все было известно. — И говоривший указал на Фестуса. Взоры присутствующих с возмущением обратились к нему, и всем стало ясно: Фестус знал, что тревога была ложной, и бессовестно подшутил над ними.

— Всыпать ему хорошенько, чтобы живого места не осталось! — закричали несколько человек,

выхватывая сабли и приготовившись пустить их в ход плашмя.

И, повернув коней, они устремились за Деррименом, а за ними последовали и другие. Но, понимая, чем грозит это внезапное разоблачение, Фестус уже успел предусмотрительно отдалиться от своих товарищей, и теперь, дав шпоры коню, вихрем мчался обратно. Его трусливое бегство еще больше разгорячило преследователей, и, боязливо оглядываясь через плечо, он еще мили две видел позади себя разъяренные лица и обнаженные сабли. Однако понемногу он начал с удовлетворением замечать, что преследователи один за другим поворачивают обратно, и вскоре остался на дороге один на своем взмыленном коне.

Глава 27
Энн в опасности

Стоя посреди дороги, Фестус стал размышлять, как бы ему извлечь пользу из неудачи. Он мечтал торжественно вступить в город, принимая дань восхищения своей отвагой, но все рухнуло, и теперь он угрюмо прикидывал, нельзя ли использовать это вынужденное изгнание для того, чтобы раньше всех явиться в Оверкомб и покрасоваться там перед мисс Гарленд, пока весть о его обмане еще не долетела до деревушки. Решив попробовать, он повеселел и снова пришпорил коня.

Тем временем народное ополчение уже маршировало по дорогам, и Дерримен встретил на пути оверкомбскую роту, в рядах которой шагал и мельник Лавде плечом к плечу с другими почтенными жителями деревни и ее окрестностей, полностью экипированными ружьями, кремнями, кисетами с табаком, ремнями, мотыгами, обоймами, рожками с порохом, пулями и банками с ружейным маслом. Не видя смысла и дальше утаивать истину, Фестус в нескольких словах сообщил им, что произошла ошибка и

непосредственная опасность никому не угрожает, и поскакал дальше.

Проехав еще милю, он встретил большой отряд вооруженных пиками людей, среди которых был Боб Лавде, и решил разузнать у него, где находится Энн. Внезапность встречи и необычность обстановки, не оставив Бобу времени на размышление, понудили его к откровенности, и он указал Фестусу, в каком направлении уехали женщины. Тогда Фестус сообщил всем, что слух о вторжении неприятеля не оправдался, и все, чрезвычайно обрадованные, повернули обратно и поспешили домой.

Боб некоторое время шагал рядом с ехавшим на лошади Деррименом. Он тотчас решил прежде всего разыскать женщин, чтобы как можно скорее принести им добрую весть и развеять их тревогу, но ни словом не обмолвился о своих намерениях Фестусу, а тот тоже не сказал Бобу, что задумал опередить всех, первым найти Энн и, воспользовавшись этим преимуществом, покрасоваться перед ней и расположить ее в свою пользу. Он еще не забыл купания, которое она ему устроила, и, затаив обиду, мечтал об отмщении, которое будет вдвойне сладостным.

Расставшись с Бобом, Фестус перевалил через

холм и встретил по дороге отряд в шестьдесят волонтеров из Лонгпадла под командой капитана Кеннингема, роту из Кастербриджа численностью девяносто человек под командованием капитана Стрикленда, известную в те дни под названием «Большая рота», и другие отряды. Все шагали со встревоженными, суровыми лицами и были покрыты пылью с головы до пят. Сообщив волонтерам радостную весть и оставив их на дороге, Фестус поспешил дальше, в направлении в Кингсбери. Долгое время на дороге никого не было видно, пока наконец, проехав несколько миль, он не повстречал отбившегося от своего отряда капрала, который в ответ на его расспросы заявил, что никакой двуколки с женщинами ему на пути не попадалось. Решив, что он разминулся с ними, потому что ехал по большому тракту, Дерримен повернул назад, на проселок, которым женщины могли, по его мнению, воспользоваться, прельстившись его уединенностью, хотя дорога эта была прескверной и вела неизвестно куда. Он затрусил обратно к Оверкомбу и милях в пяти от деревушки получил наконец первое известие о странствующем экипаже с его драгоценными путешественницами, который, по-видимому, подобно Ковчегу, отплывшему из

страны филистимлян и носимому по воле волн, двигался по воле запряженного в него животного, тащившего его, куда подскажет ему инстинкт. Какой-то землепашец, видевший еще на рассвете этих беспомощных созданий, медленно продвигавшихся в своем экипаже по глухому проселку, указал Фестусу, в каком направлении они скрылись.

Едва Фестус распрощался с этим вестником, как увидел Боба верхом на лошади мельника. Боб был несколько удивлен этой встречей, и Фестус почувствовал, что его грядущая слава находится под угрозой.

— Они поехали по этому проселку в ту сторону, — сказал он, указывая прямо противоположное направление. — А я тоже разыскиваю кое-кого из своих друзей.

Боб отправился в указанном ему неверном направлении, не усомнившись в правдивости слов Фестуса, поскольку тот ехал теперь обратно. Но как только Боб скрылся из виду, Фестус повернул коня и направился в ту сторону, где в последний раз видели Энн со спутницами.

Разыскиваемая двуколка проезжала здесь всего два часа назад. Служанка Молли правила лошадьми, возле нее сидела миссис Лавде, а на заднем

сиденье — Энн. Продвигались вперед они медленно, отчасти из-за неопытности Молли, отчасти из-за крутой, вившейся с холма на холм дороги, которая к тому же была разбита и, по-видимому, никогда не ремонтировалась или, во всяком случае, крайне редко. Все были охвачены тревогой, и прелести ясного летнего утра пропадали для их невнимательных глаз. Женщины были так испуганы, что даже не пытались строить никаких предположений и сидели, погруженные каждая в свои думы, время от времени поглядывая на запад или останавливая лошадь, чтобы прислушаться к голосам, доносившимся с более людных проезжих дорог, по которым двигались другие беженцы. Во время одной из таких остановок, прислушиваясь и вглядываясь в даль, они увидели впереди какое-то мерцание и услышали стук множества копыт. Это в сторону королевского курорта шел большой отряд конницы — тот самый батальон драгун, который встретился Фестусу на его пути. Женщины тут же решили, что эти воины направляются прямо на поле боя, чтобы сразиться с врагом. Молли вносила некоторое разнообразие в монотонность путешествия, временами принимаясь рыдать от страха: она очень живо представляла себе Бонапарта — в точности

таким, как на карикатурах. Миссис же Лавде старалась развеселить своих спутниц и поднять их дух, утверждая, что французы славятся своей галантностью и беззащитным женщинам не приходится ничего опасаться — разве что каких-либо случайных выходок со стороны недисциплинированных солдат. Все это мало утешало Энн, которая думала не столько о себе, сколько о Бобе; ужасная мысль, что она, быть может, никогда его больше не увидит, покрывала такой смертельной бледностью ее лицо и делала таким печальным устремленный вдаль взгляд, мать спросила ее наконец:

— О ком ты думаешь, моя дорогая?

Но Энн в ответ только молча посмотрела на мать полными слез глазами.

Молли подстегивала лошадку, та ускоряла шаг и ярдов пять бежала рысцой, а затем снова с непостижимым упрямством начинала плестись еле-еле, показывая, что она отлично понимает, кто тут из них четверых самый главный и умный. Всякий раз, когда у дороги попадался бочажок, она сворачивала в сторону, чтобы напиться всласть, и пила сколько ей заблагорассудится, не обращая внимания на Молли, которая тщетно тянула за вожжи и хлестала ее по крупу. Так они

добрались до мелового района, где вдоль дороги не было изгородей и она вся была завалена глыбами белого камня, ослепительно сверкавшими на солнце и привезенными сюда, видимо, с целью ремонта, но так как никто не потрудился раздробить эти глыбы и разровнять дорогу, тут уже пошла такая тряска, что, казалось, рессоры, того и гляди, лопнут.

— Ишь как разболталось это колесо, — едва успела сказать Молли, как колесо отскочило, а следом за ним и все трое полетели вверх тормашками.

На их счастье, лошадка стала, и женщины начали одна за другой подниматься на ноги. От падения пострадала одна только Энн, да и то была лишь оглушена на минуту резким толчком. Колесо валялось на дороге, и о том, чтобы ехать дальше, не могло быть и речи. Женщины огляделись по сторонам в надежде получить откуда-нибудь помощь. Единственным полезным в их беде предметом показался им стоявший на отшибе домик — по-видимому, жилище пастуха.

Лошадь распрягли и привязали к задку двуколки, после чего все трое направились к дому. Все окна в доме были закрыты ставнями, но когда они толкнули дверь, оказалось, что она не на запоре.

В доме было пусто: по-видимому, его покинули второпях — возможно, пастух тоже решил спастись бегством, услыхав тревожную весть. Энн заявила, что падение все дает себя знать и она сейчас не в состоянии двинуться дальше, после чего миссис Лавде решила оставить ее в доме, а сама вместе с Молли отправиться за помощью. По мнению миссис Лавде, Молли была слишком молода и легкомысленна, чтобы отпустить ее одну. Молли, со своей стороны, предложила взять лошадь — ведь кто его знает, как долго и куда придется им добираться, а так они смогут поочередно отдыхать: одна будет ехать верхом, а другая вести лошадь под уздцы. По совету Молли и поступили; Энн смотрела им вслед, пока они не растаяли вдали на белой бугристой дороге.

Оставшись одна, Энн оглядела комнату при слабом свете, проникавшем в распахнутую дверь. Пастух, должно быть, покинул дом еще до рассвета — ставни на окнах были закрыты, да и свеча с гасилкой на столе заставляла предположить то же самое. Стоя в дверях, Энн время от времени окидывала взглядом пустынное, залитое солнцем пространство: только лежавшая на боку неподалеку от дома двуколка разрушала впечатление полного безлюдья и пустоты. Все овцы, как

видно, тоже разбежались, и даже птицы редко пролетали здесь, нарушая одиночество этой пустыни. Энн пододвинула к двери плетеный стул и уселась на него. В это утро ей пришлось подняться очень рано, и она вскоре погрузилась в тревожную дремоту, из которой ее вывел отдаленный топот копыт. Сон освежил ее, она уже чувствовала себя бодрее и, живо вскочив со стула, выглянула наружу, но вместо лошади мельника Лавде глазам ее предстал здоровенный гнедой жеребец и на нем всадник в полной походной форме территориальной конницы.

Энн не стала ждать его приближения, чтобы удостовериться в правильности своей догадки, а быстро вошла в дом, захлопнула за собой дверь и задвинула щеколду. Затем села в полном мраке и прислушалась: снаружи не доносилось ни звука. Минут через десять, решив, что этот всадник был, по-видимому, не Фестус и давно проехал мимо, а если это все-таки был Фестус, то не успел ее заметить, она ощупью поднялась по лестнице и осторожно выглянула из окна. Кругом по-прежнему все было пусто: лишь чернела тень брошенной на дороге двуколки, — Энн, распахнув окно пошире, высунулась наружу.

— Ага, сударыня! Вот вы где! Я вас сразу узнал!

Ну, теперь вы попались!

Все это донеслось откуда-то снизу, как раскаты грома из-под земли, и, опустив испуганный взгляд, Энн увидела Фестуса Дерримена, стоявшего, прижавшись к стене дома. Его внимание сначала привлекла захлопнувшаяся при его приближении дверь, затем он увидел перевернутую двуколку; обследовав ее и убедившись в том, что не ошибся в своих предположениях, он спешился, завел лошадь за дом и спрятался сам, чтобы поймать Энн врасплох.

Энн отскочила от окна и окаменела, а Фестус продолжил:

— Спускайтесь сюда. Вы теперь должны довериться мне. Французы высадились. После того как вы тогда сыграли со мной шутку, я только и делал, что всюду подкарауливал вас. Из-за вас я даже свалился в воду. Черт побери, ваше счастье, что я не поймал вас тогда! Я бы вам еще не так отомстил! Ну а сейчас я все-таки сорву у вас поцелуй. Спускайтесь-ка вниз, мисс Нэнси, вы слышите меня? Если будете прятаться в доме, вам это не поможет. Все равно, как только французы появятся из-за холма, вам придется удирать отсюда. Ну что, может, отопрете дверь и окажете мне любезность поговорить со мной? За кого вы меня

принимаете? Почему вы забаррикадировались от меня, словно от какого дикого зверя или француза? Отоприте же, или выгляните в окно, или сделайте еще что-нибудь, иначе, клянусь Богом, я выломаю дверь.

Прослушав всю эту тираду, Энн подумала, что разумнее всего попробовать оттянуть время, пока кто-нибудь не вернется за ней, и выглянула из окна, так что Фестус смог увидеть ее побледневшее лицо и сказал:

— Вот так-то лучше. Теперь я могу с вами поговорить. Ну так как же, дорогая, откроете мне дверь? Почему вы меня боитесь?

— Я нисколько вас не боюсь: просто укрылась здесь от французов, — сказала Энн, несколько погрешив против истины и окинув беспокойным взглядом пустынные холмы.

— В таком случае позвольте вам сообщить, что тревога была ложной и неприятель не делал даже попытки высадиться. Ну как, отопрете теперь дверь и впустите меня в дом? Я устал: с рассвета не сходил с седла, чтобы принести вам хорошую весть.

Энн сделала вид, что не доверяет ему.

— Ну же! — настаивал Фестус.

— Нет, я не могу впустить вас, — помолчав,

пробормотала Энн.

— Так будь я проклят, если не проникну сам! — вскричал Фестус, багровея от ярости. — Не дразните меня! Вы не знаете, на что я способен. Еще раз спрашиваю: отопрете дверь или нет?

— А зачем вам это? — растерялась Энн.

— Я уже сказал: хочу войти, сесть и задать вам один вопрос.

— Вы можете задать его и оттуда.

— Я не могу задать его так, как полагается. Речь идет о важном деле: я хочу предложить вам руку и сердце. Нет, падать перед вами на колени не собираюсь, но призываю исполнить долг женщины-патриотки и дать мне торжественное обещание стать моей супругой, как только война закончится и у меня будет время позаботиться о вас. Я не стану унижаться и задавать этот вопрос надменной девчонке, которая не желает разговаривать со мной иначе как через окно, и поэтому задаю его вам в последний раз, сударыня.

На горизонте по-прежнему не было видно ни души, и Энн сказала:

— Я подумаю, сударь.

— Вы уже думали достаточно долго. Я хочу знать: да или нет?

— Хорошо. Пожалуй, да, — сказала Энн и тотчас

почувствовала, что покупает себе безопасность слишком дорогой ценой, так как Фестус не преминет разболтать всем, что она приняла его предложение, и это вызовет тысячу осложнений. — Нет, я, передумала: не могу принять ваше предложение, мистер Дерримен.

— Вы играете со мной! — крикнул Фестус, топнув ногой. — Только что было «да», а теперь «нет»! Послушайте, вы сами не понимаете, от чего отказываетесь. Ведь старая усадьба принадлежит моему дядюшке, а кроме меня, у него никого нет, и оставить ее некому. Как только он умрет, я уже буду не фермер, а эсквайр. Ну, что вы теперь скажете? — рассмеялся он ядовито. — Какой надо быть дурочкой, чтобы упустить такой случай!

— Благодарю вас, но меня это не прельщает, — сказала Энн.

— Значит, вам противен тот, кто может вам все это дать?

— Мне кажется, сделать это не в вашей власти.

— Как? Старик посвятил вас в свои намерения?

— Нет.

— Так почему же вы не доверяете мне? Ладно, если я не гожусь вам в женихи, докажите, что вы не прочь иметь меня своим другом, и отоприте дверь. Я просто хочу посидеть и поболтать с

вами.

Энн решилась наконец довериться ему: казалось невероятным, чтобы он мог ее обидеть. Она отошла от окна, спустилась вниз и уже положила руку на щеколду, но тут какое-то дурное предчувствие охватило ее. Не снимая щеколды, она неслышно притаилась за дверью, а Фестус снова завел свое:

— Что же вы не отпираете?

Энн не отвечала.

— Ну, будь я проклят, если не доберусь до вас! Вы слишком испытываете мое терпение. Тогда, на лугу, я бы удовольствовался одним поцелуем, теперь же вы поцелуете меня сорок раз, угодно вам это или нет!

Он навалился на дверь плечом, но так как, помимо щеколды, там был еще крепкий деревянный засов, его усилия ни к чему не привели. На минуту воцарилась тишина, а затем испуганная девушка услышала, что он пытается отворить ставню. Она бросилась по лестнице наверх и снова окинула взглядом холмистую равнину. Желтая двуколка все так же лежала на солнцепеке, а у садовой изгороди за углом была привязана лошадь Фестуса. Больше ничего не было видно. Тут она услышала звук вынимаемой из ножен сабли

и, перегнувшись через подоконник, увидела, что ее мучитель пытается открыть ставни, просунув в щель саблю, но та сломалась у него в руке. Выбранившись, он вытащил застрявший в щели обломок лезвия и вложил обе части в ножны.

— Ха-ха! — делано расхохотался он, заметив макушку Энн в окне. — Я только пошутил, хотел вас попугать. Но все равно я войду в дом. Все за поцелуй! Эх, была не была, а мы своего добьемся! — Словно устыдившись своей яростной вспышки, Фестус говорил теперь наигранно непринужденным тоном, но Энн видела его побагровевшую шею и понимала, что в нем клокочут бешенство и страсть. — Я просто пошутил, — продолжал он бормотать. — Ну а как мы поступим дальше? Ага, вот как. Я пойду достану лестницу, приставлю к верхнему окну и проникну в дом, где скрывается моя любовь. А лестница лежит под скирдой тут рядом, в поле. Я обернусь в две минуты, моя прелесть!

Он бросился куда-то в сторону и скрылся из глаз.

Глава 28
Энн творит чудеса

Энн в ужасе стала мысленно искать выход из этой ловушки. Верхние окна домика не имели крепких запоров и никак не могли помешать Фестусу проникнуть внутрь. Энн поняла, что надо бежать, не теряя ни секунды, и кинулась вниз, распахнула дверь, но тут же, невзирая на обуявший ее страх, сообразила, что ей никак не удастся скрыться от Фестуса на этом пустынном пространстве, — ведь ему ничего не стоит вскочить в седло и поскакать за ней. Его лошадь по-прежнему была привязана к ограде за углом. Если бы она успела отвязать ее и отогнать подальше, прежде чем Фестус вернется, тогда ему было бы труднее догнать ее. Энн взобралась на пригорок, и ей удалось отвязать лошадь, после чего, вытащив свой муслиновый платочек, она начала махать им перед глазами животного, стараясь его напугать, но доблестный рысак не двинулся с места и даже не моргнул глазом. Энн повторила свои манипуляции, но они, по-видимому, не пугали жеребца, а даже доставляли ему

удовольствие. Тут Энн услышала у себя за спиной крик, обернулась и увидела, что ее преследователь, выскочив из-за угла дома, бежит к ней.

— Я знал, как выманить мышку из норки! — торжествуя, выкрикнул Фестус.

Вместо того чтобы отправиться за лестницей, он просто спрятался за домом, рассчитав, что Энн непременно спустится вниз.

Бедняжка Энн перепугалась насмерть. Пригорок, на котором она стояла, был довольно высок, а животное казалось кротким, как овечка. С решимостью, присущей Энн в критические минуты, она схватила поводья, бросилась на овчину, служившую седлом, и уцепилась за гриву. Изумленное животное мотнуло головой, фыркнуло, повело ушами и, взяв с места в галоп, припустилось через холмистую равнину.

— Мать пресвятая богородица! — в ужасе пролепетал Фестус, глядя вслед уносящейся от него Энн. — На Чемпионе! Да ведь она свернет себе шею, а меня будут судить за преднамеренное убийство, и славное имя Дерримена покроется позором!

Чемпион шел ровным галопом, но помимо этого ничего себе не позволял. Начни он лягаться или вставать на дыбы, Энн со всего маху грохну-

лась бы об землю, и все самые худшие опасения Дерримена оправдались бы. Но спокойный, хотя и быстрый галоп коня был довольно безопасным, и, лежа, зажмурившись, на его спине, Энн почти не испытывала ни толчков, ни страха. Невзирая на рискованность своего положения, она пугалась лишь при виде камней, травы и других предметов, бешено проносившихся мимо, стоило ей на секунду открыть глаза (что она позволяла себе не чаще двух раз в минуту) или почувствовать, как страшно раскачиваются стремена, и подумать о том, что предмет, который колотит ее по колену, это чехол карабина, а локоть ей царапает кобура пистолета.

Они быстро пересекли безлесную равнину, и Энн поняла, что конь держит путь домой. Когда они стали приближаться к гористой возвышенности, за которой лежало взморье, Чемпион, уже порядком взмокший и начавший храпеть, обессилев, перешел с галопа на быструю, но тряскую рысь. Тут Энн сразу почувствовала, что теперь ей долго не продержаться: по сравнению с этим испытанием галоп был детской забавой. Узкая лощина уже пошла круто в гору, и Энн, собравшись с духом, приготовилась свалиться с лошади. Над перевалом появилась движущаяся точка, кото-

рая стала расти, вытягиваться и превратилась в верхнюю половину туловища какого-то человека, а человек оказался солдатом. Энн, болтаясь на спине лошади, видела его лишь краем глаза, но, хотя она и очень боялась, что это может быть француз, коня она боялась больше, чем француза, а Фестуса — больше, чем коня. Поэтому, когда солдат подошел ближе, она крикнула, собрав остаток сил:

— Остановите его! Остановите!

Солдат, немало пораженный при виде строевого коня с ворохом каких-то дамских тряпок на спине, уже двинулся ему наперерез, преграждая дорогу, а теперь стал прямо на его пути, раскинув руки наподобие придорожного католического креста. Чемпион подбежал ближе, прянул в сторону и внезапно стал как вкопанный; неожиданный толчок сбросил Энн на землю. Столь вовремя подоспевший избавитель шагнул к Энн, помог ей подняться на ноги, и она увидела перед собой Джона Лавде.

— Вы не ушиблись? — спросил он испуганно, при виде ее падения с лошади став белее мела.

— О нет! Нисколько, — с наигранной бодростью сказала Энн, оправляя платье и стараясь сделать вид, что ничего особенного не произошло.

— Но как вы сюда попали?

— Ну вот, он убежал! — воскликнула она вместо ответа, следя глазами за Чемпионом, который, обойдя Джона, торжествующе затрусил дальше, в сторону Оксуэлла.

— А чья это лошадь, и как вы на ней очутились?

— Сейчас я вам все расскажу.

— Слушаю.

— Я… Нет, не могу вам этого сказать.

Джон пристально взглянул на нее и промолчал.

— А как вы попали сюда? — спросила Энн. — Это правда, что французы и не высаживались вовсе?

— Правда. Тревога была ложной. Я вам потом все объясню. У вас очень утомленный вид, вам нужно немного отдохнуть. Давайте посидим на этом пригорке.

Джон помог ей сесть и начал свой рассказ, но его рассеянный взгляд говорил о том, что мысли его все еще заняты ее таинственным появлением верхом на лошади.

— Мы прибыли в бедмутские казармы сегодня утром и должны простоять там все лето. Мне не удалось заранее сообщить об этом отцу. Однако слух о высадке французов не имеет к этому ника-

кого отношения, и мы ничего об этом не знали, покуда на дороге не появились беженцы, но полковник сразу сказал, что слух ложный: Бонапарта даже нет сейчас в Булони. Я обеспокоился за вас — ведь эти слухи могли здорово вас напугать, — поэтому поспешил в Оверкомб, лишь только получил возможность покинуть казармы.

Энн слушала его, не проронив ни слова, вдруг покачнулась и обессиленно припала к его плечу. Поспешно оборотившись к ней, Джон увидел, что она в обмороке. Первым и естественным побуждением его было, разумеется, подхватить ее и прижать к себе. Поблизости не было даже воды, и он не мог придумать ничего лучшего, как заботливо и нежно держать ее в объятиях, пока не очнется. И, конечно, ничего более приятного он не мог себе и пожелать.

И снова перед ним встал вопрос: что же все-таки произошло?

Он ждал, когда Энн очнется, и смотрел на ее устало смеженные веки и два темных полукруга ресниц, опущенных на щеки, чья безупречная округлость сейчас больше, чем когда-либо, поражала своим совершенством, ибо привычный румянец уступил место призрачной бледности, и лицо Энн казалось прозрачным, как окружаю-

щий воздух. Крутые завитки волос на лбу и шее, обычно похожие на тугие спирали, развились во время ее бешеной скачки и висели свободными прядями. Долгие месяцы, проведенные с Энн в разлуке, Джон жил мечтой об этой встрече, и вот, охваченный благоговейным восторгом, наклонился и нежно ее поцеловал.

В ту же секунду Энн очнулась и пробормотала, проводя рукой по лицу:

— О, мистер Дерримен, никогда, никогда!

— Я так и знал, что тут без него не обошлось, — сказал Джон.

Энн открыла глаза, отстранилась и уставилась на него, а потом спросила дико озираясь по сторонам:

— Что со мной?

— Вы не совсем здоровы, дорогая мисс Гарленд, — дрожа от волнения, ответил Джон, взяв ее за руку.

— Я не больна, просто очень устала, — сказала Энн. — Давайте пойдем. Далеко ли отсюда до Оверкомба?

— Примерно с милю. Но скажите: ведь вас кто-то обидел, напугал? Кажется, я знаю кто: это Дерримен, и лошадь была его. Я прав?

Энн задумалась, потом сказала:

— Да, но пообещайте, что мы подумаем вместе, как лучше поступить, а пока вы не скажете ничего ни моей матери, ни своему отцу. Я не хочу их тревожить, и не дай Бог из-за меня разладятся деловые отношения, которые уже столько лет существуют между вашей мельницей и усадьбой.

Джон выполнил ее просьбу, и Энн поведала о своих приключениях. Кровь бросилась ему в лицо, пока она говорила, и, закончив, Энн прибавила:

— Ну вот, вы разгневаны. Только не натворите чего-нибудь ужасного, прошу вас! Не забывайте, что Фестус, вероятно, унаследует от своего дядюшки Оксуэлл, хотя с виду они как будто и не ладят, а мельница может перейти к Бобу, и им не следует враждовать друг с другом.

— Это верно: я ничего не скажу Бобу, но предоставьте мне разделаться с Деррименом. Где он может быть сейчас? Вероятно, отправился к себе? Я провожу вас до дому, а потом займусь им… Все будет тихо, спокойно… Увидите, он ни словом об этом не обмолвится.

— Вы просто усовестите его, хорошо? Быть может, он немного одумается тогда.

Они шли рядом, и Джон чувствовал себя наверху блаженства.

— Вообще-то я хотел разыскать вас, чтобы поблагодарить за ваше милое, чудесное письмо.

— Да, я написала вам, — смущенно проговорила Энн, начиная понимать, что совершила ошибку. — Мне было неприятно, что я несправедливо осудила вас.

— А я, пожалуй, даже рад, что так произошло, — весело возрозил Джон, — иначе я бы не получил этого письма. Я перечитывал его пятьдесят раз на дню.

От этих слов Энн стало совсем не по себе, и почти всю оставшуюся дорогу они шли молча. Когда же внизу, в долине, показались мельничные трубы, Джон сказал, что теперь должен ее покинуть.

— Вы хотите вернуться и подвергнуть себя опасности из-за меня?

— Едва ли мне может грозить большая опасность от такого малого, как этот Дерримен, — с улыбкой сказал Джон.

— Да, конечно, — с неожиданной беспечностью согласилась с ним Энн.

Необходимо было вывести Джона из заблуждения, и с этой целью для начала надо было хотя бы сделать вид, будто ее совершенно не тревожит, если он будет из-за нее рисковать жизнью. Когда дружеские чувства принимаются за любовь,

показное безразличие призвано замаскировать дружеские чувства.

И Энн позволила Джону уйти, прибавив, чтобы поскорее возвращался, и начала спускаться с холма, а он повернул обратно.

Весь день и почти весь вечер драгун провел в бесконечных и довольно утомительных поисках Фестуса Дерримена. Часа через два после встречи с Энн он, пересекая равнину, увидел Молли и миссис Лавде. Двуколку удалось починить, тревога, как выяснилось, была ложной, и оставалось только весело и благополучно возвратиться домой, если бы не исчезновение Энн, которое чрезвычайно их испугало. Джон в двух словах объяснил им, что Энн добралась до дому на попутной повозке, и отправился дальше своим путем.

Сам же достойный объект его упорных поисков тащился тем временем домой пешком, расстроенный потерей своего строевого коня, обремененный саблей, ремнем, ботфортами и полной походной формой, и в бедственном своем состоянии и думать забыл об Энн Гарленд и грозящих ей опасностях.

Слева и справа вдоль дороги, по которой шагал Дерримен, тянулась высокая насыпь, и он, притомившись шагать по твердому, выбитому тракту,

решил от нечего делать взобраться на насыпь и тут заметил какого-то старика, который присел, как видно, отдохнуть и задумался, уставившись на пыльную дорогу. Сразу узнав в этой почтенной фигуре своего дядюшку, Фестус тихонько подкрался по насыпи к нему сзади, так что оказался прямо над ним. Дядюшка был облачен в вылинявшие нанковые штаны, забрызганные грязью чулки, выцветшую уныло-желтую шляпу и кафтан, бывший когда-то небесно-голубым, но отслуживший свое на плечах пугала и теперь больше похожий на тряпицу, высушенную после варки в ней пудинга. Старик возвращался к себе в усадьбу, которую покинул утром вслед за племянником, чтобы спрятаться в дупле дерева, милях в двух от дома. Это дерево стояло на возвышенности, усадьба хорошо была оттуда видна, и дядюшка Бенджи, забравшись внутрь этого естественного укрытия, мог спокойно наблюдать за покинутой резиденцией, что он и делал, пока из отдельных случайно до летавших до него сведений, которыми обменивались прохожие, не уразумел, что тревога была по меньшей мере преждевременной, после чего рискнул выглянуть снова на свет божий.

Он сидел погруженный в раздумье, чертил

палкой на пыльной дороге какие-то линии и что-то бормотал себе под нос. Затем встал и, не оборачиваясь, побрел дальше. Любопытство заставило Фестуса спуститься с насыпи и поглядеть на оставшийся на дороге чертеж. Он увидел овал, пересеченный двумя диагоналями, и в точке пересечения небольшой квадрат. Одна диагональ была помечена числом 20, а другая — 17, по краям чертежа стояли буквы, обозначавшие стороны света.

«Совсем уже рехнулся, что ли?» — с высокомерной жалостью подумал Фестус, припомнив, что эти самые числа бормотал старик дома поутру. Не видя в них никакого смысла, Фестус прибавил шагу, подкрался на цыпочках к своему почтенному родственнику и в виде приветствия ущипнул его сзади. Испуганный старик завертелся на месте как волчок, а увидев племянника, воскликнул:

— Как! Это ты, Фести? Так ты все-таки жив? Не убился, когда конь тебя сбросил?

— Нет, дядюшка, а с чего вы это взяли?

— Чемпион проскакал мимо меня примерно час назад, когда я сидел в своем укрытии… Вот ведь жалкая моя душонка: до чего доводит меня робость — французам же как есть нечего у меня взять… Чемпион скачет, стремена болтаются,

в седле никого — смотреть страшно. Это очень жуткое зрелище, Фести: лошадь, скачущая без всадника, — и я подумал, что, может, ты… Я испугался, что Чемпион тебя сбросил и ты разбился и лежишь мертвый, как раздавленная муха.

— Да благословит вас Небо за ваше доброе, сострадательное сердце, дядюшка! А что значит эта красивая картинка, которую вы только что нарисовали на дороге?

— О, это! Да это я просто так забавлялся. Примерный план расположения французских частей перед атакой. Вот какие фантазии лезут в голову таким старикам как я.

— А может, это план, где что-нибудь зарыто… Деньги, например?

— Фести, — с укором проговорил старик, — ты же прекрасно знаешь, что те две-три гинеи, которые составляют все мое богатство, я всегда прячу в старую перчатку и держу у себя в спальне в комоде.

— Ну еще бы мне не знать! — насмешливо отозвался Фестус.

Они уже подходили к харчевне, одиноко стоявшей у дороги, примерно в полутора милях от усадьбы, и так как старик отказался от любезно предложенного ему племянником угощения, Фе-

стус направился в харчевню один. Он был покрыт пылью с головы до пят, так устал, что еле волочил ноги, поэтому застрял в харчевне надолго. Тем временем наш трубач, обшарив понапрасну все дороги, уже под вечер услышал, что джентльмена, которого он разыскивал, видели в харчевне, и вероятнее всего он и сейчас пребывает там. Тогда Джон направился в харчевню, а когда добрался до нее, вечерние сумерки уже сменились непроглядной тьмой.

В прихожей свет не горел, но Джон двинулся вперед наугад, громко осведомляясь, где тут Дерримен, и услышал в ответ, что тот в задней комнате и притом в полном одиночестве. Войдя туда, Джон сначала ничего не мог разглядеть в темноте, однако оглушительный храп указал ему направление, и он нащупал скамью, на которой спал Фестус: во мраке смутно поблескивали пуговицы мундира и другие детали одежды, давая некоторое представление о его позе. Джон потряс лежащую фигуру за плечо, и мало-помалу храп прекратился, Фестус Дерримен приподнялся, сел и хриплым от долгого бражничанья голосом вопросил:

— Кто здесь? Это вы, моя милая Энн? Дайте-ка я вас расцелую. Ей-богу, расцелую.

— Замолчи, ты, жалкий болван! Я тебя обучу хорошим манерам! Будешь знать, как приставать к девушкам! — И, схватив Фестуса за ухо, трубач довольно крепко дернул его. Тот разразился проклятиями и замахал наугад кулаком, в ответ на что трубач отвесил ему хорошую затрещину в правое ухо и тотчас очень ловко уравновесил ее точно такой же затрещиной в левое. Фестус вскочил и бешено замолотил по воздуху кулаками, но без всякого ощутимого результата.

— Хочешь подраться, да? — спросил Джон. — Вздор! Где тебе драться, дитятко, хоть ты и ростом с гору. Тебя нужно отшлепать, и дело с концом! — и угостил его еще одной звонкой оплеухой.

— Стойте, стойте! О, вы, верно, Лавде — тот молодой человек, за которого она собирается замуж. Я же не хотел ее обидеть, сударь! Будь я проклят, если вру!

— Да, меня зовут Лавде, и ты знаешь, где меня найти, раз уж мы не можем покончить с этим делом сегодня. Пистолеты или сабли — выбирай, что тебе больше по вкусу, мой мальчик. А пока что вот получи и еще получи, чтобы ты не запамятовал разыскать меня! — и Джон отпустил ему еще парочку затрещин и оплеух. — Ну? Ты знаешь, за что тебе достается?

— Нет, мистер Лавде… То есть да, знаю.

— Так. А за что? Я буду лупить тебя до тех пор, пока не скажешь. Мерзавец! Не будь ты пьян в стельку, тебе бы сейчас несдобровать!

— Потому что я дурно вел себя с этой девушкой… А мне наплевать, черт побери! Я опять пристану к ней, устрою такое же, и пусть тебя повесят! Где мой конь, где Чемпион? Где, я тебя спрашиваю? — внезапно заорал Фестус и бросился с кулаками на трубача.

Джон увернулся, схватил его за ворот и швырнул на скамью.

— Я не выпущу тебя отсюда, пока не попросишь прощения за все, что сегодня натворил. Мало тебе, хочешь получить еще? — и он так тряхнул противника, словно это был мешок с костями.

— Да, да, я прошу прощения… Нет, не хочу! Стой! Ты не имеешь права так обращаться с племянником эсквайра Дерримена — ты, грязный сын мельника, мучной червь, хлебная плесень! Я вызову тебя на дуэль завтра утром и поквитаюсь с тобой.

— Именно для этого я сюда и пришел. — И, отшвырнув Фестуса в угол на скамью, Джон покинул харчевню, испытывая немалое удовлетворение от того, что удалось затеять из-за Энн

Гарленд такую отличную ссору, — ведь самый пылкий возлюбленный мог бы ему только позавидовать.

Лишь одно обстоятельство этого увлекательного приключения осталось неизвестным Джону — он и не подозревал, что Фестус Дерримен, ослепленный яростью и винными парами, не разглядел его в темноте и, привыкнув видеть Энн и Боба вместе да полагая к тому же, что трубач находится от него за сотни миль, ни на секунду не усомнился в том, что получил взбучку не от кого-то другого, а от Боба.

Когда Джон возвращался домой, светила луна, но примерно в миле от Оверкомба небо стало заволакивать тучами, и внезапно хлынул довольно сильный дождь. Приметив у дороги бревенчатый амбар на высоких каменных столбах и полагая, что гроза должна скоро пройти, Джон поднялся по ступенькам, шагнул за порог и стал в дверях, глядя на тусклую луну за пеленой дождя. Неожиданно он с удивлением заметил женскую фигуру, бежавшую очень стремительно, но не в сторону амбара, где можно было укрыться от дождя, а в открытое поле. Кто же это и куда бежит? Ответ на эти вопросы пришел, когда с противоположной стороны верхом на отцовской лошади появился

его младший брат Боб. Женщина подбежала к нему, Боб соскочил с лошади и заключил ее в объятия. Они тесно прильнули друг к другу, не замечая яростно хлеставшего дождя, а лошадь стояла рядом и смотрела на них.

Трубач отступил в глубь амбара и бросился на груду пустых мешков, сваленных в углу: он узнал женщину — это была Энн. Из оцепенения его вывели голоса, доносившиеся из-под пола: голос Энн и его брата, которые, заметив наконец, что мокнут под дождем, укрылись под амбаром.

— Я была дома, — говорила Энн. — Мама и Молли уже давно вернулись. Мы все очень беспокоились о вас, и я вышла поглядеть, не возвращаетесь ли вы. О, Боб, я так рада, что вижу вас снова!

Джон мог бы слышать каждое слово этой беседы, которая продолжалась в таком же духе довольно долго, но заткнул уши. Однако парочка никак не спешила уходить, а Джон вовсе не хотел, чтобы его увидели. Надежда, которую он лелеял, которой жил больше полугода, развеялась в единый миг, и все же он понимал, что протестовать не только бесполезно, но и жестоко. Ведь это его собственные усилия привели к тому, что произошло. Предоставь он Боба судьбе, и он уже давно

был бы женат на другой.

Дождь стал утихать, и влюбленные покинули свое убежище. Джон смотрел им вслед: поля в пронизанной лунным светом туманной дымке, и эти две фигуры — словно гравюра на металле… Боб одной рукой обнимал Энн за талию, другой вел в поводу лошадь. Когда они скрылись за откосом, трубач вышел из амбара и направился домой, шагая еще медленнее, чем они. И пока он шел, выражение отчаяния на его лице мало-помалу уступило место спокойной решимости. Впервые в жизни в своих отношениях с близкими ему людьми он избирал путь притворства и обмана: отныне он должен был привыкнуть скрывать свои истинные мысли и приучить к этому свое лицо и свой язык. И хотя никто не мог видеть его сейчас, он даже походке своей старался придать некоторую небрежность и залихватски сбивал хлыстом головки дикой петрушки, как делал, бывало, раньше, когда впервые надел военную форму и жизнь казалась ему увлекательной и манящей.

Так, основательно замаскировав свои горестные мысли, он спустился к мельнице следом за влюбленными, порой, словно невзначай, поглядывая на мокрую дорогу и замечая, как

неизменно близок отпечаток маленькой ножки Энн к отпечатку ноги Боба, как послушно и точно следуют башмачки за сапогами. Но, приблизившись к дому, он высоко вскинул голову и так молодцевато подошел к крыльцу, что звон его шпор разнесся по всему двору.

Все были уже дома, но он весело воскликнул первый, опережая их приветствие:

— А, Боб, я все время думал о тебе! Как, черт побери, ты себя чувствуешь, мой мальчик? Эти разбойники-французы так и не сунулись к нам, в конце концов. Вот мы и опять все вместе, целы и невредимы!

— Благодарение Всевышнему, он не оставил нас своим попечением, — радостно сказала миссис Лавде. — Да, всегда и везде мы в руках Божьих.

— Что верно, то верно! — подтвердил мельник, все еще ослеплявший окружающих неистовым великолепием своего мундира. — Ну а теперь надо по этому случаю выпить.

— Выпить нечего, — сказал Дэвид, с сокрушенным видом выступая вперед.

— Как так нечего? — удивился мельник.

— Когда я побежал в церковь за пикой, чтобы защитить нашу родину от Бонапартишки, то сначала повытаскивал все затычки из всех бочек,

хозяин. «Черт с ним, пусть пропадает!» — подумал я. Раз уж не достанется нам, так пусть не достанется ни ему, ни его солдатам.

— Как же ты мог это сделать, пока еще не был уверен, что он высадился! — спросил мельник, ошеломленный этим сообщением.

— Да, черт побери, я был уверен, что он высадился! — сказал Дэвид. — Я бы скорее дал храм Божий разрушить, чем пролил доброе вино! Но откуда же мне было знать?

— Ну и дела! Все одно к одному, и, похоже, этот день обойдется мне недешево! — сказал мельник, торопливо спускаясь в погреб, пол которого на несколько дюймов был залит вином.

— Ну, Джон, как же мне теперь принимать тебя? — беспомощно развел он руками, вернувшись в столовую. — Пошел бы ты, посмотрел, чего он там натворил!

— Я тут немного вычерпал уполовником, господин старший трубач, — сказал Дэвид. — Вполне можно пить. Малость попахивает полом, и все.

Джон заявил, что ему никаких возлияний не требуется, и все сели ужинать и проявили умеренную веселость, хлебнув немножко бузинной настойки, которую миссис Лавде обнаружила на дне одного из кувшинов. Трубач-драгун, держась

в рамках принятой на себя роли, занимал всех рассказами о всевозможных забавных приключениях, участником которых он был с тех пор, как последний раз сидел за этим столом. Он сказал, что летний сезон в этом году обещает быть очень оживленным, что королевское семейство, как обычно, посетит курорт, и сделал много других интересных сообщений. Словом, когда, распрощавшись, он отправился к себе в казармы, мало кто мог бы усомниться в том, что во всей английской армии вряд ли найдется еще один такой же веселый и беспечный солдат.

Одна только Энн заподозрила какую-то неискренность в его поведении. Поднявшись к себе в спальню, она остановилась в задумчивости, глядя на пламя свечи с таким видом, словно этот предмет пробуждал в ее сердце сострадание, и чувства, отражавшиеся в этот миг на ее лице, были порождены уверенностью в том, что сегодня вечером Джон держался совсем иначе, чем днем, когда преградил путь Чемпиону, и что поцелуй, который она, очнувшись от обморока, ощутила на своих губах, отнюдь ей не пригрезился. Но блаженное чувство радости от сознания того, что Боб снова принадлежит ей, в конце концов взяло верх над грустными мыслями и помогло ей убе-

дить себя в том, что Джон мало-помалу научится любить ее как сестру.

Глава 29
Притворщик

На первый взгляд могло бы показаться, что Джон Лавде с поразительной легкостью добился желаемого. Появляясь на мельнице раза два в неделю, он с необыкновенным увлечением сообщал Энн и Бобу всевозможные новости, и ему удавалось мгновенно заразить всех своим весельем, хотя у самого было совсем не весело на душе. Он никому не рассказал о стычке с Фестусом и только мимоходом обмолвился Энн о том, что предполагал встретиться с ним, но свидание, увы, не состоялось. В тот вечер, когда король снова посетил свою летнюю резиденцию на берегу моря, Джон появился на мельнице, остался ужинать и описал королевский кортеж, толпы разодетых придворных, сопровождавших короля повсюду, пышную иллюминацию и светящиеся транспаранты, упомянув и о количестве сальных свечей, сожженных для этой цели.

После ужина Боб вышел в сад, чтобы притворить ставни, которые, как не раз случалось, еще не были затворены, хотя в доме уже зажгли огонь.

Все разошлись, за столом оставался один Джон, и когда Боб приблизился к окну, его поразила произошедшая с братом перемена. Во время ужина Джон, как обычно, весело и беспечно болтал с Энн, и тем более странно было видеть, каким мрачным стало теперь его лицо. С минуту он сидел в глубокой задумчивости, затем достал из нагрудного кармана какое-то письмо, с нежной и чуть смущенной улыбкой — словно стыдясь своей слабости — прижал его к губам и тут же спрятал обратно. Это было письмо Энн, которое она послала ему в Эксонбери.

Боб был озадачен. И тут впервые в душу его закралось подозрение: а что, если Джон по своей доброте и любви к нему делает вид, будто чрезвычайно рад всему происходящему и всем доволен, в то время как на самом деле это совсем не так? Боб намеренно громко хлопнул ставней. Джон тотчас встал и вышел в сад, и Боб подошел к нему.

— Послушай, Джон, — сказал бесхитростный моряк, — мне до смерти жалко, что я так нехорошо поступил.

— О чем ты? — уточнил брат.

— Что я стал ухаживать за нашей малюткой Энн. Ты понимаешь, Джон, мы с ней вместе росли,

и как-то так само собой получилось, что я стал вроде как ее кавалером. Но сейчас я подумал, что ведь, пожалуй, ты больше имеешь на нее прав, и если это так, Джон, я не хочу стоять на твоем пути. Я… Она для меня не так уж много значит, понимаешь ли… Не слишком много, во всяком случае… и я вполне могу ее уступить. Ничего такого серьезного между нами нет. Право, Джон, ты попробуй поухаживай за ней, а я подыщу себе кого-нибудь еще… — До этого акта самоотречения Боб даже не подозревал, что так сильно любит Энн.

— Да нет, Боб, ты ошибаешься, — сказал трубач, сразу разгадав притворство. — Поначалу, увидав ее, я, конечно, был восхищен… Я и сейчас восхищаюсь ею, она очень мне по душе. Скажу тебе, Боб: она настолько мне по душе, что я буду рад, если ты на ней женишься.

— Но как же так? — удивился Боб. — Мне показалось, что ты очень печален, и вид у тебя был такой, словно ты влюблен. Сказать по правде, я видел, как ты доставал из кармана какое-то письмо. Ну я забеспокоился и решил поговорить с тобой.

— А, теперь понимаю! Но ты ошибся! — принужденно рассмеялся Джон.

В эту минуту супруги Лавде, решив прогуляться

в сумерках по саду, проходили мимо. Миссис Лавде словоохотливо рассказывала о том, что происходит сейчас в Бедмуте, ибо в те дни это у всех было на языке.

— И говорят, театральный зал покрасили заново, — говорила миссис Лавде, — и пригласили на этот сезон новую труппу с самыми хорошенькими актрисами.

Когда они удалились, Джон сказал:

— Я и в самом деле влюблен, Боб, но только не в Энн.

— Вот как! В кого же тогда? — обрадованно спросил моряк.

— В одну актрису, — ответил Джон, провожая взглядом удаляющиеся фигуры супругов Лавде. — Прелестная женщина, должен признаться. Но не будем больше говорить об этом… это меня смущает.

— В актрису? — Боб от удивления разинул рот.

— Но, прошу тебя, никому ни слова! — настойчиво проговорил трубач. — Я не хочу, чтобы об этом знали.

— Нет-нет, конечно, не скажу… А ты не откроешь мне, как ее зовут?

— Нет, Боб, пока нет. Я еще не могу тебе этого сказать. — И на сей раз Джон не погрешил против

истины, ибо не знал имени ни одной актрисы на свете.

Когда Джон ушел, Боб, чрезвычайно взволнованный, поспешил к Энн, которую нашел на вершине одного из ближайших холмов, где дневной свет уже таял тоже, сменяясь мраком.

— Вы не слишком спешили сюда, сударь, — сказала она тоном шутливого укора.

— Да, я задержался, сокровище мое, и вы будете очень обрадованы, узнав, по какой причине. Я проник в эту тайну: узнал, почему он такой странный, и все такое прочее…

Энн, казалось, была ошеломлена.

— Он влюблен по самые мачты! И мы должны помочь ему, не то он впадет в меланхолию и может совсем свихнуться.

— Мы должны ему помочь? — растерянно повторила Энн.

— Он потерял голову из-за одной бедмутской актрисы, а она, как видно, пренебрегает им.

— О, как я рада! — воскликнула Энн.

— Вы рады, что ему так не повезло?

— Нет, я рада, что он так благоразумен. Сколько времени прошло со дня ложной тревоги?

— Полтора месяца, моя прелесть. А почему вы спрашиваете?

— Скажите, Боб: это достаточный срок для мужчины, чтобы все позабыть?

Энн все еще находилась под впечатлением того, что поцелуй Джона отнюдь ей не пригрезился.

— Как сказать: некоторые мужчины, пожалуй, могут, — рассудительно ответил Боб. — Я бы не смог. Джон, возможно, может. Я бы не смог забыть вас, даже если бы прошло в сто раз больше времени. Вы знаете, Энн, я уж было подумал, что мой брат влюблен в вас. У меня просто камень с души свалился, когда он сказал, что совсем о вас не думает.

— Он так сказал?

— Да. И заверил меня, что его сердце безраздельно принадлежит одной хорошенькой актрисе — только ей и никому больше.

— Как бы мне хотелось на нее поглядеть!

— Да, и мне тоже.

— Пожалуй, было бы лучше, если бы он полюбил кого-нибудь из наших деревенских девушек: тут нам по крайней мере все известно — в какой семье они росли, и все прочее. Но раз уж он сделал выбор, надеюсь, что все придет к благополучному концу. Как быстро это произошло! Право же, мне очень хотелось бы на нее поглядеть.

— Но я даже не знаю, как ее зовут. Джон ужасно

скрытен, не желает ничего про нее рассказывать.

— Давайте пригласим его пойти с нами в театр! А там будем наблюдать за ним, и, верно, легко догадаемся, в какую из актрис он влюблен. Потом мы все про нее разузнаем, и если это хорошая девушка, пригласим ее в гости и таким образом поможем Джону. Он был очень весел последнее время — видимо, надеялся на взаимность, — но порой веселость сменялась унынием, а это значит, что на его пути возникали трудности.

Боб нашел эту затею превосходной и решил осуществить ее без промедления. Энн сгорала от любопытства: в самом ли деле у Джона появилась новая привязанность. Вся эта история очень ее удивила.

Конечно, это возможно — ведь уже шесть недель минуло с тех пор, как Джон один-единственный раз показал, что его былое увлечение ею еще живо, и мало ли что может за такой срок произойти с сердцем солдата, который на то и солдат, чтобы, кочуя с места на место, оставлять позади себя обманутых девушек.

С того вечера Джон почти месяц не наведывался на мельницу, и это лишний раз убедило Боба в том, что сердечные привязанности брата не

сосредоточены исключительно на обитателях отчего дома. Когда же Джон наконец появился снова и услышал предложение посетить театр, то, вопреки ожиданиям Энн, нимало не был смущен.

— Конечно, Боб, я совсем не прочь пойти в театр, — с жаром сказал он. — А кто еще пойдет?

— Еще Энн, — ответил Боб, и только тут трубач заметил, что все словно чего-то от него ждут.

Он встал и, отведя брата в сторонку, сказал с некоторым замешательством:

— Отлично, значит, пойдем вместе. Поскольку я знаком с одной из… Ну, словом, я могу провести вас бесплатно. Короче, предоставь это мне: я все устрою.

— Ну конечно. Я даже удивлялся, почему ты сам не предложил нам этого раньше, Джон, чтобы мы могли на нее поглядеть.

— Да, я должен был бы это сделать. Но я устрою вас на королевский спектакль. Только уж ты не заставляй меня показывать вам ее, Боб. По некоторым причинам мне бы этого пока не хотелось.

— Нам хватит и собственной смекалки, — заверил его брат.

Когда доблестный трубач ушел, Энн заметила:

— Как он переменился, Боб. Я наблюдала за

ним. Он не выказал ни малейшего волнения, когда вы внезапно заговорили о том, что должно было затронуть самые чувствительные струны его сердца.

— Да, верно, у него дело не пеленгуется, — согласился моряк.

Глава 30
На спектакле в честь короля

Дня через три Боб и Энн получили послание, содержавшее приглашение посетить вечернее представление в театре и просьбу одеться понаряднее, дабы сделать честь отведенным им хорошим местам. Днем они пустились в путь. Боб надел новый, с иголочки, костюм, недавно приобретенный с единственной целью — не посрамить Энн, когда они будут появляться на людях вместе. В этом франтовском, сшитом по последним модным картинкам одеянии Боб выглядел именно так, как того требовала тогдашняя мода от галантного кавалера в наиболее знойные дни лета: на нем были панталоны и сапоги самоновейшего фасона и два пестрых жилета с пуговицами — каждая величиной с небольшое круглое зеркальце для бритья; десятки ярдов муслина, многократно обмотанного вокруг шеи, надежно укрывали всю нижнюю часть лица. Несуразные в своей крайности требования, предъявляемые модой к дамским туалетам, которые должны были шиться из кисеи даже в

январскую стужу, вполне уравновешивались в те годы требованиями, предъявляемыми мужчинам, которые в августовскую жару обязаны были надевать на себя столько всего, что начинали плавиться как воск. Никто бы не поверил, глядя сейчас на Боба, что черными беззвездными ночами его носило по волнам Атлантики или что тысячи премудростей в обращении с канатами и марлинями были ему известны не хуже, чем народные обороты родного языка.

Да, это уж был праздник так праздник! Энн надела свою знаменитую небесно-голубую накидку, шляпку из итальянской соломки и муслиновое платье с талией под мышками; платье было обшито настоящим хонитонгским кружевом, купленным у женщины, которая прибыла со своим товаром прямо оттуда в Оверкомб и бродила в его окрестностях с полной корзинкой своих рукоделий и подушкой, на которой работала, сидя у дороги.

Джон встретил Энн и Боба возле харчевни при въезде в город; там они оставили свой экипаж и направились дальше пешком. По дороге драгун рассказал им, что в Бедмуте никогда еще не было такого стечения народа, что сюда уже съехался весь двор, и принц Уэльский, и вообще вся знать,

и теперь даже все чердаки нарасхват. Сейчас король отправился прогуляться на своей яхте, и они поспеют как раз вовремя, чтобы посмотреть, как он будет сходить на берег.

Послышались звуки флейт и барабанов, и еще через минуту они увидели огненно-рыжую шевелюру сержанта Станнера, маршировавшего с каменным лицом и остановившимся взглядом впереди отряда своих волонтеров. Сержант держал саблю наголо, а на нее с промежутками в два-три дюйма были насажены шелестящие фунтовые банкноты в виде напоминания о щедрой премии, ожидавшей добровольцев. Увидав наших друзей, он приветствовал их сдержанным кивком и проследовал дальше. Затем они поравнялись с тележкой, на которой из веток и цветов было сооружено нечто вроде беседки, почти скрывавшей от глаз тех, кто находился внутри.

— Пришли поглядеть на короля? Да здравствует король, гип-гип ура! — раздался голос из беседки, и, обернувшись, они разглядели сквозь листву сначала нос, а затем и всю физиономию Криппл-строу. В тележке ехала дерриме новская челядь.

— А ваш хозяин тоже здесь? — спросил Джон.

— Нет, господин старший трубач. А вот молодой хозяин приедет в девять часов забрать нас домой,

на случай если мы напьемся, чтоб не сбились с дороги.

— Вот оно что! А где он сейчас?

— Не все ли вам равно! — нетерпеливо сказала Энн, и трубач послушно двинулся за ней дальше.

Когда они добрались до пристани, было уже шесть часов, и королевская яхта приближалась к берегу, о чем из гавани возвестил салют корабельных пушек. Король со шляпой в руке сошел на берег и, отвечая на приветствия нарядной толпы, принялся раскланиваться по старинному обычаю на все стороны, не делая различия ни для кого. Пока кричали «ура!» и махали носовыми платками, Энн стояла между братьями, которые, сцепив за спиной девушки руки, заботливо охраняли ее, словно она была хрупкой фарфоровой статуэткой и могла разбиться от малейшего толчка. Вскоре король проследовал мимо них, ему салютовала стража, и присоединился к королеве и принцессам, ожидавшим его в Глостерском замке — непритязательном здании из красного кирпича, в котором скромно проживала королевская фамилия.

В театр идти было еще рано, и наши друзья стали прогуливаться по бархатистому песку пляжа, прислушиваясь к песням матросов, один из

которых тут же на месте складывал подходящие случаю стихи:

В Портленд-Род король ступил на борт, ступил на борт,

В Портленд-Род король ступил на борт,

И подняли мы якорь в Портленд-Род!

Поглядев немного на поединки фехтовальщиков, происходившие на площади и завершившиеся тем, что сумма в пять гиней была вручена застенчивого вида господину, продырявившему наибольшее число противников, Энн в сопровождении братьев пошла обратно к Глостерскому замку. Тем временем снова появился король вместе с остальными членами королевской фамилии, все сели в экипаж, и белые ганноверские рысаки, хорошо уже известные теперь каждому, направили свой неспешный бег к театру.

Войдя в театр и увидав, какие отличные места достал им Джон, Энн и Боб решили, что они получены бесплатно, благодаря знакомству с избранницей его сердца, на самом же деле Джон, как и все прочие посетители театра, уплатил за эти места всю положенную сумму сполна, причем, поскольку на спектакле должен был

присутствовать король, добыть места даже за деньги было не так-то легко. Усадив Энн и брата, Джон отошел к своему месту в глубине партера, откуда можно было разглядеть, да и то с трудом, лишь часть сцены.

— Нам будет превосходно все видно, — заметил Боб светским тоном, захватив изысканно небольшую понюшку табака и извлекая из кармана роскошный носовой платок, привезенный с Востока специально для таких торжественных случаев. — Но боюсь, что бедняга Джон не увидит решительно ничего.

— Зато мы будем видеть его, — возразила Энн, — и по выражению его лица поймем, какая из этих актрис так его очаровала. Поглядите, свет от той свечи в углу падает прямо ему на щеку.

Тут король появился в своем кресле под шелковым малиновым балдахином с золотой бахромой. По обе стороны от него около двадцати мест занимала королевская семья и свита, а за их спинами виднелась толпа напудренных и разряженных в пух и прах щеголей и щеголих, заполнявшая всю середину небольшого помещения. Впрочем, король в последние годы так часто удостаивал своим вниманием местную сцену, что давка была не слишком велика.

Поднялся занавес, и представление началось. В тот вечер давали одну из комедий Кольмана, которые в то время очень вошли в моду, и в главной роли выступал мистер Баннистер. Энн одним глазом смотрела на сцепу, а другим — на ветреного Джона, который так быстро перенес свои привязанности на другую; руку ее украдкой сжимал Боб, но она делала вид, что ей об этом неизвестно. Долго ждать ей не пришлось. Когда одна из второстепенных актрис появилась на сцене, трубач-драгун в своем углу не только не остался нечувствителен к ее появлению, но вздрогнул всем телом и уставился на сцену, разинув рот.

— Вот это, верно, она! — шепнула Энн Бобу. — Посмотрите, как он встрепенулся!

Энн повернулась к Бобу, почувствовала, как его рука судорожно сжала ее руку, и увидела, что он тоже в каком-то оцепенении уставился на появившуюся на сцене актрису.

— Что с вами?

Энн переводила взгляд с одного брата на другого и ни разу не взглянула на сцену. Но тут актриса заговорила, и Энн, услыхав ее голос, получила ответ на свой вопрос. Она узнала знакомые интонации мисс Матильды Джонсон.

Одна и та же мысль одновременно осенила и

Энн и Боба, но Боб первый высказал ее вслух:

— Неужто… неужто он все-таки влюблен в нее?

— Это чудовищно, если так! — пробормотала Энн.

А незадачливый Джон был, как легко можно себе представить, не меньше их поражен появлением сей дамы. Он не имел ни малейшего представления о составе труппы и больше того: даже не подозревал, что мисс Джонсон — хотя и знал о ней немало — в юности подвизалась на сцене, и теперь ей, после двух лет затруднений и неудач, посчастливилось снова получить ангажемент.

Хоть трубач и сидел не на виду, Матильда успела уже его приметить, а ее прежний возлюбленный и Энн на другой стороне партера бросились ей в глаза и того ранее. Встреча с Матильдой не могла особенно взволновать Джона, если бы не странное подозрение, которое могло зародиться в душе самых близких ему людей при столь удивительном стечении обстоятельств. После нескольких минут мучительных размышлений он стукнул кулаком по колену: «Черт побери, не стану я ни в чем их разуверять. Будь что будет! Пусть считают ее моей возлюбленной. Что угодно, лишь бы не узнали правды».

Если бы сила и напряженность чувств были доступны человеческому взору, то в эту минуту все присутствующие на сцене и в зрительном зале, вкупе с королем и придворными, отступили бы на задний план, превратившись в туманный безликий фон, и уступили место выразительным, исполненным значения фигурам Боба и Энн в одной части зала, драгуна-трубача — в другой, и Матильды — лицом к ним на подмостках. К счастью, совершенно непредвиденное обстоятельство помогло всем четверым выйти из состояния оцепенения. В королевской ложе появился курьер с депешей. На сцене произошла заминка. Курьер достал из своей сумки бумагу, и король углубился в донесение, а глаза всех присутствующих, в том числе и Энн Гарленд, были уже с тревогой прикованы к его лицу, ибо в то чреватое грозными опасностями время роковые события могли разразиться внезапно, как удар грома. Наконец король поманил к себе лорда ***, стоявшего за его спиной, спектакль был прерван, и содержание депеши обнародовано.

Сэр Роберт Кольдер, плывший из Финистерра, встретился с кораблем Вильнева и отдал приказ открыть военные действия, которые, невзирая на то что погода им не благоприятствовала, окон-

чились захватом двух испанских военных судов; Вильнев же вынужден был отступить в Ферроль.

Сообщение было принято с подлинным энтузиазмом, если глубина патриотических чувств может быть измерена силой шума. Присутствующие потребовали исполнения гимна, и весь театр с воодушевлением пропел «Правь, Британия». Однако значительность разыгравшихся событий была в ту минуту ясна далеко не всем, и находившийся в зале Боб Лавде не подозревал, как эти события отразятся на его судьбе.

Волнение, вызванное сообщением, отвлекло на несколько минут внимание Боба и Энн от Джона; когда же спектакль возобновился, они оглянулись, но Джона на месте не оказалось.

— Он, конечно, уже юркнул за кулисы, чтобы поболтать с ней, — с понимающим видом сказал Боб. — Может, пойдем и мы туда и подразним этого притворщика?

— Нет, я не расположена туда идти.

— Так может, пойдем домой?

— Зачем же? Или видеть ее слишком тяжкое для вас испытание?

— О нет, нисколько. Давайте останемся. А вот и она опять!

Они остались и продолжили наблюдать за

игрой Матильды, которая произносила свои монологи с таким изумительным хладнокровием, что это, в конце концов, пробудило живейший интерес в одном из присутствующих.

— Черт побери, какое, однако, самообладание у этой особы! — не без восхищения заметил Боб, глядя на Матильду во все глаза. — В конце концов, у Джона вкус не так уж плох. Ей-богу, она чертовски здорово все это изображает.

— Если вы хотите вернуться домой, Боб, я не прочь, — быстро сказала Энн.

— Нет-нет… Интересно поглядеть, как она выберется из этой переделки, в которую сейчас попала. Ловко это у нее получается, клянусь Богом!

Энн больше ничего не сказала и, едва сдерживая слезы, стала ждать окончания спектакля. Она вдруг почувствовала, что жизнь вовсе не безоблачно прекрасна, а скорее сложна, причем слишком. Энн не следила за происходящим на сцене и страстно желала только одного: уйти и увести с собой Боба. Наконец закончился последний акт, и занавес упал, после чего стали давать оперу-буфф под названием «Ни ужина, ни песни». В этом спектакле Матильда не появлялась, и Энн опять предложила пойти домой. На сей раз Боб изъявил готовность и, сопровождая Энн, даже

удвоил свою заботливость, будто хотел вознаградить ее за те минуты, когда его сердце временами было словно парализовано.

Когда они вышли на эспланаду, над морем вставала августовская луна, поднимаясь из-за горы, носившей название «Голова Святого Олдхелма». Боб невольно замедлил шаг и направился в сторону пирса. Дойдя до конца эспланады, они немного постояли молча, глядя на серебристую рябь воды, пока их внимание не привлекла узкая длинная тень, скользнувшая из-за мыса Нота по направлению к гавани.

— Что это за судно? — спросила Энн.

— Какой-то фрегат. Верно, из тех, что стоят тут на рейде, — беззаботно сказал Боб и, нежно прижав к себе локоть Энн, повернул обратно.

Тем временем мисс Джонсон, сыграв все роли, какие ей было положено, быстро переоделась и тоже покинула театр. Увидев Боба рядом с Энн в креслах, она, разумеется, не могла не предположить, что это устроено нарочно, чтобы подразнить ее, и тщеславное ее сердечко было порядком уязвлено. Мисс Джонсон, хотя дела ее теперь шли в гору, все еще не забыла (и едва ли ей удастся когда-либо это забыть) своего унизительного изгнания из Оверкомба, причем поведение

Боба, уступившего настояниям брата, сильнее заставило ее страдать, чем неумолимость Джона. Покидая мельницу, она была твердо уверена в том, что Боб последует за ней и таким образом разрушит замыслы брата. Она долго ждала его, но Боб не появился.

Она прошла по набережной вдоль домов, обращенных фасадами к морю, окидывая внимательным взглядом берег, тротуар и мостовую, искрящуюся в ярком лунном свете мельчайшими кристалликами соли, осевшими на нее от морских брызг. Вдали виднелись темные силуэты прогуливающихся по эспланаде, а за ними — серое море, разделенное надвое лунной дорожкой, убегавшей, суживаясь, к горизонту.

Внезапно совсем близко от нее эту серебристую дорожку пересекли две темные фигуры, и она сразу узнала Энн и Боба. Они шли медленно и, казалось, были так поглощены беседой, что не замечали никого вокруг. Матильда замерла на месте и не шелохнулась, пока они не прошли.

— Ах как я обожаю эту парочку! — пробормотала Матильда, поворачивая обратно и стуча каблуками по тротуару с яростью, совершенно излишней при прогулке.

— И я тоже. Особенно одного из них, — произ-

нес чей-то голос у нее за спиной, и незнакомый мужчина, обогнав ее, заглянул в ее ярко освещенное луной лицо.

— Вы? А кто вы такой? — спросила она.

— Разве вы не помните меня, сударыня? Как-то раз в начале лета мы повстречались с вами на дороге в Оверкомб.

Приглядевшись внимательнее, Матильда узнала Дерримена, одетого на сей раз в штатский костюм. А он продолжил:

— Я вас знаю — вы из здешней труппы. Могу ли я поинтересоваться, почему вы сказали, да еще таким странным тоном, что обожаете эту парочку?

— Странным тоном?

— Ну да. Так, словно вы их ненавидите.

— Не скрою, что у меня есть довольно основательные причины ненавидеть их. И у вас как будто тоже?

— Этот малый, — свирепо сказал Фестус, — явился ко мне однажды вечером объясняться по поводу этой дамы. Не успел я сообразить, что к чему, как он оскорбил меня, и не успел я схватиться с ним и задать ему трепку, как он удрал. А эта женщина надувает меня на каждом шагу. Я хочу их разлучить.

— Так за чем дело стало? У вас есть прекрасная возможность. Вон видите, там гуляет солдат? Он из морской пехоты. Каждый вечер он появляется в нашем театре на балконе. Он ведет дела с отрядом вербовщиков, который только что сошел на берег с фрегата, стоявшего на рейде в Портленде. Эти ребята частенько приезжают сюда вербовать матросов.

— Да, наши лодочники очень их боятся.

— Так ведь стоит только сказать им, что Роберт Лавде моряк, и в тот же вечер его уберут отсюда с глаз долой.

— Сказано — сделано! — заявил Фестус. — Разрешите предложить вам руку, и вперед! Они направились к сходням.

— Хороша сегодня ночка, сержант?

— Да, сударь.

— Вербуешь людишек, как я понимаю?

— Об этом не полагается говорить. Мы не принимаемся за работу раньше половины одиннадцатого.

— Жаль, что ты сейчас еще не при исполнении своих обязанностей. Я бы мог указать тебе превосходную дичь.

— Верно, эту теплую компанию, что собирается в «Старом местечке» на Ков-Роу? Я уже слыхал

о них.

— Нет, не то. Поди-ка сюда. — Фестус, с мисс Джонсон под руку, поманил сержанта за собой и быстро зашагал по эспланаде. Когда они дошли до угла, впереди еще была видна неторопливо прогуливающаяся парочка. — Вот кто вам нужен.

— Как, этот щеголь в панталонах и полусапожках? Он смахивает на эсквайра.

— Год назад он был помощником капитана на «Черной чайке», но у его отца есть денежки, и он держит сыночка дома.

— Черт побери, теперь я и сам вижу, что походкой он смахивает на моряка. А как зовут этого красавчика?

— Не говорите ему! — внезапно шепнула Матильда, судорожно вцепившись в руку Фестуса.

Но она опоздала.

— Это Роберт Лавде, сын мельника из Оверкомба, — выпалил Фестус. — И вы найдете не одного такого молодчика в тех краях.

Сержант сказал, что эти сведения ему пригодятся, и они расстались.

— Ах, зачем вы ему сказали! — захныкала Матильда. — Это же не он, это она во всем виновата!

— Ну, будь я проклят! Что говорит эта актерка!

Да не вы ли сами, слабодушное создание, хотели этого не меньше меня? Ну-ка признайтесь, разве не подло он поступил с вами?

Матильда, опять почувствовав себя задетой за живое, возразила:

— Мне просто не везло тогда, иначе я бы на него и не посмотрела!

— Ну так и пусть все идет своим чередом.

Глава 31
Ночные посетители

Мисс Гарленд и Боб Лавде не спеша направились к харчевне и велели запрягать двуколку. Ожидая, пока конюх подаст экипаж, они мирно беседовали с хозяином харчевни, который хорошо знал Боба и всю его семью.

— Это ты вырядился, чтобы отвести глаза вербовщикам с «Черного бриллианта»? — спросил хозяин, окидывая туалет Боба восторженным взглядом.

— С «Черного бриллианта»? — повторил Боб, а Энн сразу побледнела.

— Фрегат появился на горизонте, едва стемнело, а часов в девять вечера к пирсу причалила шлюпка с добрым десятком солдат морской пехоты — все в темных плащах.

Боб задумался, потом сказал:

— Значит, сегодня ночью пойдет вербовка, это как пить дать.

— Они вас не узнают, Боб? — встревоженно спросила Энн.

— Да разве им придет в голову, что он моряк! —

рассмеялся хозяин харчевни, снова оглядывая Боба с головы до пят. — А все ж таки на вашем месте, мистер Лавде, я бы сейчас тихо-спокойно поехал прямо домой, а завтра и носа не высунул бы с мельницы.

Они тронулись в путь. Когда выехали за околицу, Энн задумчиво посмотрела в сторону Портленда. Его темная масса, подобно гигантскому киту, поднималась из моря, а на фоне ее мерцали огоньки стоявших на рейде судов.

— У вас теперь свое самостоятельное дело, вы компаньон отца. Они не могут вас завербовать, верно? — спросила Энн.

— Ну, если захотят, так могут, любовь моя. Я ведь не раз говорил, что мне следовало бы явиться самому.

— Забыв при этом обо мне?

— Вот это-то и удерживает меня дома. Если только смогу, я вас не покину.

— Одним моряком больше, одним меньше — какое это может иметь значение для целой страны! Но если вам самому этого хочется, тогда уж лучше отправляйтесь и выбросьте нас всех из головы!

Боб положил конец ее тираде, прибегнув для этого к тому нежному способу, которым пользо-

вались влюбленные всех стран во все века. Энн больше не поминала о «Черном бриллианте», но всякий раз, когда они поднимались на холм, оборачивалась взглянуть на огни Портлендского рейда и темный морской простор.

Хоть капитан Боб и заявил, что не желает уходить в море и нипочем не оставит Энн, если только это будет хоть в какой-то мере зависеть от него, однако тут необходимо сделать некоторую оговорку. Конечно, Энн была прелестна и ее любовь могла приковать его к любому месту — это было, несомненно, так, — ну а вот работа на мельнице начинала порядком ему надоедать. Стоя возле громыхающих жерновов, облаченный в свою новую рабочую куртку, которая была не особенно ему к лицу, он теперь не раз с тоской вспоминал свою старую куртку и синюю морскую пучину. Отец сильно бы огорчился, если заметил бы в нем эту перемену, а Бобу очень не хотелось его печалить, и все же он, быть может, пошел бы и на это, однако существовало и другое к тому препятствие: Боб знал, что его брак с Энн — а он надеялся жениться на ней в будущем году, — целиком зависит от его приверженности отцовскому ремеслу. Даже если бы Бобу удалось уломать отца, миссис Лавде никогда не доверила

бы судьбу своей дочери человеку, который десять месяцев в году проводит вдали от дома.

С другой стороны, хотя Боб сам (оставляя в стороне его взаимоотношения с Энн) был отнюдь не прочь вновь пуститься в плавание, мысль, чтобы попасть в руки вербовщиков, была ему ненавистна. Быть схваченным, оглушенным, связанным и против воли доставленным на корабль — нет, этого Боб как мужчина стерпеть не мог и готов был противиться этому до последнего вздоха, поэтому по дороге домой не раз останавливал двуколку и прислушивался: не раздаются ли за спиной шаги, — но все было тихо, и он заверил возлюбленную, что этой ночью, во всяком случае, им ничто не грозит. Когда они вернулись домой, мельница еще работала, но старого мельника нигде не было видно: едва заслышав стук колес на дороге, он тут же отправился на боковую, оставив мельницу на попечение Боба до трех часов ночи, после чего на смену должен был явиться старший помощник мельника, а Боб отправлялся спать, — распорядок, заведенный на мельнице с тех пор, как Боб стал помогать отцу.

Поднявшись в свою одинокую светелку, Энн распахнула окно — сон бежал ее глаз. Сообщение о появлении «Черного бриллианта» медленно,

исподволь наполняло ее душу мучительной тревогой, еще более тягостной, чем внезапный испуг. Ее окно выходило в сад, погруженный сейчас во мрак: на всем лежала огромная тень холма и тени деревьев, — и Энн, облокотившись о подоконник, чутко прислушалась. Малейший шум, долетавший со стороны дороги, был ей отчетливо слышен, а вот с противоположной стороны тарахтение мельничного колеса и шум стремительно падавшей воды заглушали все звуки.

Но вот оттуда, где прежде царила тишина, до нее сначала донесся какой-то легкий шум, а потом и едва различимый звук шагов. В первую минуту она попыталась уверить себя, что это какие-нибудь запоздалые гуляки возвращаются из Бедмута. Но увы! Для подвыпивших односельчан шаги звучали слишком ровно и четко. Энн быстро обернулась, задула свечу и снова прислушалась. Звук шагов доносился с большого тракта — еще оставалась надежда, что те, кто там шел, не свернут на мост, ведущий к мельнице, а может быть, даже пройдут мимо, не заметив моста. Но и эта надежда не оправдалась: шаги раздались на мосту и стали приближаться к мельнице. Сердце Энн бешено колотилось: откуда вербовщики, люди, чужие в этих краях, могут знать, что

именно здесь, на мельнице, они найдут моряка? Ведь Лавде-младшего теперь никто никогда не видел одетым иначе, чем простым мельником, как его отец.

— А почем я знаю, туда ли мы пришли, — послышался голос.

— Так это же мельница, — заметил другой.

— Да их здесь пропасть, этих мельниц.

— А ну давай сюда фонарь.

Двое подошли к каретному сараю на другом конце двора и направили свет затемненного прежде фонаря на переднюю стенку стоявшего там фургона.

— «Лавде и сын. Оверкомбская мельница», — прочел один из них вслух. — «Сын» — видите, недавно приписано. Его-то нам и надо.

Он повернулся, чтобы опустить шторку фонаря, но лучи успели выхватить из темноты фигуры двух морских офицеров и не меньше взвода солдат морской пехоты.

Энн не стала больше медлить. Когда Боб оставался дежурить на мельнице, как было в эту ночь, то далеко не все время проводил в мукомольне, а частенько сидел у себя в комнате. Это была уединенная каморка, помещавшаяся над пекарней, и попасть туда можно было, только

спустившись по главной лестнице и поднявшись по стремянке. Энн в полном мраке спустилась вниз, взобралась на стремянку и увидела полоску света под дверью жилища Боба. Окно каморки выходило в сад, и поэтому вербовщики еще не могли видеть свет от горевшего там ночника.

— Боб, Боб, милый! — зашептала Энн в замочную скважину. — Потуши свет и беги через заднюю дверь.

— Это зачем же? — удивился Боб, неторопливо вытряхивая пепел из трубки.

— Вербовщики!

— Они уже явились? Черт побери, кто же это мог шепнуть им про меня? Хорошо, душа моя. Я их не боюсь.

Энн, не помня себя, соскочила со стремянки и опрометью бросилась к задней двери. Поспешно отодвинув засов, чтобы Бобу не тратить на это время, она тихонько приотворила дверь, подготавливая все для его побега, но не успела убежать, как чьи-то руки просунулись снаружи в щель, схватили ее за плечи, и она услышала голос:

— А вот и он! Смотрите-ка, какой предусмотрительный молодой человек!

Энн в эту минуту не думала о себе, хотя державшие ее руки довольно крепко стискивали плечи.

Повернувшись, она отчаянно крикнула, стараясь, чтобы Боб ее услышал:

— Они у задней двери! Беги через парадное!

Но неискушенная мисс Гарленд имела очень слабое представление о хитрых повадках тех, кого она вздумала провести: для них все это было привычным делом, и они уже давно заняли все выходы из мельницы.

— Давайте сюда фонарь! — крикнул тот, кто ее держал. — Черт побери!.. Да это девушка! Я уже заметил, что тут какой-то подвох. Идите сюда! — позвал он своих товарищей к стремянке, которая вела в коморку Боба.

— Что вам надо? — спокойно спросил хозяин, отворяя дверь и появляясь перед вербовщиком во всем великолепии своего нового костюма, в котором еще недавно блистал в театре (он только собирался сменить его на рабочую куртку, когда Энн подняла тревогу).

— Этот господин, верно, не тот, кого мы ищем, — заметил один из солдат, огорошенный видом Боба.

— Нет-нет, тот самый, — успокоил его сержант. — Не горячись, петушок. Он как будто не собирается поднимать шум, и это разумно.

— Куда вы хотите меня отправить? — спросил

Боб.

— Только на борт шхуны «Черный бриллиант». Если пойдешь добровольно, получишь денежную премию и будешь иметь увольнительную на берег всякий раз, как судно зайдет в порт. Ну а если нет… придется тебя связать, и тогда никаких поблажек не жди. Ну, а раз, хочешь не хочешь, идти придется, так ты, я думаю, пойдешь добровольно, если у тебя есть голова на плечах.

Такие речи задели Боба за живое.

— Ну, насчет того, чтобы меня связать, ты, приятель, не спеши. Когда я сам решу…

— Решай сейчас, пока не поздно, хвастун, — прервал его сержант.

— Кончайте болтовню! — приказал лейтенант, выступая вперед. — Взять его.

Один из солдат морской пехоты уже занес было ногу на ступеньку стремянки, но в этот миг башмак, весьма метко брошенный Бобом, вышиб фонарь из его рук. Однако вербовщики, невзирая на воцарившийся мрак, полезли на стремянку. Боб тем временем успел запереть дверь, хотя и понимал, что эта хлипкая преграда недолго будет служить ему защитой. Распахнув окно, он вскочил на подоконник и перепрыгнул с него на яблоню, не причинив себе особого ущерба,

если не считать нескольких царапин да града осыпавшихся яблок.

— Он здесь! — закричали снизу те, кто видел, как фигура Боба, словно черная тень гигантского ворона, промелькнула по небу.

В ветвях яблони на мгновение стало тихо, затем беглец начал быстро передвигаться по сучьям в сторону сада, и все стоявшие внизу бросились в том же направлении, чтобы поймать его, когда спрыгнет на землю.

— Давай, давай, слезай оттуда, старина! Это был славный прыжок, ничего не скажешь! — кричали они.

Но Боб Лавде их перехитрил. Полускрытый листвой, он проворно юркнул обратно, на другой сук, откуда ему ничего не стоило перепрыгнуть на крытую соломой крышу флигеля. Преследователи не ожидали такого маневра, и Боб успел соскользнуть с покатой крыши на землю и скрыться за дверью мельницы.

— Вон он, вон он! — закричали вербовщики, поворачивая от дерева назад, к дому.

Преследователи снова зажгли фонарь и бросились вдогонку за Бобом по темным переходам мельницы. Боб вбежал в нижнее помещение, ухватился за цепь, которая поднимала мешки с

мукой с нижнего этажа на верхний, и, закинув веревку, соединил мельничное колесо с лебедкой. Те из преследователей, которые вбежали первыми, еще успели увидеть ноги капитана Боба, обутые в туфли с пряжками, и проследить их исчезновение в люке среди стропил потолка: лебедка втянула его наверх, крутя, как мешок с мукой, и крышка люка захлопнулась за ним.

— Он пустил в ход лебедку и удрал! — крикнул сержант и бросился по лестнице на второй этаж, где, подняв вверх фонарь, успел осветить раскачивавшуюся в воздухе фигуру Боба как раз в ту секунду, когда она вторично исчезала только что описанным путем в люке следующего этажа.

Крышка второго люка тяжело захлопнулась за Бобом, и он снова скрылся из глаз.

Преследовать беглеца стало труднее, так как теперь к услугам вербовщиков была лишь шаткая стремянка, и они поднимались по ней с осторожностью, а когда, наконец добрались до чердака, оказалось, что он пуст.

— Он должен был отпустить цепь здесь, — сказал один из солдат, понимавший в устройстве мельниц чуть больше остальных. — Еще минута, и его расплющило бы в лепешку об эти стропила.

Все смотрели вверх: цепь с крюком, держась за которую Боб поднялся под самую крышу, намоталась вокруг барабана. Вдоль стен на невысоком помосте с дощатыми перегородками, образовывавшими нечто вроде стойл, было насыпано зерно — где ячмень, где пшеница; некоторые стойла были наполнены доверху, другие — наполовину, и больше на чердаке ничего не было видно.

— Может, он в зерно зарылся?

Все бросились к закромам и принялись рыться в золотистом зерне, но ничего — ни руки, ни ноги, ни хотя бы краешка фалды — нигде обнаружить не удалось. Покончив с зерном, осмотрели все балки и стропила, но также тщетно, и столь пустая трата времени стала уже бесить лейтенанта.

— Черт бы вас побрал, дурачье, как вы могли его упустить! Смотрите, а это что, по-вашему, такое? — лейтенант распахнул дверцу и указал на свисавшую с кранбалки веревку, с помощью которой поднимали наверх мешки с зерном, когда их подвозили к мельнице на телегах. — Вот как он улизнул. Его и след простыл.

Ворча и чертыхаясь, вербовщики спустились сначала по одной лестнице, потом по другой и

выбрались из мельницы на свет божий, но беглеца уже нигде не было видно. Они направились к парадному входу в дом. На пороге их ждал мельник, натянув на себя второпях что попало.

— Твой сын ловкий малый, — сказал лейтенант, — но только для него было бы куда лучше, если бы он пошел с нами подобру-поздорову.

— Ну это как на чей взгляд, — возразил Лавде-старший.

— Я ведь знаю, что он в доме.

— Может, да, а может, и нет.

— А ты знаешь, где он спрятался?

— Не знаю, а если б и знал, не сказал бы.

— Да оно и видно.

— Я слышал шаги на дороге, сэр, — сказал сержант.

Оставив четырех солдат наблюдать за домом, вербовщики двинулись по узкой, обнесенной живыми изгородями дороге и дошли до перекрестка. Здесь они остановились, не зная, в какую сторону направиться. Один из солдат поднял повыше фонарь, и они увидели, что впереди на одной из дорог что-то темнеет. При ближайшем рассмотрении это оказалось шляпой… шляпой Боба Лавде.

— Ага, мы напали на след, — воскликнул сержант, устремляясь в этом направлении.

Все поспешили за ним и вскоре услышали впереди звук шагов. Шаги звучали все отчетливее, и вербовщики поняли, что настигают беглеца. Минут через пять беглец остановился, повернулся к преследователям, и при свете фонаря они увидели… испуганное девичье лицо.

— Что вам от меня надо? — воскликнула девушка.

Ответа она не получила. Вербовщики повернули и зашагали обратно, а Энн устало опустилась на пригорок возле дороги. Она сделала все, что могла: сняла шляпу с гвоздя и бросила за перекрестком, чтобы направить вербовщиков по ложному пути и дать Бобу возможность скрыться.

Глава 32
Избавление

Беспокойство не позволило Энн оставаться слишком долго в стороне от происходящих событий. Она возвратилась на мельницу и увидела, что вербовщики стоят во дворе и обсуждают, что им теперь предпринять.

— Нечего тут зря время тратить, — сказал лейтенант. — Нам сегодня ночью надо еще побывать в двух деревнях, а самая ближняя отсюда мили за три. А здесь больше искать некого, и нам сюда незачем возвращаться.

Но когда они уходили, один из солдат, который все поглядывал на Энн и заметил ее волнение, сумел шепнуть ей, проходя мимо:

— Мы вернемся, как только рассветет. Это он так сказал, для отвода глаз. Спрячь-ка своего суженого подальше.

Они ушли тем же путем, каким явились, а немногочисленное семейство собралось вместе: миссис Лавде тоже встала, оделась и спустилась вниз. Состоялся довольно продолжительный, исполненный тревоги домашний совет.

— Кто-то донес на парня, — сказал мельник. — Иначе как бы они могли его разыскать, когда он уже год как с корабля!

Энн передала им слова добросердечного солдата, и, боясь, что Боб прячется где-нибудь в доме и днем вербовщики, вернувшись, обнаружат его, все принялись его звать и шарить по углам.

— В чем он был? — спросил мельник.

— В своем красивом новом костюме, — сказала миссис Лавде. — Боюсь, что теперь он совсем испорчен!

— И он ушел без шляпы, — добавила Энн.

— Ладно, — заключил мельник, — вы обе ступайте-ка к себе и ложитесь спать, а я его покараулю, и как только он появится — а уж, верно, ночью-то придет домой, — предупрежу, что они еще вернутся.

Энн и миссис Лавде поднялись к себе, а мельник пошел на мельницу и для виду занялся делом, но время от времени он оставлял лоток, выглядывал за дверь и обходил вокруг дома, однако нигде не было ни души. Энн тем временем, не раздеваясь, прилегла на постель; окно в ее комнате по-прежнему было открыто, и она чутко прислушивалась, не раздастся ли на дороге звук шагов, и со страхом ждала рассвета, а с ним — возвращения вербов-

щиков. Раза два за ночь она спускалась вниз, на мельницу, спросить отчима, не вернулся ли Боб, но всякий раз получала отрицательный ответ.

Вот уже начал белеть в темноте полог над ее кроватью и стали тускло поблескивать медные ручки комода — близился рассвет. В серой зыбкой полутьме Энн встала, надела шляпку и решила сама обследовать усадьбу, прежде чем вернутся вербовщики. Она вышла из дому в холодное одиночество занимающейся зари, поднялась на мост и окинула взглядом дорогу, убегавшую вправо и влево. Дорога была так же пустынна, как и ночью, и эта тишина и безлюдье еще сильнее ощущались сейчас, когда затих стук мельничного колеса. Мельник, прождав до трех часов ночи, решил, что сын уже не вернется, остановил мельницу и лег спать. В пыли на мосту видны были следы солдатских сапог, и все они вели от мельницы: значит, вербовщики еще не приходили.

Внезапно Энн услышала какой-то шорох за спиной и, обернувшись, увидела приближавшуюся к ней женщину. Шла она очень быстро, и Энн с изумлением узнала Матильду. Движения ее были судорожны, бледное лицо казалось изможденным, холодный призрачный свет утра делал ее похожей на привидение, а толстый слой пыли на

башмаках не оставлял сомнений в том, что она шла пешком от самого Бедмута.

— Были здесь вербовщики? — задыхаясь, спросила Матильда. — Если не были, так сейчас придут!

— Они уже были.

— И взяли его? Ох, я опоздала!

— Нет, но они вернутся. А почему вы…

— Я хочу помочь спасти его. Можем мы спасти его? Где он?

Энн посмотрела Матильде в глаза: не могло быть сомнения в том, что эта женщина говорит правду.

— Я не знаю, — сказала Энн. — Вот сама пытаюсь разыскать его, пока они не явились.

— Позвольте мне помочь вам! — воскликнула терзаемая раскаянием Матильда.

Не возражая, но и ничем не изъявив своего согласия, Энн повернулась и направилась в глубь двора.

Матильда тоже немало натерпелась за эту ночь. Едва она рассталась с Фестусом, как совершенно иные чувства пробудились в ее сердце, заставляя горько сожалеть о том, в чем только что принимала участие. Раскаяние ее росло с каждой минутой, и, в конце концов, не в силах терпеть

эту муку, поднявшись среди ночи, поспешила на мельницу, дабы узнать правду, хотя бы самую страшную, а если возможно, то и предотвратить беду, которая в первую очередь была делом ее же рук.

Обшарив все примыкающие к усадьбе луга, Энн направилась в сад. Тропинки казались серыми от росы. Энн шла, внимательно ко всему приглядываясь, и ей показалось, что кто-то уже прошел здесь раньше. В самой глубине сада за сплошной стеной лавров, тисса и ракитника, самостоятельно вторгшихся сюда и весьма буйно разросшихся, стояла садовая скамья, а на ней лежал Боб и спал крепким сном.

Волосы его слиплись от сырости, и сверкавшие, словно зеркало, пуговицы кафтана и пряжки башмаков затуманились от росы. Эта предательская влага не пощадила даже его новые золотые брелоки, а жабо и концы муслинового шарфа вяло обвисли, как морские водоросли. По всему было видно, что он лежит здесь уже давно. Энн потрясла его за плечо, но он не проснулся; дыхание его было тяжелым и прерывистым.

— Боб, проснитесь, это я, Энн! — с простодушной мольбой произнесла девушка и тут же, испуганно обернувшись, посмотрела на Матильду.

— Вам нечего меня бояться, — успокоила ее та и с горечью добавила: — Я теперь на вашей стороне. Постарайтесь его разбудить.

Энн снова потрясла Боба, но он не просыпался, и только тут заметила запекшуюся у него на лбу кровь.

— Мне кажется, я слышу шаги! — воскликнула Матильда, бросаясь к Бобу и тоже пытаясь его разбудить. — Его опоили чем-то или ударили и оглушили! Невозможно привести его в чувство!

Энн подняла голову, прислушиваясь. С дороги, которая вела в восточном направлении, донесся мерный стук сапог.

— Они возвращаются! — воскликнула Энн, судорожно стиснув руки. — Они заберут его, да еще в таком состоянии! Он не открывает глаз… Нет, все бесполезно! Господи, что же нам делать?

Матильда, ничего не ответив, нагнулась и попыталась приподнять конец скамьи, на которой лежал Боб.

— Не так уж и тяжело. Вы беритесь за тот конец, а я — за этот. Мы отнесем его куда-нибудь и спрячем.

Энн тотчас взялась за другой конец скамьи, и они медленно направились со своей ношей к боковой калитке, и добрались до нее в ту минуту,

когда сапоги вербовщиков уже стучали по мосту, откуда до мельничного двора было рукой подать, но живая изгородь и деревья сада скрывали его от глаз женщин.

— Нам надо спуститься туда, в поле, — задыхаясь, предложила Энн.

— Нет! — отвечала Матильда. — Выпала роса, и они легко найдут нас по следам. Надо выйти на дорогу.

— Но ведь по этой дороге они и пойдут, после того как обыщут мельницу.

— Ничего не поделаешь, придется рискнуть.

Они вышли на дорогу и молча зашагали дальше. Время от времени они останавливались, чтобы отдохнуть, и принимались трясти Боба, но все их усилия разбудить его были тщетны, и тогда они снова хватались за скамейку. Через пару сотен ярдов Матильда заметно начала терять силы и спросила:

— Неужели здесь поблизости негде укрыться?

— Разве что вон там — в поле, среди колосьев.

— Это слишком далеко. А поближе ничего нет?

И Матильда указала на колючий кустарник на берегу речки, неподалеку от моста, к которому вела дорога.

— Там кустарник недостаточно густой, — за-

метила Энн.

— Давайте спрячем его под мостом, — предложила Матильда. — У меня нет сил идти дальше.

Они дошли до проема в изгороди, через который скотину гоняли на водопой, спустились к реке, ступили в илистую воду и побрели в ней по щиколотку. Пройти несколько шагов вверх по течению и, низко пригнувшись, забраться под мост было уже делом двух-трех минут.

— Если они вздумают заглянуть сюда, мы пропали, — пробормотала Энн.

— На мосту нет перил, так что они вполне могут пройти, не заглянув под него.

Женщины стояли в напряженном ожидании, почти касаясь головами влажных опор, а у их ног пенилась сильно обмелевшая за лето речушка. Некоторое время ничего, кроме журчания воды вокруг своих щиколоток и ножек скамейки, они не слышали. Энн больше всего боялась теперь, как бы Боб не проснулся раньше времени, прежде чем прекратятся поиски: ведь он мог с обычной для него беспечностью почесть унизительным сидеть под мостом в ожидании, пока минует опасность; мог выскочить очертя голову и попасть прямо в лапы вербовщиков.

Прошло минут пятнадцать, и по долетавшему

до них шуму они пришли к заключению, что вербовщики снова обшарили всю мельницу и с этим покончено. Хорошо знакомый им дробный стук шагов все приближался и, наконец, таким гулом отозвался у них над головой, что они поняли: отряд вербовщиков основательно пополнился. Солдаты прошли по мосту, и шаги их стали мерно затихать в отдалении; видимо, ни одному из них не пришло в голову заглянуть под мост.

Молчание нарушила Матильда:

— Хорошо бы узнать, не оставили ли они кого-нибудь для слежки.

— Я пойду посмотрю, — предложила Энн. — А вы не уходите, пока я не вернусь.

— Нет, больше я ничем помочь вам не могу. Когда вы возвратитесь, меня здесь уже не будет. Сделайте мне одно одолжение. Если у вас с ним все пойдет как надо и он на вас женится… Не пугайтесь — у меня совсем другое на уме. Словом, когда вы станете его женой, расскажите ему, кто помог вам принести его сюда. Только никогда не упоминайте моего имени при других членах вашего семейства.

Энн молча пристально посмотрела на Матильду и пообещала исполнить ее просьбу, затем, по щиколотку в воде, стала выбираться из-под

моста.

Матильда постояла немного, глядя на Боба и как бы прощаясь с ним, а затем, повинуясь внезапному порыву, наклонилась и легко коснулась губами его щеки.

— Как вам не совестно! — с упреком вскричала Энн. Выходя из-под моста, она обернулась и успела все заметить.

Матильда вспыхнула и с презрением бросила:

— Ревнивая девчонка!

Энн хотела было ответить ей, но передумала, молча выбралась на берег и поспешила на мельницу.

В саду никого не было и она заглянула в окно. Ее мать и отчим сидели за столом.

— Все ушли? — негромко спросила Энн.

— Да. Они не слишком нас тревожили, хотя прошлись по всем комнатам и обыскали сад, где заметили какие-то следы. Сегодня ночью им посчастливилось набрать человек пятнадцать-двадцать в других деревнях, подальше от побережья, так что неудача с Бобом огорчила их не слишком. Но хотелось бы мне знать, черт побери, где прячется этот бедолага!

— Идемте, я вам покажу.

В двух словах Энн пояснила, что и как, и мель-

ник с Дэвидом поспешили за ней. Приподняв край платья, она ступила в воду, не без тревоги высматривая Матильду, но актриса уже исчезла, а Боб все так же неподвижно лежал на скамейке.

Его вытащили из-под моста, побрызгали в лицо водой, он пошевелился, но и тут не пришел в себя, а очнулся окончательно лишь после того, как его внесли в дом. Здесь он открыл глаза, увидел склонившиеся к нему лица и попытался собраться с мыслями.

— Все в порядке, мой мальчик, — сказал Лавде-старший. — Что с тобой приключилось? И где ты эдак рассек себе лоб?

— Ага… Теперь я припоминаю, — пробормотал Боб, ошеломленно озираясь по сторонам. — Я упал, спускаясь по фалу с марселя… Снасть, понимаете ли, была слишком коротка… вот и упал, голову расшиб. Но надо было уходить. А когда вернулся, решил, что не стоит вас тревожить, и прилег, чтобы отоспаться после вахты, но голова так трещала, что я нипочем не мог уснуть. Тогда я сорвал несколько маковых головок — вспомнил, что слышал, будто мак здорово помогает уснуть, особенно когда что-нибудь болит, — ну и съел весь мак, какой попался мне под руку, и тут же распрекрасно заснул.

— А я-то думала, куда это подевались все головки! — воскликнула Молли. — Гляжу — все оборваны!

— Но вы же могли и вовсе не проснуться! — сказала миссис Лавде, всплеснув руками. — А как сейчас? Болит у вас голова?

— Я что-то сам не пойму, — ответил Боб, прикладывая руку ко лбу и, казалось, опять засыпая. — А где эти ребята, что хотели взять нас на абордаж? При таком попутном ветре… И море что надо… Мы легко можем от них удрать. Травить брасы на левом борту… Привести ее к ветру…

— Боб, милый, вы уже дома! — сказала Энн, наклоняясь к нему. — А вербовщики ушли.

— Давай-ка наверх: ты, видать, еще не проспался, — решил его отец, и Бобу помогли добраться до постели.

Глава 33
Неожиданное открытие перевешивает чашу весов

Боб оправился через сутки. Телом он был совершенно здоров, но душу его терзали сомнения: он совсем не был уверен, что поступил как патриот. Постигнув на практике искусство мореплавания, он был неплохим моряком, а в таких людях нуждалась страна, и ему было унизительно сознавать, что он не послужил ей своими знаниями добровольно, словно дожидался, чтобы его к этому принудили. Многим из его деревенских сверстников не так повезло, как ему: они попали к вербовщикам в лапы, — и их исчезновение служило ему живым укором. Боб поднимался на чердак в свою каморку и здесь, в полном одиночестве среди наполненных зерном закромов, давал волю своим самоукоризнам.

— Нет, что ни говори, а я не создан для того, чтобы киснуть здесь ради удовольствия сорок раз на дню лицезреть некую девицу и позволять ей лицезреть себя — ох и глаза же у нее, прости господи! — да ждать, пока вербовщики напомнят

мне о том, что я позабыл свой долг. Я, английский моряк, должен поставить на себе крест? Ну, это мы еще посмотрим!

А затем он попадал под магнетическое действие глаз Энн, а они были так неотразимо прекрасны и именно теперь становились все прекраснее (так ему, во всяком случае, казалось), и его намерение послужить отечеству слабело, тая как воск, и он откладывал еще на день осуществление своих планов. Энн замечала это борение между любовью и долгом и, испытывая смертельный страх перед опасностями морских сражений, пускала в ход все свои чары, дабы заставить Боба отказаться от крепнущего в нем намерения. Она заглядывала к нему по утрам на мельницу, надев самое очаровательное из всех своих матине, оканчивающееся оборочкой чуть ниже талии и с необыкновенным изяществом отделанное кружевами у ворота и на груди, а чуть позже уже появлялась в новой шляпке, кокетливо украшенной букетиком первоцветов; в воскресенье же она прохаживалась перед ним в лимонного цвета башмачках, которые выглядывали из-под ее подола, как два желтых птенчика.

Но туалеты были лишь самой ничтожной из приманок, которыми она пользовалась, чтобы

пригвоздить Боба к месту. Она была нежна с ним, как никогда, давала ему разные мелкие поручения по саду и распевала по всему дому, чтобы домашний очаг не казался ему унылым. Это нарочитое пение давалось Энн нелегко, и потом ей становилось вдвойне грустно. Когда же Боб спрашивал ее, что случилось, она отвечала:

— Ничего. Просто я думаю о том, как вы огорчите вашего отца, если противу его желания осуществите свой недобрый замысел — уйдете в плавание и покинете мельницу.

— Да, — в замешательстве соглашался Боб, — это его огорчит, я знаю.

И зная также, как это огорчит и Энн, он снова откладывал свое решение, и так проходила еще неделя.

За эти дни Джон ни разу не наведался на мельницу. Казалось, мисс Джонсон поглощала все его время и помыслы. Боб частенько над этим подтрунивал: «Вот хитрец! Когда Матильда приехала сюда, чтобы выйти за меня замуж, он ведь притворился, будто она недостаточно хороша для меня, а на самом деле, оказывается, просто хотел заполучить ее сам. В толк не возьму, как только удалось ему уговорить ее уехать!»

У Энн не было оснований разубеждать воз-

любленного, и она молчала, но в душу ее не раз закрадывалось сомнение. Однако, сомневаясь в том, что у Джона были раньше какие-то виды на Матильду, она впала в другую ошибку: решила, что Джон раскаялся в своем несправедливом отношении к этой особе, пожалел ее, и это чувство постепенно переросло в любовь.

— А ведь Джон прежде-то был самый что ни на есть простодушный малый на свете, — размышлял Боб. — И вот — сыграл со мной такую штуку! Черт побери, я бы ему это нипочем не спустил, если бы, потеряв Матильду, не приобрел кое-что получше! Да только она никогда не снизойдет до него — очень уж высокого мнения о себе, Боюсь, ему придется вздыхать понапрасну!

Но если Боб говорил об этом с сожалением, сочувствуя брату, то Энн не разделяла его взглядов. Она не подозревала о совершенном Матильдой предательстве и не верила сплетням о ее сомнительной добродетели, но тем не менее эта женщина была ей несимпатична.

— Быть может, это не так уж плохо, если он и повздыхает понапрасну, — сказала она. — Впрочем, я не желаю ему зла. Его поступки, хоть для меня и совершенно непостижимые, сыграли мне только на руку. — И она с улыбкой устремила

взгляд своих прекрасных глаз на Боба.

А вот его одолевали сомнения.

— Джон, верно, думает, что я теперь здорово на него обижен и не захочу встречаться с ним, потому что разгадал его игру. А я вовсе не такой обидчивый. Я — моряк, а на флоте умеют ценить хорошую шутку. Надо мне повидаться с ним.

Собираясь навестить брата, Боб кое-что придумал. Это сразу покажет Джону, что он прощен, рассеет все его сомнения. Поднявшись к себе в комнату, он достал из ящика небольшой пакетик, в котором хранился завиток волос мисс Джонсон, подаренный ею Бобу как-то в период их недолгого знакомства. Боб только сейчас вспомнил о его существовании.

Он пошел попрощаться с Энн, и лицо его при этом так сияло, что она сразу поняла: он захвачен какой-то идеей, — и спросила, чему это он так радуется.

— А вот этому, — сказал Боб, хлопнув ладонью по нагрудному карману. — Здесь у меня локон, который подарила мне Матильда.

Энн остолбенела — даже рот слегка приоткрылся.

— Я собираюсь подарить его Джеку — он, конечно, подпрыгнет от радости до небес! И это

лишний раз подтвердит, что я охотно уступаю ему Матильду, пусть она и очень недурна.

— А вы с ней увидитесь сегодня? — неуверенно улыбнулась Энн.

— О нет… разве что случайно.

Добравшись до городского предместья, Боб направился прямо к казармам, и ему посчастливилось сразу разыскать Джона в левом крыле этого прямоугольного здания. Джон очень обрадовался, увидав брата, но, к удивлению Боба, не спешил проявить какие-либо признаки мучительного раскаяния и тем дать ему повод произнести подготовленную речь, в которой он великодушно его прощал. Поняв, что трубач не собирается говорить об интересующем его предмете, Боб решил затронуть эту тему сам.

— Я тебе тут подарочек принес, которому ты будешь наверняка до смерти рад, — сказал он, когда они уселись у открытого окна, выходившего в огромный квадратный двор казармы. — Мне это теперь ни к чему, и давно бы следовало передать тебе, да как-то не приходило в голову.

— Спасибо, Боб, а что это такое? — рассеянно спросил Джон, задумчиво глядя во двор на неуклюжих новобранцев, пытавшихся постичь искусство строя.

— Это локон некой дамы.

— Вот как? — оживился Джон, мгновенно перестав витать мыслями в пространстве и слегка покраснев. Неужто Боб и Энн поссорились?

Боб вытащил из кармана пакетик и открыл его.

— Черный? — не сдержав удивления, воскликнул Джон.

— Конечно… Куда уж черней.

— Чей же это?

— Как чей? Матильды.

— Ах, Матильды!

— А чей же ты думал?

Вместо ответа трубач зарделся, как утренняя заря, и отвернулся к окну, чтобы скрыть смущение.

Боб тоже примолк и в недоумении уставился в окно. Прошло еще несколько минут, Боб встал, подошел к брату и, положив руку ему на плечо, сказал, дрогнувшим голосом:

— Ты добрый малый, Джон. Теперь я все понял.

— Да ерунда! — торопливо пробормотал тот.

— Ты делал вид, будто увлечен Матильдой: боялся, что я стану корить себя за то, что отбил у тебя другую… А я и вправду отбил, только сам того не ведая.

— Какое все это имеет значение?

— Ну как же! Вот уже который месяц ты страдаешь по моей вине, через мою беспечность и тупость! Знаешь, Джон, дома у нас все как-то уверились, что ты о ней больше не думаешь, не то я бы нипочем так не поступил.

— Будь ей верен, Боб, и забудь обо мне. Она принадлежит тебе. Она тебя любит. Я не могу притязать на ее любовь и совершенно ничего для нее не значу.

— Нет, Джон, она очень расположена к тебе. Так же, как все. И не заявись я и не встань тебе поперек дороги… Мое возвращение домой принесло одни беды! Я не должен был оставаться здесь. Корабль — мой дом, и зачем только я его покинул!

Трубач постарался обратить мысли Боба на другой предмет. Боб сначала слушал его невнимательно и отвечал невпопад, а потом уже и сам, по-видимому, не прочь был поговорить о чем-нибудь другом. Он отказался от своего первоначального намерения вернуться домой вместе с Джоном и, выйдя из казармы, повернул к югу и бродил по городу, пока не решил, как ему следует поступить.

Было уже начало сентября, но приморская резиденция короля сохраняла свой летний облик.

Когда Боб проходил мимо Глостерского замка, появилась королевская купальная кабина, и Боб от нечего делать остановился поглядеть. Как только кабина въехала в воду, группа разряженных мужчин со скрипками, виолончелями, тромбоном и барабаном забралась в другую кабину, уже стоявшую наготове, и эта тоже покатила навстречу волнам вслед за королевской. Сначала ничего не было слышно, кроме слабого шума прибоя, а затем из второй кабины донесся такой оглушительный грохот и треск, что, казалось, дощатые переборки, того и гляди, развалятся на части. Это музыканты, набившиеся в кабину, как сельди в бочку, грянули что есть мочи «Боже, храни короля», когда голова его величества появилась над водой. Боб снял шляпу и простоял так весь концерт, который был задуман и осуществлен почтенными горожанами как приятный сюрприз для Георга III и — принимая во внимание некоторую необычность обстановки — был если не с восторгом, то достаточно снисходительно принят монархом, с которого ручьями текла вода.

Затем Боб направился в гавань и там немного понаблюдал, как нагружают и разгружают суда и драят палубу, как лодки и баржи, покачиваясь, трутся о причал; временами он переводил взгляд

на окружающие гавань дома купцов — одни старинной постройки, сложенные из крупного камня, другие с выступающими над тротуаром, закрытыми зелеными ставнями окнами-фонарями, которые, казалось, того и гляди, не выдержат собственной тяжести, отломятся и упадут. Все это и многое другое попадало в поле его зрения, но мысль его была только об одном: он причинил страшное горе своему брату Джону.

Раздался бой городских часов, и Боб повернул обратно, к эспланаде и Глостерскому замку, где все так и сверкало под солнцем, уже поднявшимся к зениту, и невозможно было обнаружить ни клочка тени. Громкие приветственные крики привлекли его внимание, и он увидел, что перед королевской резиденцией, где собралась довольно большая толпа, остановился коричневый кабриолет, и из него вышел плотный, цветущего вида мужчина средних лет в синем мундире с золотыми эполетами, в шляпе с заломленными полями и шпагой на боку и проследовал во дворец. Боб подошел к толпе зевак и поинтересовался:

— Что тут происходит?

— Капитан Гарди, — ответил ему кто-то.

— Что — капитан Гарди?

— Только что приехал — ожидает короля.

— Разве капитан не в Вест-Индии?

— Нет. Флот вернулся. Они нигде не встретили французов.

— Что ж, они теперь снова отправятся их разыскивать? — спросил Боб.

— А как же! Нельсон решил во что бы то ни стало встретиться с ними. Как только капитан оснастит заново свой корабль, так сейчас же опять выйдет в море. А вон и король появился!

Боб был так взволнован только что полученным сообщением, что почти не обратил внимания на появление короля и придворных. Он пошел дальше, раздумывая над тем, что услышал. Вернулся капитан Гарди! Он, конечно, остановится в своем небольшом поместье неподалеку от Оверкомба: там проживает его семья, и сам он между плаваниями всегда возвращается туда.

Боб, не мешкая более, вернулся на мельницу, сообщил, не вдаваясь в подробности, что Джон вполне здоров и скоро придет всех проведать, а затем стал рассказывать о возвращении капитана одного из судов флотилии адмирала Нельсона.

— А, так он вернулся, говоришь? — сказал мельник, уносясь мыслями в прошлое. — А я ведь хорошо помню, как он впервые покинул дом еще

мичманом на борту «Хелины».

— Это не трудно удержать в памяти. Я тоже хорошо это помню, — сказала миссис Лавде.

— А ведь больше двадцати лет с тех пор минуло как-никак. Да что там, я помню даже, как он родился. Я тогда был мальчишкой и только-только начал обучаться мукомольному делу. А он в молодости частенько наведывался к нам на мельницу. Когда он возвратился домой из своего первого плавания, так довольно долго жил у себя в имении, и всякий раз, проходя мимо нашей мельницы, заглядывал к нам. Как-то раз он стоял вот тут в дверях, прислонившись к притолоке, а моя мать возьми да спроси его: «А в следующий раз вы уже в каком чине возвратитесь к нам из плавания?» — «В чине лейтенанта, госпожа Лавде», — отвечал он. «А в следующий?» «Капитана третьего ранга». — «А потом?» — «Капитана первого ранга». — «А еще позже?» — «А к тому времени, верно, придет пора и помирать». Ручаюсь, что он припомнит этот разговор и сейчас, если его спросить.

Боб с рассеянным и озабоченным видом прислушивался к их беседе и вскоре ушел на мельницу. Там он поднялся по боковой лестнице к себе в каморку, достал из темного чулана свою старую

морскую форму, отнес ее на чердак и провел остаток дня, вычищая плесень из складок одежды и развешивая все вещи перед окном для просушки. Вечером же он снова поднялся на чердак, облачился в свои старые доспехи, вышел, стараясь не попасться никому на глаза, из дому и зашагал в сторону деревни, где когда-то родился, а сейчас временно проживал капитан Гарди.

Зной уходящего лета высушил безлесные холмы, придав им светло-коричневую окраску, и Боб на своем пути почти не встречал живых существ. Естественная округлость холмов лишь изредка нарушалась возникавшей на горизонте кручей насыпного кургана, или кустом боярышника, или куском глинобитной стены, оставшимся после чьих-то попыток огородить участок. Когда Боб добрался до деревни и подошел к подъезду старинного господского дома, где испокон веков проживала южноуэссекская ветвь рода Гарди, уже совсем стемнело и на небе одна за другой начали зажигаться крупные звезды.

— Не будет ли капитан Гарди так добр принять меня сегодня? Я могу ждать сколько потребуется, — сказал Боб, предварительно объяснив, кто он и откуда.

Слуга ушел и, возвратившись через несколько

минут, сказал Бобу, что капитан может принять его только утром.

— Ну что ж, тогда я приду еще раз, — ответил Боб, довольный уже тем, что не получил отказа.

Однако не успел он выйти за дверь, как его позвали обратно и спросили, не пришел ли он, часом, из Оверкомба пешком с единственной целью повидать капитана.

Боб скромно подтвердил, что это именно так.

— Тогда будьте добры пройти за мной.

Боб последовал за слугой в небольшой кабинет, и минуты через две к нему вышел капитан Гарди.

В те годы капитану шел четвертый десяток, он был холост, несколько дороден, на широком квадратном лице его обращали на себя внимание кустистые брови над очень светлыми глазами, массивный подбородок и добродушно-ироническая складка в углах выразительного рта. Капитан окинул Боба внимательным взглядом.

— Роберт Лавде, сын мельника из Оверкомба, к вашим услугам, сударь, — сказал Боб, отвешивая низкий поклон.

— А! Я помню вашего отца, Лавде, — отозвался доблестный капитан. — Прекрасно! Так что же хотите вы мне сообщить? — Заметив, что Боб

пребывает в затруднении, не зная, как начать, капитан продолжил, небрежно облокотившись о камин: — Как поживает ваш отец, здоров ли? Давненько мы с ним не видались.

— Отец здоров, благодарю вас.

— У вас, помнится, был брат в армии? Кажется, его зовут Джон? Отличный малый, как я припоминаю.

— Да, он и сейчас в армии.

— А вы служите в торговом флоте?

— Я был первым помощником капитана на бриге «Черная чайка».

— Как случилось, что вы сейчас не на борту военного корабля?

— Ах, сударь, за этим-то я к вам и пришел, — сказал Боб, собравшись наконец с духом. — Мне бы давно надо там быть, а я вот задержался по милости женского пола. Сидел дома и все откладывал и откладывал из-за одной молодой особы… я хотел сказать, молодой леди, потому что она, видите ли, принадлежит к более избранному обществу, нежели я. Ее отец был художником-пейзажистом… Может, вы о нем слышали, сударь? Некто Гарленд.

— Вон тот пейзаж — там изображена наша деревня — написан им, — сказал капитан Гарди,

бросив взгляд на небольшое темное полотно в углу комнаты.

Боб посмотрел туда же и продолжил, обращаясь уже как бы к картине:

— Так вот: видите ли, сударь, я, в конце концов, понял, что… Словом, вербовщики приходили за мной недели две назад, но им не удалось забрать меня. Я не хочу попасть на корабль таким путем.

— Да, сейчас вербуют сурово. Конечно, это неприятная необходимость, но ничего не поделаешь.

— А потом, сударь, кое-что произошло, и я пожалел, что вербовщики меня не нашли, и вот пришел сегодня к вам просить, чтобы вы взяли меня на свой корабль «Виктория».

Капитан решительно потряс головой и сказал:

— Я рад, что вы хотите вернуться на флот, Лавде. Бывалые моряки нам крайне нужны. Но выбор корабля не может быть предоставлен вам.

— Вот как? Ну что ж, тогда я должен попытать счастья в другом месте, — сказал Боб, и лицо его гораздо полнее выразило разочарование, чем слова. — Конечно, мне очень хотелось служить под вашим командованием, капитан Гарди, ведь вы знали моего отца и всю нашу семью, и оба мы родом из здешних краев.

Слова Боба заставили капитана отнестись к его просьбе более внимательно.

— В деле вы хороший моряк? — спросил он раздумчиво.

— Да, сударь, по-моему, так.

— Проворный? Любите лазать по реям?

— Насчет последнего не скажу. Но, мне кажется, я достаточно проворен. Могу пройтись по нок-рее, если потребуется, перебраться с мачты на мачту по снастям и вообще могу проделать все не хуже других матросов, которые почитают себя проворными.

Капитан задал ему несколько вопросов по мореходству, на которые Боб, будучи, на его счастье, неплохо знаком с прямым парусным вооружением судов, ответил вполне сносно.

— Ну а уж если потребуется взять рифы на марселе, — добавил Боб, — не скажу, что возьму их с быстротой молнии, но, во всяком, случае, справлюсь с этим так, что они выдержат любой шторм. Наша «Черная чайка» довольно-таки поворотливая посудина, и когда мы, под всеми парусами, шли домой в конвое из Лиссабона, так не отставали от фрегата, который шел впереди под ветром. У нас на борту было достаточно матросов, чтобы брать рифы на марселе на манер военных кораб-

лей, а ведь это редкость в наши дни, теперь ведь в торговом флоте бывалых моряков можно по пальцам перечесть. И еще я слышал, что моряки с кораблей с прямым парусным вооружением лучше других подходят для военного флота, потому как сразу годятся в дело. Так что, капитан, попади я на ваш корабль, — серьезно заключил Боб, — вы бы не сказали, что я совсем уж новичок. Но, конечно, если нельзя, так нельзя.

— Я, пожалуй, мог бы попросить, чтобы вас направили на мой корабль, Лавде, — с расстановкой произнес капитан, — и в этом случае вы туда попадете. Словом, я, пожалуй, попрошу, чтобы вас направили. Так что считайте этот вопрос решенным.

— Очень вам благодарен, — сказал Боб.

— Но вы отдаете себе отчет в том, что «Виктория» — это первоклассный корабль и что на этом корабле в отношении чистоты и порядка предъявляются очень строгие требования, гораздо более строгие, чем на многих других кораблях?

— Да, я это хорошо понимаю.

— Отлично. Надеюсь, что на борту военного корабля вы будете исполнять ваш долг так же добросовестно, как исполняли его на торговом бриге, ибо долг этот может оказаться весьма суровым.

Боб заверил, что исполнение своего долга будет его единственным стремлением, и, получив указание явиться на сторожевое судно, которое доставит его в Портсмут, направился к двери.

— В такую темную ночь вам нелегко будет добраться до Оверкомба, Лавде, — сказал капитан, взглянув в окно. — Я велю подать вам стакан грога, чтоб веселее было шагать по дороге.

С этими словами капитан покинул Боба, тот выпил принесенный ему грог и отправился домой. Если у него еще не совсем отлегло от сердца, то, во всяком случае, он был исполнен патриотического пыла, который нисколько не остыл за дорогу, тем более что, охваченный волнением, он шагал очень быстро и был весь в поту, когда отворил дверь отцовского дома.

На мельнице никто не ложился спать, поджидая Боба, и при его появлении все глаза — порядком сонные, так как время близилось к полночи, — устремились на него.

— Ну вот, я же говорила, что он скоро вернется! — радостно воскликнула Энн, вскакивая со стула. — Они все твердят, что вы были сегодня какой-то странный и молчаливый, Боб. Но ведь это неправда?

— Что с тобой, Боб? — спросил мельник, вгля-

дываясь в физиономию сына, который появился в дверях с торжественным видом, словно священник со святыми дарами.

— Батюшки, да он в морской форме — совсем как в тот день, когда вернулся домой из плавания! — воскликнула миссис Лавде.

Теперь уже все заметили, что Боб намерен им что-то сообщить.

— Я уезжаю, — сказал он, присаживаясь к столу. — Меня берут на военный корабль, и, может быть, даже на «Викторию».

— Уезжаете… — чуть слышно прошептала Энн.

— Не придавайте этому значения, дорогая, — сказал Боб, почтительно касаясь ее руки. — И ты, отец, прошу, не принимай этого близко к сердцу. Когда здесь были вербовщики, надо было показать им, что я свободный человек, а теперь я хочу показать всем, что сумею выполнить свой долг.

На это никто из присутствующих ничего не ответил. Энн и мельник опустили глаза. Энн с трудом сдерживала слезы.

— Ну, прошу вас всех, не грустите, — продолжил Боб, — и не жалейте о том, что так получилось. И ты, отец, прошу, не гневайся на меня за то, что покидаю тебя и мельницу. Это мой долг. Вот уже три года, как мы и вся страна живем под страхом

вторжения неприятеля; торговля затруднена, бедняки голодают, многие богатые люди становятся бедняками. Должно наступить избавление, и оно придет с моря. Я виделся с капитаном Гарди, и он берет меня на свой корабль.

— Капитан Гарди?

— Да. Я был у него в Постхеме: он остановился там у своих сестер, — прошелся пешком туда и обратно, и очень рад, что пошел. Я, можно сказать, и не надеялся, что он станет разговаривать со мной, однако он меня принял. И, между прочим, он помнит тебя, отец.

Тут Боб принялся рассказывать все по порядку и очень красочно описал свою беседу с капитаном; все слушали его, затаив дыхание.

— Что ж, если так надо, значит, так тому и быть, — с глубоким вздохом сказал мельник. — Только нелегко мне это: два сына у меня, а нет того, чтобы хоть один остался со мной чтобы помочь на старости лет, не кому.

— Не расстраивайся и не терзай себя понапрасну, — сказала миссис Лавде, стараясь его утешить. — Твои сыновья лишь орудие в руках Провидения, которое избрало их, чтобы покарать корсиканского людоеда и выполнить долг перед отчизной в эту тяжелую годину.

— Именно так, как вы изволили сказать, миссис Лавде, — заметил Боб.

— И он скоро вернется домой, — заверила дочь миссис Лавде. — И расскажет нам все, что ему довелось повидать, и как он помогал смести с лица земли эту чуму — Бонапарта, и как покрыл себя славой.

— Когда же ты отправляешься, сын? — спросил Лавде-старший.

— Завтра, если удастся. По дороге загляну в казармы к Джону, попрощаться, а когда доберусь до Портсмута…

Бурные рыдания, вырвавшиеся из груди Энн, заглушили его слова. Девушка до этой минуты сидела с виду совершенно спокойно, не отнимая своей руки у Боба. Миссис Лавде вскочила и бросилась к ней, но прежде чем успела вымолвить хоть слово, Энн овладела собой почти столь же мгновенно, как и поддалась горю, и сказала:

— Я совсем не против отъезда Боба: это его долг. Не думайте, Боб, что я хочу вас удержать!

И с этими словами она покинула гостиную и направилась в примыкающую к ней маленькую комнату, где они с матерью обычно занимались рукоделием. Через несколько минут Боб последовал за ней. Вернулся он очень взволнованный

и печальный. Все поняли, что прощание было крайне мучительным для обоих.

— Она ушла к себе и больше не выйдет к нам сегодня, — сказал Боб.

— Но вы еще увидетесь с ней завтра до отъезда? — спросила миссис Лавде.

— Быть может. А быть может, и нет, — ответил Боб. — Отец, я прошу тебя и вас, миссис Лавде, ложитесь спать. А мне еще придется повозиться немного, собрать свои пожитки… Если услышите шум, не тревожьтесь: знайте, что это я.

Оставшись один, Боб сразу оживился и быстро, деловито произвел ревизию своего гардероба и прочих вещей. Когда его сундучок был упакован, все вещи, которые он решил оставить дома, уложены в комод, а все ненужное уничтожено, шел уже третий час ночи. Покончив с этим, Боб отправился спать и поднялся к себе так тихо, что только одна-единственная расшатанная ступенька скрипнула у него под ногой. В ту минуту, когда он проходил мимо спальни Энн, миссис Лавде, склонившись над дочерью, лежавшей в постели, спрашивала:

— Разве ты не увидишься с ним утром?

— Нет-нет! — отвечала Энн. — Лучше мне не видеть его больше! Я сказала ему, что, быть может,

мы еще увидимся, но я не увижу его, не могу!

Утром, когда все поднялись, Боба уже и след простыл. Исчезать подобным образом было в его натуре: он избегал чувствительных сцен при расставании. Когда на мельнице сели за невеселый завтрак, Боб был уже в лодке бедмутского перевозчика, который доставил его к стоявшему на рейде сторожевому судну. Боб ухватился за трап, поднялся на борт и исчез. В тот же день корабль снялся с якоря, поставил бом-брамсель и взял курс на Портсмут. На борту его находилось пятьсот матросов: кто-то попал сюда по вербовке, кто-то добровольно; среди последних был и Роберт Лавде.

Глава 34
Точка в океане

Прощаясь с Джоном, который проводил его до пристани, Боб сказал:

— Слушай, брат, это мое последнее слово: я отказываюсь от нее. Я нарочно решил уйти в море и не возвращаться как можно дольше. Если за это время она даст хоть самый слабый крен в твою сторону, смотри не упусти ее. Ты имеешь на нее больше прав. Ты выбрал ее еще в то время, когда мои мысли были направлены совсем в другую сторону, ты больше достоин ее. Насколько мне известно, ты не бросил ни одной женщины, а я бросал их дюжинами. Значит, бери Энн, если ее прибьет к твоему причалу, и да благословит вас обоих Бог!

И еще один человек, кроме Джона, видел, как уплыл Боб. Фестус Дерримен стоял на пристани немного поодаль и не пытался скрыть свою радость. Джон посмотрел на него с открытым презрением: ведь затрещины, полученные Деррименом в харчевне, отнюдь не пробудили в этом кавалере стремления отомстить за свою по-

руганную честь. О том же, что Фестус по ошибке направил свою злобу на Боба и сквитался с ним на свой, не слишком благородный манер, было трубачу, конечно, неведомо. Видя, что Фестус даже теперь не выказывает намерения приблизиться к нему, Джон пошел своим путем, размышляя, как бы сохранить нерушимой взаимную любовь Энн и брата.

На другой день он отправился на мельницу и очень удивился, заметив, как все ему обрадовались. С той минуты, когда Боб исчез где-то в необъятных морских просторах, для Энн, казалось, тоже не стало больше места на суше: здесь пребывала лишь ее телесная оболочка, а душа упорхнула далеко. О море, только о море и обо всем, что с ним связано, были ее думы днем и сновидения ночью. Все тридцать два ветра всегда стояли у нее перед глазами; она отмечала про себя каждый налетевший с моря шквал, возвещавший наступление осени, и со скрупулезной точностью изучила местоположение Портсмута, Бреста, Ферроля, Кадиса и других портов. Прежние привычные молитвы, которые она читала, отходя ко сну, были теперь, хотя и не без смущения и колебания, заменены другими — теми, что по уставу читаются на кораблях, находящихся в

плавании.

Однажды Джон, заметив ее несчастный, потерянный вид и преисполнившись к ней жалости — о, как глубоко он ее жалел! — спросил, когда они остались вдвоем, не может ли он ей чем-нибудь услужить.

— Да, у меня есть две просьбы, — сказала она с какой-то почти детской мольбой, устремив на него взгляд усталых глаз.

— Они будут выполнены.

— Прежде всего мне хотелось бы знать, вернулся ли капитан Гарди на свой корабль, и потом… О, если б вы только могли сделать это для меня, Джон! Если б вы могли доставать, когда представится случай, газеты.

После этого разговора Джон тотчас ушел. Отсутствовал довольно долго, и все решили, что он возвратился в казармы, однако часа через три появился снова, снял фуражку и вытер вспотевший лоб.

— Видать, ты что-то притомился, Джон, — заметил старший Лавде.

— О нет, — сказал Джон и направился на поиск Энн Гарленд. — Я выполнил пока только одну вашу просьбу, — сообщил он ей.

— Как, уже? Я никак не думала, что это можно

сделать сегодня.

— Капитан Гарди покинул Постхем. Уже несколько дней назад. Скоро мы услышим, что корабли подняли паруса.

— И вам для этого пришлось идти в Постхем? Как вы добры!

— Ну, мне ведь и самому хотелось узнать, когда корабль Боба выйдет в море. Теперь мы должны скоро получить от него весточку, думается мне.

Через два дня Джон появился на мельнице снова, он принес газету и больше того — письмо для Энн, франкированное первым лейтенантом корабля «Виктория».

— Значит, он на борту этого корабля, — сказала Энн, жадно схватив письмо.

Это было совсем коротенькое послание, но Энн на первых порах и не ждала большего. Боб сообщал, что капитан Гарди сдержал слово: пошел навстречу его горячему желанию и взял на свой корабль. На борту этого судна находится также адмирал лорд Нельсон, и через два дня «Виктория» в сопровождении фрегата «Эуриалус» направится в Плимут, где присоединится к другим кораблям, после чего все они возьмут курс к берегам Испании.

В эту ночь Энн не сомкнула глаз, мысленно

рисуя себе «Викторию» и тех, кто находился на ее борту. По расчетам Энн, этот военный корабль в течение следующих суток должен был пройти всего в нескольких милях от их дома, в котором проводила она бессонные ночи. Если она не могла повидать Боба, то больше всего на свете хотелось бы ей сейчас увидеть хотя бы корабль, на борту которого он находился, — этот плавучий дом, его единственное убежище и защиту среди штормов и битв; на этот корабль были возложены теперь все ее упования — он должен был выстоять против стихии воды и огня.

Назавтра в морском порту был базарный день, и Энн решила воспользоваться этим обстоятельством. В шесть утра из Оверкомба туда отправлялся товарный фургон. Энн тоже нужно было кое-что купить на базаре, и под этим предлогом она заявила о своем намерении отлучиться из дому на целый день и заняла место в фургоне. Они прибыли на место рано утром, но в городе уже царили оживление и суета. Король ежедневно выходил на прогулку в шесть часов утра, и весь Глостерский замок вследствие этого был ни свет ни заря уже на ногах, а вместе с ним вставал с петухами и весь город. Энн соскочила с фургона и пошла по эспланаде, где в этот ран-

ний час утреннего тумана и косых лучей солнца толпилось не меньше нарядных кавалеров и дам, чем на любом модном курорте в четыре часа пополудни в наши дни. Разряженные в пух и прах щеголи в лихо заломленных шляпах с черными перьями, кружевных манжетах и жабо провожали ее глазами, когда она торопливо проходила мимо; на пляже было полным-полно купальщиц; на их поясах золочеными буквами были вышиты слова национального гимна: «Боже, храни короля»; двери всех лавок уже стояли настежь, и сержант Станнер, воинственно выпучив глаза и помахивая саблей с нанизанными на нее банкнотами, уже вербовал солдат за две гинеи одну крону (крона добавлялась для того, чтобы выпить за здоровье его величества).

Энн быстро покончила со своими покупками, прошла по старым улочкам города и вышла на приморскую дорогу, ведущую в Портленд. Через час она добралась до перевоза, лодочник переправил ее на другой берег Флита (в те годы река эта еще не обзавелась мостом), и вскоре она уже стояла у подножия Портлендского холма. По крутому его склону тесно, один над другим, лепились дома, что производило весьма своеобразное впечатление, ибо крыльцо каждого дома

возвышалось над печной трубой соседнего, и все — стены, крыши, фундаменты, хлевы, садовые ограды, даже ясли в конюшнях и скребки для ног у дверей — было сделало из камня, добываемого в этом крае. Энн поднялась на вершину холма и пошла по широкой дороге, которая опоясывала этот огромный каменный массив, образующий полуостров, и морская даль все шире и шире развертывалась перед ее глазами. Добравшись до самой южной оконечности скалистого мыса, она остановилась, усталая, и устремила взгляд, вдаль на Портленд-Билл.

Суровый, лишенный даже растительного покрова, исхлестанный ветрами утес был совершенно пустынен, и только старый маяк, прилепившийся к крутому склону ярдах в пятидесяти от вершины, указывал на то, что здесь когда-то ступала нога человека. Энн присела на камень и обвела взглядом огромное искрившееся на солнце пространство воды, от которого, казалось ей, исходило какое-то странное наваждение. Горизонт был распахнут перед ее глазами на триста шестьдесят градусов, и на двухстах пятидесяти из них колыхались морские волны, а среди этих волн бросалось в глаза их бурное столкновение под названием «водоворот», там, где два мор-

ских течения встречались друг с другом, чтобы похоронить в своей пучине то судно, которое ни одному из них не удалось одолеть в одиночку.

Энн принялась считать корабли: их было пять… нет, только четыре… Нет, их оказалось семь — несколько точек внезапно распалось надвое. Все это были небольшие каботажные суда, курсировавшие вдоль берега.

Энн погрузилась в мечты, но внезапно услышала слева легкий шум и, повернув голову, увидела пожилого моряка, который приближался к краю обрыва с подзорной трубой в руке. Он направил ее на ту часть моря в юго-восточной стороне, которая Энн с ее места была плохо видна. Энн сделала несколько шагов в сторону, горизонт еще шире распахнулся перед ее глазами, и она увидела корабль больших размеров, чем те точки на море, которые до сих пор были ей видны. Паруса на этом корабле были почти все новые и чистые, и он так быстро шел, поставив паруса к ветру, что на фоне его стремительного движения все маленькие бриги и двухмачтовые судна казались стоящими на месте. На это ослепительное видение и была направлена подзорная труба старого моряка.

— Расскажите, что вы там видите, моряк, — по-

просила Энн.

— Почти ничего, — ответил тот. — Зрение мое так ослабло за последние годы, что все для меня сливается в серый ноябрьский туман. И все-таки сегодня я не могу не смотреть: это же «Виктория».

— Почему? — быстро спросила Энн.

— Там, на борту этого корабля, — мой сын. Их там всего трое из нашего края: капитан, мой сын Нед и молодой Лавде из Оверкомба — этот только недавно поступил на корабль.

— Хотите, я посмотрю вместо вас? — после некоторого колебания предложила Энн.

— Пожалуйста, барышня, будьте столь добры.

Энн взяла подзорную трубу, а старик поддержал ее за локоть.

— Это большой корабль, — сказала Энн. — Я вижу три мачты и три ряда пушек по борту. Все паруса подняты.

— Примерно так мне и казалось.

— Впереди я вижу маленький флаг — над бушпритом.

— Это гюйс.

— И еще большой флаг развевается над кормой.

— Кормовой флаг.

— И белый флаг на фок-мачте.

— Это адмиральский флаг, флаг лорда Нельсона. А что там на носу, милочка, какое украшение?

— С этой стороны видна фигура матроса, который держит в руках герб.

Старый моряк удовлетворенно кивнул.

— А с другой стороны там должен быть солдат морской пехоты.

— Корабль как-то странно кружит на одном месте, и кажется, что он весь трепещет, словно лист на ветру, а паруса обвисли, как щеки у старика.

— Он поворачивает, чтобы пойти левым галсом. Я и не глядя вижу, что он делает. Ветер сейчас юго-западный, то есть для него противный, и он меняет галс, хочет избежать прилива, но как только начнется отлив, вы увидите, что он тотчас же поднимет паруса и пойдет на запад. На капитана Гарди можно положиться — он из здешнего края и море у этих берегов знает как свои пять пальцев.

— А вот сейчас виден другой борт корабля. С той стороны герб держал матрос, а с этой — солдат. Это «Виктория»? Вы уверены?

— Она самая.

Появился еще один корабль — фрегат «Эуриалус», шел он в том же направлении. Энн присела

на камень и, не отрывая глаз от кораблей, попросила:

— Расскажите мне еще что-нибудь про этот корабль, про «Викторию».

— Это лучший парусник нашего военного флота, и на борту у него сто пушек. Самые тяжелые установлены на нижней палубе, те, что полегче, — на средней, и самые легкие орудия — на верхней, или главной, палубе. Мой сын Нед невысок ростом, и поэтому его место на нижней палубе — на этом корабле всех таких, как он, ставят вниз.

Боб тоже был не слишком высок, но все же едва ли мог быть отобран для нижней палубы за малый рост. Энн он рисовался стоящим на верхней палубе в темно-синей куртке и белоснежных брюках; взгляд его, быть может, был прикован к берегу — к тому кусочку земли, где находилась сейчас она.

Огромный корабль со своим многочисленным населением — моряками в темно-синих куртках, солдатами морской пехоты, офицерами, капитаном и адмиралом, которому не суждено было вернуться на родину, — бесшумно, словно призрак, пересек меридиан Портленда. Он был похож на большую белую летучую мышь, но

временами превращался в серую. Наблюдая за ним, Энн заметила, что он уже миновал точку, в которой находился ближе всего от берега. Он все сокращался в ширину, как бы сплющивался, пока не принял форму вертикально поставленного яйца. Тут Энн заметила, что на корабле что-то засверкало, подошла к старому моряку, стоявшему в некотором отдалении, и еще раз посмотрела в трубу. В лучах солнца сверкали стекла кормовой надстройки. Энн сообщила об этом старому моряку.

— Значит, мы с вами сейчас видим то, что только раз удалось увидеть неприятелю. Это случилось в семьдесят девятом, когда с этого корабля заметили французский и испанский флот у берегов Сицилии, и он впервые повернул назад, не решившись пристать. Это отважное судно, и люди на нем отважные!

Глубокий вздох вырвался из нежной груди Энн, но она не произнесла ни слова и снова погрузилась в созерцание.

Корабль быстро скрывался из глаз. Вот уже и корпус его исчез за горизонтом. И казалось, что он не просто удаляется, а навсегда, безвозвратно погружается в морскую пучину. Энн почувствовала, что больше не в состоянии разделять общество

моряка, и отошла на несколько шагов в сторону — за выступ скалы. Корабль был теперь повернут к ней точно кормой, уже лег на курс и сократился в ширину до размеров птичьего перышка.

Энн снова присела на камень и машинально достала несколько сухих галет, которые захватила с собой, зная, что ей, быть может, придется ждать долго, но есть она не могла: страшное напряжение сковало ее так, что кусок не шел в горло, она словно окаменела, и только взгляд, словно стрелка компаса, влекущаяся к своему магниту, продолжал неотрывно следовать за исчезающим судном.

Вот уже нижние прямые паруса погрузились в море, вот за ними последовали марсели, а затем и брамсели. Корабль был теперь как мушиное крылышко на паутине и продолжал уменьшаться. Энн казалось, что этого нельзя вынести, но все же она заставила себя смотреть до конца. Адмиральский флаг скрылся за горизонтом, а через минуту — и верхушка самой высокой мачты. Корабль исчез, а Энн все еще не могла оторвать глаз от пустынного и величественного горизонта, и губы ее тихонько шептали:

— «Помилуй тех, кто на кораблях выходит в море, кто трудится среди волн морских…»

— «Им открываются дела Господни и чудеса Господни на дне морском», — как эхо отозвался голос у нее за спиной.

Быстро обернувшись, она увидела позади себя человека в военной форме и встретила печальный взгляд Джона Лавде.

— Именно эти слова промелькнули сейчас у меня в голове, — сказала Энн, стараясь казаться спокойной.

— Вы произнесли их, — мягко сказал он.

— Неужели?.. А я и не заметила… Как вы сюда попали? — помолчав, спросила она.

— Я уже давно стою у вас за спиной, но вы ни разу не обернулись.

— Я была слишком поглощена… — пробормотала она негромко.

— Да… Я тоже пришел сюда, чтобы попрощаться с ним. Сегодня утром я узнал, что лорд Нельсон на корабле, и сразу понял, что теперь они поднимут паруса без промедления. «Виктория» и «Эуриалус» должны присоединиться к остальному флоту в Плимуте. Народу собралось видимо-невидимо — всем хотелось проводить адмирала, и все приветствовали его и корабль. Говорят, он взял с собой на борт свой гроб.

— Гроб! — воскликнула Энн и побелела как

полотно. — Значит, им грозит смертельная опасность! Ах, зачем Боб попал на это судно, уже с первой минуты обреченное на гибель!

— Он хотел во что бы то ни стало служить под началом капитана Гарди, — сказал Джон. — Да, возможно, дело будет жаркое, но надо уповать на хороший исход. — И, заметив, какое страдание написано на лице Энн, Джон добавил: — Разрешите мне проводить вас домой. Вам нужно добраться только до Хоуп-Ков. Через час оттуда отчалит баркас — он переправит вас на ту сторону залива; хозяин судна мне знаком, и я не сомневаюсь, что он возьмет вас на борт.

Энн повернулась, наконец, спиной к Ла-Маншу и вместе с Джоном довольно быстро проделала обратный путь. Баркас, как сказал Джон, действительно стоял у причала. В хозяине Энн узнала старого моряка, который был вместе с ней на мысу, а баркасом управляли его два младших сына. Джон помог Энн вскарабкаться на скользкий мшистый камень, оттуда она прыгнула в баркас, один из юношей скинул с плеч куртку, постелил на скамью, и баркас отчалил от берега, а Джон поднялся на голубовато-серый утес, за которым пролегал проезжий тракт, и исчез.

Энн возвратилась в город около трех часов

пополудни. Прогулка по морю на корме баркаса освежила ее и придала сил — этому способствовали и галеты, которые она наконец заставила себя съесть. Оверкомбский фургон должен был отправиться обратно не раньше четырех часов. Энн не по душе было шумное веселье, царившее на улицах города, и она, миновав королевский дворец, вышла на пустынную окраину, а мысли ее вновь обратились к кораблю и его, быть может, печальной участи. Спешить ей было некуда, и, видя, что в ее распоряжении остается еще по меньшей мере полчаса, она свернула на неширокую дорогу между живыми изгородями, чтобы избежать чересчур пытливых взглядов прохожих. Здесь было совсем безлюдно и тихо, и Энн присела под ивой, рассеянно поглядывая на деревья, которые осень уже начала одевать пышным багрянцем, но чувствуя себя бесприютно и одиноко, как в опустевшем театре среди великолепных декораций. Самообладание покинуло ее, и, закрыв лицо руками, она безутешно разрыдалась.

В нескольких шагах позади нее бил источник, обложенный гладкими каменными плитами, чтобы скот не мог спускаться к нему и загрязнять воду. Энн сидела, проливая слезы, и не заметила, как два пожилых господина приблизились к

источнику, остановились, обошли его вокруг и наклонились к воде, словно хотели понюхать ее или попробовать на вкус. Это был серный источник, совсем недавно открытый одним местным врачом, но уже привлекавший к себе внимание своими целебными свойствами, творившими почти непостижимые чудеса. После довольно продолжительной беседы — о том, по-видимому, как наилучшим образом может быть использован этот источник, — один из джентльменов остался возле водоема и стал измерять его глубину тростью, другой же, одетый в синий мундир с золотыми пуговицами, повернул обратно, но тут заметил удрученную горем Энн, быстро направился к ней и спросил:

— Что с вами?

Энн в своей печали не заметила его приближения, но, отняв платок от глаз, сразу поняла, что перед ней король, и тотчас вскочила на ноги.

— Что такое, мы плачем? — участливо спросил король. — Что случилось?

— Я... Я проводила в дальний путь милого друга, ваше величество, — пробормотала Энн, опустив глаза.

— А! Прощания всегда печальны... очень печальны... Для всех нас. Но вы не должны терять

надежду, что ваш друг скоро возвратится. А куда он — или, быть может, это она? — отправился?

— Я не знаю, ваше величество.

— Вы не знаете? Как же так?

— Он моряк с корабля «Виктория».

— Этим он по праву может гордиться, — сказал король, заметно проявляя интерес. — Это ваш брат?

Энн хотела объяснить, кем доводится ей Боб, но только мучительно покраснела и почувствовала, как ее обдало жаром.

— Так, так, так. И как же его имя?

Как ни была Энн смущена и подавлена, женская интуиция подсказала ей, что будет совсем неплохо, если король узнает про Боба, и ответила:

— Его зовут Роберт Лавде, ваше величество.

— Лавде? Хорошая фамилия. Я ее не забуду. А теперь утрите ваши глазки и перестаньте проливать слезы. Лавде… Роберт Лавде.

Энн присела в реверансе, король благосклонно улыбнулся и возвратился к своему спутнику, которым, как потом оказалось, был доктор ***, придворный врач из Глостерского замка. Этот господин успел тем временем наполнить целебной водой небольшую флягу и бережно спрятать ее в карман. Король подошел к нему, и они уда-

лились вместе. Энн уже справилась с волнением и, тихонько последовав за ними, успела увидеть, как они сели в ожидавшую их в конце проулка карету.

Совсем забыв про фургон, с которым она собиралась возвратиться домой, не замечая ничего вокруг, Энн стрелой летела по дороге, а когда опомнилась, увидела, что до Оверкомба уже так недалеко, что ждать фургона не было никакого смысла. После столь утомительного и печального дня она снова была полна бодрости и возвращалась домой окрыленная надеждой: в своих мечтах она уже видела Боба, возведенного специальным приказом короля в чин адмирала или получившего какую-то другую не менее чудесную награду, в результате чего осуществлялось самое заветное ее желание — Боб оставался дома и никогда больше не должен был уплывать в море. Поскольку Энн не принадлежала к женщинам, способным долго предаваться сумасбродным мечтам, еще не дойдя до дома, подумала, что король, вероятнее всего, уже успел позабыть и ее самое с ее тревогами, и имя ее возлюбленного.

Глава 35
На сцене появляется незнакомый матрос

Обычная летняя суета понемногу улеглась, и последние две недели сентября протекали сравнительно тихо. А в начале октября королевское семейство покинуло курорт, и почти одновременно с ним снялся с места и немецкий легион вместе со всей артиллерией. Но драгуны все еще оставались в своих казармах в предместье города, и Джон Лавде приносил Энн каждый номер газеты, который ему удавалось где-нибудь раздобыть, особенно если в нем содержались какие-либо сведения о находящихся в плавании судах. Благодаря этому встречи их участились, и Джону в эти минуты порой приходилось нелегко: он испытывал неловкость и смущение, ибо не умел кривить душой, а должен был скрывать от Энн свою к ней любовь.

Интересы Энн не были теперь ограничены узким миром Оверкомба и близлежащего городка — они становились поистине общеевропейскими, но в течение всего октября о Нельсоне и

его флоте, блокировавшем Кадис, не поступало никаких сообщений. По адресу Бонапарта отпускались обычные шутки — и с особенным удовольствием после того, как стало известно, что вся французская армия показала спину в Булони и отступила к Рейну. Затем стало известно о продвижении Бонапарта через Германию и вступлении в Австрию, но о «Виктории» не было ни слуху ни духу.

В начале осени Джон пришел с вестью, которая напугала и ошеломила Энн: австрийский генерал Макк сдался в плен со всей своей армией. Снова стали возрождаться прежние опасения, ожил страх перед вторжением неприятеля.

«Не утомленный ожиданием предстанет теперь перед нами тот, с кем нам предстоит сразиться, а окрыленный только что одержанной им победой», — писала газета. Впрочем, эти столь унылые напевы к концу той же недели сменились другими, звучавшими уже в мажорном тоне. В тот самый день, когда армия генерала Макка слагала знамена к ногам победителя, Боб Лавде и его товарищи нанесли Бонапарту такой удар, который навеки сокрушил его морскую мощь. На четвертый день после получения печальных известий о событиях в Австрии капрал Тьюлидж

прибежал на мельницу сообщить о том, что в понедельник в одиннадцать часов утра в Фальмут прибыл лейтенант Лапенотьер со шхуны «Пикл» с донесением о морской победе и что все почтовые кареты на дороге между Уэссексом и Лондоном испещрены сделанными мелом надписями: «Великая победа!», «Ура! Ура!» — и другими в том же духе и весь народ в Оверкомбе в страшном волнении и жаждет узнать подробности.

В пятницу после полудня появился Джон и принес самые достоверные вести о Трафальгарской битве и смерти адмирала Нельсона. Капитан Гарди остался жив, хотя был на волосок от гибели: выстрелом сбило пряжку с его башмака. Прошел слух, что самое кровопролитное сражение разгорелось на борту «Виктории», однако списки убитых и раненых еще не были опубликованы — известно было только приблизительное количество жертв на некоторых кораблях.

Все небольшое семейство мельника проводило дни в мучительной неизвестности и в самом напряженном ожидании. Джон наведывался на мельницу каждый день, но прошло больше недели, прежде чем новые вести достигли Англии, но и эти сведения были очень скупы: стало известно только, что тотчас после сражения на море

разыгрался шторм и многие трофеи погибли. Энн молча внимала этим сообщениям: лицо ее оставалось непроницаемым, но какой-то внутренний голос, казалось, нашептывал ей в уши, что Боба больше нет в живых. Мельник Лавде снова и снова ездил в Постхем к сестрам капитана Гарди узнать, не получили ли они каких-либо более надежных известий, чем эти случайно долетавшие до мельницы слухи, однако в семействе капитана также ничего не было известно, и никто не мог развеять тревоги мельника. А когда в конце ноября адмирал Коллингвуд опубликовал наконец список убитых и раненых, это ничем не помогло семейству Боба Лавде, так как в списке стояли лишь имена офицеров; друзьям же и близким рядовых матросов и солдат морской пехоты предоставлялось в то доброе старое время право узнавать о понесенных ими утратах любыми имевшимися в их распоряжении способами.

Чем сумрачнее и короче становились зимние дни, тем больше укоренялась в душе Энн уверенность в гибели Боба. Он был не из числа тех осторожных людей, которые не станут подвергать себя ненужному риску, а уже стало известно, что команда корабля «Виктория» потеряла сто пятьдесят человек убитыми и ранеными. Кто

бы ни заглянул в эти дни в комнату Энн, он мог убедиться в том, что ее излюбленным чтением стала «Погребальная служба для тех, кто скончался в открытом море», начинавшаяся словами: «Мы предаем его тело глуби морской». В начале декабря несколько кораблей, овеянных славой победителей, возвратились в свой порт, но «Виктории» среди них не было, и многие считали, что этот благородный корабль, обессиленный жестоким сражением, затонул во время разыгравшегося вслед за битвой шторма. Так думали до тех пор, пока в городе и в порту не пронесся слух, что корабль этот видели в Ла-Манше. А через два дня «Виктория» вошла в Портсмутскую гавань.

После этого в газетах стали появляться письма оставшихся в живых моряков, однако от Боба не промелькнуло ни единой весточки, хотя Джон, продолжая неизменно приносить Энн газеты, неустанно следил за всеми сообщениями. Иной раз Джону приходило на ум, что брат его, быть может, цел и невредим, но, верный своему намерению отказаться от Энн и оседлой семейной жизни, сознательно не торопится сообщить о себе. Если это было действительно так, то Боб, по мнению Джона, поступал крайне опрометчиво: ведь достаточно было взглянуть на прекрасное

лицо его жертвы, чтобы понять, как тяжко ей это состояние неизвестности, да и вся семья жила в постоянной тревоге.

Был погожий декабрьский день. Первый снежок только что лег на землю, и ветви яблонь в саду мельника обросли с одного боку белым пушком, хотя на верхушках более молодых деревцов еще трепетали последние листья. Какой-то невысокого роста человек в форме моряка королевского военного флота отворил калитку во двор мельницы и направился к дому. Но, увы, это был не Боб. Мельник поспешил выйти к нему навстречу и провел его в комнату, где уже собралось все семейство: Джон, миссис Лавде и Энн.

— Я с «Виктории», — сказал матрос. — Меня зовут Джим Корник. Ваш парень жив-здоров.

Все лишились дара речи, не в силах выразить свою радость и благодарность за принесенную весть; у старика мельника слезы выступили на глазах, и он отвернулся, чтобы справиться с охватившим его волнением, а Энн, которая сначала порывисто вскочила со стула, упала на него снова, словно не могла устоять на ногах, — столь бурный охватил ее восторг, заставив затрепетать с головы до пят.

— Я прибыл из Спитхеда в Постхем, — продол-

жал матрос, — а теперь направляюсь к своему отцу в Бедмут.

— А! Я знаю вашего отца — старого Джеймса Корника, — воскликнул трубач.

Старик Корник был тот самый моряк, который перевозил Энн на своем баркасе из Портленд-Билла через залив.

— Так у Боба нет ни царапины?

— Ни царапины, — подтвердил матрос.

Мельник бросился похлопотать об угощении для гостя, а Энн, жарко зардевшись, отошла в глубину комнаты. Безмолвно покачиваясь в кресле-качалке, она казалась в эту минуту живым воплощением безмятежного счастья и довольства. Она прислушивалась к словам моряка и утопала в волнах блаженства, которые уносили ее куда-то в лучезарную даль. Моряк и Джон продолжали беседу.

— Бобу пришлось крепко поработать, чтобы забаррикадировать клюзы перед боем, и наш капитан, да и сам адмирал, оба были очень им довольны. Когда адмирал уже поднимался по лестнице на шканцы, капитан что-то сказал Бобу, но я в это время находился чуть подальше, возле пушки, и не разобрал, что такое он ему сказал. Когда адмирала ранили, Боб увидел, как он покач-

нулся, и, подхватив его, отнес с помощью других матросов в кубрик. А потом он и еще несколько ребят перепрыгнули на палубу французского корабля, и все они были там, когда француз спустил свой флаг. Как они сражались, этого я сказать не могу, потому что ветер тут как раз упал, и в тучах дыма ничего нельзя было разглядеть. Но только все говорят о Бобе, и похоже, его произведут в офицеры.

Тут Джим Корник прервал свой рассказ, чтобы отхлебнуть глоток вина, и стало слышно, как Энн, замечтавшись в своем углу, что-то тихонько напевает про себя. Когда беседа между матросом, Джоном Лавде и мельником возобновилась, из глубины комнаты время от времени продолжали доноситься приглушенные напевы.

— А у нас тут болтали, будто «Викторию» разнесло в щепы, — сказал мельник.

— Разнесло в щепы? Поглядели бы вы тогда на этот корабль, так, пожалуй, сказали бы то же самое! Да, черт побери, он был совсем как старое корыто: в боках пробиты бреши, в вельсах застряло пушечное ядро, а паруса больше походили на силок для птиц! Весь обратный путь мы шли с фальшивой фок-мачтой, а кровь на палубах нельзя было отдраить ни горячей водой, ни холодной…

Наш капитан только чудом уцелел, да и многие другие тоже; у капитана выстрелом сорвало с башмака пряжку: срезало, как бритвой, — но вы бы видели, какое у него было лицо в разгар битвы — прямо как выкованное из железа.

— А мы все надеялись получить письмо от Боба.

— Да, конечно, — сказал Джим Корник с добродушно-лукавой улыбкой, — но вы уж на него не обижайтесь. Правду сказать, он ведь помолвлен, как и многие другие ребята с нашего корабля… Барышня эта, которую он обхаживает там, в Портсмуте, — очень симпатичная особа, и, помяните мое слово, будет ему превосходной женой.

Миссис Лавде предостерегающе кашлянула.

— Обхаживает… женой… — растерянно пробормотал мельник.

Все невольно обернулись к Энн. Она вздрогнула так сильно, словно чья-то невидимая рука тряхнула ее за плечи. В ее глазах отразилось недоумение, а затем на какую-то секунду они утратили всякое выражение. Страшно побледнев, она поднялась и шагнула к матросу. Джон сделал робкую попытку удержать ее, но она отстранила его и прошла мимо.

— Вы говорите, что Роберт Лавде ухаживает за

какой-то женщиной и собирается на ней жениться? — спросила она, не выказывая ни малейших признаков волнения.

— А я и не видел вас, барышня, — ответил Корник, оборачиваясь к ней. — Да, ваш братец присмотрел себе невесту, и надо сказать, что он вполне ее достоин. Надеюсь, вы ничего не имеете против?

— Ровно ничего. — Энн делано рассмеялась. — Но меня, конечно, все это очень интересует. Кто она такая?

— Дочь булочника и очень славная девушка. Молодой человек сделал совсем неплохой выбор, голубка.

— Она блондинка или брюнетка?

— Нет, пожалуй, волосы у нее светлые.

— Мне нравятся светлые волосы. А как ее зовут?

— Ее зовут Кэролайн. Но вам вроде как неприятно слушать об этом? Ежели так, то я…

— Да-да, — нетерпеливо перебил его Джон. — Дальнейшие подробности нас пока не интересуют.

— Неправда! Очень интересуют! — страстно воскликнула Энн. — Рассказывайте дальше, матрос. Кэролайн — какое красивое имя! Когда же

они думают сыграть свадьбу?

— Я не поручусь, что день уже назначен, — сказал Джим, все еще не отдавая себе отчета в том, что его слова заставляют кровоточить сердце в чьей-то прекрасной груди. — Но поскольку ухаживание летит вперед на всех парусах, то свадьба, думается мне, не за горами.

— Если вы увидите его, когда возвратитесь назад, передайте ему мои искренние поздравления, — непринужденным тоном сказала Энн, направляясь к двери. — И скажите, — добавила она, и в голосе ее на этот раз прозвучала горечь, — что я была очень рада узнать о том, что он не терял времени даром после того, как столь удачно сумел избегнуть путешествия в царство теней! — С этими словами она вышла из комнаты, и вскоре издалека донеслось ее громкое пение, словно она хотела подчеркнуть свое безразличие к тому, что произошло:

Будем плясать и кружиться, кружиться,

Почему бы нам не плясать?

— А ваша сестрица повеселела, услыхав эту новость, — заметил Джим Корник.

— О да, — мрачно пробормотал Джон, закусив

нижнюю губу и уставившись в огонь.

— И не скажу также, — продолжал матрос с «Виктории», — чтобы ваш братец зафрахтовал себе суженую без всякого груза. Тут ему, признаться, повезло, ведь он мог подцепить какую-нибудь девицу и без гроша в кармане. Ну уж и погуляли же мы, когда сошли на берег! Все двери были для нас открыты! — С минуту Джим, казалось, предавался сладостным воспоминаниям, упиваясь воскресшей перед его мысленным взором картиной, затем осушил свою кружку и поднялся.

Мельник вышел проводить гостя до калитки; пение Энн только что замерло где-то вдали; Джон по-прежнему стоял возле камина, а миссис Лавде направлялась к двери, чтобы присоединиться к дочери, поведение которой породило в ней тревогу, и в эту минуту наверху раздался глухой стук, словно от падения тела.

Миссис Лавде бросилась вверх по лестнице с криком:

— Ах, недаром я боялась!

Джон устремился следом за ней.

Они почти одновременно вбежали в комнату Энн и увидели, что она без чувств лежит на полу. Джон, сжав побелевшие губы, поднял девушку, положил на постель и отошел к двери, уступив

место матери, которая с пузырьком нюхательной соли в руке склонилась над Энн.

Обернувшись к Джону, миссис Лавде сказала:

— Это просто обморок, Джон, щеки у нее уже порозовели. Теперь оставьте нас. Я скоро спущусь вниз и сообщу, как она себя чувствует.

Джон вышел из комнаты. Когда он сошел вниз, его отец стоял возле камина. Моряка уже не было. Трубач тоже подошел к огню и молча стал возле отца, вцепившись рукой в каминную полку, так что побелели суставы.

— Мне послышался какой-то шум, когда я был в саду, — с тревогой сказал старик.

— Да, Энн в обмороке, — ответил Джон, — но миссис Лавде говорит, что она уже приходит в себя. Отец! — порывисто воскликнул Джон. — Боб жалкий, бесчувственный тупица! Когда-то он был неплохим малым, и было бы лучше, если бы он утонул тогда!

— Потише, потише, Джон, — сказал мельник. — Стыдись! Негоже так говорить о родном брате.

— Да всякое ж терпение может лопнуть. Силы небесные, какое каменное нужно иметь сердце, чтобы так поступать! Почему он не приехал домой? А если уж не мог получить отпуск, так почему не прислал письма? Это же бессовестно

— так поступать с девушкой!

— Спокойней, спокойней! Мой сын исполнил свой долг перед родиной, и хотя между ним и Энн, похоже, и вправду что-то было, ее мать не раз говорила мне, когда у нас заходила об этом речь, что она и думать не хочет об их женитьбе, пока Боб не обоснуется окончательно на мельнице и не займется делом. И что ни говори, а, завоевав победу, можно позволить себе некоторые вольности. Погляди хоть на нашего адмирала.

Джон молчал и не сводил глаз с пылающих углей, но вот на лестнице послышались шаги миссис Лавде, и он поспешил к ней навстречу.

— Ей лучше, — сказала миссис Лавде. — Но сегодня она уже не спустится вниз.

Однако эти слова не успокоили бы Джона, если бы он мог слышать, какие стенания вырывались из груди несчастной девушки, когда она металась на постели, шепча:

— Только не это, только не это! Лучше бы он умер!

Глава 36
Фестус Дерримен спешит воспользоваться случаем

Тем временем матрос Корник возвращался своим путем и на перекрестке столкнулся с шагавшим ему навстречу Фестусом Деррименом. Фестус, увидев перед собой моряка и заметив, что он идет со стороны мельницы, тотчас заговорил с ним. Джим словоохотливо поддержал беседу и поведал Дерримену слово в слово то, что рассказывал на мельнице.

— Боб Лавде собирается жениться? — переспросил Фестус.

— Я вижу, эта новость поразила тут вас всех, словно гром небесный.

— Ну нет. Приятнее этого известия я еще ничего не слышал.

Корник ушел, а Фестус не двинулся с места: остановившись на мостике, погрузился в размышления. Теперь, когда Боб перенес свое внимание на другую, он, вероятно, не будет ничего иметь против, если кто-то поведет атаку на сердце Энн. Во всяком случае, теперь уже можно

было не опасаться дуэли, мысль о которой ни на минуту не оставляла Дерримена в покое с того дня, когда он позволил себе так грубо пошутить с Энн. И наш герой тотчас решил, что поступит как нельзя более мудро, если без промедления отправится прямо на мельницу и попросит у миссис Лавде руки ее дочери, пока та не склонилась на сторону Джона.

Когда Фестус добрался до мельницы, уже начинало смеркаться, и в доме веселые отблески огня играли на стенах и на полу. Он застал миссис Лавде одну, и она предложила ему расположиться возле камина; давнишняя мечта увидеть его когда-нибудь своим зятем все еще не покидала даму.

— Я всегда к вашим услугам, миссис Лавде, — сказал Фестус, — и сейчас скажу прямо, без обиняков, зачем пришел. Вы сами согласитесь, что я не теряю времени даром, ибо цель моего прихода — заключить наконец долгожданный союз с вашей дочерью, которая, как мне стало известно, вновь получила свободу.

— Благодарю вас, мистер Дерримен, — благодушно ответила маменька, — но Энн сейчас больна. Я поговорю с ней об этом, когда поправится.

— Скажите ей, что она не должна быть такой суровой, такой жестокосердой ко мне, ибо я… ибо я сгораю от страсти. Короче говоря, — все более разгорячаясь и мало-помалу теряя свой учтивый тон, продолжал Фестус, — вот что я вам скажу, мадам Лавде: я хочу эту девушку и должен ее получить.

Миссис Лавде ответила, что он выразил свою мысль как нельзя более доходчиво.

— Ну разумеется. А Боб сам от нее отказался. Да он никогда и не собирался жениться на ней. Я открою вам, миссис Лавде, то, чего еще не говорил ни единой живой душе. Я стоял в Бедмуте на пристани в тот самый день в конце сентября, когда Боб уходил в море, и слышал, как он сказал своему брату Джону, что отказывается от вашей дочери.

— В таком случае было крайне неблагородно с его стороны играть ее сердцем, — гневно вспыхнув, заметила миссис Лавде. — В пользу кого же он от нее отказался?

Фестус ответил не без некоторого замешательства:

— Он отказался в пользу Джона.

— Джона? Как это может быть, когда Джон по уши влюблен в актрису!

— Вот как? Вы меня удивляете. Кто же эта актриса?

— Да все та же мисс Джонсон. Энн сказала мне, что он без памяти в нее влюблен.

Фестус вскочил. После такого заявления мисс Джонсон, по-видимому, сразу приобрела значительно большую ценность в его глазах. Он и сам не остался нечувствителен к ее чарам, и вот то же случилось с Джоном. Джон везде и всюду вставал у него на пути.

Но прежде чем он успел что-либо сказать, дверь отворилась, и отблески огня заиграли на военном мундире того самого лица, о коем только что шла речь. Узнав вошедшего, Фестус кивнул ему, быстро распрощался с миссис Лавде и ретировался весьма поспешно.

— Так значит, Боб сам сказал вам, уезжая, что хочет порвать с Энн? — спросила миссис Лавде трубача. — Жаль, что я не знала этого раньше.

Этот упрек, по-видимому, очень расстроил Джона. Пробормотав, что не смеет этого отрицать, он тоже поторопился покинуть мельницу и устремился вслед за Деррименом, фигура которого маячила впереди, уже на мосту.

— Дерримен! — крикнул Джон.

Фестус вздрогнул и обернулся, кротко спросив:

— Что скажете, господин трубач?

— Когда вы перестанете совать нос в чужие дела, подслушивать за спиной и разводить сплетни? — резко спросил Джон. — Должно быть, мне придется снова оттрепать вас за уши, как в тот раз, поскольку никаким другим способом вас, как видно, от этого не отучишь.

— Придется вам? Как можете вы так бессовестно врать? Вы же прекрасно знаете, что не вы оттрепали меня за уши, а кое-кто другой.

— Ну уж нет! Именно я трепал вас за уши и даже легонько поколотил.

— Поклянитесь, что это были вы! Ей-богу, это был другой.

— Дело происходило в харчевне, почти в полной темноте, — сказал Джон и присовокупил весьма веские доказательства, подробно и точно описав некоторые затрещины.

— О, в таком случае я от всей души прошу у вас прощения за то, что усомнился в правдивости ваших слов! — с любезной улыбкой воскликнул Фестус и, шагнув к Джону, протянул руку. — Поверьте, если бы я знал, что это были вы, никогда бы не посмел оскорбить вас, утверждая, будто это не вы.

— Так вот, значит, почему вы не вызвали меня

на дуэль?

— Вот-вот, именно! Если бы я только знал! Разве мог бы я не вызвать вас на дуэль, зная, как это оскорбительно для вашего высокого чувства чести. А теперь, вы видите сами, я уже, к несчастью, не могу исправить свою ошибку. Столько времени утекло с тех пор, что мой жар остыл. Как бы ни хотелось мне доставить вам удовольствие, господин трубач, я просто не в состоянии этого сделать, ибо я не из тех, кто может хладнокровно убивать себе подобных, как скот на бойне, — нет-нет, это не по мне. Да ведь и вы тоже, сдается мне, на это не способны. Так что волей-неволей придется нам махнуть рукой на это дело, верно?

— Придется, по-видимому, — мрачно усмехнулся Джон. — За кого же в таком случае приняли вы меня в ту ночь, когда я так знатно вас поколотил?

— Нет-нет, не допытывайтесь! — воскликнул Фестус. — Этого я вам открыть не могу. Я опозорю сам себя, если расскажу, какую шутку сыграло со мной это проклятое вино и как ужасно затуманило мой рассудок. Давайте, как говорится, предадим это забвению.

— Как вам будет угодно, — презрительно усмехнулся трубач. — Но если когда-нибудь вам вдруг

покажется, что вы все-таки знали, кто вас поколотил, я всегда к вашим услугам. — И с этими словами он ушел.

Когда же он совсем скрылся из глаз, Фестус, сжав кулак, яростно погрозил звезде, случайно вспыхнувшей на горизонте в той стороне, где исчез трубач.

— А теперь отмщение, отмщение! Поединок? Да я навеки покрою себя позором, если скрещу шпагу с этим простолюдином! Для человека благородного происхождения такой способ мести унизителен. Матильда — вот кто будет моим орудием!

И Фестус зашагал дальше, прямо к усадьбе своего дядюшки, где его первым встретил Криппплстроу, выглянув из сторожки привратника под аркадами. Фестус с такой силой толкнул калитку, что повалил ограду.

— Спаси господи! Мистер Фестус! — сказал Криппплстроу. — Я как увидел вас, так сразу подумал: ну конечно, мистер Фестус изволит столь ужасно гневаться, потому что неприятель, видно, так и не пожалует к нам в этом году.

— Криппплстроу! Я был ранен в самое сердце, — ответил Фестус, мрачно сдвинув брови.

— И ваш обидчик еще жив, и вы хотите, чтобы я

тотчас оседлал вам коня и приготовил пистолет? Сейчас, мистер Фестус…

— Нет, Криппlстроу, мне нужен не пистолет, а мой самый лучший новый костюм, мои золотые брелоки, моя трость с серебряным набалдашником и мои пряжки, за которые я отвалил столько золотых монет, сколько ему и во сне не снилось! Видишь ли, я должен поделиться своими планами с кем-нибудь, а так как поблизости нет никого, кроме тебя, дурака, так я поделюсь с тобой. Он любит ее без памяти. Он беден. Она в высшей степени благовоспитанная молодая особа, но небогатая. Я несравненно богаче ее. Я приволокнусь за прелестной актрисочкой и уведу ее у него из-под носа.

— За актрисочкой, хозяин?

— Ну да! Я случайно повстречался с ней не далее как сегодня, и мы немного поболтали. Она все еще торчит здесь, в городе, — может быть, даже из-за него. Я могу встретиться с ней в любую минуту… Впрочем, я не собираюсь на ней жениться, отнюдь нет. Я приволокнусь за ней просто для развлечения и чтобы насолить ему. Когда он увидит, что она мне вовсе не нужна, ему от этого еще горше будет. Тогда он, быть может, скажет мне, как бедняк королю в той церковной притче:

«Ты отнял у меня мое единственное сокровище». И станет молить, чтобы я сжалился над ним, но, увы, будет поздно… А впрочем, к тому времени я, быть может, уже пресыщусь моей новой игрушкой. Завтра в десять утра седлай мне коня, Криппл-строу.

И вот в указанный час Фестус, исполненный решимости жестоко покарать Джона Лавде, пользуясь его страстью к Матильде Джонсон, вышел из дома в сапогах со шпорами и пустился в путь.

Мисс Джонсон покинула бы этот курорт вместе с остальным пришлым людом, так как срок ее театрального ангажемента давно истек, но кое-какие надежды матримониального характера удерживали ее здесь. Как не трудно догадаться, они не имели ни малейшего отношения к Джону Лавде, а были направлены на дородного, степенного судостроителя, проживавшего в Ков-Роу возле набережной и проявлявшего живейший интерес к ее сценическим перевоплощениям. К несчастью, этот весьма состоятельный господин к концу театрального сезона стал уже далеко не столь щедр на знаки внимания, как можно было бы ожидать поначалу, и потому Матильда, возвращаясь с очередной прогулки мимо окон своего почтенного обожателя, была приятно об-

радована, увидев, что в гавани, прислонившись к парапету, стоит Фестус Дерримен и пронзает ее взглядом.

— Черт побери, сударыня, почему вы не сказали мне, когда мы виделись с вами прошлый раз, что этот малый в синем мундире с галунами, который трубит в трубу, ваш поклонник? — начал свою речь Фестус.

— Кого это вы имеете в виду? — симпатии Матильды были столь разнообразны и изменчивы, что личность Джона Лавде, от которого явно не могло быть никакого толку, давно утратила всякий интерес в ее глазах.

— Как кого? Да трубача.

— О! А при чем здесь он?

— Полно! Он любит вас, и вам это известно, сударыня.

Если не это, то кое-что другое ей, во всяком случае, хорошо было известно: она знала, что благоприятный случай нельзя упускать. Бросив быстрый взгляд на Фестуса, она многозначительно поджала губы и кивнула.

— Ну а я явился сюда для того, чтобы натянуть ему нос.

Матильда покачала головой, опасаясь сказать лишнее, пока еще не все было для нее ясно.

— Как! — вскричал Фестус, багровея. — Не хотите ли вы сказать, что можете принимать его всерьез, в то время как вам предоставляется возможность залететь куда выше?

— Вода камень точит, а вы бы слышали его мольбы! Его красивое лицо так выразительно, а его обхождение — о, оно так благородно! Я небогата. Признаться вам, вы видите перед собой несчастное существо, принадлежащее разорившемуся и угасающему роду. Мне нечем похвалиться, кроме доблестного имени моих предков, а ведь оно не может ни прокормить, ни одеть! Я принимаю мир таким, каков он есть, мой дорогой Дерриманио, — это сцена, где каждый должен сыграть свою роль, а моя — весьма печальна! — И, потупив задумчивый взор, она вздохнула.

— Ну, мы еще поговорим об этом, — сказал донельзя растроганный Фестус. — Давайте прогуляемся к маяку.

Предложение было принято без возражений, и когда они повернули в сторону маяка, Матильда промолвила:

— Мистер Дерримен, я когда-то нашла одну вещицу, принадлежащую вам, но все забывала возвратить. — И она достала из-за пазухи листок

бумаги, который как-то, жарким летним днем, выронила Энн, стараясь вырваться из объятий Фестуса.

— Черт побери, я чую — тут что-то есть! — воскликнул Фестус, поглядев на бумагу. — Это рука моего дядюшки, и я слышал, как он напевал это в тот самый день, когда французы так и не явились к нам, а потом еще чертил это на дороге, я сам видел. Верно, он что-то припрятал. Отдайте мне эту бумагу, будьте умницей. Такая бумажка дороже золота.

— Только чур исполу, — нежно проворковала Матильда.

— Да все, что захотите, черт побери! — воскликнул Фестус, расплываясь в улыбке, ибо Матильда взглянула на него с самой очаровательной из своих наиновейших ужимок, прикинув, что, быть может, есть смысл его приручить.

Они поднялись по ступенькам на вершину утеса и, превратившись в два крошечных пятнышка на фоне неба, исчезли за скалой.

Глава 37
Последствия

Минул декабрь, и новый год уже две недели, как вступил в свои права, а от Боба все не было вестей. Его путь, однако, можно было бы довольно точно проследить по газетам, которые Джон по-прежнему продолжал приносить на мельницу, но Энн их больше не читала. На второй неделе декабря «Виктория» держала путь в Ширнес, а девятого января в соборе Святого Павла состоялось отпевание лорда Нельсона.

Наконец пришло письмо — несколько скупых строк, адресованных всему семейству вкупе. О своей новой портсмутской привязанности Боб не обмолвился ни словом: рассказал лишь о том, что был в числе сорока восьми моряков, которые двумя шеренгами шли за гробом адмирала, и что капитан Гарди нес знамя с эмблемами. Скоро они прибудут в Чатем, где вся команда будет распущена, после чего он предполагает завернуть на несколько дней в Портсмут: навестить одного близкого друга, — а затем приедет домой.

Однако пришла весна, а Боб не появился, и

Джон, наблюдая горькое одиночество Энн, все сильнее проникался желанием как-то ее утешить. Его прежнее чувство к Энн, которое он так свято хоронил от всех, глухо бунтовало в его душе, хотя наружно еще ничем себя не проявляло.

А старик мельник, обычно не встревавший в дела такого рода, начинал день ото дня все более многозначительно поглядывать на Энн и своего сына, и однажды решил поговорить с Джоном с глазу на глаз.

Речь его была немногословна, он без обиняков подошел к самой сути: Энн все грустит, слишком много думает о Бобе. А меж тем может пройти несколько лет, пока они его снова увидят. И, сказать по правде, ему всегда казалось, что было бы лучше, если бы она вышла замуж за Джона, а не за Боба. Почему бы теперь Джону не занять место Боба на мельнице? Может, он преуспеет там, где Бобу не удалось.

— Так что если ты, сынок, заставишь ее поменьше думать о нем и побольше о тебе, это для всех будет лучше.

У Джона сильно забилось сердце, однако он справился с охватившим его волнением и сказал твердо:

— Верность Бобу прежде всего!

— Он позабыл Энн — значит, об этом и говорить незачем.

— Но она не забыла его.

— Ну, смотри, смотри. Подумай хорошенько.

В результате этой беседы Джон взялся за перо и написал Бобу письмо, в котором просил брата дать решительный ответ: был ли его отказ от Энн в минуту их прощания на набережной лишь внезапным порывом, жертвой, приносимой на алтарь дружбы (так показалось это тогда Джону и, следовательно, воспользоваться этим было бы жестоко), или (так выглядит это теперь) поспешное, необдуманное намерение переросло в твердую решимость и Боб действует уже в своих личных интересах, нимало не заботясь о том, как это отразится на судьбе бедной Энн.

Джон с волнением ждал ответа, но его не было, и это молчание казалось еще более красноречивым, чем любое письмо с подтверждением того, что Боб полностью отказывается от своих притязаний на сердце Энн. Таким образом, отцовское воздействие, с одной стороны, безучастие брата — с другой, и чувство самого Джона, которому он наконец готов был дать волю, — все соединилось воедино, дабы заставить трубача еще раз предпринять попытку сблизиться с Энн, как в

былые дни.

Но прошло целых пять месяцев, которые Энн провела в полном одиночестве, и уже снова зацвели кукушкины слезки, и колокольчики стали покачиваться всюду, куда ни глянь, прежде чем Джон объяснился с Энн. Она подвязывала в саду цветущие ветви высокого кустарника и знала, что Джон стоит позади, но не повернула головы. Она научилась держаться спокойно и с достоинством, и это помогало ей, когда она видела, что за ней наблюдают, хладнокровно и невозмутимо заниматься своим делом; ничто уже не напоминало в ней трепетного волнения молодой неопытной девушки прежних дней.

— Вы так никогда и не обернетесь ко мне? — с добродушной усмешкой спросил ее, наконец, трубач.

Она обернулась и молча посмотрела на него; в ее взгляде появилась настороженность — словно едва заметное смущение и замешательство Джона заронили в ее душу подозрение.

— Сегодня уже совсем летний день, не правда ли? — заметила Энн.

Джон согласился, что день действительно совсем как летний, и так серьезно, испытующе посмотрел ей в глаза, что у Энн уже больше не

оставалось сомнений в том, о чем сейчас пойдет речь.

— В эти последние недели вы никогда не вспоминали о том, как было у нас с вами прежде? — спросил он.

— О, Джон, вы не должны приниматься за старое, — быстро проговорила Энн. — Я совсем, совсем другая теперь!

— Это дает мне еще больше оснований начать сначала, разве нет?

Энн, задумчиво глядя в глубь сада, едва заметно покачала головой.

— Я иначе смотрю на это.

— Но вы чувствуете себя теперь совершенно свободной, не так ли?

— Совершенно свободной! — повторила она подчеркнуто высокомерным тоном, а затем, опустив глаза, проговорила с расстановкой: — Да, я совершенно свободна. Но вы ведь не свободны?

— С чего вы взяли, что я не свободен?

— А мисс Джонсон?

— О… Эта женщина! Вы же знаете не хуже меня, что все это было притворством, и я ни единой секунды и не помышлял о ней.

— Я подозревала, что это просто игра с вашей стороны, но не была в этом уверена.

— Все это теперь не имеет никакого значения, Энн. Я хочу облегчить вашу жизнь, отвлечь вас от горестных мыслей, вознаградить, насколько это возможно, за недостойное поведение моего брата. Если вы не можете полюбить меня, будет достаточно вашего доброго отношения. Я прикидывал и так и этак, тысячу раз обдумывал все со всех сторон, не один месяц думал я об этом и, наконец, пришел к убеждению, что поступлю правильно, если поговорю с вами. Я уверен, что не обижаю этим Боба. По отношению к нему мы с вами совершенно свободны в своих поступках. Не будь я в этом уверен, ни единым словом бы не обмолвился. Отец хочет передать мне мельницу и будет счастлив, если вы подадите мне хоть маленькую надежду. Все в доме пошло бы по-иному, если бы я был хоть чуточку небезразличен вам.

— Вы очень великодушны и добры, Джон, — проговорила Энн, и крупная слеза скатилась по ее щеке на ленту шляпки.

— Нет, это неверно. Боюсь, что как раз напротив, — возразил Джон, глядя куда-то в сторону. — Ведь это будет прежде всего большое счастье для меня... Но вы не ответили на мой вопрос.

Она подняла на него глаза и с вымученной улыбкой сказала.

— Я не могу, Джон! Никак не могу. Обещайте исполнить то, о чем я вас попрошу.

— Что именно?

— Я хочу, чтобы вы сначала пообещали… Да, я знаю, что не имею права так поступать, — добавила она с кроткой мольбой, — и все же обещайте!

А Джону было уже все равно: он чувствовал, что для него все кончено, — поэтому он бесстрастно сказал:

— Обещаю.

— Вы не должны больше говорить со мной об этом — никогда-никогда, — постаралась сказать как можно мягче Энн.

— Хорошо, — пообещал Джон, — хорошо. Дорогая Энн, вы не считаете, что я поступил малодушно или нечестно, заговорив об этом снова?

Энн без улыбки посмотрела ему в глаза и тихо проговорила:

— Вы поступили совершенно естественно и нормально. И я тоже, мне кажется.

Джон спросил:

— Вы не станете теперь бояться меня и избегать? Я сдержу слово и больше не буду докучать вам.

— Спасибо, Джон, но вы не должны думать, что докучаете мне, — это совсем не так.

— Я был слепой дурак, это ясно: заставлял вас страдать и не понимал этого. Такова моя участь, должно быть. Чем сильнее любишь женщину, тем больше делаешь ошибок и приносишь ей страданий, чем тот, кто любит меньше.

Энн сложила руки на коленях и ответила негромко, потупив взор:

— Никто на свете не любит меня так, как вы, Джон, и нет на свете человека, который был бы более достоин любви, чем вы, и все же я не могу любить вас по-настоящему. — И, подняв к нему глаза, она добавила: — Но я такого высокого мнения о вас, что постараюсь, насколько смогу, больше думать о вас.

— Ну что ж, это уже кое-что, — улыбнулся Джон. — Вы сказали, чтобы я не поминал больше вам об этом. Как долго будет длиться этот запрет?

— Вот это уже нечестно, — заметила Энн и ушла, оставив его одного.

Прошло около недели. И как-то ввечеру мельник вошел в комнату Энн: твердая, решительная поступь его словно говорила о том, что и дух его исполнен решимости.

— Очень я порадовался, голубка моя, — начал он с многозначительной улыбкой, — когда взгля-

нул на прошлой неделе в окно и кое-кого там увидел. — И он кивнул в сторону сада.

Энн с искренним недоумением осведомилась, кого же это он увидел.

— Да тебя с Джоном в саду вдвоем, — сказал мельник и нежно погладил ее по плечу. — Уж как я буду рад, девочка моя, если ты полюбишь его вместо этого ветреника капитана Боба.

Энн покачала головой, не то чтобы резко отвергая его предположение, а скорее проявляя безучастие к затронутому вопросу.

— Разве это невозможно? Ну, признайся! — гнул свое мельник.

Энн вскинула голову и, горько рассмеявшись, с нетерпеливым укором воскликнула:

— Как вы все мне досаждаете! Вы заставляете меня чувствовать, что я поступаю очень скверно, не исполняя вашей воли и оставаясь верной… верной тому… — Но произнести последнее слово у нее не хватило сил. — Почему вам так этого хочется?

— Джон самый надежный, самый положительный малый из всех, кто когда-либо носил драгунский мундир и трубил в трубу, и я всегда считал, что с ним ты будешь счастливее, чем с Бобом. Теперь я задумал передать ему свое дело

— довольно уж он пошатался по свету, пусть поживет спокойно, — но тут очень многое зависит от тебя, и я должен знать, как ты решишь судьбу этого бедняги. Но помни, голубка, я не хочу принуждать тебя, просто спрашиваю.

Энн искоса взглянула на мельника из-под длинных полуопущенных ресниц, в задумчивости постукивая пальчиками по корсажу, и пробормотала:

— Я не знаю, что вам ответить.

И все же эти разговоры не могли не произвести впечатления на восприимчивую и совестливую душу Энн. Тому же содействовал и случай — небольшое событие, которое произошло как-то осенним вечером, когда Джон наведался на мельницу попить чайку. Энн на низенькой скамеечке сидела у камина, обхватив руками колено. Джон только что опустился на стул за ее спиной, а миссис Лавде наливала в чайник кипяток из котелка, висевшего почти над головой Энн. Неожиданно котелок перевернулся. Однако Джон успел вскочить со стула и защитить руки Энн и драгоценное колено, которое они обнимали, от кипящей ключом воды, подставив под кипяток свои руки. Миссис Лавде тотчас водворила котелок на место, но руки преданного трубача уже

были обварены.

Энн вздрогнула всем телом, словно внезапно пробуждаясь от глубокого сна: она, кажется, даже не заметила, что Джон сидел позади нее, — и воскликнула, взглянув на его руки:

— Что вы наделали, Джон, бедняжка! И все это ради меня!

При этих словах Джон мучительно покраснел и, легонько проведя пальцем по тыльной стороне руки, с которой клочьями слезала обваренная кожа, сказал:

— Немножко обварился, вот и все.

— Нет, вы ужасно обварились, а на меня ни единой капли не попало!

Энн взглянула в его доброе, открытое лицо, и в глазах ее появилось выражение, какого он никогда не замечал прежде, а когда миссис Лавде принесла мазь и бинт, взялась за дело сама. От прежней застенчивости не осталось и следа: заботливо и старательно наложив повязки, Энн осталась сидеть рядом с Джоном, а когда они прощались, сказала то, чего не говорила еще никогда:

— Приходите опять поскорее!

Итак, это новое доказательство безграничной преданности Джона — а их и раньше было нема-

ло — перевесило наконец чашу весов. Характер Джона, проявившийся в этом поступке, произвел глубокое впечатление на Энн. Она не могла не восхищаться удивительным постоянством, с которым он следовал за своей путеводной звездой, тем более что этой звездой была она сама. И все чаще и чаще Энн стала задумываться над тем, как могла она так упорно отклонять все его ухаживания, еще прежде чем появился Боб и воскресил ее детские мечты, оживил воспоминания, успевшие к тому времени сильно потускнеть. Почему же не может она, в конце концов, доставить радость мельнику и склониться на мольбы Джона? Она сделает счастливым весьма достойного человека, а в жертву будет принесена только ее недостойная особа и ее будущее, которое все равно не сулит ей больше никакой радости. «А Боб?.. Что ж, женщина, которая его полюбит, достойна только сожаления», — с негодованием думала Энн, и сумела, в конце концов, убедить себя в том, что этой женщиной может оказаться кто угодно, только не Энн Гарленд.

С этой минуты Энн повеселела и с подчеркнутой шутливой беззаботностью старалась показать, что гордость и здравый смысл одержали победу над нежными чувствами и воспоминаниями.

Начало этому было положено еще в тот миг, когда, узнав о неверности Боба, она так вызывающе запела.

Джон, как и следовало ожидать, тотчас снова появился на мельнице, привлеченный божественной улыбкой Энн, впервые подаренной ему, и словами, которые эту улыбку сопровождали. И Энн, вместо того чтобы заниматься повседневными делами и устремляться то вверх по лестнице, то вниз, то спешить куда-то в другую комнату, то исчезать где-то в углу и появляться всюду, только не там, где находился в эту минуту Джон — ибо именно так вела она себя прежде, — теперь сидела возле него, не порываясь никуда скрыться, всячески старалась поддерживать оживленную беседу и всемерно давала ему понять, что он наконец заслужил ее благосклонность.

Был погожий день. Они вышли из дому, и Энн присела на покатый каменный выступ окна.

— Как добры вы стали ко мне последнее время, — сказал Джон, стоя возле нее в ослепительном ореоле солнечных лучей, отраженных от каменной стены дома, и сияя улыбкой. — Мне кажется, вы сегодня остались дома после обеда ради меня.

— Быть может! — задорно отвечала Энн.

Что бы вы ни сделали для него, сударыня,

Вы не можете сделать слишком много!

Ибо он тот, кто охраняет страну…

А он сделал даже больше: я могла бы ужасно обвариться, если бы не он. Ваш ожог теперь не скоро пройдет, верно, Джон?

Он вытянул руку: взглянуть, как заживает, — и за этим движением, естественно, последовало другое — его ладонь опустилась на руку Энн. Жаркий румянец запылал на его щеках: он чувствовал, что его звезда, которая, казалось, готова была закатиться, поднимается наконец к зениту. Даже самый невнимательный глаз не мог бы теперь не заметить, что Энн позволяет ему за ней ухаживать, что ее безрассудство дошло даже до того, что она, быть может, готова позволить ему завоевать ее. Если немая печаль и гнездилась еще в ее сердце, то была похоронена на дне души и скрыта от глаз.

— Давайте пройдемся немного, если вы не против, — предложил он, все еще не выпуская ее руки.

— Ну что ж. А куда мы пойдем?

Джон указал на далекий холм, на зеленом склоне которого недавно появились какие-то белые царапины.

— Туда, на тот холм.

— Там движутся какие-то фигурки, какие-то люди что-то делают?

— Они вырезают на травянистом склоне огромное изображение короля верхом на коне. Голова его величество будет величиной с нашу мельничную запруду, а весь он должен быть вот с этот сад. Вместе с конем это будет никак не меньше акра. Так когда мы можем прогуляться туда?

— Да когда хотите, — весело сказала Энн.

— Джон! — крикнула миссис Лавде, выглянув на крыльцо. — Тут к вам пришел ваш приятель.

Джон вошел в дом и увидел, что его поджидает верный его соратник — трубач Бак. Во время отсутствия Джона в казарму принесли для него письмо, и Бак, выйдя прогуляться, прихватил его с собой. Передав письмо, Бак направился к мельнику: потолковать, если представится возможность, о достоинствах прошлогоднего меда, — а заодно и пропустить кружечку. Джон принялся читать письмо, а Энн ждала его за углом дома, где он ее оставил. Прочитав первые несколько строк, Джон побелел как полотно, но

не шевельнулся и дочитал письмо до конца. Затем прислонился к стене, закрыл лицо руками и погрузился в мучительнейшее раздумье. Наконец страшным усилием воли ему удалось взять себя в руки, и мало-помалу лицо его приняло обычное выражение. Когда он пошел попрощаться с Энн, чтобы вернуться в казарму вместе с Баком, она не заметила в нем никакой перемены.

Вечером в казарме он перечитал письмо еще раз. Столь взволновавшее его послание было от Боба и вот что содержало это:

«Дорогой Джон, до сегодняшнего дня я все никак не мог взять курс на письмо, потому что не был уверен в своих чувствах, но разобрался в них наконец и теперь могу с уверенностью сказать, что решение мое твердо: я все-таки остаюсь верен моей дорогой Энн. Признаться тебе, Джон, я тут попал было в небольшую переделку и должен открыть тебе один секрет (учти, что дальше тебя это ни под каким видом пойти не должно). Когда в прошлом году осенью я сошел на берег, мне приглянулась одна молодая женщина, и у нас с ней зашло довольно далеко — ну, ты знаешь, как это бывает. Словом, поначалу мы очень пришлись друг другу по душе, — но в конечном счете я крепко сел из-за нее на мель и узнал, что она

самая ужасная обманщица. Да и хорошего в ней, в сущности, ничего нет: ни ума, ни обходительности, — одни капризы и пустая болтовня, хотя, поверь мне, Джон, сначала она казалась мне необыкновенно умной. Итак, сердце мое бросает якорь у старого причала. Я надеюсь, что ты не огорчишься, узнав о моем решении соблюдать верность Энн. Когда мы прощались, ты всем своим видом показывал, что не хочешь принять мою жертву — принесенную слишком поспешно, как я сам впоследствии понял, — и поэтому, я знаю, будешь рад моему возвращению на стезю добродетели. Я все еще не осмеливаюсь писать Энн и прошу тебя — ни слова о той, другой, иначе заварится такая каша, что не расхлебаешь. Я приеду домой и все, даст Бог, приведу в порядок, а пока что буду тебе очень благодарен, Джон, если ты начнешь по-братски наставлять Энн и постараешься снова обратить ее мысли ко мне. Я умру с горя, если кто-нибудь восстановит ее против меня, ибо снова и совсем всерьез возлагаю на нее все свои надежды. Уповая, что ты весел и бодр, остаюсь твой искренне любящий тебя брат Роберт».

На другой день, когда Джон встал с постели, едва намечавшаяся прежде у него на лбу морщинка,

теперь уже врезанная навеки, обозначилась резче в холодном свете утра. Джон принял решение: ради своего единственного брата, которого нянчил, когда тот был младенцем, которому заменял наставника в детские годы и которого опекал и любил всегда, не давать своим отношениям с Энн развиваться дальше и, во всяком случае, не препятствовать Бобу снова добиваться ее благосклонности, если любовь к ней по-прежнему владеет его сердцем, хотя какое-то время она и казалась угасшей. Однако Энн ждала его, чтобы пойти вместе погулять и взглянуть на вырезанное на склоне холма изображение короля, и Джон отправился днем в Оверкомб, словно на пути его любви не возникло никаких препятствий.

Глава 38
Щекотливое положение

— Я готова, — сказала Энн, как только Джон появился, но ее слова, казалось, смутили трубача, он замялся и проговорил как-то неуверенно:

— А может… может быть, лучше подождать, пока немного спадет жара?

Энн возразила с едва заметной ноткой удивления в голосе:

— Но ведь погода может испортиться. Или вы вообще хотите отказаться от прогулки?

— О нет! Просто мне так подумалось. Давайте пойдем не откладывая.

И они спустились в долину. Джон шел справа от Энн, стараясь держаться на расстоянии не меньше ярда. Так они миновали два луга и вышли на третий, где резвились какие-то мальчишки.

— Гляньте, почему это он не гуляет с ней в обнимку, как настоящий мужчина? — крикнул один из мальчишек, самый рослый и самый нахальный с виду.

— Почему это он не гуляет с ней в обнимку, как настоящий мужчина? — завопили хором осталь-

ные сорванцы.

Драгун повернулся к мальчишкам, те бросились врассыпную, но ему все же удалось стегнуть двух-трех хлыстом. Стараясь восстановить дыхание, он вернулся к Энн сказал и краснея вместо нее.

— Мне очень совестно, что они посмели так оскорбить вас.

— Эти бедняги вовсе не хотели меня обидеть, — возразила она.

Несчастный Джон онемел, не веря своим ушам. Скрытый в этих словах нежный намек, который всего день назад сделал бы его пламенно красноречивым, сейчас лишь разбередил его рану.

Они подошли к речке. У брода на дно были уложены большие камни, и Джон перешел первым, ни разу не обернувшись назад, к Энн, которая, чуть приподняв юбку, шла за ним следом. Когда они уже выбрались на другой берег, к речушке спустилась деревенская девушка с пастухом, Энн увидела, как парень взял девушку за обе руки и, пятясь, помог перейти брод по камням. Она шла за ним, и оба весело смеялись.

— Почему вы остановились, мисс Гарленд? — спросил Джон.

— Да вот загляделась на эту парочку — они

кажутся такими счастливыми, — задумчиво проговорила Энн и пошла за ним следом, не подозревая, что приняла за гудение шмеля тяжкий вздох, который не сумел подавить Джон.

Добравшись до холма, они увидели, что там работа идет вовсю: сорок землекопов взрыхляли темную почву, стараясь добраться до мелового пласта. Теперь, когда подошли совсем близко, Джон и Энн уже не могли охватить взглядом всю белую фигуру всадника, которая начинала обозначаться в результате этих усилий. И, прогулявшись от конской головы до копыт и обратно — до левой руки короля, державшей повод, и затем мимо его переносицы до широкополой шляпы, — Энн заявила, что видела достаточно, и свернула с мелового горельефа на зеленую травку. Все это время трубач в меланхолической позе стоял возле колесика правой шпоры его величества.

— У меня на башмаки налип мел, — сказала Энн, когда они стали спускаться с холма, и, приподняв подол платья, посмотрела на свои ножки. — Как бы мне от него избавиться?

— Вытрите их вон там о траву, — сказал Джон, указывая туда, где трава разрослась особенно буйно, — мел отвалится. — И с этими словами он

твердым шагом зашагал дальше.

Энн вытирала свои маленькие башмачки о траву и с одного бока, и с другого, и носок, и пятку, но упрямый мел не желал отставать. Запыхавшись от этих усилий, она, в конце концов, отказалась от бесплодных попыток и догнала Джона.

— Надеюсь, теперь все в порядке? — спросил он, оглядываясь на нее через плечо.

— Вовсе нет! — сказала Энн. — Очень неудобно стоять на одной ноге и вытирать другую, если не на что опереться. Я боялась упасть поэтому оставила как есть.

«Великий боже, какой представляется случай!» — подумал бедный малый, понимая, что она ждет, чтобы он предложил ей свою помощь, однако уста его так и не разомкнулись, и Энн, надув губки, пошла дальше.

— У вас такой вид, словно вы ужасно куда-то спешите. Куда вы так торопитесь? Вы столько говорили мне приятных вещей о том… о том, как я вам дорога и всякое такое, а теперь мчитесь куда-то, словно за вами гонятся!

Выдержать это было уже выше его сил.

— Клянусь жизнью, моя лю… — начал было Джон, но едва лишь в волнении прижал руку к груди, собираясь клятвенно заверить Энн в сво-

их чувствах, как письмо Боба предостерегающе зашелестело в нагрудном кармане, и этот звук мгновенно сковал его уста. Вздохнув, он снова погрузился в унылую немоту.

Когда наконец они добрались до дома и усталая Энн упала на скамейку возле крыльца, то прежде всего попыталась скинуть башмаки. Оказалось, что это не так просто, но Джон не двинулся с места, продолжая постукивать хлыстом по листьям плюща, оплетавшим стену.

— Мама! Дэвид! Молли!.. Кто-нибудь, подите сюда, помогите мне снять эти грязные башмаки! — закричала Энн. — Неужели никто не может мне помочь!

— Простите, — уныло пробормотал Джон, с неописуемой медлительностью приближаясь к ней.

— О, без вас-то уж я точно обойдусь. Пусть лучше мне поможет Дэвид, — отрезала Энн, увидав появившегося из дома старика, который тут же, в мгновение ока, освободил ее от несносных башмаков.

Столь внезапный переход от обожания к полнейшему безразличию весьма удивил Энн. Поднявшись к себе, она подбежала к зеркалу и с испугом вгляделась в свое хорошенькое личико:

уж не произошла ли с ним какая-то ужасная перемена, лишившая его навсегда былой привлекательности. Однако единственная перемена, которую ей удалось обнаружить, заключалась в том, что лицо ее после прогулки стало еще свежее.

— Подумать только! — сказала Энн своему отражению. Впервые за все их знакомство она всю неделю оказывала Джону поощрение, а он дал ей почувствовать, что ее старания тщетны. — Ах, верно, он просто не понял! — безмятежно успокоила себя Энн.

Когда Джон появился на мельнице снова, то, к немалому изумлению Энн, принес с собой газеты, чего не делал уже давно, и она поспешила заявить:

— Газеты мне не нужны.

— Сегодня очень много места отведено нашему флоту; правда, напечатано мелким шрифтом.

— Меня эти сообщения больше не интересуют, — холодно и с достоинством сказала Энн.

Она сидела за столиком у окна, и когда Джон, невзирая на ее отказ, упрямо развернул газету и принялся читать вслух сообщение о королевском морском флоте, ей было неудобно встать и уйти. Он же стоически дочитал сообщение до конца, с

особенной силой подчеркнув название корабля, на котором служил Боб.

— Нет, — сказала, наконец, Энн. — Я не желаю больше слушать! Дайте я почитаю вам.

Джон присел к столу, и Энн принялась читать сообщения с фронта, с подчеркнутым интересом задерживая свое внимание на различных мелочах.

— Вот что меня теперь интересует! — сказала она с жаром.

— Но ведь… ведь Боб служит во флоте и, вероятно, будет произведен в офицеры, а потом…

— Ах, ну что может сравниться с военными! — перебила его Энн. — У моряков нет выправки. Они ходят вразвалку, как утки. И ведут какие-то дурацкие морские сражения, которые и вообразить-то себе невозможно. В морских сражениях нет никакой стратегии, никакого военного искусства — совсем как два барана, которые выходят в поле и сшибаются лбами. А вот в сражениях на суше — там требуется искусство, и они так величественны, и солдаты так красивы, особенно кавалеристы. О, я никогда не забуду, какой бравый был у всех вас вид, когда вы пришли и раскинули свои палатки на взгорье! Ах нет, лучше кавалерии нет ничего на свете, а в кавалерии

мне больше всего нравятся драгуны… А среди драгун лучше всех трубачи!

«Боже, если бы все это случилось несколькими днями раньше!» — с тоской подумал Джон и едва нашел в себе силы ответить ей:

— Я рад, что Боб попал, в конце концов, на военный корабль, — это куда больше подходит ему, чем служба в торговом флоте, ведь он такой храбрый, любое самое рискованное дело ему по плечу. Мне много рассказывали о его отваге и подвигах на борту «Виктории». Капитан Гарди особенно отметил…

— Все это меня нисколько не интересует, — нетерпеливо прервала его Энн. — Ну конечно, моряки тоже сражаются. А что еще им остается делать, раз они на корабле, с которого нельзя убежать! Лучше уж сражаться и быть убитым в бою, чем сидеть сложа руки и ждать, чтобы тебя прихлопнули.

— Когда на карту поставлена честь родины, Боб совершенно не думает о себе, это не в его характере! — горячо воскликнул Джон. — Если бы вы его знали, когда он был еще мальчишкой, то сами бы это сказали. Он всегда рисковал жизнью ради других. Однажды во время пожара он бросился в огонь, чтобы спасти ребенка, хотя и сам в то

время был еще совсем мальчишкой и едва-едва уцелел. У нас до сих пор хранится дома его шляпа с прожженной макушкой. Хотите посмотреть? Я сейчас достану ее и принесу.

— Нет… Не хочу. Какое мне до всего этого дело? — но видя, что Джон уже упрямо шагнул к двери, Энн добавила: — Я понимаю: вы хотите уйти, потому что я вам докучаю. Вы хотите в одиночестве прочитать эту газету… Что ж, я немедленно удалюсь. Я не догадывалась, что мешаю вам! — И она поднялась со стула, намереваясь покинуть комнату.

— Нет-нет! Разве вы… вы можете мне помешать! Да я скорее… Ох, прошу прощения, мисс Гарленд, мне надо непременно поговорить с отцом, раз уж я здесь.

Едва ли нужно напоминать, что Энн отнюдь не принадлежала к категории развязных кокеток: на протяжении нашего повествования мы не раз подчеркивали, что среди окружавших ее простоватых людей она отличалась тонкостью обхождения и манер, — однако (то ли задетая за живое поведением Джона, то ли из своевольного упрямства и стремления настоять на своем, то ли из задорного желания помучить, пришедшего на смену унынию, то ли по какой другой причине)

не пожелала его отпустить.

— Господин трубач! — позвала она.

— Да? — смущенно откликнулся он.

— Мне кажется, у меня развязался бант на шляпке, поглядите-ка. — И, став к нему вполоборота, она бросила на него чарующий взгляд.

Бант помещался как раз надо лбом, или, если быть совершенно точным, на том самом месте, где орган подражания переходит в орган благожелательности согласно френологической теории Галля. Джон, призванный, таким образом, к действию, бросил на указанный бант беглый косой взгляд, который скользнул по нему, словно плоский камешек по поверхности воды, и метнулся в сторону, дабы избежать устремленного к нему вопрошающего взора.

— Да, он развязался, — подтвердил Джон, делая шаг назад.

Энн подошла поближе.

— Будьте так добры, завяжите его, пожалуйста.

Отступать дальше было некуда, Джон взял себя в руки. Так как голова Энн едва доходила до четвертой пуговицы на его мундире, ей, естественно, пришлось вскинуть подбородок, чтобы ему было удобнее завязывать. Джон начал неуклюже возиться с лентами. При этом пальцы его, как ни

старался он этого избежать, невольно касались локонов у нее не лбу, и она внимательно за ним наблюдала.

— Как дрожат ваши руки… Ах! Вы, верно, очень быстро шли, — заметила Энн.

— Да… о да…

— Ну как, кажется, уже почти готово? — спросила Энн, глядя вверх в просветы между его пальцами.

— Нет… Нет еще, — пробормотал он, покрываясь от волнения испариной и слыша, как стучит у него в груди, словно там молотят зерно.

— Тогда поторопитесь, пожалуйста.

— Да-да, конечно… Мисс Гарленд! Боб… Боб прекрасный человек…

— Не произносите при мне этого имени! — перебила его Энн.

Джон умолк, и с минуту ничего не было слышно, кроме шороха ленты; затем его пальцы снова запутались в локонах и коснулись ее лба.

— Боже милостивый! — прошептал драгун, внезапно поворачиваясь к стоявшему в углу буфету и закрывая лицо руками.

— Что с вами? — спросила Энн.

— Я не могу этого сделать!

— Чего именно?

— Не могу завязать ваш бант!

— Почему же?

— Потому что вы так… потому что я слишком неловок и никогда не умел завязывать банты.

— Вы и в самом деле очень неловки, — заметила Энн и вышла из комнаты.

На этот раз она почувствовала себя оскорбленной: разве поведение Джона не доказывало, что счастье Боба он ставит превыше всего? Он так настойчиво пытался склонить ее на сторону брата, в то время как она ясно дала понять, что стремится к другому. Не имела ли мисс Джонсон какого-либо отношения к столь странным изменениям?

Несколькими днями позже Энн представился случай подвергнуть Джона испытанию на сей предмет. Возвращаясь из деревни, она столкнулась с ним в дверях.

— Вы слышали новость? Матильда Джонсон выходит замуж за молодого Дерримена.

Энн стояла спиной к солнцу, Джон — лицом к ней, и она подвергла его лицо пытливейшему изучению. Никаких чувств не отразилось на этом лице; интерес, на секунду ожививший его черты, тотчас угас, сменившись полным безразличием.

— Ну что ж, если на то пошло, это не такая уж плохая партия для нее, — сказал он с рав-

нодушием, совершенно неестественным для отвергнутого любовника.

Джон же чувствовал, что у него уже не хватает сил противиться соблазнам, которым он теперь подвергался. Но казармы были расположены в столь близком соседстве с его родным домом, что было бы странно, если бы он не навещал отца, тем более что в любую минуту их полк мог получить приказ об отправке на фронт, а это означало бы разлуку, и, быть может, на долгие годы. Однако, бывая в доме отца, Джон не мог не встречаться с Энн.

Времена года сменяли друг друга, зеленый цвет уступил место золотому, а золотой — серому, но в доме Лавде не произошло почти никаких перемен. В течение всего года о Бобе долетали случайные вести: он защищал честь страны то в Дании, то в Вест-Индии, то у Гибралтара, то у острова Мальта, а также в различных других частях земного шара, пока, наконец, не было получено коротенькое письмецо с известием, что Боб снова прибыл в Портсмут. Здесь он, по-видимому, намерен был продлить свое пребывание, так как дни шли, новых вестей не поступало, а бравый моряк ни разу не появился в Оверкомбе. Затем, совершенно неожиданно, Джону стало известно,

что Боб, как и ожидалось, будет произведен в офицеры. Трубач тотчас направился в Оверкомб и вскоре после полудня появился в деревне. На мельнице никого не оказалось, и Джон побрел без определенной цели в сторону Кастербриджа, взобрался на холм и, подняв глаза, увидел Энн: с небольшой корзинкой в руке она брела по тропинке.

Джон вспыхнул от радости, когда его взору предстало это прелестное видение, но тут же почувствовал укор совести, и румянец восторга сбежал с его лица. Он оглянулся в поисках укрытия, но вокруг простирались пустынные поля, на которых фигура солдата являла собой довольно заметный предмет, так что избежать встречи с Энн было невозможно.

— Как мило, что вы меня разыскали, — с чарующей улыбкой приветствовала его девушка.

— Случайно вышло, — ответил он, рассмеявшись с деланым безразличием. — Я думал, вы дома.

Энн покраснела и промолчала. Дальше они пошли рядом. Посреди поля возвышались остатки каменной стены, напоминавшие фронтон дома и известные как фарингдонские руины, и когда они проходили мимо, Джон приостановился и

вежливо осведомился у Энн, не утомила ли ее такая продолжительная прогулка. Девушка ничего не ответила, но тоже остановилась и присела на камень, свалившийся с разрушенной стены.

— Здесь когда-то стояла церковь, — необдуманно заметил Джон.

— Да, я часто старалась вообразить ее себе, — сказала Энн. — Вот тут, где я сижу, должно быть, находился алтарь.

— Верно. Этот сохранившийся кусок каменной кладки — восточная стена алтаря.

Энн с некоторых пор начала пристальней приглядываться к характеру трубача, и благородство этого характера, постепенно открываясь ей все больше и больше, глубоко ее поразило. Чувство нежной признательности вновь затеплилось в ее душе. Он становился в ее глазах героем, который, любя ее до безумия и будучи отвергнут, сознательно старался отойти в тень, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах, не встать брату поперек пути.

— Если здесь стоял алтарь, то сколько же мужчин и женщин соединились когда-то брачными узами вот на этом самом месте, — проговорила Энн, со спокойной решимостью намеренно затрагивая эту тему, и швырнула маленький камушек

примерно на ярд к западу от стены.

Джон, подавив еще одну вспышку нежности и страсти, ответил:

— Здесь когда-то была деревня. Моему деду памятно то время, когда тут стояли дома. Но эсквайр повелел их снести, потому что жилища бедняков были для него как бельмо на глазу.

— Вы помните, Джон, о чем просили меня однажды? — сказала Энн, не желая отклоняться от темы и глядя ему прямо в глаза.

— Просил? В каком смысле?

— В смысле нашей будущей судьбы.

— Боюсь, что нет. Что-то не припомню.

— Джон Лавде!

Он на секунду повернулся к ней спиной, чтобы она не могла видеть его лица, и едва слышно пробормотал хриплым, сдавленным голосом:

— Ах да! Я вспомнил.

— И что же? Разве я сказала недостаточно?

— Этого было бы достаточно, но…

Она с укором взглянула на него и, улыбаясь, покачала головой.

— Прошлым летом вы просили моей руки, и притом не раз и не два. Я стала старше, поймите — уже не девочка, и мнение мое о некоторых людях — об одном человеке особенно — изменилось.

— О, Энн, Энн! — воскликнул Джон, схватив ее за руку.

Страсть и чувство долга раздирали его сердце на части, но он тут же выпустил ее руку, не успев поднести к губам, и она безжизненно повисла.

— В последнее время я пришел к заключению, — с неожиданным и ненатурально ледяным спокойствием произнес он, — что люди, посвятившие себя военной профессии, не должны жени... должны брать пример со святого Павла, хотел я сказать.

— Стыдитесь, Джон! Зачем изображать из себя святошу! — сердито сказала Энн. — Дело же совсем не в этом. Дело в Бобе.

— Да! — вскричал в отчаянии бедняга трубач. — Я получил от него письмо сегодня. — И он вытащил из-за пазухи листок бумаги. — Вот его письмо! Его произвели в офицеры — он теперь лейтенант — и назначили на сторожевой корабль, который курсирует вдоль нашего берега, так что половину времени Боб будет проводить дома... Со временем он может получить дворянство и стать достойным вас!

Он бросил письмо ей на колени и скрылся среди руин. Энн вскочила, отшвырнула письмо, даже не взглянув на него, и быстрым шагом направилась

прочь. Джон не пытался ее догнать. Подобрав с земли письмо, он побрел за ней, держась на расстоянии ярдов ста.

Энн хоть и покинула его, так порывисто и гневно, он никогда еще не поднимался в ее глазах столь высоко, как в последующие минуты, когда первая вспышка негодования улеглась. Все стало ясно ей, и самопожертвование Джона, глубоко взволновав ее, произвело действие, совершенно обратное тому, к чему он стремился. Чем больше Джон молил ее за Боба, тем настойчивее своенравное великодушие ее натуры ходатайствовало перед ней за Джона. Теперь наступил кризис, и к чему он приведет, Энн и сама не могла предвидеть.

Трубач же, как только в его руках оказались перо и чернила, присел к столу и, ни секунды не размышляя, отправил Бобу следующее послание:

> «Дорогой Роберт, пишу эти несколько строк, чтобы поставить тебя в известность: если ты любишь Энн Гарленд, приезжай немедля тотчас же, поспеши, или ты ее потеряешь! Другой стремится к ней, и она стремится к другому! Это твой последний шанс, не упусти его – так сове-

тует тебе твой верный, желающий добра брат Джон.

P. S. Рад, что ты произведен в офицеры, Извести меня, когда приедешь, встречу».

Глава 39
Боб Лавде расхаживает под окнами

Неделей позже двое мужчин шагали в ночном мраке по большому тракту в сторону Оверкомба: один из них нес вещевой мешок.

— А теперь, — сказал тот, что повыше ростом и чья прямая линия плеч заставляла предполагать на них эполеты, — ты должен сделать все, что от тебя зависит, Боб. Я сделал, что мог, но ты, признаться, сам здорово напортачил.

— Да разве я бы поступал так, если б понимал! — с неподдельным раскаянием сказал другой. — Но видишь ли, Джон, я никак не думал, что мне может грозить такая опасность: ведь я знал, что ты взял на себя заботы о ней и печешься о моих интересах. Я не очень спешил сюда — это верно, но рассуждал так: вот получу офицерский чин, который мне обещан, и, само собой разумеется, отпуск, и тогда поеду и повидаю всех. Черт побери, не будь твоего письма, я бы и сейчас не приехал!

— Ты даже не представляешь себе, чем рис-

куешь, — сказал брат. — Во всяком случае, постарайся наверстать потерянное.

— Ладно. И, пожалуйста, Джон, делай что хочешь, только смотри, ни слова о той особе, о другой! Чтоб ей пропасть! Болван я был, сам понимаю. Но так или иначе, это уже все позади, и я вполне образумился. Надеюсь, до Энн не долетало никаких слухов об этой злосчастной истории?

— Она знает все, как есть, — сурово возразил Джон.

— Знает? Черт побери, так я пропал! — сказал Боб, внезапно останавливаясь посреди дороги, словно вознамерившись стоять тут до утра.

— Вот почему я говорил, что тебе теперь нелегко будет одержать победу, — все так же спокойно добавил Джон.

— Я не достоин этой девушки! — бурно вскричал Боб и, ударив себя кулаком в грудь, двинулся дальше.

— Я и сам так думал, — холодно и даже с горечью заметил Джон. — Но все будет зависеть от того, как ты поведешь себя в будущем.

— Джон! — сказал Боб, взяв брата за руку. — Я теперь стану другим человеком. Торжественно клянусь тебе этим вековечным каменным столбом, который торчит там у дороги, что ни на одну

женщину не погляжу больше с мыслями о женитьбе, пока мое сокровище не отдаст мне руку! Нет, никогда, явись мне хоть сирена морская! Большая удача, что я теперь не простой матрос! Это может повысить мои шансы в ее глазах — как ты считаешь?

— Это может повысить твои шансы в глазах ее матери, но не думаю, чтобы это играло большую роль для Энн. Но как бы то ни было, это очень хорошо, и я надеюсь, что со временем ты станешь командиром большого судна.

Боб покачал головой.

— Конечно, морских офицеров не так-то много, но боюсь, что моя звезда не вознесет меня столь высоко.

— Писала тебе Энн когда-нибудь, что она упоминала твое имя в разговоре с королем?

Моряк снова застыл на месте, совершенно ошеломленный:

— Нет, никогда! Как, черт побери, могло это произойти?

Джон подробно описал брату встречу Энн с королем, и они пошли дальше, строя различные предположения.

Когда братья переступили порог дома, возвратившийся из плавания моряк был встречен

бурными изъявлениями радости со стороны отца и Дэвида, миссис Лавде приветствовала его радушно, но сдержанно, и только Энн не встретила вообще: сия благоразумная девица предусмотрительно удалилась к себе в комнату загодя. Боб не отважился особенно расспрашивать о ней и лишь смущенно осведомился о ее здоровье.

— Эй, что это у тебя с физиономией, сынок? — спросил мельник, уставившись на сына. — Дэвид, тащи-ка сюда свечу!

Свеча была поднесена к щеке Боба и осветила зигзагообразный шрам, напоминающий доисторический отпечаток клешни омара.

— О, это!.. Да все та же паршивая французская граната, которая угодила в меня с «Редутабля», — я же тебе об этом писал.

— Ни слова!

— Как, разве я не писал? Ах да… Я собирался, но потом позабыл.

— И на лбу у тебя какая-то вмятина. А это откуда, сынок? — спросил мельник, щупая пальцем вмятину.

— А это — в Индии. Да, довольно жаркая была сеча. Абордажной саблей меня полоснули. Я хотел написать тебе и про это, да письмо получилось бы такое длинное, что я все откладывал и

откладывал, а потом подумал — стоит ли?

Вскоре Джон поднялся и стал прощаться.

— У нас с ней все кончено, как видишь, — сказал Боб, выйдя за дверь проводить брата. — Она не захотела даже поздороваться со мной.

— Потерпи немного, — успокоил его трубач.

В ночь приезда Боба, когда весь дом был в волнении, Энн сгоряча показалось совсем нетрудным остаться верной своему решению избегать встречи с Бобом Лавде. Но утром решения часто теряют свою силу, быть непреклонной становится труднее, и стремление к снисходительности и прощению овладевает нежной душой. Энн решила никогда не садиться больше за один стол с Бобом, однако, когда все остальные домочадцы были в сборе и обильный завтрак, всегда подававшийся утром на стол в доме мельника, в значительной мере уже подвергся уничтожению, появилась Энн. Она вошла неслышно, словно привидение, опустив глаза; лицо ее было бледно. И пока она в ярких лучах солнца, падавших из окна, прошла от двери к столу и молча опустилась на стул на другом конце стола, Боб не сводил с нее глаз.

Все произошло совсем не так, как она себе рисовала. Она не сделала ничего дурного и тем

не менее испытывала крайнее смущение и замешательство, а Боб, который поступил очень дурно, чувствовал себя, по-видимому, вполне непринужденно.

— Разве ты не хочешь поздороваться с Бобом, доченька? — помолчав, спросил мельник.

Так встречать Боба после долгой разлуки! Мельнику казалось, что это негоже.

— Если он желает… — отвечала Энн, обернувшись к мельнику, но так, чтобы даже краешком глаза не посмотреть в сторону того, о ком шла речь.

— Ты знаешь, моя дорогая, он ведь произведен в лейтенанты, — сказала миссис Лавде, встав на сторону мужа, — и был очень тяжело ранен.

— Вот как? — произнесла Энн, едва приметно поворачиваясь к изменщику, отчего Боб решил, что пришла пора и ему вставить словечко.

— Я очень рад видеть вас, — сказал он с покаянным видом. — Как поживаете?

— Благодарю вас, хорошо.

Боб протянул руку. Энн позволила ему коснуться своей, но, как жестокий скряга, лишь самых кончиков пальцев. В этот миг она подняла на него глаза, их взгляды встретились, но она тотчас отвела свой.

Из-за размолвки между молодой парой завтрак протекал уныло. Боб был настолько угнетен неприступным видом Энн, что рассказывал свои истории без должного блеска, отчего они теряли почти всякий смысл; когда же трапеза была окончена и все разошлись по своим делам, можно было подумать, что в доме поселились близнецы Дромио, ибо благодаря ухищрениям Энн их с Бобом никогда невозможно было обнаружить одновременно в одном и том же месте.

Подобного рода сцены повторялись изо дня в день. Наконец, после того как Боб в течение нескольких дней неотступно ходил за Энн по пятам, стоял, прислонившись к дверной притолоке, и, скорбно наморщив лоб, бросал на нее косые взгляды через всю комнату, поднимал, не получая благодарности, откатившийся клубок шерсти, раскладывал на столике Энн то пули с «Редутабля» и щепку, отбитую от «Виктории», то обрывок флага и другие замечательные реликвии — все аккуратно снабженные ярлычками — и видел, что они привлекают к себе так же мало внимания, как если бы это были камушки из ближайшего ручья, у него созрел новый план.

Стараясь избежать встречи с Бобом, Энн нередко сидела у себя наверху возле окна, выходящего

в сад, и лейтенант Лавде надел однажды свой новый мундир. Он выписал его себе по почте несколько дней назад, чтобы пустить пыль в глаза приятелям, но ни разу еще в нем не появлялся и даже не заикался никому о его существовании. Итак, облачившись в новый мундир, он вышел в залитый солнцем сад и, подобно адмиралу Нельсону или капитану Гарди, которых ему доводилось наблюдать, когда они неспешной походкой расхаживали по шканцам, принялся прогуливаться взад и вперед по саду, стараясь при этом как можно чаще поворачиваться к окну Энн правым, украшенным эполетом плечом.

Не заметить его было невозможно, однако Энн не подала и виду. Через полчаса Боб вошел в дом, снял с себя свое одеяние и предался мучительным размышлениям, облегчая их первосортным табаком.

Всю эту программу он повторил на следующий день после полудня, а затем и на следующий, не обмолвившись об этом ни словом никому в доме.

Меж тем впечатление, произведенное его действиями в комнате наверху, также было достойно внимания. В первый день Энн, взглянув в окно и увидев морского офицера в полной парадной

форме, прогуливающегося по садовой дорожке, была, естественно, изумлена. Разглядев, однако, что это Боб, она тотчас отошла от окна, считая, что это зрелище не для ее глаз, после чего из простого любопытства глянула в щелку меж занавесок. Конечно, Боб являл собой довольно живописное зрелище (Энн не могла этого не признать): его фигура так четко вырисовывалась на фоне аккуратно подстриженной, пронизанной солнцем живой изгороди, по которой прихотливо карабкалась вверх пышно разросшаяся настурция, что если бы он хоть в малейшей мере интересовал ее — а это было совершенно исключено, — она могла бы залюбоваться им как объектом, достойным внимания художника, еще в большей мере, чем в тот достопамятный день, когда в своем новом ослепительном костюме он сопровождал ее в театр. Энн позвала мать, и миссис Лавде не замедлила появиться.

— Да так, ничего особенного, — отвечала Энн равнодушным тоном на ее вопрос. — Просто Боб получил свою новую форму.

Миссис Лавде выглянула в окно и в восхищении всплеснула руками.

— Подумать только! И ни слова нам не сказал! Какой прелестный эполет! Надо позвать отца.

— Нет, прошу тебя, не нужно. Поскольку сам он ни в какой мере меня не интересует, я не хочу, чтобы в мою комнату приходили любоваться им.

— Но ведь ты же позвала меня, — сказала маменька.

— Только потому, что вы, по-моему, любите красивые мундиры. Меня же эти вещи совершенно не волнуют.

Однако, несмотря на это утверждение, на следующий день она снова взглянула в окно, когда в саду под ногой Боба скрипнул гравий, после чего внешность Боба была подвергнута столь скрупулезному изучению во всех возможных ракурсах и аспектах освещения, как если бы военные мундиры приобрели в ее глазах некоторый интерес. Нельзя было не признать, что Боб от макушки до пят являл собой блестящий образец элегантного лихого моряка, но чего стоит щеголеватая внешность, офицерский чин и живописные шрамы, если сердце человека не обладает постоянством? Тем не менее три дня подряд Энн продолжала поглядывать в щелку между занавесками. На четвертый день она уже в щелку не смотрела. В этот день окно было широко распахнуто, и она открыто стояла перед ним. Боб понял, что рыбка клюнула наконец на приманку. Стоя вполобо-

рота, правым плечом к окну, он поднес руку к шляпе и с улыбкой приветствовал ее:

— Добрый день, мисс Гарленд.

— Добрый день, — серьезно и торжественно, словно на похоронах, ответила Энн.

Так состоялось возобновление знакомства, после чего за ужином произошел обмен односложными замечаниями, каждое из которых миссис Лавде сопровождала удовлетворенным кивком. Однако Энн приложила немало усилий к тому, чтобы Боб не мог встретиться с ней наедине, для чего ей пришлось пустить в ход всю свою изобретательность. Старая мельничная постройка имела столько укромных уголков и закоулков, что Энн никогда не могла быть уверена, не вырастет ли перед ней где-нибудь из-за угла фигура Боба, тем более что в своих легких башмаках с тонкими подметками он двигался почти бесшумно.

Как-то погожим днем Энн вместе с Молли отправилась собирать бузину для домашней наливки, предназначавшейся для миссис Лавде, для самой Энн и всех прочих, кто не выдерживал более забористых напитков, запасы которых пополнялись мельником. Проделав довольно большой путь, они спустились с холма в густо

заросшую травой лощину, где на невысоких пригорках стояли кусты бузины, обратив к солнцу тяжелые черные гроздья. Для девушек, любительниц собирать ягоды, сбор бузины особенно приятен, так как и листва, и ветки, и кора этого растения мягки и приятны на ощупь, что облегчает задачу даже для самых неловких. Энн и Молли скоро набрали полную корзинку, и Энн велела служанке отнести ягоды домой, а сама осталась в кустах продолжать сбор, бросая на траву гроздь за гроздью. Сгибая и притягивая к себе ветки, Энн так увлеклась своим занятием, а шорох листвы так заглушал все звуки, что была очень удивлена, когда, обернувшись, заметила какое-то шевеление в ветках соседнего куста.

Сначала ей показалось, что это происходит оттого, что ветки кустов переплелись между собой, но в эту минуту из зелени листвы совсем близко от нее выглянуло лицо Боба Лавде.

— Подумать только! — негодующе вырвалось у Энн, но она тут же умолкла и продолжила как ни в чем не бывало собирать ягоды. Следуя ее примеру, Боб тоже погрузился в сбор ягод.

— Я собираю бузину для вашей матушки, — после некоторого молчания смиренно оповестил ее лейтенант.

— Вот как…

— И мне попался куст как раз рядом с вашим.

— Да, я вижу, только не понимаю, как это могло случиться.

Энн теперь собирала ягоды с западной стороны своего куста, а Боб — с восточной своего. Наклоняя к себе ветки, он раскачивался вместе с ними то в сторону Энн, то от нее, то снова к ней.

— Прошу прощенья, — сказал он, когда, качнувшись в очередной раз, едва не столкнулся с ней.

— Зачем вы это делаете?

— Ветер раскачивает куст, а куст раскачивает меня.

Свое отношение к подобному утверждению, в то время как в воздухе не ощущалось даже самого легкого дуновения, Энн выразила молча одним красноречивым взглядом, а Боб продолжал:

— Боюсь, вы перепачкаете ваши хорошенькие пальчики этими ягодами.

— Я в перчатках.

— Ну понятно, как это я не сообразил! Разрешите помочь вам?

— Ни в коем случае.

— Значит, вы обижены?

— Вовсе нет.

— Тогда пожмем друг другу руки?

После некоторого колебания Энн нерешительно протянула руку, и Боб тотчас ее схватил.

— Ну, довольно, — возмутилась девушка, поняв, что он не намерен отпустить ее руку.

Но он продолжал ее держать, и она сделала попытку вырвать руку, отчего Боб вместе с кустом качнулся к ней, а она — к нему.

— Я боюсь отпустить вашу руку, — сказал моряк, — потому что тогда вашу рею отнесет назад, а вас может бросить на шканцы.

— А я требую, чтобы вы отпустили!

Он подчинился, и она отлетела назад, но отлично устояла на ногах.

— Это напоминает мне те дни, когда, вися на рее немногим толще этого сучка, где-нибудь над Атлантическим океаном, я думал о вас. Я видел вас в своих мечтах так же отчетливо, как вижу сейчас.

— Меня? А может быть, какую-то другую особу? — высокомерно возразила Энн.

— Нет! — воскликнул Боб, для пущей убедительности сотрясая свой куст. — Поверьте мне, я не думал ни о ком — только о вас, все время только о вас, — и когда мы пересекали канал, и когда мы были возле Кадиса, и во всех битвах, и под обстрелом. Ваш образ являлся мне в дыму

сражений, и я думал: «Если меня поглотит морская пучина, вспомнит ли Энн обо мне?»

— Когда сошли на берег после битвы при Трафальгаре, вы думали иначе.

— Да, видите ли, какое дело, — философски заметил лейтенант, — бывает такая странность на свете. Вы, верно, не поверите, но когда мужчина находится в разлуке с женщиной, которая ему милее всех в целом порту… я хотел сказать — в целом свете, у него может возникнуть что-то вроде временной привязанности к другой женщине, причем это ничуть не мешает прежнему чувству, и оно течет себе и течет где-то в глубине, совсем как прежде.

— Я не могу этому поверить и никогда не поверю, — сказала Энн твердо.

Появилась Молли с пустой корзинкой, которая была тут же наполнена ягодами, уже сорванными и грудами лежавшими на траве, после чего Энн вместе с Молли отправилась домой, холодно попрощавшись с лейтенантом.

В тот же вечер, когда Боб куда-то отлучился, мельник предложил подняться на чердак, поглядеть из окна на иллюминацию и фейерверк в городе и порту в честь короля, который, как повелось, и в этом году прибыл на курорт. Втроем они

поднялись по лестнице на пустой чердак, расселись на стульях у слухового окна и погасили свет: Энн с матерью поместились впереди, а мельник с трубкой позади и несколько поодаль. Пиротехнические забавы в порту еще не начались, и миссис Лавде вполголоса переговаривалась с мельником, получая от него довольно односложные ответы. Вдруг Энн показалось, что на чердаке появился еще кто-то, и в ту же секунду она почувствовала, что это Боб тихонько приближается к ней в темноте, однако, видя, что остальные ничего не замечают, она не произнесла ни слова.

Внезапно все темное пространство небосвода на южной стороне вспыхнуло, освещенное огнями ракет, пущенных одновременно со всех стоявших на рейде кораблей. И в этот миг чья-то теплая ладонь легла украдкой в темноте на руку Энн и нежно ее сжала.

— Ой! — воскликнула девушка, вскакивая со стула.

— Какая ты нервная, дитя мое, — укоризненно произнесла миссис Лавде. — Ну можно ли пугаться фейерверка, да еще на таком расстоянии…

— Я никогда прежде не видала ракет, — пробормотала Энн, с трудом приходя в себя от испуга и удивления.

Миссис Лавде заговорила снова:

— Хотела бы я знать, куда девался Боб.

Энн ничего не ответила, поскольку силилась освободить свою руку и была целиком поглощена этим занятием, а что думал по этому поводу мельник, осталось невыясненным: он не пожелал поделиться своими мыслями — быть может, потому, что разговоры мешали ему получать удовольствие от трубки.

Новая партия ракет взлетела в воздух.

— Нет, это неслыханно! — сквозь зубы пробормотала Энн, подпрыгнув на стуле: вместе со взлетом ракет вторая рука обвилась вокруг ее талии.

— Бедное дитя, если это так тебя волнует, отойди от окна подальше, — заметила миссис Лавде.

— Да, конечно, — пробормотала послушная дочь.

Прошло еще несколько минут, и покой Энн ничем более не нарушался. Затем из мрака донеслось негромкое, осторожное покашливание.

— Как, Боб? И давно вы здесь? — осведомилась миссис Лавде.

— Нет, недавно, — хладнокровно ответил лейтенант. — Я услышал, что вы все забрались сюда, и вошел тихонько, чтобы вам не мешать.

— Почему вы не носите сапоги с каблуками, как всякий добрый христианин, а подкрадываетесь в темноте, словно кошка?

— Переобуваясь в домашние туфли, я не рискую наследить вам на полу.

— Это верно.

Тем временем Энн мягко, но настойчиво старалась оторвать руку Боба от своей талии; главное затруднение состояло в том, что едва ей удавалось освободить талию, как в плен попадала рука, а как только освобождала руку, в плен попадала талия. Почувствовав, что борьба бесполезна, так как ее противник невидим, да и ей самой будет неприятно, если другие сделаются свидетелями этого поединка, она поднялась и, заявив, что не желает больше смотреть, стала ощупью спускаться с лестницы. Боб почти тотчас последовал за ней, оставив мельника наедине со своей супругой.

— Дорогая Энн… — начал Боб, сбежав вниз и обнаружив Энн в гостиной при свечах, но она ловко проскользнула мимо него и скрылась за другой дверью.

Схватив свечу, он последовал за ней в соседнюю маленькую комнату.

— Дорогая Энн, позвольте мне вам сказать… —

повторил он, как только свет свечи вырвал из мрака ее фигуру.

Однако он не успел больше ничего прибавить, так как она прошла мимо него и скрылась в пекарне. Он упрямо направился туда же. Оглядевшись по сторонам, он увидел ее в глубине комнаты, из которой уже не было второго выхода.

— Дорогая Энн, — еще раз начал он, ставя на стол свечу, — вы должны постараться простить меня, право же, вы должны. Я люблю вас больше всех на свете. Ну пожалуйста, постарайтесь меня простить! — и, глядя на нее с мольбой, он взял ее за руку.

Грудь Энн бурно вздымалась и опускалась, словно море в часы прилива, но взор был по-прежнему потуплен долу, и когда Боб, осмелев, отважился легонько притянуть ее к себе, она вдруг неудержимо разрыдалась и воскликнула:

— Я не люблю вас, Боб, не люблю! Я любила вас прежде, а теперь не люблю… Не могу больше вас любить, не могу, вы были слишком жестоки ко мне! — и она порывисто отвернулась от него, продолжая всхлипывать.

— Да, да, я поступил ужасно плохо, я знаю, — повинился Боб, искренне удрученный ее горем. —

Но если бы… если бы только вы могли простить меня… Клянусь, я бы никогда не огорчил вас больше. Вы прощаете меня, Энн?

Но она только рыдала и отрицательно трясла головой.

— Давайте помиримся, забудем это. Ну прошу вас, любимая, скажите, что мы помирились.

Она выдернула у него свою руку и, не отнимая платка от глаз, сказала:

— Нет!

— Ах так! Ну, хорошо! — с внезапной решимостью заявил Боб. — Теперь моя участь мне ясна! И если до вас когда-нибудь донесется весть, что со мной что-то случилось, помните, жестокая и бездушная девушка, что все это дело ваших рук. — И с этими словами он в несколько шагов пересек комнату, вышел в коридор и оттуда — во двор, с треском захлопнув за собою дверь.

Энн отняла платок от глаз и, чуть приоткрыв рот, уставилась мокрыми от слез, широко раскрытыми глазами на дверь, за которой он исчез. Несколько секунд она стояла так, не дыша, затем повернулась, упала головой на стол и разрыдалась еще горше. Она рыдала, захлебываясь слезами. Горе ее казалось безутешным: все, что таилось на дне души, все, что она подавляла в

себе со дня приезда Боба, вырвалось наружу, сломав преграды.

Но все имеет конец, и, оставшись одна в большом пустом старом доме, она стала понемногу успокаиваться, и наконец рыдания ее утихли. Тогда, взяв свечу, она поднялась к себе в спальню, умылась и посмотрела в зеркало, желая удостовериться, в какое страшилище себя превратила, но зрелище, против ожидания, оказалось не столь ужасным, и она снова спустилась вниз.

В нижних комнатах по-прежнему никого не было, и Энн присела на стул, раздумывая над словами Боба, стараясь проникнуть в их смысл. Она боялась даже помыслить о том, что, быть может, он решил снова уйти в море, даже не повидавшись с ней, и, напуганная тем, что натворила, объятая тревогой, стала ждать его возвращения.

Глава 40
Деловой визит

Ее тревожное ожидание было нарушено легким стуком в дверь, после чего послышался шорох, словно чья-то рука шарила в темноте, нащупывая дверную щеколду. Дверь немного приотворилась, и в щель глянуло мертвенно-бледное лицо дядюшки Бенджи.

— Ох, господин Дерримен, как вы меня напугали!

— Ты одна здесь? — шепотом осведомился старик.

— Маменька и мистер Лавде где-то в доме.

— Хорошо, — сказал старик, входя в комнату. — Я совсем замучился, просто до смерти, и снова подумал о тебе — именно о тебе, дорогая Энн, а мельник мне не нужен. Если б только ты могла взять это и подержать у себя несколько дней, пока я не подыщу какого-нибудь хорошего местечка… Если б только ты согласилась! — и, совсем запыхавшись, он поставил на стол металлическую шкатулку.

— Как! Вам пришлось выкопать ее из погреба?

— Да. Мой племянник пронюхал про нее — как, ума не приложу! Но только он и молодая особа, с которой он где-то познакомился, рыщут по всему дому. Я работал, как землекоп, чтобы вырыть ее, пока они шарили в соседнем погребе. А теперь скажи, куда ты ее спрячешь, голубка? Здесь, ты знаешь, всего несколько бумажек да мое завещание, ну и прочие мелочи. Ох, беда мне, я просто с ног сбился и едва не умер от страха!

— Я пока спрячу ее здесь, а потом придумаю что-нибудь получше, — сказала Энн, взяв шкатулку. — Господи, да какая же она тяжелая!

— Да-да, — поспешно сказал дядюшка Бенджи. — Шкатулка-то ведь железная. Ну пожалуйста, позаботься о ней, а уж я постараюсь, чтобы ты об этом не пожалела. Ах, ты очень славная девушка, Энн. Жаль, что ты не моя дочка!

Энн посмотрела на дядюшку Бенджи: ей уже давно было понятно, что старик по-своему привязался к ней, — и бесхитростно спросила:

— Почему вы так говорите?

— Ладно, оставим это. Куда ты спрячешь шкатулку?

— Сюда, — сказала Энн, подходя к окну: подоконник откидывался, как крышка, и под ним был деревянный ящик, какие нередко встреча-

ются в домах старинной постройки.

— Ну что ж, пока, пожалуй, сойдет, — с сомнением сказал дядюшка Бенджи.

Они поставили шкатулку в ящик, Энн заперла его на ключ и передала ключ старику.

— Но я не хочу, чтобы ты помогала мне задаром, — добавил старик. — Я ведь никогда так не поступал, верно? Вот это я приготовил для тебя. — И он протянул Энн небольшой бумажный сверток.

Она взяла его и с любопытством повертела в руках.

— Я давно собирался это сделать, — сказал Дерримен-старший, не отрывая глаз от свертка, который она продолжала держать в руке, и вздохнул. — Ну же, разверни его, моя милая! Я давно собирался это сделать.

Энн сделала, как он велел, и увидела двадцать аккуратно уложенных новых гиней.

— Да-да, это для тебя. Я давно собирался! — еще раз повторил дядюшка Бенджи и опять вздохнул.

— Но за что? Ведь ничего такого я не сделала! — возразила Энн, протягивая ему обратно деньги.

— Не говори так! — воскликнул старик, зажмурившись. — Убери, убери их… Послушай, если

ты действительно не хочешь их принять… Нет, убери их, дорогая Энн: они принадлежат тебе, потому что ты хранительница моего секрета. Спокойной ночи. Возьми их, они твои.

Но, сделав несколько шагов к двери, он обернулся и произнес озабоченно:

— Ты же не потратишь их впустую, милая: на наряды, или ярмарочные гостинцы, или на какие-нибудь безделушки?

— Нет, конечно, — заверила его Энн. — Но, право, я бы хотела, чтобы вы взяли их.

— Нет-нет! — отказался старик и отпрянув в сторону, чтобы не видеть блеска монет, но, выйдя в коридор тут же вернулся обратно. — И ты не будешь никого ссужать этими деньгами и не положишь их в банк? Ведь в такое тревожное время ни один банк нельзя считать надежным… Я бы на твоем месте сберег их все до единой, чтобы остались целехоньки, и не стал бы их тратить ни при каких обстоятельствах. Может, мне запереть их в мою шкатулку и сохранить для тебя?

— Ну конечно, — сказала Энн, и старик мгновенно отомкнул ящик под окном, открыл шкатулку и запер в нее монеты.

— Вот это самое распрекрасное дело, — сказал он с глубоким удовлетворением, пряча ключ в

карман. — Тут они всегда останутся целы и не будут подвергать тебя соблазну.

Вскоре после ухода фермера мельник с женой спустились вниз. Они ничего не знали о его посещении, а Энн, охваченная тревогой за Боба, лишь вскользь упомянула, что заходил старик Дерримен, и ни словом не обмолвилась о шкатулке. Она бы, вероятно, не удержалась и спросила их, не знают ли они, куда девался Боб, но ей не хотелось признаваться в том, что она с ним повздорила. Она понимала теперь, что слишком долго испытывала его терпение, а горячие головы способны на отчаянные поступки и могут сделать над собой в такую минуту что-нибудь ужасное!

Все сели ужинать, часы отстукивали секунды, время летело, и мельник наконец сказал:

— Боб что-то здорово запаздывает сегодня. Где это он запропал?

И он, и его супруга поглядели на Энн, и она не могла больше молчать.

— Это я всему виной! — вскричала она. — Он убежал из дому из-за меня! Что же мне теперь делать?

Причина ссоры была ясна без слов, и супруги Лавде не стали задавать вопросов. Энн, выйдя на крыльцо, напряженно ловила каждый звук,

сердце ее тревожно билось. Постояв немного, она вернулась в дом, затем снова вышла на порог, а когда опять вернулась в дом, услышала, как мельник сказал:

— Хотел бы я знать, что там между ними произошло. Надеюсь, малый вернется все же домой.

И почти тотчас послышались легкие шаги, и Боб взбежал на крыльцо. Энн отступила в глубину темной прихожей, и когда Боб прошел мимо, последовала за ним в столовую, где ее мать и мельник стояли со свечами в руках, уже собираясь отправиться спать.

— Боюсь, вы меня заждались, — весело сказал Боб. Трагические обстоятельства его ухода из дома, казалось, совершенно выветрились у него из головы. — Но я, признаться, повстречался с Фесом Деррименом в пабе «Герцог Йоркском», и мы с ним так заигрались в гольф, что даже не заметили, как пролетело время. Вот уж который год мне все не доводилось поболтать с ним, а он, ей-богу, вовсе не плохой малый: что называется, душа нараспашку! И его здорово обижают. Я раньше ничего не знал об этой истории, а теперь вижу, что это просто стыд и срам, как скверно обходится с ним его дядюшка. Он припрятал куда-то все свои деньги, чтобы бедняга Фес не мог взять ни

фартинга, и этот несчастный влачит самое жалкое существование. Теперь он решил во что бы то ни стало разнюхать, где эти деньги. У бедняги не было ни единой монеты в кармане, пока я не одолжил ему две гинеи. Кажется, еще ни разу в жизни не делал я этого с большей охотой. Но он держался очень благородно. «Нет-нет, — сказал он, — я не хочу тебя обездоливать». Он собирается жениться, и как бы вы подумали, что его к этому побудило?

— Любовь, я надеюсь, — сказала миссис Лавде.

— Деньги, вероятно, раз он так в них нуждается, — сказал мельник.

— Нет, — сказал Боб. — Он делает это назло. Одна чертовка очень скверно с ним обошлась. В жизни не слыхал о таких бессердечных поступках. Бедняга не захотел назвать ее имени, но в общем-то эта дама надсмеялась над ним самым жестоким образом. И чего только она с ним не проделывала: столкнула в реку, пыталась украсть у него лошадь, да еще в тот момент, когда он спешил на поле боя, — короче, поступала с ним просто подло. Ну, я дал ему две гинеи и сказал: «Давай выпьем за то, чтобы эта чертовка провалилась в тартарары!»

— О! — воскликнула Энн, появляясь у него за

спиной.

Боб обернулся, увидел ее, и в ту же минуту мистер и миссис Лавде скромно ретировались в другую дверь.

— Ну как, мир? — нежно спросил Боб.

— О да! — взволнованно вырвалось у Энн. — Я… я вовсе не хочу, чтобы вы считали меня бессердечной. — Боб тотчас наклонился к ней, — Нет, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы и слегка отстраняясь от него. — Вы должны полгода вести себя примерно и пообещать, что никогда не станете пугать меня больше, убегая из дому только потому, что я… потому что я пыталась объяснить вам, как скверно вы со мной поступали.

— Я исполню все, чего бы вы ни потребовали! — вскричал Боб. — Но я прощен?

Молодость безрассудна, и какая женщина в подобную минуту послушается голоса рассудка и отдаст предпочтение более достойному, в то время как сумасбродное желание влечет ее к другому? И Энн что-то проворковала нежно, прибавив под конец:

— Вы раскаиваетесь?

Стоит ли повторять ответ Боба?

За окном послышались шаги.

— Черт побери, я совсем позабыл! — сказал

Боб. — Он же там ждет огонька, чтобы раскурить трубку.

— Кто?

— Мой друг Дерримен.

— Ах, Боб, я должна вам кое-что объяснить.

Но Фестус уже входил в прихожую, и Энн поднялась наверх, поспешно бросив на ходу:

— Отделайтесь от него как можно быстрее!

Однако Энн ждала, ждала, а Фестус, по-видимому, вовсе не склонен был откланяться; наконец, страшась, как бы неожиданно возникшая дружба между Бобом и этим человеком не привела к каким-нибудь осложнениям, она тихонько прошла в кладовую, помещавшуюся над комнатой, в которой Лавде и Фестус вели свою беседу. Посмотрев в дырку в половице, образовавшуюся от выпавшего сучка, она смогла увидеть довольно большую часть нижнего помещения, так как на потемневшие от времени балки и стропила там не был настелен потолок.

Фестус, присев на подоконник, продолжал изливать душу, повествуя о своих злоключениях.

«Если б только он знал, на чем сидит, — с ужасом подумала Энн. — Ему же ничего не стоит оторвать своими ручищами крышку вместе с замком и завладеть шкатулкой несчастного дя-

дюшки Бенджи!»

Но Фестус, по-видимому, ни о чем не догадывался, если, конечно, его поведение не было простым притворством, что тоже было вполне возможно. Вскоре он поднялся, подошел к столу и взял свечу, чтобы раскурить трубку. И в тот момент, когда пламя свечи стало засасываться в трубку, дверь бесшумно отворилась, какая-то тень скользнула к окну, открыла тайник, вынула шкатулку и начала потихоньку пятиться к двери. В этом похожем на призрак похитителе Энн тотчас узнала дядюшку Дерримена. Но не успел он шмыгнуть за порог, как Фестус поставил свечу и обернулся.

— Кто это? Никак дядюшка Бенджи! Хо-хо! Как это вы сюда попали в столь поздний час?

Старый Дерримен застыл, выпучив глаза, беззвучно открыв рот, словно лягушка на высохшем болоте.

— Что это у вас здесь такое — металлическая шкатулка? Самая знаменитая шкатулка из всех шкатулок? Давайте помогу вам ее отнести, дядюшка, я как раз собираюсь домой.

— Н-нет, н-нет, н-нет, благодарю тебя, Фестус. Она с-с-овсем не тяжелая, благодарю тебя, — заикаясь пробормотал старик эсквайр.

— Все равно я обязан вам помочь, — сказал

Фестус, хватая шкатулку.

— Боб, не позволяйте ему отнимать ее! — взвизгнула Энн сквозь дырку в полу.

— Да-да, не позволяйте ему! — закричал и старик. — Это заговор! Там под окном его ждет какая-то женщина, его сообщница!

Энн бросила взгляд в окно и увидела лицо Матильды, прижавшееся снаружи к стеклу.

Боб, еще не понимая, откуда донесся до голос Энн, тем не менее тотчас исполнил ее приказ: отобрал шкатулку и у дядюшки, и у племянника, поставил на стол рядом с собой, — и спросил:

— Послушайте, друзья, объясните мне теперь, что все это значит?

— Он хочет ограбить меня, отнять последнее, что я имею! — закричал старик. — Ой, у меня сейчас разорвется сердце!

Дверь распахнулась, и появился мельник в одной рубашке: успев довести процесс раздевания до этой ступени, он услышал шум. Боб и Фестус обернулись к нему, пытаясь объяснить, что произошло. Первым заговорил Фестус, и когда он закончил, Боб добавил:

— Я знаю только, что эта шкатулка… — Он протянул руку, чтобы для большей наглядности положить ее на крышку шкатулки, но пальцы

его не нащупали ничего, и взглянув на стол, он увидел, что шкатулка исчезла, а вместе с ней и дядюшка Бенджи.

Фестус с проклятием бросился к двери, однако, хотя ночь была светлой, старика Дерримена с его ношей нигде не было видно. На мосту к Фестусу присоединилась темная женская фигура, и они пошли дальше вместе, а за ними на некотором расстоянии следовал Боб, опасавшийся, чтобы они не причинили вреда старику, если его настигнут. Впрочем, его опасения оказались излишними: старика Дерримена с его шкатулкой и след простыл. Когда Боб вернулся домой, то нашел внизу не только отца, но и миссис Лавде и Энн, и тут ему наконец открылось имя той, что была виновницей всех злоключений Фестуса Дерримена, а также многие другие похождения этого дворянина, остававшиеся ему до той поры неизвестными. Боб поклялся, что с этой минуты не обмолвится ни единым словом с этим низким человеком, после чего все семейство удалилось на покой.

А старик Дерримен, которому в ту ночь удалось так удачно скрыться от своего преследователя, стал недосягаем для него навсегда. На заре какой-то землекоп, направляясь на работу, за-

метил старика эсквайра на лугу неподалеку от его усадьбы: он стоял, опираясь на изгородь, и, казалось, был погружен в созерцание ручейка, протекавшего по ту сторону ограды. Подойдя ближе, землекоп обратился к нему с приветствием, но дядюшка Бенджи ничего не ответил. Голова его как-то странно свешивалась на грудь, и все тело обвисло как мешок: казалось, он пребывает в стоячем положении только потому, что ему не дает упасть ограда, через которую он перекинул руки. Вскрытие трупа показало, что бедное измученное сердце дядюшки Бенджи перестало биться, не выдержав всех обрушившихся на него жизненных треволнений, а пуще всего — событий последней ночи. Высохшее тело его было легким, как скорлупа ореха, и походило на скелет цапли, замерзшей зимой на болоте.

Но металлической шкатулки возле него не оказалось. Ее искали неделю за неделей и месяц за месяцем. Обшарили мельничный пруд, облазали старые каменоломни, обыскали все близлежащие рощи, объявили награду, но все напрасно.

Только весной, когда весь дом мельника начали мыть, скрести и чистить сверху донизу, в спальне Энн сняли каминную доску, чтобы заменить выпавшие кирпичи, и там в углубле-

нии обнаружили пропавшую шкатулку фермера Дерримена.

Как она там очутилась? Над этим все немало ломали себе голову. Энн вспомнила, что в ту ночь, когда между Фестусом и его дядюшкой разыгралась сцена, свидетельницей которой ей довелось стать, она, поднявшись к себе в комнату, обнаружила на ковре следы чьих-то башмаков, а мельник вспомнил, что кто-то наследил тогда и на лестнице. Объяснение тайны, как видно, сводилось к следующему: покойный дядюшка Бенджи никуда не побежал со своей шкатулкой, а, выйдя из дома через парадную дверь, тут же, чтобы запутать след, вошел обратно в дом через черный ход, спрятал шкатулку в комнате Энн — там, где ее и обнаружили, — а затем не спеша направился домой, следуя по пятам за своим племянником и рассчитывая, должно быть, рассказать Энн на следующий день о своей проделке: намерение осталось невыполненным из-за его внезапной кончины.

Дела покойного мистера Дерримена вел кастербриджский поверенный, и Энн передала ему шкатулку из рук в руки. В шкатулке было обнаружено завещание дядюшки Бенджи: старый чудак назначал Энн своей единственной

душеприказчицей и завещал этой молодой особе все свое движимое и недвижимое имущество за исключением пяти маленьких домиков с земельными участками на одной из глухих улочек Бедмута, которые переходили в собственность его племянника Фестуса, что должно было обеспечить последнему безбедное существование, не оставляя места для транжирства. Усадьба же Оксуэлл-холл с ее решетчатыми окнами, аркадами, растрескавшимися зубчатыми стенами, грязным двором и заросшим сорняками садом вместе со всем прочим имуществом поступала во владение Энн Гарленд.

Глава 41
Джон уходит в ночь

В эти полные треволнений дни Джон Лавде почти не показывался на мельнице. После возвращения Боба под отчий кров — возвращения, которому споспешествовал сам Джон, и только он, — его миссия, казалось, была окончена.

Но как-то в полдень, в те дни, когда Энн еще не успела изменить свой жизненный уклад, согласно неожиданно изменившимся обстоятельствам, лейтенант Боб довольно стремительно вошел в комнату. Он только что вернулся из Бедмута и тут же объявил как громом пораженным членам своего семейства, что энские драгуны получили приказ присоединиться к войскам сэра Артура Уэлсли на Пиренейском полуострове.

Это известие глубоко взволновало всю семью. Все уже привыкли к тому, что Джон находится поблизости — то в лагере, то в казармах, — и позабыли даже думать о том, что он может быть отправлен на фронт; теперь же все невольно задумались над тем, почему Джон после возвращения брата стал так редко заглядывать на

мельницу. Впрочем, особенно долго предаваться раздумьям не приходилось, если они хотели устроить Джону подобающие проводы, ибо это должно было произойти в тот же вечер, поскольку полк отправлялся в поход на следующий день. Наспех приготовили прощальный ужин, и вскоре появился Джон.

Он был несколько задумчив и, быть может, чуточку более бледен, чем обычно, но ведь тут могла сказаться просто усталость, ибо ни малейших признаков уныния или печали заметно не было. Когда утром он проходил через город, с ним случилось маленькое забавное происшествие. Он шел мимо какой-то церкви, и в это время оттуда вышла свадебная процессия, и он увидел, что жених — Фестус Дерримен, а невеста — Матильда Джонсон. Заметив трубача, сей дворянин бросил на него торжествующий взгляд, Матильда же лукаво ему подмигнула, словно хотела сказать… Впрочем, бог весть, что она хотела сказать, — трубач не дал себе труда задуматься над этим и прошел мимо, оставив без ответа знак внимания, которым она его наградила.

Вскоре вслед за Джоном на мельницу стали заглядывать его друзья, желавшие тоже нанести прощальный визит. В большинстве это были те

самые люди, которые собрались здесь однажды, когда полк раскинул на взгорье лагерь, а Энн и миссис Гарленд, уступив уговорам мельника, почтили своим присутствием его веселую пирушку. Все собравшиеся здесь сегодня были воспитанные, любезные молодые люди, ибо в те дни военная профессия еще не утратила известный налет романтики, как в наше время, когда срок службы сократился, все рода войск перемешались, а баталии стали случайными и короткими; в те дни esprit de corps[2] был еще весьма силен, а долгие годы военной службы накладывали отпечаток мужественного благородства даже на рядовых солдат, делая их желанными гостями в любом доме. Гости же, собравшиеся в доме мельника, были все молодцы как на подбор.

Но в этот вечер они не могли задержаться у него так долго, как в прошлый раз, когда сошлись здесь впервые и при более веселых обстоятельствах. Вскоре наступило прощание, и теперь они уже прощались не в шутку, а всерьез, ибо на сей раз их отправляли не в казармы в Эксонбери, и все долго с чувством пожимали и трясли друг другу руки.

---

[2] Примечания: 2
Дух товарищества (*фр.*).

— А ты подойдешь попрощаться с этими беднягами? — спросил Боб Энн, которая стояла несколько в стороне и не принимала участия в этой церемонии. — Они отправляются далеко, и им было бы дорого услышать от тебя доброе напутствие.

Энн, преодолев свою застенчивость, подошла ближе, и каждый из воинов почел своим долгом, пожимая ей руку, сказать несколько любезных слов.

— Прощайте! Вспоминайте нас до тех пор, пока это будет вам приятно, и забудьте о нас, как только это воспоминание начнет вас печалить, — сказал сержант Бретт.

— Доброй ночи! Желаю вам здоровья, благополучия и долгих лет жизни, — сказал ротный старшина Уилс, получая ее руку из руки Бретта.

— Надеюсь, мы еще свидимся с вами, и, верно, вы уже будете женой какого-нибудь достойного человека, — сказал трубач Бак.

— После каждого сражения мы будем пить за ваше здоровье, — сказал седельный мастер сержант Джон, поднося ее руку к губам.

С подобными же прощальными приветствиями подошли к ней и остальные трое солдат, и каждому Энн, слегка краснея, отвечала как могла

любезно, желая им благополучного плавания, легкой победы и скорейшего возвращения.

Но увы! Храбрым воинам, которых провожала Энн, пришлось натерпеться немало: битвы и перестрелки, наступления и отступления, изнуряющие походы и болезни ожидали их впереди. Из семи воинов, получивших прощальное напутствие Энн, пять, и в том числе старший трубач Джон Лавде, были убиты в последующие два-три года, и даже кости их остались гнить в чужой земле.

Гости стали расходиться, но Джон немного задержался. Когда все уже вышли в сад и стали обмениваться последними прощальными приветствиями с мельником, миссис Лавде и Бобом, Джон подошел к Энн, которая не вышла из дома вместе со всеми.

— Я думала, что вы заглянете к нам еще разок до отъезда, Джон, — ласково сказала Энн.

— Нет, это невозможно. Прощайте!

— Джон, — сказала Энн, обеими руками сжимая его руку. — Я должна вам кое-что сказать. Вы поступили очень мудро, не потребовав от меня, чтобы я сдержала данное вам слово. Я не могла разобраться в своих чувствах. Благодарность — это еще не любовь, хотя было время, когда я

пыталась думать, что это любовь. Вы не будете считать меня безрассудной за это?

— Моя дорогая Энн! — воскликнул Джон с беспечностью, значительно превышавшей его искренность. — Вам совершенно не о чем тревожиться! Все вышло к лучшему. Что такое любовь солдата? Сегодня он здесь, а завтра там! Как знать, быть может, не пройдет и месяца, как вы услышите, что мое сердце покорила какая-нибудь испанка! Таков уж наш удел! Солдат может быть верен не дольше недели… Ха-ха-ха! Прощайте же, прощайте!

Энн не разгадала его притворства, почла, что он рассуждает очень здраво, и улыбнулась в ответ, не подозревая, что прощается с ним навсегда. А Джон, смахнув слезу, вышел из дому и распрощался с отцом, миссис Лавде и Бобом, который сказал ему напоследок:

— Все в порядке, Джон, друг мой. Я уламывал ее так долго, что за это время можно было бы завоевать сердца трех любых англичанок, пяти француженок и десяти мулаток, но сегодня наконец она согласилась через полгода стать моей женой. Итак, прощай, Джон, прощай!

Колеблющийся свет свечи, которую держал мельник, упал на лицо Джона и его мундир, когда

трубач с прощальной улыбкой обернулся назад, сбегая с крыльца, и в следующее мгновение мрак уже поглотил его, и четкий звук его шагов замер в отдалении на мосту, где он присоединился к своим товарищам по оружию, чтобы, плечом к плечу с ними, трубить в свою трубу, пока не придет его час умолкнуть навеки на обагренном кровью поле битвы в далекой Испании.